

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ПРЕДШЕСТВЕННИКИ НАУЧНОГО СОЦИАЛИЗМА
Под общей редакцией
академика В. П. ВОЛГИНА

ВИЛЬГЕЛЬМ ВЕЙТЛИНГ

ГАРАНТИИ ГАРМОНИИ И СВОБОДЫ

С ПРИЛОЖЕНИЕМ БРОШЮРЫ В. ВЕЙТЛИНГА
«ЧЕЛОВЕЧЕСТВО, КАК ОНО ЕСТЬ
И КАКИМ ОНО ДОЛЖНО БЫЛО БЫ БЫТЬ»

Перевод с немецкого *В. В. и М. М. АЛЬТМАН* с
комментариями *В. В. АЛЬТМАНА*
Вступительная статья *В. П. ВОЛГИНА*

М.-Л.: ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР. МСМЛXII

Веб-публикация: библиотека [Vive Liberta](#) и [Век
Просвещения](#), 2010

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Портрет Вильгельма Вейтлинга
Титульный лист первого издания «Гарантий гармонии и свободы»
Первое письмо Вейтлинга Марксу (18 октября 1844 г.)
Последнее письмо Вейтлинга Марксу (24 мая 1846 г.)
«Социалистические средства обмена» Вейтлинга

В. П. Волгин. Социальное учение Вейтлинга

ГАРАНТИИ ГАРМОНИИ И СВОБОДЫ

Предисловие

Раздел I. Происхождение общественных зол

Глава 1. Первобытное состояние общества

Глава 2. Происхождение движимой собственности

Глава 3. Происхождение недвижимой собственности

Глава 4. Изобретение права наследования

Глава 5. Происхождение войн

Глава 6. Происхождение рабства

Глава 7. Происхождение торговли

Глава 8. Изобретение денег

Глава 9. Начало возни с титулами

Глава 10. Солдатчина

Глава 11. Отечество, границы и языки

Глава 12. Деньги и торгашество

Глава 13. Религия я нравы

Раздел II. Мысли о реорганизации общества

Введение

Глава 1. Основы общественного строя

Глава 2. Об управлении

Глава 3. О науках

Глава 4. О выборах

Глава 5. О работах

Глава 6. Коллегии мастеров

Глава 7. О центральной коллегии мастеров

Глава 8. О Рабочих президиумах

- Глава 9. **О Трио**
Глава 10. **Коммерческие часы**
Глава 11. **Приостановка производства**
Глава 12. **Академия изящных искусств и наук или управление приятными работами**
Глава 13. **Положение женщины**
Глава 14. **О Школьной армии**
Глава 15. **Философская медицина**
Глава 16. **Преимущества коммунизма**
Глава 17. **Обзор всей системы**
Глава 18. **Возможный переходный период**
Глава 19. **Подготовка к переходному периоду**
Заключение
ПРИЛОЖЕНИЕ

Человечество, как оно есть и каким оно должно было бы быть

В. В. Альтман. Жизнь и деятельность Вильгельма Вейтлинга

Примечания

Издания произведений Вейтлинга

Литература о Вейтлинге

Указатель имен

Список иллюстраций

Материалы, близкие по тематике

[***В.Волгин. Сборник работ «Очерки истории социалистических идей с древности до конца XVIII в.»***](#)
[***В.Волгин. Сен-Симон и сенсимонизм***](#)

[***Дж.Рюде. Народные низы в истории, 1730-1848 гг. Лики толпы. Характер и поведение. Победы и***](#)

[поражения народных низов
Идеология и классовое сознание. Идеология народного протеста](#)

[История международного рабочего и национально-освободительного движения \(хронологические таблицы, сост. З.А.Замыслова: от 60-х гг. XVIII в. до 1957 г.\)
В.Волгин. Этьен Кабе](#)

[*В.Волгин. Очерки истории социалистических идей. Первая половина XIX века*](#)

В. П. Волгин

СОЦИАЛЬНОЕ УЧЕНИЕ ВЕЙТЛИНГА

I

В первые десятилетия XIX в. Германия в своем экономическом развитии значительно отставала от передовых стран того времени. В сельском хозяйстве Германии господствовали, по существу, феодальные отношения. Значительной части немецкого крестьянства лишь наполеоновская эпоха принесла освобождение от крепостного права. Новые методы обработки земли медленно проникали в германское сельское хозяйство. Индустрия в Германии была еще слабо развита, и в ней преобладали ремесло и домашняя промышленность. Централизованное капиталистическое производство едва только возникало. В те годы, когда промышленный переворот почти уже завершился в Англии, в Германии он делал свои первые шаги.

Особенности господствовавших в Германии политических порядков не могли не тор

мозить развитие германской промышленности и торговли. Германия распадалась на 38 отдельных государств, которые вплоть до конца 30-х годов были отделены одно от другого таможенными преградами и отличались друг от друга в своем законодательстве о торговле и промышленности. Только в 1834 г. потребности торговли заставили германские государства отказаться от своей хозяйственной изолированности и образовать Германский таможенный союз.

Весьма слаба была в Германии металлургия — эта основная отрасль капиталистической индустрии и движущая сила ее развития. Соответственно отставала Германия и в отношении своих путей сообщения. Приступив в 1835 г. к постройке железных дорог, Германия могла изготовлять самостоятельно в течение первых пятилетий лишь одну шестую необходимых для ее железных дорог локомотивов, а остальные вынуждена была заказывать в Англии, Франции и Бельгии.

Более развита была в первую половину XIX в. ткацкая промышленность, по преимуществу в Саксонии и Силезии. Но организация ткацкой промышленности Германии напоминала ту стадию, на которой стояла Франция более чем за полвека до того. Даже в середине 40-х годов еще почти не было механических ткацких станков. Ткацкие предприятия представляли собой сочетание централизованной мануфактуры с домашней промышленностью. К сравнительно неболь-

шим мануфактурам тяготело большое число связанных с нею ткачей-кустарей, работавших на своих собственных станках в собственных избах. Эти ткачи-кустари в подавляющем большинстве случаев не порывали своей связи с землей, с сельскохозяйственным производством. Точно таково же было положение с рабочей силой в горной промышленности. Горнорабочими были по преимуществу крестьяне, занимавшиеся горным делом как отхожим промыслом.

Недостаточное развитие капиталистической промышленности, связь рабочего класса с землей, его неорганизованность имели своим естественным следствием весьма низкий уровень жизненных условий рабочего класса. Эксплуатация рабочих достигала пределов, каких не знали в то время Англия и Франция. Основную пищу рабочих составляли почти исключительно хлеб и картофель. Внешний вид населения ткацких районов был, по словам современников, совершенно нищенским. Рабочие десятилетиями не имели возможности приобретать новую одежду и ходили в отрепьях. Преобладание рассеянной мануфактуры задерживало концентрацию рабочих в городах и понижало их способность к сопротивлению эксплуатации.

Несмотря на неорганизованность рабочего класса, нестерпимые условия его существования вызвали в середине 40-х годов стихийную реакцию. В 1844 г. силезские ткачи поднялись, разгромили ряд мануфактур и

несколько домов владельцев предприятий. Капиталисты вынуждены были от гнева ткачей бежать в города. Лишь присланным правительством войскам удалось внести в ткацкий район «успокоение». Восстание ткачей не имело определенной программы — ни политической, ни даже экономической. Несмотря на это, оно не могло не произвести потрясающего впечатления как в правительственных кругах, так и среди радикальной интеллигенции. Известно посвященное этому событию стихотворение Гейне:

Глаза их сухие не блещут слезами,
Сидят у станков и скрежешут зубами:
«Германия, саван тебе мы соткем,
В него мы тройное проклятье вплетем,
Мы ткем, мы ткем».

Коммунистические идеи имели в Германии довольно широкое распространение в период Реформации. Коммунистические тенденции, отражавшие в социальном движении XVI в. настроения и чаяния предпролетариата, мы находим в лозунгах и требованиях демократического крыла реформационного движения: в проповедях Томаса Мюнцера и Мельхиора Гофмана, в выступлениях Яна Лейденского и других вождей анабаптистов. В том же XVI в. принципы коммунизма защищал в своих работах Себастьян Франк.

В конце XVII и начале XVIII в. несомненное сочувствие идеям общественного равенства выражали такие деятели немецкого Просвещения, как Томазий и Лейбниц.

В некоторых работах Лейбница явно сказывается сочувствие коммунистическим порядкам. Коммунистические тенденции находим мы также в произведениях малоизвестных немецких утопистов XVIII в. — Фрелиха и Цигенхагена.

В конце XVIII в. большой интерес к проблемам общественной организации проявлял великий немецкий философ Фихте. Фихте безусловно находился под влиянием событий и идей французской буржуазной революции, в частности под влиянием уравнительного законодательства якобинского периода. В 1800 г. он издал своеобразный проект социального преобразования, назвав его «Замкнутое торговое государство». В его идеальном государстве хозяйственная деятельность строго регламентирована, напоминая некоторыми своими чертами хозяйство средневекового города. Фихте при этом сочувствует принципу имущественного равенства. Он против неограниченной конкуренции, против духа спекуляции. Он критически относится к частной собственности в современной ее форме. Но его уравнительство носит мелкобуржуазный характер. Его идеальное общество не знает ни принципа общественной собственности на средства производства, ни коммунистической организации труда.

Сколько-нибудь заметное влияние французских и английских коммунистических идей начала XIX в. может быть отмечено в Германии лишь с конца 20-х годов.

Одним из первых немецких писателей, на которых сказало это влияние, можно считать Людвига Галля, который был лично знаком с Фурье, некоторыми сенсимонистами и Оуэном. В произведениях, опубликованных в 1825—1828 гг., Галль выступает с критикой существующих общественных отношений. Эту критику, направленную в основном против зарождающихся капиталистических форм эксплуатации, можно назвать в этом смысле социалистической. Но требования преобразования общества на социалистических началах Галль не выдвигает. — Его социализм — социализм мелкого собственника, болезненно переживающего процесс пролетаризации, но неспособного порвать окончательно с идеализацией строя, основанного на частной собственности. Основной пункт его положительной программы — создание кооперативных объединений малоземельных крестьян и ремесленников. В организации кооперативов Галль видел средство приостановить процесс пауперизации низших классов, освободить их от власти денег, улучшить таким образом положение трудящихся без ущерба для обладателей капиталов.

В 30—40-х годах на почве нового хозяйственного подъема социалистические и коммунистические идеи получили в Германии более широкое распространение. Немецкие социалисты этого периода обычно отражают в своих произведениях известное влияние немецкой классической философии. Но для

истории социалистической мысли наиболее интересную черту их пропаганды представляет не их философская фразеология, а поставленная ими проблема возможности для германского общества миновать в своем развитии стадию капитализма.

Пропагандисты социализма знали — этому учил их опыт Англии и Франции, — что капитализм ведет к образованию пролетариата, к обезземелению крестьянства, что рост капитализма сопряжен с понижением жизненного уровня масс. Так как в Германии этот процесс не получил еще, по их мнению, своего полного развития, то для немецкого народа не исключена возможность прийти к социализму кратчайшим путем, минуя эту мрачную эпоху народных страданий. Германский капитализм, рассуждали они, не является необходимым следствием имманентного развития германской экономики. Он — искусственное порождение ложной экономической теории и ложной политики германских правительств, основанный на неправильном понимании путей развития немецкого хозяйства. Немецкий капитализм, полагали эти защитники «особого пути развития», будучи искусственным порождением ложной политики, носит хищнический характер и растет за счет разорения масс. Он сам подрывает этим возможность своего развития на основе внутреннего рынка, подрывая покупательную способность масс. С другой стороны, он не может рассчитывать на внешний рынок, на

котором он не в силах конкурировать с прочно завоеванными там позиции английскими и французскими фирмами.

Из этих положений немецкие утописты сделали тот вывод, что просвещенное общественное мнение может помешать неразумным правительствам увлечь Германию на путь капиталистического развития, сумеет без классовой борьбы направить Германию на единственно спасительный для нее путь — путь социализма. В критике господствующих экономических представлений и в пропаганде разумных экономических идей видели они основную задачу немецкой социалистической интеллигенции.

В начале 40-х годов идеями особого некапиталистического пути развития Германии вдохновлялись многие представители групп так называемых «истинных социалистов». Эти идеи защищали Карл Грюн, Отто Люнинг, в течение некоторого времени их разделял Мозес Гесс.

Немецкие утопические социалисты искренне сочувствовали тяжелому положению немецкого предпролетариата и пролетариата своего времени, искренне желали избавить его от «зол капитализма и эксплуатации». Они видели противоречие интересов между правящими и богатыми — с одной стороны, трудящимися и бедными — с другой. Но они, как и другие утописты их времени, не понимали роли пролетариата в общественном развитии, не понимали, что именно капитализм,

создавая кадры пролетариата, вместе с тем создает предпосылки для торжества социализма.

Наиболее значительный из представителей немецкого утопического коммунизма этого времени, Вильгельм Вейтлинг, родился в 1808 г. в Магдебурге. С 1828 г. началась его странническая жизнь. В качестве ремесленного подмастерья он работал в Саксонии и Вене, а в 1835 г. переехал в Париж, где существовала уже с 1834 г. связанная с «Обществом прав человека» немецкая организация под наименованием «Союз гонимых». После раскола «Союза гонимых» в 1836 г. наиболее радикальные его элементы создали новое общество «Союз справедливых». В этом обществе сильнее чувствуется влияние пролетарских элементов. Его программа проникнута идеями французского утопического коммунизма этого времени, «Союз справедливых» был связан с «Обществом времен года». По поручению «Союза» в 1838 г. Вейтлинг написал первое свое сочинение «Человечество, как оно есть и каким оно должно было бы быть». В этой книге, изданной на средства общества, чувствуется некоторое влияние Ламенне.

В 1841 г. Вейтлинг перенес свою пропагандистскую и организаторскую деятельность в Швейцарию, где среди немецкой части рабочих пользовались в то время большим влиянием совершенно чуждые коммунистической идеологии традиции «Молодой Германии».

Здесь ему удалось создать более десятка ферейнов, сочетавших пропаганду коммунизма в духе «Союза справедливых» с легальной деятельностью — с кружками самообразования, с гимнастическими обществами, общественными столовыми и т. п. Здесь же в 1841 г. он приступил к изданию журнала, а в 1842 г. опубликовал самое значительное свое произведение «Гарантии гармонии и свободы». Эта книга, дающая наиболее продуманное, наиболее разработанное изложение учения Вейтлинга, имела широкий успех. В 1843 г. Вейтлинг написал новую книгу «Евангелие бедного грешника», которая представляет собою попытку коммунистической интерпретации христианской традиции. Вейтлинг был приговорен к тюремному заключению и к изгнанию из Швейцарии.

Годы 1844—1848 — годы новых скитаний Вейтлинга (Германия, Англия, Бельгия, Америка), в 1848 г. он возвращается в Германию. В 1849 г. Вейтлинг вновь и навсегда уезжает в Америку, где принимает участие в американском рабочем движении, выдвигая ряд утопических проектов социального преобразования. Его выступления этого американского периода не привлекают к себе большого внимания и не представляют интереса для истории развития коммунистической мысли. Право Вейтлинга на место в истории социальных идей определяется исключительно его произведениями 30-х — начала 40-х годов.

В философских рассуждениях Вейтлинга, как и в учениях других утопических коммунистов его времени, немало положений, напоминающих построения социальных мыслителей XVIII в. К современному ему философским системам Вейтлинг не проявлял особого интереса. Как и теоретики XVIII в. Вейтлинг строит свою критику существующего порядка на противопоставлении этого порядка «природе», естественным законам бытия. Идею естественного закона он считает ведущей идеей своего учения об обществе.

Все, что соответствует законам природы, — благо. «В природе все хорошо и полезно. Но рай, созданный природой, превращен человеком в место страданий. Основной закон природы — движение. Из этого следует тот вывод, что незыблемым законом человеческого общества как части природы является прогресс, движущую силу которого Вейтлинг видит в росте знаний. В законе прогресса как бы концентрируются все относящиеся к обществу законы природы. Все прочие законы подчинены закону прогресса. Цель прогресса — движение человечества к идеалу, к совершенству. Постичь эту цель прогресса — значит постичь самую природу общества.

Никогда не существовало такого общественного порядка, который все признавали бы

совершенным, не подлежащим никаким изменениям. Держаться за старые порядки как за нечто священное — вредно. Учреждения являются воплощением идей. Поскольку идеи совершенствуются, должны совершенствоваться и учреждения. В последовательных изменениях общественного порядка и выражается прогресс общества. Но идеала абсолютного совершенства общество и в будущем никогда не достигнет. Такое совершенство означало бы остановку в развитии человеческого общества, конец прогресса².

Способность к совершенствованию — способность, дарованная человеку природой. Нарушение процесса совершенствования, стремление препятствовать ему является причиной множества страданий, которые с незапамятных времен поражали человечество. Со старыми привычными порядками связаны своими личными интересами сильные мира, они используют все средства для того, чтобы эти порядки сохранить. При своем возникновении все наши учреждения стремились к какому-то благу. Но по мере того как эти учреждения старели, они становились все более вредными для общества.

В основе учреждений, создаваемых человеческим обществом, независимо от того, хороши они или плохи, всегда лежит некий изначальный элемент, к которому необходимо

восходить при всяких изменениях. Этот элемент — человеческие страсти разного рода и разной силы. Для удовлетворения страстей человеку даны способности. Применением этих способностей являются механические и духовные движения человека. Способности являются естественным пределом страстей, ибо только они дают возможность их удовлетворения. С расширением границ способностей человека расширяется и диапазон его страстей, что и составляет существенную движущую силу человеческого прогресса.

Влечения, страсти играют главную роль в человеческих действиях. Великие дела творят сильные страсти. Среди человеческих страстей Вейтлинг различает три типа: страсть к знанию, страсть к приобретению и страсть к наслаждению. Страсть к приобретению удовлетворяется владением, заработной платой и т. п.; в искаженном виде — это воровство, обман, налог... Удовлетворение страсти к наслаждению называется здоровьем, благосостоянием, удовольствием, славой; в искаженном виде — это роскошь, богатство, излишество. Удовлетворение страсти к знанию называется мудростью, талантом, ученостью; в искаженном виде — это тирания, обман, ложь³. Руководящую роль в этом комплексе страстей играют влечения к знанию: нужно знать что-либо, что-

² См «Гарантии гармонии и свободы», стр 226—228.

³ См там же, стр. 229—236.

бы наслаждаться им и стремиться к его приобретению. Страсть к знанию — главная пружина общественного организма. Развитие общества всегда тесно связано с развитием идей.

Вся деятельность человека определяется его страстями и его способностями, т. е. средствами для удовлетворения его страстей. Для того чтобы страсти и способности получили должное направление, необходимо, чтобы знание получило в обществе место, которое ему предназначено природой, место руководителя всех страстей и всех способностей. Нормальное общество характеризуется гармонией и параллельным ростом страстей и способностей. Из свободы и гармонии влечений и страстей может произойти только благо; из подавления их, из борьбы с ними во имя пользы немногих, проистекает только зло. Общество должно обеспечить индивиду удовлетворение его потребностей и развитие его способностей. Общая сумма способностей и потребностей, утверждает Вейтлинг, соответствуют друг другу: необходимо обеспечить их соответствие для каждого индивида. Для современного общества характерно неравенство общественных положений. Это неравенство ведет к тому, что страсти одного обуздываются в пользу другого, что вызывает необходимость законов и наказаний.

Исходя из своей теории страстей, Вейтлинг ищет причину неравенства в том, что страсти приобретения и наслаждения востор-

жествовали в обществе над страстями знания. Для того чтобы добиться своей победы, страсти наслаждения и приобретения превратили знание в бессмыслицу и суеверие. Но силу знания нельзя сломить навсегда. Если страсти к приобретению и наслаждению искажают ее и не дают ей прямого выхода, она найдет себе косвенные пути и в конце концов прорвется и победит. Она восторжествует над жадной стяжания, бросая ему приманки в виде открытий. В качестве примера таких приманок Вейтлинг называет изобретение книгопечатания и паровой машины. Иными словами, рост знаний, являясь предпосылкой открытий, оказывается выгодным для удовлетворения страстей приобретения и наслаждения, которые в силу этого вынуждены содействовать росту знаний и, следовательно, в конце концов торжеству сил знания и восстановлению нарушенного равновесия.

Все страсти имеют естественное происхождение. Лучшая или худшая организация общества, счастье или несчастье индивидов зависят от того направления, которое дается этим страстям, от того, насколько затруднено или свободно их удовлетворение, иными словами, от организации удовлетворения страстей и деятельности способностей/ При хорошей организации общества страсть одного не должна быть подавляема в пользу другого. При естественном порядке вещей каждому должна быть предоставлена свобода удовлетворения его страстей, поскольку она

не нарушает свободу других и гармонию целого.

Деятельность способностей, применяемых для удовлетворения страсти приобретения, называется производством. Деятельность способностей всех индивидов, применяемая для удовлетворения страсти наслаждения, называется потреблением. Деятельность способностей, направляемых на удовлетворение страсти знания, т. е. на усовершенствование и облагораживание способностей других людей, есть управление. Чем выше знание, тем лучше управление. Деятельность, направляемая на развитие всех трех видов способностей, и в первую очередь знания, составляет воспитание. Оно должно быть всеобщим и добровольным.

Здоровье общественного организма — в гармонии страстей и способностей индивидов с общественным порядком. Нарушение этой гармонии — болезнь этого организма. Таким образом, при хорошей организации общества в нем не может быть ни преступлений, ни пороков, ни законов, ни наказаний, но лишь правила и целебные средства.

III

Рассуждения Вейтлинга об обществе, об его элементах и его движущих силах не лишены своеобразия. Есть известные оригинальные черты и в его опыте характеристики основных этапов исторического развития об-

щественных установлений, хотя и в ней чувствуется влияние исторических представлений XVIII в. Человек всегда стремится к расширению своих способностей, ибо такое расширение обеспечивает ему большее число предметов, удовлетворяющих его побуждения. Общество является одним из важнейших средств такого расширения способностей. В одиночестве человек слаб, соединив свои усилия, чего только люди не в состоянии сделать! Природа дала различным индивидам различные влечения. Способности отдельных индивидов также имеют своеобразие. Отдельные индивиды не в состоянии удовлетворить все свои страсти, не образовав общества. Большие преимущества, которые дает соединение способностей, являлось как бы приглашением природы создать общественную организацию.

На заре человеческой истории потребности человека, а вместе с тем и его способности были значительно ограниченнее, чем в настоящее время. Соответственно значительно слабее была его тяга к общественности. Чем больше развивались его страсти, тем больше развивалась его склонность к общественной жизни, ибо он видел в ней средство для расширения своей деятельности и своих наблюдений.

История человечества начинается, по теории Вейтлинга, с некоторого золотого века, сходного в своих основных чертах с «естественным состоянием» Мабли или Морелли.

Человечество не знает еще в это время собственности, ему чужды понятия «мое» и «твое». Редкое население легко удовлетворяет свои потребности тем, что в изобилии дает ему природа. Охота и сбор плодов являются основными способами добывания пищи. Труда, в нашем смысле слова, первобытное человечество не знает. Никто не перекладывает труд на другого, общество обеспечивает равенство всех своих членов.

Первобытные люди живут в условиях полной свободы и независимости, как в земном раю. Они счастливее нас с нашими разгороженными полями. Не изобилие, а равенство создает довольство. Постепенно человек приходит к приручению животных и к скотоводству. В обществе образуются «классы», отличающиеся один от другого профессиональными признаками. Интересы этих классов зачастую вступают в столкновение. Пастухи, естественно, стремятся обезопасить свои стада от охотников. На этой почве вырастает чувство собственности.

Сначала возникает собственность движимая. В дальнейшем, с ростом населения начинается ощущаться недостаток в плодах и пастбищах. Общество вынуждено перейти к земледелию, что толкает человека к оседлому образу жизни и к установлению земельной собственности, а вслед за тем — права наследования. Первоначально общество не почувствовало пагубных последствий присвоения земли, ибо в свободной земле не было «до-

статка. Но затем, когда все свободные земли были уже распределены на основах частной собственности, земельная собственность стала беззаконием, поскольку она закрыла доступ к земле для множества людей, в ней нуждающихся.

Развитие трудовой деятельности человека, как способа его борьбы с природой, возникновение новых видов труда — путь общества к прогрессу. Но в жизни общества вскоре наступает момент, когда частная собственность на землю становится препятствием на пути к дальнейшему прогрессу. Представления о праве собственности, возникшие при редком населении, совершенно непригодны теперь, когда плотность населения возросла в сотни раз. В настоящее время землю невозможно делить между отдельными лицами. Она не может составлять чьей-либо исключительной собственности, она — для всех. Истощение обрабатываемых участков земли, рост трудностей в добывании пищи ясно указывает на необходимость коллективной обработки земли.

Установление частной собственности ведет за собой бесконечный ряд общественных бедствий. В обществе разгорается ожесточенная борьба за обладание имуществом. Положение тех, кто оказывается в этой борьбе побежденным, кто оказывается лишенным собственности, становится все более тяжелым, их нищета передается по наследству из поколения в поколение.

Одним из последствий частной собственности и ожесточенной борьбы за имущество являются войны. Войны допустимы, по мнению Вейтлинга, как средство борьбы против неправды, но они преступны как средство борьбы за владение теми или иными предметами. Войны ведут к возникновению рабства, к распространению права собственности на людей. С другой стороны, они ведут к соединению отдельных племен в целях обороны в народы, к возникновению более крупных общественных организаций.

Вместе с рабством возникает новое отношение к труду, разделение людей на нетрудовых и рабов.

Дальнейшее развитие общества, рост потребностей в различных предметах потребления и соответственно — в различных орудиях труда, приводит с неизбежностью к разделению труда между членами общества, а разделение труда — к обмену его продуктами. Вначале люди обмениваются непосредственно продуктами своего труда, причем цена этих продуктов определяется не количеством вложенного в них труда, а избытком или недостатком предметов для удовлетворения той или иной потребности, их количеством и качеством. Обмен никем не регулируется, и обычно приводит к выгоде для одного и к убытку для другого из участников обмена. Более удачливые постепенно накапливали свои богатства и использовали их для эксплуатации менее удачливых, вынуждая их

работать на себя. Общественные антагонизмы непрерывно росли, приводя людей к взаимному обману, к непрерывным ссорам и насилиям, к воровству и разбою. Возникают законы об охране собственности, зачастую карающие одних за те самые действия, какие помогли обогащению других, возникает государственная власть.

Неудобства прямого обмена вскоре приводят к изобретению денег. Денежная система обесценивает раба и делает возможным переход к использованию наемного труда. Избыток в обществе нуждающихся и возможность в любой момент при помощи денег заставить работать, делают невыгодным для богатого содержание раба. Несмотря на то, что рабство на словах отменено, оно продолжает существовать в худшей для рабов форме. Уничтожение рабства — чистейшая комедия.

Деньги — движущая сила всей системы современного рабства. В современном обществе все стремятся к обладанию золотом, всё становится продажным. Деньги окончательно искореняют прекрасные добродетели первобытного человека. Прежнее рабство имело в основе насилие. Теперь обнищавшие рабочие сами ищут возможности надеть на себя ярмо рабства. Они продают свою молодость, свои силы, свою кровь. Их приучили считать то, что они получают взамен, их отечеством. В действительности, то, что называют отечеством рабочего, является лишь совокупностью всех собственников и всей собственности

страны, где он родился и где ни он, ни равные ему ничем не владеют⁴.

С тех пор как установилась денежная система, все сделалось предметом купли-продажи. Женщин более не похищают, но они сами продают себя, свою красоту за деньги.

Без денежной системы не было бы и десятой доли существующих несчастий. Она во много раз увеличивает общественное неравенство. Она подчиняет все человеческие стремления жажде золота. «Властелин и разбойник, купец и вор, адвокат и мошенник, священник и шарлатан — все кричат: денег, денег!».

Рассматриваемая в целом история человечества представляется Вейтлингу несомненным отходом от естественных законов. Всемирная история, говорит он, есть не что иное, как длинная история о разбойниках, в которой честные люди во все времена оказывались обманутыми.

При частной собственности успехи человека в борьбе с природой не обеспечивают благосостояния всех и установления справедливости. В обществе устанавливается неравенство как в труде, так и в пользовании благами. Процесс техники лишь обостряет это неравенство. Собственность мешает использовать полностью усовершенствования техники, устраняя людей от пользования ими.

Законы собственности явным образом противоречат естественному закону и евангельскому завету любви к ближнему⁵.

Гармония между развитием знания и ростом довольства нарушается. Наука и просвещение не в силах преодолеть царящие в обществе жестокость и варварство. Цивилизация дает довольство немногим бездельникам, взваливая на многих бремя труда.

— Вы работаете денно и нощно, производя необходимые для общества блага,— обращается Вейтлинг к беднякам.— Склады и магазины переполнены благами, отнятыми у природы вашим трудом. И в то же время большинство лишено самого необходимого. На долю тех, кто все производит, приходится меньше всего. Сильные мира живут за счет того, что они отнимают у бедных. Удобства, которые цивилизация несет немногим, не могут искупить зло неравенства⁶.

Общественное зло прочно укоренилось. Его нельзя устранить мелкими подачками. Люди не могут быть счастливы, пока в обществе есть привилегированные и угнетенные. При существующем порядке одна часть общества изощряется в мастерстве извлекать из несчастий других мед для своей услады. Тиранам нелегко от этого отказаться. Но такое положение не может не вызывать у бедняков отчаяния и озлобления. Недовольство

⁵ Там же, глава третья.

⁶ «Человечество, как оно есть и каким оно должно было бы быть», стр. 442.

⁴ «Гарантии гармонии и свободы», раздел первый, глава восьмая.

и ропот бедняков представляют постоянную угрозу для богатых, для их понятия собственности, для их денежной системы, для общественного строя в целом. Отчаяние бедных — это медленно действующий яд, постепенно разрушающий организм⁷.

Вейтлинг не раз возвращается к проблеме классового деления общества. Для характеристики общественных классов он пользуется весьма разнообразными терминами: наиболее часто он говорит о классах богатых и бедных. Следует, однако, подчеркнуть, что Вейтлинг основную грань между классами проводит иногда, подобно Сен-Симону, не между рабочими и предпринимателями, а между рабочими и предпринимателями — с одной стороны, и капиталистами — с другой.

Вейтлинг понимает, что классовые противоречия растут в обществе с ростом торговли и производства. Ему представляется совершенно бесспорным, что с развитием хозяйства растут все пороки существующего общества. Он резко осуждает современную торговлю и порождаемые ею паразитизм и спекуляцию. Он разоблачает неорганизованность существующей формы производства, при которой появление новых машин вызывает безработицу и ухудшает положение тех, кто находит для себя работу. Все тяжелые последствия хозяйственного роста как бы освяща-

ются денежным фетишизмом, поддерживаются и охраняются государством. Государство всегда служит защитником интересов богатых.

Защите тех же интересов служит также идея патриотизма.— Отечество, говорит Вейтлинг, существует для собственников. Слово «Отечество» равносильно слову «собственность». Кто ничего не имеет, у того нет отечества. У бедных нет собственности, которую у них мог бы отнять внешний враг: у него все уже отнял враг внутренний. При существующих условиях любовь к отечеству есть лишь средство превратить массу в слепое орудие в руках собственников. Это — ложь, заглушающая любовь к человечеству. Бедняки должны собраться под общечеловеческим знаменем. Они не могут считать своими соотечественниками тех, кто их поработил и отнял их землю. Нашим угнетателям чужды наши обычаи и становится чуждым даже наш язык. У нас будет отечество, когда мы от них освободимся, когда мы вышвырнем из его пределов этих людей. Сейчас для нас нет никакого смысла защищать их благосостояние и нашу нищету, которые они именуют нашим отечеством. Сейчас их крики «Отечество в опасности!» прикрывают лишь опасность для собственности.

Правящие, чтобы превратить массы в послушное орудие для защиты отечества, используют все ее предрассудки, все нездоровые страсти. Такой машиной будет легко распо-

⁷ См. «Гарантии гармонии и свободы», раздел первый, глава восьмая.

ряться. Тогда составляющие ее люди с легкостью пойдут против так называемого внешнего врага, который и сам составляет такую же безвольную машину, состоящую из таких же тружеников. А в это время правящие, бросая в огонь войны людей и богатства своих стран, сами прячутся за спиной своих армий.

— Мы знаем,— продолжает Вейтлинг,— что нашего врага так же надувают его господа, как нас надувают наши. Пока в обществе царит неравенство, пока оно состоит из слуг и господ, для народов безразлично, кто ими правит: Наполеон, Фридрих-Вильгельм или Николай. Чужой вор менее опасен для них, чем вор свой собственный. Врага, освященного привычкой, прогнать труднее. Народу стоит бороться и умирать лишь за такое отечество, которое будет заботиться об интересах всего народа.

Тем же целям одурачивания я подчинения бедноты служат, по мнению Вейтлинга, и религиозные идеи — идеи потустороннего мира и отказа от земных благ. Проповедуя эти идеи, попы служат интересам богатых, действуя заодно с жандармами и шпиками. Все их усилия направлены к тому, чтобы закрепить за одними радости жизни, за другими — земные страдания, за одними — традицию собственности, за другими — традицию преступности.

Существующие в обществе нравы также служат опорой для тирании. Они учат счи-

тать честными людьми тех, кто послушно следует по путям, указанным начальством. Тех, кто ищет собственного пути, они учат считать безнравственными. Но это стремление закрепить то, что освящено традицией, препятствует прогрессу; оно является надежной основой тирании, неравенства и привилегий.

IV

Для того чтобы устранить тиранию и неравенство, необходимо разрушить старое общественное здание и построить вместо него новое, отвечающее интересам всех. Вейтлинг не считает возможным нарисовать заранее детально разработанный общий план универсально применимой коммунистической системы. Лучшую книгу, говорит он, нам придется, вероятно, написать своею кровью. Исходя из этих положений, Вейтлинг призывает к единению сторонников различных течений коммунизма. Однако, несмотря на этот отказ от детальной разработки плана коммунистического строительства, Вейтлинг дает в своих произведениях немало положений, характеризующих его представления о принципиальных основах и об отдельных сторонах будущего общества. Эти положения логически связаны с его теорией страстей. Будущее идеальное общество Вейтлинг именует Великим семейным союзом. Основным признаком здоровой общественной организации он считает соответствие общественного порядка

страстям и способностям составляющих общество индивидов⁸.

Наилучшей организацией общества является такая, которая обеспечивает гармоническое сочетание способностей его членов и удовлетворение их потребностей, такая, в которой гармония целого не нарушает свободу индивидов.

Способности всегда создают столько предметов потребления, сколько их нужно для удовлетворения побуждений всех. Но хотя таким образом между страстями и средствами их удовлетворения существует в обществе прекрасная гармония, такого равновесия нет в жизни отдельного индивида. Его необходимо обеспечить посредством разумной общественной организации, основанной на принципах общности и равенства.

Вейтлинг считает, что попытки организации строя, основанного на общности имуществ, уже имели место в истории человечества, что разумные и благожелательные люди не раз проповедовали необходимость такого строя. Общность имуществ была необходимым условием вступления верующих в первоначальную христианскую общину. Строй общности господствовал в ней, по мнению Вейтлинга, около 300 лет. Пагубные последствия для духа христианской общности имело, по мнению Вейтлинга, превращение христианства в господствующую церковь при им-

ператоре Константине. С этого времени начинается помрачение заветов Христа, ночь христианства, выделение и возвеличение папской церкви, порча нравов среди верующих⁹.

Строй общности был известен так же, по мнению Вейтлинга, древнему миру. Спарта, утверждает он, жила в условиях общности 500 лет. Но спартанское общество основывалось на рабском труде, оно не знало великого принципа: кто не работает—не должен есть, и этот порок привел его в конце концов к гибели. В Германии в XVI столетии общность проповедовал Томас Мюнцер. Он приобрел множество сторонников, но ему не удалось осуществить принцип общности, так как он возлагал слишком большие надежды на помощь божью и недостаточно обращал внимание на землю, на силу меча. Если бы Лютер не стал на сторону тирании знатных, если бы реформация шла рука об руку с крестьянской войной, то дело народа победило бы уже тогда.

Для руководства общественной организацией, основанной на общности и равенстве, непригодны ни королевская власть, ни диктатура, ни большинство голосов. Все эти формы правления образуются и руководствуются личными интересами. Диктатуру можно допустить только для переходного периода, ибо в период постройки нового общества нужна

⁸ «Гарантии гармонии и свободы», раздел второй, глава первая.

⁹ «Человечество, как оно есть и каким оно должно было бы быть», стр. 457.

твердая власть, чтобы охранять его основы и чтобы помешать богатым ему вредить.

Цель управления — организация влечений и способностей, равномерное распределение трудов и наслаждений. Правители для достижения этой цели должны руководить обществом к выгоде всех в соответствии с законами природы, не повелевать, а давать направление, необходимое для обеспечения благосостояния и гармонии. Существующие правительства руководствуются исключительно корыстными побуждениями, совершенно пренебрегают задачей целесообразного направления влечений и способностей граждан; отказываясь воздействовать на граждан средствами, которые дает наука, они пользуются грубыми средствами наград и наказаний, в их интересах сохранять старое, придерживаться традиций прошлого.

Детальное изображение системы управления будущего общества Вейтлинг дает в «Гарантиях гармонии и свободы». Как мы уже знаем, ведущую роль в деле руководства обществом Вейтлинг отводит науке. Однако не все науки имеют положительное значение: вредна, например, архаическая юриспруденция, полезна философия, гармонизирующая все науки и являющаяся рулем управления. Под ее руководством находятся три отрасли науки: философская медицина, физика и механика. В соответствии с этой классификацией наук верховный орган управления Семейного союза состоит из трех лиц: медика,

физика и механика. Этот орган носит у Вейтлинга название Трио¹⁰. Философская медицина — важнейшая наука будущего, поскольку она охватывает все проявления физической и духовной жизни человека; ее задача — организация желаний и способностей индивида. Физика занимается изучением явлений природы и их использованием для блага людей; под ее ведением находятся сельское хозяйство и разные отрасли промышленности, производство и хранение их продуктов. Механика руководит созданием и использованием машин. Центральное место в круге ее ведения занимает изобретение новых машин и их применение на практике.

Трио избирается советом лиц, занимающих в Семейном союзе высшие должности. Этот совет Вейтлинг именует Центральной коллегией мастеров. На местах, в отдельных округах и городах, руководящими органами являются местные Коллегии мастеров. Они объединяют способнейших в данной местности граждан. Каждая из них состоит из двух отделений: мужской и женской коллегии. Каждая Коллегия мастеров избирает из числа руководителей отдельных предприятий Рабочий президиум (Werksvortand). Рабочий президиум, избираемый Центральной коллегией мастеров, именуется Большим рабочим президиумом. Рабочие президиумы являются как бы исполнительными комитетами Коллегии

¹⁰ «Гарантии гармонии и свободы», стр. 277—279.

мастеров, они распределяют между гражданами работу. Из членов Коллегий мастеров составляются отборочные комиссии во время выборов и руководители отдельных производств.

При Коллегиях мастеров состоят также Академии. Академии способствуют изысканию новых и более совершенных способов удовлетворения страстей членов общества, содействуют развитию искусств и новых отраслей промышленности. Они заведуют производствами, служащими удовлетворению влечений к приятному. В их ведении находится подготовка лиц, которые несут обязанности воспитания наиболее ценных способностей. При Академиях состоят мастерские для производства предметов искусства.

Наряду с перечисленными учреждениями в системе управления, при Рабочих президиумах, существуют еще комиссии здравоохранения, возглавляемые Общим советом здравоохранения. Общий совет здравоохранения, как и Большой рабочий президиум, выполняет при Трио функции министерств. Как увидим ниже, органы здравоохранения имеют в системе Вейтлинга весьма большое значение, поскольку в изображаемом им обществе будущего всякое отклонение от нормы, являющееся в настоящее время преступлением, квалифицируется как болезнь, и соответственно ведет за собою не наказание, а лечение¹¹.

¹¹ «Гарантии гармонии и свободы», раздел второй, главы шестая — девятая.

Законы в Семейном союзе, рассуждает он, это по существу правила сохранения здоровья. Тех, кто законам противодействует, нужно поэтому рассматривать как больных, поскольку они нарушают гармонию способностей и страстей. Таких людей следует лечить, но не наказывать. Их лечение производится в благоустроенных госпиталях, из которых выпускают лишь тех, кто пройдет испытания, доказывающие, что они уже излечились. неизлечимых больных изолируют от общества. Следует отметить, что в период революционной борьбы Вейтлинг считает возможным применять к людям, вредным для нового общества по своим настроениям, более суровые меры «лечения». Таких людей, по его мнению, должны высылать на театры военных действий, где применяются военные законы¹². Кто не желает добровольно подвергнуться госпитализации, тех принуждают к этому лишением работы, пищи и жилья. Такая система «лечения» не требует, по мнению Вейтлинга, ни полицейских, ни жандармов.

Все руководящие должностные лица в Семейном союзе избираются обществом. Но предлагаемая Вейтлингом система выборов весьма своеобразна. Демократия, говорит он, не в состоянии обеспечить выбор наиболее талантливых людей, «многоголовое управление» имеет свои недостатки. Народоправство — пристойный обман. Оно много

¹² «Гарантии гармонии и свободы», стр. 417.

обещает, но мало дает. Конечно, установление общности и равного распределения благ в известной мере защищает от злоупотреблений при выборах, но система всеобщего голосования не устраняет возможности пристрастного и некомпетентного голосования. Идеальным способом выборов Вейтлинг считает конкурс. Управлять должны те, кто отличается наибольшими способностями. Конкурс, проводимый на основе специально поставленных вопросов — наилучший метод выявления способнейших.

Вопросы, подлежащие решению на конкурсных испытаниях, ставятся Академиями, и должны быть связаны с основными практическими задачами, которые стоят в настоящее время перед обществом. Академии же определяют, какие решения являются наилучшими, и выдвигают их авторов как способнейших на ту или иную должность, имея при этом в виду, что лица, занимающие ответственные посты, должны непосредственно руководить работой, а не только отдавать приказы. Таким образом, избрание зависит не от большинства, а от коллегии наиболее компетентных в данной области лиц: только дарование способно оценить дарование. Предлагаемая система выборов, кроме преимуществ, которые дает компетентность избирателей, имеет еще то достоинство, что она устраняет возможность проявления личных пристрастий. Срок, на который избираются те или иные должностные лица, не опреде-

ляется заранее, он зависит от выявления новых, более способных кандидатов. Таким образом, каждые выборы обеспечивают господство знания и содействуют прогрессу общества.

Рассматриваемый в целом, отобранный при помощи системы конкурсов персонал управления составляет иерархию способностей. Общественное мнение неизбежно дает каждому одаренному гражданину должную оценку и предоставит ему в конце концов то место в обществе, на котором он может быть наиболее полезен. Но это возвышение человека, по мнению Вейтлинга, отнюдь не может служить основанием для того, чтобы этот человек возомнил себя господином, имеющим право на лучшую жизнь, чем простые граждане. Сохранение за правящими каких-либо преимуществ, кроме общественного уважения, было бы равносильно продолжению царящих ныне несправедливости и неравенства¹³.

В Семейном союзе весьма своеобразно построена организация труда. Общественное производство, взятое в целом, изготавливает такое количество продуктов, которое достаточно для удовлетворения потребностей всех членов общества. Но в этом общественном производстве Вейтлинг различает два различных направления: работы, обеспечиваю-

«Человечество, как оно есть и каким оно должно было бы быть», стр. 456.

щие удовлетворение потребности в необходимом и полезном, и работы, обеспечивающие удовлетворение потребностей людей в приятном. Работы первого рода организуются на основе общественного труда, обязательного для всех граждан. Вейтлинг предполагает, что количество этого обязательного труда будет определяться в каждом отдельном случае Трио, но не будет превышать шести часов в сутки, причем в течение этих шести часов каждый гражданин сможет, как и в фаланге Фурье, переходить от одного вида труда к другому, посвящая каждому по два часа. Вейтлинг считает, что в дальнейшем рабочий день может быть еще более сокращен. В возмещение этого труда каждому гражданину обеспечивается удовлетворение тех его потребностей, удовлетворение которых, по природе человека, является необходимостью.

Вейтлинг, однако, считает необходимые предупредить, что сразу после революции удовлетворить потребности всех граждан будет невозможно. Это станут возможные только с резким ростом производства, после того как общество вовлечет в оборот все небрабатуемые земли, построит каналы и железные дороги, построит новые фабрики и снабдит их оборудованием¹⁴.

К кругу обязательных работ относятся, по мнению Вейтлинга, работы, связанные с

прогрессом полезных знаний, работы, относящиеся к здравоохранению и воспитанию юношества, работы по обмену продуктов, по изготовлению пищи, одежды, жилищ членов общества. Удовлетворение потребности в приятном обеспечивается дополнительными часами работы, которые добровольно берутся на себя гражданами в количестве, отвечающем этим их потребностям. Эти часы работы Вейтлинг именуется коммерческими часами. Заработок за коммерческие часы используется для приобретения предметов, удовлетворяющих влечение к приятному, для развлечений, путешествий и т. п. Количество этих «приятных» предметов, измеряемое в рабочих часах, должно соответствовать количеству затраченных на них коммерческих часов.

Каждый трудящийся имеет право замены одной работы другой отрезками по 2 часа рабочего времени. Старикам и инвалидам предоставляются работы в наиболее легких производствах. Часы, превышающие нормы, в тех случаях, когда они необходимы по характеру производства, зачисляются в коммерческие часы.

Система коммерческих часов обеспечивает общественную гармонию при сохранении в то же время свободы каждого. Система, признает Вейтлинг, не отвечает требованиям арифметического равенства, но арифметическое равенство вело бы к нарушению законов гармонии. Общеобязательный труд для

¹⁴ «Гарантии гармонии и свободы», стр. 394—395.

общества необходим. Для того чтобы обеспечить снабжение продуктами необходимости всех, приходится определить обязательное рабочее время каждого. Но удовлетворение потребности в приятном по природе необходимо. Поэтому необязательна и работа для их удовлетворения. Чем больше у индивида потребности в приятном, тем больше он дает коммерческих часов работы; если у него нет таких потребностей, он может от коммерческих часов вовсе отказаться, может перечислить их, если они у него имеются, в разряд обязательных часов. Коммерческие часы начисляются также должностным лицам за выполняемую ими общественную работу.

В связи с этим рассуждением о значении коммерческих часов Вейтлинг ставит вопрос о ценности продуктов. При этом, по-видимому, он имеет в виду ценность продуктов вообще, а не только ценность тех продуктов, которые предоставляются трудящемуся за счет его коммерческих часов.

Ценность продуктов, говорит он, определяется числом рабочих часов, затрачиваемых на их изготовление. В рабочих часах определяется также стоимость используемых материалов. В соответствии с этим Вейтлинг предполагает, что в Семейном союзе сохраняются денежные знаки, выражающие определенное количество часов труда и носящие изображение орудий труда. Однако цена предмета не всегда соответствует его трудовой ценности. Она колеблется в зависимости

от редкости материала и от колебаний спроса. Цену продуктов определяют, исходя из всех этих данных, Академии.

Каждый член Великого семейного союза имеет свою коммерческую книжку, выдаваемую ему Академией. В коммерческой книжке регистрируются как коммерческие часы, так и часы обязательной работы. Коммерческая книжка указывает при этом те отрасли производства и те мастерские, в которых владелец работает. В той же книжке отмечаются местожительство, время начала работы и ухода с нее, все изменения места жительства и места питания индивида, указывается, какие предметы, удовлетворяющие потребности в приятном, гражданин получает (для длительных удовольствий допускается абонемент). Таким образом, коммерческая книжка служит как бы паспортом гражданина.

Несмотря на наличие централизованного руководства производством, несмотря на гармонию между производством и потреблением, Вейтлинг считает возможными разрывы между количеством произведенных продуктов и спросом на них. В таких случаях руководство снимает в подобного рода производствах коммерческие часы и снижает число обязательных часов до двух или на время закрывает такого рода мастерские. Такие ограничения или приостановки производства Вейтлинг именует *Geschäftssperre*. В зависимости от условий ограничения производства могут носить как общий, так и местный характер.

Вейтлинг весьма последовательный сторонник равноправия женщин. Но стремление его установить полное равноправие полов приводит его к весьма странному построению двух параллельных обществ — мужского и женского. Каждое из них имеет свои Коллегии мастеров, Рабочие президиумы, Академии; каждое, в пределах своей компетенции, устанавливает коммерческие часы, каждое проводит, в случае надобности, временную приостановку работ. Как эти параллельные организации связаны друг с другом — весьма неясно¹⁵. О том, что они не полностью оторваны одно от другого, говорит указание Вейтлинга на возможность, в случае отсутствия подходящих кандидатов-женщин на руководящие посты в женском обществе, на эти посты избирать мужчин. Возможно, что обе системы связаны единым руководством Трио: о женском Трио Вейтлинг не упоминает.

Большое внимание обращает общество на организацию системы образования. Обучение граждан всем необходимым работам производится в Школьной армии (Schularmee). Учителя и учительницы — члены Коллегий мастеров и Академий. Построение Школьной армии копирует структуру общества в целом. В ней имеются мужской и женский разделы, свои Коллегии мастеров и Академии, свои коммерческие часы и т. д. Воспи-

таявая страсти учащихся, школьная армия выдвигает на первое место страсти знания. Наряду с научными истинами учащимся преподаются истины религиозные, однако не в тех формах, которые характерны для отдельных вероисповеданий: в совершенном обществе нет государственной религии, признаются лишь те религиозные истины, которые общи для всех вероисповеданий. По окончании обучения способнейших направляют в университеты. Учебные часы в университетах в таких случаях приравниваются к рабочим часам. Все прочие по выходе из Школьной армии должны сдать испытания, без которых они не могут получить прав гражданства. Если они хотят продолжать обучение, они могут в свободное от работы время слушать лекции в университетах, если часы их занятий не отнесены, как мы указывали выше, к рабочим¹⁶.

Печатание книг, отвечающих потребностям в полезном и необходимом (следовательно, в первую очередь научных), разрешается Трио, печатание книг, имеющих в виду приятное — Академиями. Автор признанного полезным произведения вознаграждается определенным количеством коммерческих часов.

Установление общности имущества, устранение всех систем эксплуатации, полагает Вейтлинг, приведет к колоссальным резуль-

¹⁵ «Гарантии гармонии и свободы», раздел второй, глава тринадцатая.

¹⁶ «Гарантии гармонии и свободы», стр. 270—272, 328—330.

татам в области науки и искусств: человечество тогда достигнет большой высоты научного знания, каждый будет иметь все условия, чтобы получать познания в соответствии со своими склонностями, чего теперь лишены 99 человек из 100¹⁷.

Когда общество конструируется согласно закону прогресса, когда в нем будут господствовать равенство и общность, когда руководящей силой в нем будет знание, а непосредственно управлять им будут способнейшие, — тогда господству личных интересов будет положен конец. Общность трудов и благ обеспечит общее благополучие. Если система коммерческих часов и представляется некоторым отклонением от принципов коммунизма, то в дальнейшем, полагает Вейтлинг, с полным торжеством разума, это отклонение будет устранено, поскольку влечения к приятному полностью сольются с влечениями к полезному. Вместе с коммерческими часами исчезнут в обществе и остатки денежной системы.

Высшим пунктом развития общества Вейтлингу представляется общество всечеловеческое, объединяющее в гармоническое целое все народы земли, не взирая на сохраняющиеся различия их языков и нравов¹⁸. До-

стигнув этой высоты, человечество забудет о разделяющих его границах, откажется навсегда от войн и от армий¹⁹.

V

Зло существующего общества укоренилось очень прочно. Невозможно, по мнению Вейтлинга, устранить его «частными подачками». Необходимо построить общество заново, на новых началах. Исходя из этого положения, Вейтлинг уделяет мало внимания проектам устранения общественных бедствий посредством отдельных реформ. При сохранении существующей системы они неспособны привести к значительным результатам.

Некоторые предлагают, говорит он, как средство для исцеления общества, реформу

¹⁹ Характеристика основных черт будущего социального и политического порядка дана в тексте по «Гарантиям гармонии и свободы»; в более раннем «Человечестве, как оно есть» будущая общественная система изображена значительно более сжато и представляется более простой. Важным отличием «Человечества» в этом отношении является существование в нем двух различных организаций управления: семейной, которой руководят старики и которая ведает потреблением, и деловой, или рабочей, которой руководят старосты и мастера, образующие сельскохозяйственные и промышленные советы. Интересно также существование в пределах рабочей организации особых промышленных армий, в которые входят все юноши от 15 до 18 лет и которые выполняют общественные работы большого масштаба: проведение дорог и каналов, постройка мостов, горные, мелиоративные работы и т. д. (см. «Человечество, как оно есть и каким оно должно было бы быть», стр. 469–470).

¹⁷ «Человечество, как оно есть...», стр. 456.

¹⁸ «Гарантии гармонии и свободы», раздел первый, глава одиннадцатая.

податной системы, понижение налогов на предметы необходимости и повышение их — на приятные. Но при денежной системе это ни к чему не приведет, так как, пользуясь ею, богатые любой налог переложат на бедных. Из всех проектов налоговой реформы революционный характер носит, по мнению Вейтлинга, лишь проект налога на имущество, поскольку его цель состоит в том, чтобы большие состояния разбить на малые, а мелкие состояния увеличить и распространить. Но такое преобразование само по себе предполагает победу революции. Другие видят спасение во всеобщем избирательном праве и в установлении свободы печати. И то и другое, само по себе, должно быть признано желательным. Но равная для всех свобода печати при сохранении существующей денежной системы невозможна. Также невозможна при этой системе и свобода выборов. Голосование при существующем порядке зачастую вырождается в пустую комедию.

Интересно отношение Вейтлинга к широко распространенным в его время проектам ассоциации. Он считает, что термин «ассоциация» может быть истолкован и действительно толкуется различными мыслителями по-разному. Основное значение слова «ассоциация» таково: ассоциация есть соединение индивидов, добровольное или принудительное, для некоторой общей цели. Она может служить интересам одного, интересам нескольких, или интересам всех. В этом смысле

ассоциацией можно считать и соединение солдат в казарме и соединение рабочих на капиталистическом предприятии. Революционным средством ассоциация может считаться лишь тогда, когда она служит интересам всех. Но и в этом случае она лишь частично уничтожает то зло, от которого страдает человечество. Она не может служить средством искоренения всех его бед. Ассоциация представляет лишь формальную сторону новой общественной организации, она не составляет ее души, ее основного принципа. Ассоциация вполне возможна без признания естественно-го равенства всех. Создание ассоциации еще не может само по себе привести к осуществлению нового общества, не может поднять общественную организацию на должную «научную» высоту.

Как пример ассоциации, не обеспечивающей блага самого бедного класса и потому не соответствующей принципам нового общества, Вейтлинг приводит фалангу Фурье. В системе Фурье, говорит он, сохраняются три различных класса с различными интересами. Основной недостаток фурьеризма в том, что Фурье стремится привлечь в свою фалангу купцов, денежных людей. Между тем интересы денежных людей несовместимы с требованиями общественного равенства. Хорошей революционной ассоциацией следует, по мнению Вейтлинга, считать такую, которая открыта для всех, желающих в нее вступить, в которой все члены пользуются совершенным

равенством, которая обеспечивает гражданам более приятную и счастливую жизнь, чем жизнь вне ассоциации.

Как мы видим, все рассуждения о частных реформах приводят в конце концов Вейтлинга к необходимости полного всеобъемлющего преобразования существующего общества. Здесь у него, по-видимому, нет колебаний. Менее четки и менее последовательны его представления о том, на каких путях возможно достигнуть такого целостного преобразования. В этом вопросе он всегда проявлял шатания.

— Скажем прямо,— говорил он в «Гарантиях»,— нам нужна революция. Будет ли она осуществлена духовным воздействием, или потребуются применение грубой физической силы,— это покажет будущее: мы должны пропагандировать наши принципы, будучи готовы и к тому, и к другому²⁰. Как будто Вейтлинг отдает здесь предпочтение мирному пути преобразования.— Наш принцип, говорит он, будет осуществлен сам собою на прогрессивных путях просвещения. — Но вслед за этим рационалистическим заявлением Вейтлинг вспоминает, очевидно, о реальных общественных противоречиях. На этих путях, заявляет он, может быть достигнуто все, кроме того, что затрагивает интересы тех, кто имеет деньги. Где слыхано, чтобы они прислушивались к голосу разума? На протяже-

нии всей человеческой истории победу новым идеям и новым учреждениям всегда давали войны и революции. Чем дольше будет сохраняться нынешнее состояние беспорядка, тем более жестоко будет сопротивление богатых, тем более решительно народ отвергнет реформу и тем более жестокой будет революция.

Вейтлинг считает необходимым готовить народ к такой революции. Он указывает на то, что вечное повторение призывов к миру притупляет мужество и пыл народа. Он понимает, что подготавливающих эту революцию борцов за правду ждут жестокие преследования, а иногда и гибель. Но в ряды борцов за правду, продолжает он, будут вступать все новые и новые силы, люди, которые, жертвуя своим благополучием и даже жизнью, поднимут мужество малочисленных и доведут дело до победы, до установления строя гармонии и свободы. Из двух путей к цели — широкого и узкого — широкий заказан нам произволом и эгоизмом. Мы вынуждены идти узким путем, на котором нас ждет множество опасностей и который требует от нас твердости. Мы дождемся часа освобождения, который превратит,— восклицает Вейтлинг,— земную жизнь в рай, а все человечество — в единую семью²¹.

Надо думать, что в конце 30-х и начале 40-х годов Вейтлинг испытывал весьма зна-

²⁰ «Гарантии гармонии и свободы», стр. 386 и след.

²¹ «Гарантии гармонии и свободы», стр. 149—150.

чительное влияние со стороны революционно настроенных рабочих, входивших в состав «Союза справедливых». Но и в этот период понятие социальной революции у Вейтлинга весьма расплывчато. Хотя он заявляет (вслед за Сен-Симоном), что он выступает от имени беднейшего и самого многочисленного класса, мы не находим у него ясного представления о классовой структуре общества, о значении классовой борьбы пролетариата, роста его организованности и сознательности.

С революционным призывом он обращается к бедным и обездоленным вообще, особые надежды возлагая на люмпен-пролетариат. Человечество, по его мнению, всегда готово к революции, стимулом которой является рост нищеты и отчаяния.

Он ждет приближения новой всеевропейской революционной бури, целью которой может быть лишь осуществление принципов коммунизма: было бы бессмысленно проливать кровь за то, чтобы сменить одних грабителей другими. Но революция принимает в рассуждениях Вейтлинга характер бунта, стихийного бунта неорганизованных угнетенных масс. Успехи пролетариата на путях его классовой борьбы, рост его организованности оцениваются иногда Вейтлингом как явления отрицательного порядка, понижающие его революционный пафос, а в некоторых случаях и отклоняющие его с пути революции. Борьба рабочего класса за его политические права

и за улучшение его материального положения в рамках существующего строя Вейтлинга мало интересует, а порой вызывает с его стороны даже осуждение. Так, он резко отвергает борьбу за рабочее законодательство, которое считает вредной для рабочих подачкой буржуазии. Экономические стачки, по его мнению, бесполезны даже тогда, когда они как будто достигают своей цели. Лишь политические забастовки рабочих он допускает как одно из средств революционной борьбы.

Иногда Вейтлинг выдвигает фантастические планы социального переворота, совершаемого 20—40-тысячной армией люмпен-пролетариев. Иногда он представляет себе революцию как партизанскую войну против существующего общества, усматривая акты такой войны в террористических убийствах и грабежах. В связи с этим он требует радикального пересмотра существующего кодекса морали, защищающего собственность, замены старой морали новой, революционной моралью. Даже Христос, по мнению Вейтлинга, не отказывался от такой морали.

Революционная борьба в его представлениях носит анархический характер. Но Вейтлинг, как мы уже знаем, понимает в то же время, что для организации нового общественного порядка необходима революционная диктатура. Диктатура должна, опираясь на вооруженные массы, провести экспроприацию богатых. Вейтлинг склоняется, однако, к той мысли, что экспроприация не должна быть

сразу распространена на все имущества. В первую очередь должны быть конфискованы владения эмигрантов, неиспользованные земли, церковные земли. В дальнейшем имущества будут постепенно переходить к государству вследствие отмены права наследования. Иногда Вейтлинг уточняет свою мысль, заявляя, что богатым право на их излишки должно быть сохранено пожизненно.

Решения об осуществлении принципов коммунизма в производстве, о переходе от индивидуального производства к общинному будут приниматься в каждом округе или городе голосованием граждан, причем там, где за общность выскажется не менее 3/4 голосов, переход от индивидуального производства к общинному будет обязательным. Вейтлинг убежден, что такое голосование быстро приведет к повсеместной победе коммунизма. Даже сейчас, говорит он, принцип общности собрал бы при голосовании подавляющее большинство голосов. В тех районах, где будет проведено обобществление, будут уничтожены изгороди и рвы. Члены коммуны перейдут от индивидуального содержания скота к коллективному. В коммунах возникнут большие общие склады, в которых будут храниться продукты и будет организована сеть магазинов, из которых эти продукты будет получать население. Рабочие классы народа неизбежно все более будут тяготеть к коммунизму, и частным владельцам будет все труднее обеспечивать себе рабочую силу.

Дополнительные черты к характеристике представлений Вейтлинга о революционном преобразовании дают программные документы так называемого «Союза освобождения», — организации, которую возглавлял Вейтлинг во время первого своего пребывания в Америке (до 1848 г.). Семейный союз, утверждает один из этих документов, может быть создан только революционным путем. Борцы революции своим участием в ней приобретают себе революционное избирательное право. Они изберут на вооруженных собраниях временное революционное правительство для установления нового порядка.

В дальнейшем избирательное право будет принадлежать тем, кто занимается каким-либо общественно полезным трудом. Не будут иметь избирательного права капиталисты, купцы, духовенство, адвокаты, лакеи и тому подобные паразиты.

Революционная власть разоружит злостных богатей и контрреволюционеров и вооружит пролетариат. Старые суды и полиция будут отменены. Будут приняты необходимые меры для того, чтобы прочно удовлетворить самые насущные нужды бедноты в пределах возможного в данный момент и тем крепче привязать ее к делу революции. Революционная власть должна будет переселить бедноту в дома богатых, аннулировать все долговые обязательства, избрать новых руководителей предприятий. Все общественные должности будут замещены по выбору

народа. Всеобщая трудовая повинность станет законом. Деньги будут заменены трудовыми свидетельствами о затраченном рабочем времени и о качестве выполненной работы; эти свидетельства будут давать право на получение из общественных складов равноценного количества предметов.

Наряду с такими революционными заявлениями в произведениях Вейтлинга, как уже было сказано, имеется немало заявлений рационалистического и мирноутопического характера. Даже тогда, когда он призывает к революции, он зачастую старается смягчить свои призывы множеством оговорок. Так, говоря о бунте угнетенных, он предостерегает в то же время от уличных боев, которые, по его мнению, обычно ведут лишь к истощению силы революции. Оправдывая террористические акты, он предостерегает против тираноубийства как против средства, играющего на руку врагам революции. Он не раз говорит, что революция есть война против собственности, а не против лиц²².

Приближается время, заявляет он, когда духовные средства должны будут вытеснить физические. В своих поисках мирных путей преобразования он вспоминает подчас даже об идее социальной монархии. Как много, восклицает он, просвещенных представителей высших классов участвовало в проповеди коммунистических принципов (Мор, Оуэн,

Бабеф, Кабе). И Вейтлинг выражает надежду на то, что в будущем число таких просвещенных людей будет расти, и даже на то, что дело преобразования сможет возглавить просвещенный монарх. С годами эти мирноутопические тенденции все более вытеснили в пропаганде Вейтлинга тенденции революционные. В американский период своей жизни он выступал защитником идей мирного кооперативизма, прудоновских и оуэновских проектов организации трудовых банков, освобождающих трудящихся от посредничества торговцев и от необходимости идти на работу в капиталистические предприятия. Сочетание трудовых банков и кооперативных ассоциаций трудящихся становится в конце концов для Вейтлинга панацеей от всех зол современного общества.

Характеристика социальной философии Вейтлинга была бы неполной, если бы мы не упомянули здесь об имеющихся в его произведениях религиозных тенденциях, о его склонности облекать свои построения и свою аргументацию в старые христианские одежды. Особенно яркое выражение это стремление связать свою пропаганду с христианской традицией нашло в «Евангелии бедного грешника». Но христианских оборотов речи, а иногда и мысли, не чужды и другие его произведения.

Критикуя существующую христианскую церковь, всецело подчиненную интересам правящих, Вейтлинг обвиняет духовенство в

²² «Гарантии гармонии и свободы», стр. 434.

искажении заповедей Христа. С другой стороны, он мечтает о некоем «очищенном христианстве», возрождающем заветы Евангелия. Торжество возвешаемой им революции он связывает — совершенно неожиданно и совершенно необоснованно — с идеей «второго мессии», который придет с мечом в руках, чтобы завершить дело первого²³.

В «Евангелии бедного грешника» он обосновывает евангельскими текстами свою критику существующего общества и свой коммунистический идеал. Христа он считает здесь непосредственным предшественником борцов за коммунизм. Иисус для него — революционер, проповедующий войну, борющийся за благо народа, сурово осуждающий собственность и наследование, мудрый пропагандист, не боящийся соприкосновения с грешниками. Он не раз напоминает в своих произведениях о характерном, по его мнению, для революционного содержания «пропаганды Христа» его заявлении: «Не мир пришел я принести, но меч»²⁴.

В христианской морали Вейтлинг видит своего союзника в деле преобразования общества, хотя защита им естественных склонностей человека приводит его иногда к выводам, явно расходящимся с требованиями христианского учения.

Веру Вейтлинг называет якорем спасения в бурных водах полной опасностей жизни. Не следует отнимать у бедняка, говорит он, то утешение, которое дает ему вера. Вера — целительный бальзам, излечивающий человека от тех страданий, которых не может устранить общественный порядок. Поэтому вера и знание могут существовать и будут сохранены рядом друг с другом. В искренности религиозных чувств Вейтлинга нет оснований сомневаться, но, с другой стороны, нет сомнений и в том, что ему отнюдь не была также чужда мысль о важности использования религиозных настроений низших классов общества для дела пропаганды коммунизма: при помощи чувства, говорил Вейтлинг, можно достигнуть того, что недостижимо при помощи разума.

Произведения Вейтлинга 30-х и начала 40-х годов, несомненно, отражают низкий уровень классового самосознания немецкого пролетариата, лишь начинающего освобождаться от мелкобуржуазных тенденций, присущих ремесленным подмастерьям. Этими же условиями определяются, безусловно, и мессианистические черты вейтлинговского мирозерцания, сочетание в нем рационалистического утопизма нового времени с пережитками религиозного коммунизма средних веков и эпохи реформации. Вейтлинг не был в состоянии подняться до теории научного коммунизма. Тем не менее Маркс высоко оценил его первые работы. В 1844 г. в немецком «Vor-

²³ «Гарантии гармонии и свободы», стр. 406, 431.

²⁴ Например, см. «Человечество, как оно есть...», стр. 462.

warts» Маркс писал: «Что касается степени просвещенности немецких рабочих вообще или их способности к просвещению, то я наминаю о гениальных сочинениях *Вейтлинга*... Где у буржуазии, вместе с ее философами и учеными, найдется такое произведение об эмансипации буржуазии — о *политической эмансипации*,— которое было бы подобно книге Вейтлинга «*Гарантии гармонии и свободы*»? Стоит сравнить банальную и трусливую посредственность немецкой политической литературы с этим *беспримерным* и блестящим литературным дебютом немецких рабочих, стоит сравнить эти гигантские *детские башмаки* пролетариата с карликовыми стоптанными политическими сапогами немецкой буржуазии, чтобы предсказать *немецкой Золушке* в будущем фигуру атлета»²⁵. В дальнейшем пути Маркса и Вейтлинга неизбежно должны были разойтись. Маркс шел вверх, к «Нищите философии» и к «Манифесту Коммунистической партии». Вейтлинг постепенно растрчивал свойственные ему в начале его литературной карьеры революционные черты, чтобы увязнуть в конце концов в болоте мелкобуржуазного утопизма.

В настоящем издании мы даем произведения Вейтлинга первого, лучшего периода его деятельности.

ГАРАНТИИ ГАРМОНИИ И СВОБОДЫ

*Свободными хотим мы стать,
как птицы небесные! Хотим
беззаботно, подобно им жиз-
нерадостными стаями и в сла-
достной гармонии прошество-
вать через жизнь!*

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 1, стр. 443—444.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Окиньте внимательным взглядом жилища людей, окружающих вас, войдите в хижину бедняка, роскошные дома богачей, взойдите на купеческие корабли и спуститесь в шахту к рудокопу, подумайте над своим собственным домашним хозяйством, проследите мысленно все вплоть до самых незначительных мелочей — труд и страдания, а также отдых и удовольствия людей — и вы услышите во всех этих разнообразных обиталищах человека и в местах его труда одну и ту же жалобу — на плохой порядок вещей, на плохое ведение той или иной отрасли труда в обществе.

От всех этих жалоб, каждая из которых вблизи, кажется, заглушает все остальные, уйдите затем со своими мыслями в самый отдаленный уголок вашего духовного *Я* и издали вместо всех этих отдельных жалоб вы услышите как будто общий гулкий ропот.

Сосредоточьте на нем все свои мысли; сопоставьте различные жалобы и их причины;

мысленно свяжите противоположные крайности и перетасуйте их между собой. Тогда ропот недовольства сольется в один гармонично звучащий голос.

Уж на такую-то высоту должны были бы подняться творческие идеи наших законодателей, вместо того чтобы черпать вдохновение из шкафов со старыми документами или из своих денежных сундуков с глазу на глаз с ними в четырех стенах.

Если вы таким образом составили себе правильное представление о зле, гнездящемся в различных местах в нашем обществе, переверните страницу и представьте себе мысленно земной шар, перед вашими глазами висящим в воздухе наподобие глобуса.

Отношение между величинами физического *Я* человека и высочайшими горами на земле едва ли достигнет отношения песчинки к кегельному шару, а эти горы в свою очередь находятся в таком же отношении к земному шару.

Как ничтожно мал человек! И какой простор дан ему на земле!

Теперь вообразим себе глобус повернутым так, чтобы у нас перед глазами встала старая Европа. Как она испещрена разноцветными границами, тянущимися вдоль и поперек! И внутри этих границ люди распевают песни о свободе совсем, как снегирь в своей клетке: «на воле весело живем». Правда, птица не знает, что она поет. А знают ли это люди, воспевающие свободу в сетях границ?

Теперь мы (все это, разумеется, мысленно) крепко тряхнем рукой судьбы наш глобус. Видите? Целые армии бросаются через нечеловеческие границы, но не затем, чтобы стереть их, а для того чтобы уничтожить друг друга из-за формы и цвета границ. Это потому, что они не понимают друг друга!

Однако природой им даны одинаковые органы речи.

Разве не забавны эти создания? Как они скопляются в одних пунктах и протягивают воображаемые линии между местами, густо заселенными людьми, для того чтобы затруднить себе необходимую связь и взаимно необходимую помощь!

А свою разнообразную тарбарщину, которую они называют языками и которая составляет главную причину увековечения их разобщенности и страданий, они считают священной. И как высоко они ее ценят!

Оставим, однако, размышления над глобусом! Здесь вам дан толчок к этому занятию. Пусть каждый продолжает его по-своему. Если бы кто-нибудь захотел углубиться в более серьезные размышления по этому поводу, пусть представит себе всю незначительность земного шара по сравнению с бесчисленным множеством небесных тел, большей частью намного превосходящих его своей величиной. Одни из них, собранные в неисчислимом количестве, образуют в необъятном пространстве, которое может охватить наш глаз, светлую дорогу (Млечный путь).

Весьма вероятно, что раз населена наша значительно меньшая Земля, эти бесчисленные небесные тела тоже населены, только более совершенными существами.

Здесь граница наших знаний, дальше начинается царство религии.

Не станем все же забираться так высоко, чтобы не потерять конца нужной нам правильной нити от клубка общественного устройства; ведь еще не все представляют себе, как далеко оно на самом деле простирается. Прежде всего ясно и доступно понимание каждого должны быть показаны истинные размеры зла. Это придаст нам мужества, чтобы взяться за дело уничтожения несправедливости, длящейся тысячелетия.

Покажем обществу, каково оно при плохой организации и каким оно могло бы быть при лучшей. Когда же общество поймет это, мы совсем не будем заниматься созиданием и не будем придавать слишком много значения нашим излюбленным планам построения нового, но будем разрушать! Долой старый хлам! А также долой все те новые леса и каждый новый фундамент, которые скрывают малейший остаток старого зла.

Ничто не совершенно под солнцем! Никогда не будет найдена такая организация общества, которая останется неизменно лучшей на все времена. Это означало бы умственный застой человека, задержку прогресса, что, конечно, немислимо.

Но из того, что ничто не совершенно на земле, вытекает необходимость постоянных реформ и вредность освящения старых законов и обычаев.

Прогресс — это закон природы. Остановка его — это постепенное разложение общества; способствовать прогрессу и препятствовать застою — долг каждого из нас, а не только одной какой-то привилегированной касты.

Вот почему я и взялся за написание этой книги. Мои многочисленные товарищи ободряли меня. Ты, говорили они, разделяешь наш образ мыслей, знаешь наши стремления и наши желания; мы предоставим тебе возможность работать; так берись, приступай энергично, пока ты чувствуешь в себе достаточно сил для этого.

Это поощрение меня окрылило! Чего еще было мне желать? Они работали для меня, я работал для них. Если бы этого не сделал я, на мое место нашлись бы сотни других. Но мне предоставлена была возможность, и мой долг был использовать ее.

Настоящая книга, следовательно, не мой труд, а наш труд, потому что без поддержки со стороны товарищей я не мог бы осуществить его.

Я объединил в нем материальные и духовные силы моих братьев. Такое единение в дальнейшем будет значительно укрепляться — ведь ничто не совершенно под солнцем.

В заключение, читатель, если ты найдешь в этой книге истины, то немедленно начни их рас-

пространять; времени терять нельзя. Миллионы несчастных созданий взывают о помощи. Подачками и милостыней, законами и наказаниями, петициями и утешающими религиозными прописями здесь ничему не можешь. Старое зло вьелось слишком глубоко. Только катастрофа произведет разрыв между добром и злом, и она неизбежно произойдет, если каждый в меру своих сил будет стараться ее подготовить.

Всемогущий — наша опора, свобода — наш лозунг, а облагорожение и совершенствование нашего учения — залог нашей победы,

Автор

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ЗОЛ

Глава первая

ПЕРВОБЫТНОЕ СОСТОЯНИЕ ОБЩЕСТВА

Первые следы развития рода человеческого мы находим в самых плодородных и красивых местах на земле. Здесь человек прожил свое детство, здесь играл, смеялся, шутил и наслаждался, не зная никаких законов и препятствий, кроме тех, которые создавала на его пути природа, не ведая никаких трудностей, кроме преодоления этих препятствий.

В те времена богатая природа удовлетворяла потребности человека в тысячекратном избытке. Земля была для него достаточно велика и просторна. Едва ли он знал сто-тысячную часть ее поверхности, потому что еще не был вынужден для удовлетворения своих потребностей исходить ее всю вдоль и поперек и обшарить все ее углы.

Ходить на охоту, есть, пить, любить, играть — были его излюбленные занятия. Понятия: работа и безделье, рабство и власть,

собственность и воровство были ему еще незнакомы.

Охота, собирание плодов, устройство своей пещеры или хижины не были для него трудом в современном значении этого слова, поэтому никто не думал о том, чтобы переложить эти занятия на плечи другого и тогда уже называть это работой, а свой покой бездельем.

Все, что нужно было человеку, он брал там, где находил его. Если кто-нибудь приготовил себе обильную трапезу, то сосед его садился за нее без приглашения, потому что слова «мое» и «твое» были еще неизвестны человеку.

Каким же безмятежным счастьем, должно быть, наслаждался в прекрасном земном раю в первые дни творенья человек—это дитя любви бога и природы.

Какая пропасть между тем временем и нынешним! Как изменилось состояние общества в современных цивилизованных странах!

Право же, нынешние американские дикари живут в своих лесах счастливее, чем мы в наших тесно застроенных городах, среди точно разграниченных полей, за изгородями, потому что они живут свободно.

В чем же, собственно, главным образом заключалось счастливое состояние первых людей, не знавших всех жизненных удобств, принесенных нам цивилизацией?

В той свободе и независимости, в которых протекала их жизнь.

Они знали немногие потребности, и земля, тогда еще малонаселенная, удовлетворяла эти потребности с большим избытком, без какой бы то ни было предварительной затраты труда со стороны людей. Но это было как раз то самое состояние, которое давало возможность каждому человеку в отдельности чувствовать себя независимым по отношению к другим, без того, чтобы быть вынужденным постоянно ограждать и защищать свою независимость и свободу от посягательств на нее других людей.

Счастлив — только довольный, а довольным может быть только тот, кому доступно все, что имеет всякий другой. Чем больше возможностей для этого дает общество каждому человеку в отдельности, тем более удовлетворенным будет человек и тем, следовательно, счастливее будет и самое общество. Но до тех пор, пока каждый индивид видит в обществе вокруг и около себя других людей, находящихся в более привилегированном положении, приходит с ними в соприкосновение, или — что еще хуже, — зависит от них, до тех пор он не будет ни счастливым, ни довольным, каким бы богатым и могущественным его ни считали по его общественному положению.

Он и *не должен* чувствовать себя счастливым. Потому что чувствовать себя довольным — это не добродетель, как нам врут в течение тысячелетий, с самого начала царства неправды и угнетения. Нет! Это выте-

кающее из естественных причин, первоначальное естественное чувство гармонии между потребностями и способностями человека.

Чувство удовлетворенности, которое нам рекомендуется как добродетель — это трусость. Если у человека для удовлетворения его потребностей нет всего того, что могут иметь для этого другие, он не *может*, не *должен* и не *смеет* быть довольным. Это было бы удовлетворенностью раба, удовлетворенностью побитой собаки.

Удовлетворенность — это равновесие между человеческими потребностями и способностями. Там, где они могут у одних перевешивать в *ущерб* другим, там царит недовольство.

Нынешнее же общество, вместо того чтобы дать себе труд всеми средствами везде поддерживать у каждого индивида это равновесие, как раз содействует возмутительному неравенству.

Не думаете ли вы, что настала пора сбросить с чаши весов справедливости денежные мешки, которые подавляют потребности и способности одних в пользу других, и восстановить первоначальное равновесие?

Давно пора! Итак, долой фальшивые гири, долой сверкающего Маммону¹, с помощью которого вы зрячих делаете слепыми, а имеющих дар речи немыми, и среди нас опять установится естественное равновесие, а с ним и довольство, мир и свобода.

В детстве своем человечество жило свободно и независимо, потому что *каждый мог удовлетворять и развивать свои потребности*. Если вы хотите снова сделать человека свободным и независимым, дайте обществу такую организацию, которая облегчила бы каждому в одинаковой мере удовлетворение его потребностей и развитие его способностей.

Влечения и желания у индивидов возникают в результате впечатления, которое производят продукты способностей общества на органы чувств. Человека, стало быть, влечет преимущественно только то, что действительно имеется, о существовании и пользе чего он знает. Следовательно, желания человека подчинены его способностям.

Поэтому общая сумма способностей каждого поколения находится всегда в полном созвучии с общей суммой его потребностей. Привести в гармонию с этим созвучием неравенство между способностями и желаниями единиц должно составлять задачу общества. Природа дала обществу средства для этого, но применение их предоставила самому обществу.

Именно благодаря этой гармонии между способностями и потребностями человечество в его юности было счастливым, ибо каждый имел все, что ему было нужно и мог иметь все, что было доступно другому.

Поэтому люди были довольны и счастливы. Если они не знали изысканных блюд, которые в наши дни щекочут небо зажиточ-

ных людей, то не знали и голода, лишений и всех сопутствующих им страданий.

Если они не знали удовольствия, получаемого от вкуса кофе и сахара, то не знали и работорговли и свиста хозяйского бича со всеми их ужасами.

Если они не знали множества наших медикаментов, то не знали и множества наших болезней и наших физических недостатков.

Если они не знали наших спиртных напитков, то не знали также порока пьянства с его страшными последствиями.

Если они не знали наших великолепных жилищ и дворцов, зато не знали и наших тюрем, казарм и крепостей, наших исправительных, работных и полицейских домов и таможен.

Если они не знали современной красивой мебели, то им была неизвестна и страсть заполнять ее ящики за чужой счет, как не знали скамей и трибун лжеученых и своекорыстных народных представителей.

Если они не знали нашей модной одежды, то не знали также, с каким трудом она изготовляется, и у них, кроме того, не было искачено здоровье в результате длительного сидения на одном месте.

Если они не знали наших открытий, искусств и наук, это было потому, что для их счастья им всего этого не требовалось, но зато они к тому же не знали ужасного неравенства, происшедшего от того, что эти изобретения, искусства, науки обслуживают только личные интересы единиц.

Если они не знали наших истин, то не знали и наших заблуждений; не знали наших наслаждений, но не знали и наших мучений и тягот; не знали наших добродетелей, зато не знали и наших пороков.

Счастье заключается в удовлетворенности, а удовлетворенность — в свободе. Свобода же без общности имущества отчасти возможна только для единиц, но немислима для *всех*.

Если бы сегодня вдруг все бедняки на земле стали жить как графы, а графы стали бы вести жизнь царей и так далее, и каждое сословие стало бы жить в сто раз лучше, чем до сих пор, то в результате человек все-таки не был бы доволен, потому что в организации, где нет равенства, он не был бы свободным.

Если бы же все люди на земле жили коммуной и были воспитаны в ней, то все они, даже если бы мясо и вино доставались им только раз в неделю, были бы свободнее и более довольны жизнью, чем привилегированные при нынешнем неравенстве.

Г л а в а в т о р а я

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДВИЖИМОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Между тем человек начал употреблять в пищу молоко животных и, для того чтобы получать его без особенной затраты труда, люди стали приручать и собирать вокруг

своей хижины или пещеры наиболее смиренных животных. Так возникло пастушество и вместе с ним—разделение общества на разные классы по роду занятий. Теперь и пастух, и охотник имели каждый свои особые интересы. Оба они еще не привыкли к праву собственности. Этого права первым стал домогаться пастух. Он запретил охотнику убивать животных, которые паслись под его присмотром, но давал охотнику их молоко. Охотники, которым жизнь в обществе прирученных зверей и запрещение их есть сначала казались смешными, со временем убедились в полезности стада. Пастухи и охотники стали делить между собой молоко животных и добычу охотников. Но при этом теперь пастух стал считать свои стада, а охотник — шкуры убитых зверей, и таким образом совершенно незаметно для них возникло понятие о движимой собственности.

«Эта овца из *моего* стада», сказал с серьезным видом один пастух другому, что заставило того рассмеяться. Слово «моего» он не понял, но понял выразительную мину на его лице, означавшую «не тронь этого».

Теперь уже, если охотники и пастухи мирно сидели друг с другом, то один из них не говорил «давайте приготовим козу, чтобы поесть», а так: «Я хочу угостить вас одной из *своих* коз».

Так постепенно привыкали к понятиям «мое» и «твое», к праву собственности и к принципу раздела имущества.

Такой порядок в те времена ни у кого не вызывал возражений; он никому не наносил ущерба. Ведь при этом никому не возбранялось и самому завести стадо. Не было недостатка в ручных и диких животных, в лесах, в лугах, в плодах. Поэтому никто не противился порядку, который никому не вредил. Понятия «мое» и «твое» возникли из инстинкта самосохранения. Люди, как того требовали занятия пастушеством и охотой, рассеивались на большом пространстве и все больше и больше делались чужими друг другу. И вот стало так, что о своем пропитании и пропитании своей семьи каждый должен был заботиться сам; тогда люди начали подсчитывать свои насущные потребности. Инстинкт самосохранения побуждает всех членов общества к деятельности и, в зависимости от того, как им руководить, он может иметь для общества либо самые благодатные, либо самые вредные последствия.

В силу этого естественного инстинкта человек стремится иметь все, что только можно как-нибудь заполучить: все живое на земле, все, что движется в воздухе, все, что сокрыто в недрах земли, все, что дышит и растет, все, что можно видеть, слышать, вкушать, обонять и осязать. Всего человеку хочется, всем он хочет насладиться, хоть он и не может иметь всего, потому что природа ставит преграды его желаниям и он беспрерывно трудится над тем, чтобы преодолеть эти преграды.

Чем больше преград удастся сокрушить человечеству, тем шире и надежнее путь, по которому оно движется к прогрессу. Зачем же нам, вместо того, чтобы всем вместе трудиться над удалением этих преград, насильно устранять одних от этой работы?

Природа говорит: «Вот земля и ее плоды. Бери каждый, сколько ему нужно». Человек же отвечает: «Теперь ты должна давать мне своих плодов больше, чем до сих пор, потому что нас стало много!» И он стал пахать и удобрять землю и заставил природу давать ему тройной урожай. Но господство человека с помощью плуга над природой распространилось только на очень незначительную часть земной поверхности. А хлеба требовали миллионы. Они охотно помогали бы расширить брешь, которую пробило земледелие в преградах, воздвигнутых природой перед человеком. Кто же им мешает? Сам человек со своими путаными «мое» и «твое».

Природа сказала человеку: «Тебе даны две ноги и две руки, двигайся во всех направлениях, как тебе заблагорассудится и познавай сокровища, которые я для тебя приготовила». Человек же сказал: «Ты сделала меня слабее зверей в ходьбе и плавании», и открыл упряжную и верховую езду, железные дороги, паровозы и пароходы и уже близок к тому, чтобы превзойти птицу в воздухе. И все-таки, при всех этих достижениях человека поденщик, бедный крестьянин и его жена и подмастерье со своей котомкой на спине пле-

тутся из деревни в город и из города в деревню. Трудолюбивый рабочий ходит пешком, а праздный лодырь разъезжает. Слабый старик от усталости прислоняется к углу какого-нибудь дома, а высокомерный фат откидывается на спинку элегантного экипажа.

Все эти люди, эти *миллионы людей* с радостью веялись бы за расширение бреши, которую проломило в созданных природой преградах открытие способов быстрого передвижения с помощью лошадей и железных дорог. Почему же им это запрещают? Почему их лишают средств, которыми это достигается. Почему их заставляют терять так много времени в мучительном бесполезном бездельи и таскании тяжестей, в то время как все можно было бы устроить гораздо удобнее? Опять все из-за тех же проклятых «мое» и «твое».

Природа сказала человеку: «Вот я даю тебе голос. Усовершенствуй его по своему вкусу, чтобы ты мог общаться с себе подобными». Человек же говорит: «Я очень общителен и очень хотел бы говорить со всеми обитателями земли, но мой голос слишком слаб для этого». И он изобрел буквы, письмо и книгопечатание. С этой поры даже самый слабый голос может дойти до всех обитателей земли, которые только захотят его слушать, притом в вечные времена, даже тогда, когда речевой аппарат говорившего давно превратится в прах. И все же есть миллионы людей, у которых на языке — слова истины, но им запрещено их произнести. Они спокойно откажутся от того, чтобы их

слова были увековечены, только бы им разрешили воспользоваться даром речи, которым их наделила природа. Одни могут распространять и увековечивать правду и ложь сколько им вздумается, а другим не разрешается даже сказать: «Честных людей заключают в тюрьмы, а вора́м оказывают почет». Но почему же, собственно? Опять-таки из-за слов «мое» и «твое».

Природа сказала человеку: «Если окажется недостаточно того, что я дала тебе, или оно будет для тебя неудобно, ты можешь обработать его соответственно твоим требованиям и сделать удобным». А человек ответил: «Обработка становится все труднее и труднее, но мы поможем этой беде». И он изобрел машины, которые с помощью грубой механической силы производят работу в десять раз большую той, которую человек был в состоянии сделать прежде. И все же теперь на английских фабриках есть дети, которых заставляют работать девятнадцать часов в сутки и кнутом выгоняют на работу. Да и все мы должны изнурять себя работой больше, чем до изобретения машин. Как же это однако, выходит? Всему причиной «мое» и «твое», которые установили принцип: чем больше машин, тем меньше рабочих и тем больше тунеядцев.

Природа говорит дальше: «Вот вам, люди, мои богатства, у вас ни в чем нет недостатка. Теперь устраивайтесь по своему усмотрению, и глядите, как это у вас получится».

Человек же сказал: «Тут может выйти путаница. Среди нас есть больные и слабые. Мы не хотим бросать их без попечения. Ведь каждый из нас может оказаться в таком же положении. Для того чтобы и нас не оставили без помощи, бог завещал нам любить ближнего как самого себя. За это и умер на кресте спаситель, и еще многие умерли после него за это же, но, видно, жертв еще недостаточно. Сюда, благородные мученики! Пусть переполнится мера вины мужей тридцати серебряников² и опрокинется на их головы. Но почему же мы говорим о мучениках, смерти на кресте и серебряниках? Почему не говорим о завете любви? Опять-таки из-за тех же «мое» и «твое».

Глава третья

ПРОИСХОЖДЕНИЕ НЕДВИЖИМОЙ СОБСТВЕННОСТИ

В те времена еще не думали ни о делении земли на страны, ни о пограничных и межевых знаках, ни о сооружении каменных стен, изгородей, рвов и застав для того, чтобы разделить одного человека от другого. Земля была доступна каждому человеку, как в наше время воздух. Не было еще и запрета отдыхать на лугах и на городских лужайках, как это имеет место,¹ например, в современных цивилизованных странах; в некоторых даже

придорожные рвы сданы в аренду. Человек, сорвавший в пути плод с дерева, еще не считался вором.

Как бы в то время восприняли люда, если бы кто-нибудь сказал им: «Вот вы ходите, где вам вздумается, свободно, как птицы небесные, и почувствуете себя безопаснее, чем звери в лесу. Вы охотитесь и рыбачите, где вам захочется. Вы срываете плоды в лесу, и в поле, где вам понравится. А ведь не всегда так будет. Придет время, когда земля будет пересечена красивыми, искусственно проложенными дорогами, но на этих дорогах из конца в конец будут расставлены пестро раскрашенные шесты и люди, которые будут останавливать путника окриком: «Стой, тебя следует обыскать!» В то время будут такие люди, которые утром не будут знать, чем им придется днем утолить свой голод и где они найдут пристанище на ночь. Доступ к этим плодам им преградят стенами, рвами и заборами и за каждую попытку прорваться сквозь эти ограждения им будут причинять физическую боль. И всякий раз после того как им по этой причине будет нанесено оскорбление, все с презрением отвернутся от них. Тогда будут такие люди, у которых не будет права на рыбу в воде, на дичь в лесу и на траву, растущую у них под ногами. Таких людей будет значительное большинство, а те, из-за которых они оказались в таком положении, будут тоже люди, но их будет значительно меньшее количество».

Как, спрашиваем мы, отнеслись бы к таким словам в тогдашнем обществе?

Ни в коем случае не с большей неосведомленностью и непониманием, чем те, с которыми подобные вопросы воспринимаются и обсуждаются в современном обществе, столь кичащемся своей образованностью.

Тогдашнее состояние рода человеческого было далеко не таким печальным как нынешнее, при нашей хваленной цивилизации, потому что общество жило в полном созвучии с потребностями всех своих членов. Счастье общества не увеличивается и не уменьшается в зависимости от того, достигла ли его образованность более или менее высокой ступени по сравнению с предыдущими поколениями.

Только тогда, когда люди одного и того же поколения разделены по своему образованию на различные группы, в обществе возникает неравенство, которое препятствует его счастью.

Уровень образованности каждого поколения общества должен находиться в полном соответствии с потребностями всех его членов. Наше поколение в этом отношении отстало. Мы сделали гигантский прыжок вперед в изобретениях, искусствах и науках, но у нас не было ни понимания, ни смелости для того, чтобы согласовать наш общественный порядок с новыми продуктами наших знаний. Поэтому мы терпим, чтобы наши духовные успехи умножали несчастье масс к выгоде отдель-

ных людей, вместо того чтобы уменьшать это несчастье. Именно по этой причине мы отстали от потребностей нашего времени.

Вот почему нам не следует слишком кичиться своей образованностью.

Предоставим это нашим потомкам: они выскажут свое мнение о ней более беспристрастно.

В первобытном обществе пастухи и охотники не умели ни читать, ни писать. У нас это умеет каждый крестьянин. Однако то, как мы этим пользуемся, не всегда оправдывает наше самомнение. Все то, что мы еще только пытаемся доказать с тех пор, как триста лет назад было изобретено книгопечатание (куда следует добавить еще триста лет, понадобившихся для подготовки этого изобретения)³, все это, не умея читать, прекрасно понимали спартанцы⁴ и в течение нескольких дней понял народ во время Великой крестьянской войны⁵.

Считается, что невежество наших предков породило предрассудки и суеверия.

Но это делает также и современная мудрая наука, стоит только заплатить ей.

Жестокость и варварство — плоды невежества?

Наука нашего времени еще ничего не изменила в этом порядке вещей. Если мы никого не распинаем на кресте, не пытаем на дыбе⁶, мы зато даем людям умирать медленной смертью от голода и холода или погибать под тяжестью непосильного труда.

Искусства и науки, видите ли, не могут процветать при низкой степени образованности общества.

А при нашей прославленной высокой просвещенности не может благоденствовать *народ*, несмотря на множество изобретений и расцвет искусств и наук, потому что каждое новое изобретение, вместо того чтобы облегчить нам труд или увеличить наши наслаждения, увеличивает число тунеядцев, а число рабочих уменьшает.

Находясь на низком уровне развития, древнее общество не знало чистых высоких наслаждений, которые доставляет современная цивилизация.

Но кому доставляет она эти высокие наслаждения, не взваливая на его плечи тройного бремени труда? Одному из ста, остальные же должны только расплачиваться. Кроме того, еще сомнительно, стоят ли все утонченные наслаждения современной цивилизации того, чтобы их предпочесть естественным радостям человечества в его детстве? Мы по крайней мере считаем, что непринужденные игры детей, которые наши современные нравы напрасно изгнали из среды взрослых как предсудительные, значительно больше соответствуют естественному вкусу человека.

В лесах Америки и на больших островах Великого океана существует еще множество народностей, стоящих на низшей ступени развития. Однако они, право, не променяли бы своих наслаждений на наслаждения наше-

го цивилизованного общества и уж меньше всего свое положение на положение наших рабочих. Между тем некоторые образованные путешественники жили здесь годами и очень хорошо чувствовали себя в этой среде *. Это, однако, кое о чем говорит, если принять во внимание, как трудно человеку, привыкшему к утонченным наслаждениям, удовлетвориться жизнью людей, недалеко ушедших от первобытного состояния.

Но что облегчает цивилизованному человеку жизнь среди дикарей (я имею в виду людей природы), — это свобода и равенство, которые здесь наиболее полно выражены и которых он напрасно искал в своем отечестве. И обратно: именно это неравенство словий противно человеку природы, он не может привыкнуть к нему, несмотря на все жизненные удобства. Если бы английские ткачи могли убежать со своими семьями и жить среди людей природы, фабричные города Англии опустели бы в очень короткое время и пускай бы господа сами засели за свои ткацкие станки, раз они не хотели или не могли прилично платить за работу.

Если бы когда-нибудь настало такое время, когда наши милые, хорошо откормленные

* Один американский генерал провел по собственной воле два года среди дикарей и так же, как они ходил нагишом. При обмене военнопленными в Алжире между французами и арабами большинство французских отказывалось возвратиться на родину. Французский губернатор был вынужден вернуть их силой.

хозяева должны были бы выбирать между работой по 12—14 часов в сутки и отправкой в первобытные леса Америки, я думаю, не хватило бы кораблей для перевозки всех, кто предпочел бы переселение работе.

Некоторым очень нравится нынешнее состояние общества; они никак не могут себе представить, что могло бы быть лучше. Да спросите же когда-нибудь также мнение подавляющего большинства! Потому что раньше или позже его воля опять будет решающей. Это подавляющее большинство недовольно нынешним состоянием общества. Это большинство отлично знает, что где-то неладно, но не может оказать, где именно. Вот мы здесь и постараемся доказать им, что все дело заключается в понятии собственности, которое больше несовместимо с потребностями современного общества.

Понятие собственности больше не соответствует нашему времени. Каждое время имеет свои особые потребности. Собственность же решительно противоречит потребностям нашего времени. Я сейчас скажу почему.

Было когда-то такое время, когда, как мы видели, еще никто не помышлял о том, чтобы обрабатывать кусок земли для своего личного пользования и называть его своей собственностью. В какое-то более позднее время некоторые люди начинали присваивать себе куски земли и называли их своей собственностью. Это не было ни несправедливостью,

ни проступком против общества, потому что в то время каждый мог сделать то же. Недостатка в земле не было. Теперь же земля вся целиком разделена; нет почти ни одного клочка земли, который не имел бы хозяина или собственника, и при этом подавляющее большинство людей вовсе не имеет собственности.

Когда именно произошло, что последний кусок земли был отдан собственнику? Этого я не знаю, но ясно, что такое время когда-то было в Германии, как и в Англии, и во Франции. Может быть, очень давно в этих странах был разделен последний остаток земли, но теперь пришел конец всякому разделу. Те, которые имеют землю,— имеют ее и пользуются ею для собственной выгоды и в ущерб обществу.

До тех пор, пока каждый, если он этого хотел, мог стать собственником, собственность не приносила вреда также и обществу. Людей в то время было так мало и в наших и в других краях, что они даже не имели представления о величине своих полей. С того времени люди сильно размножились и все время продолжают размножаться, а земля осталась той же. Годится ли для нашего времени раздел земли, произведенный тысячу и больше лет тому назад?

Нет! Потому что в наше время, когда имеются миллионы людей, у которых совсем нет собственности, обладание собственностью стало незаконным по отношению к обществу, непростительным постыдным воровством.

Когда впервые изобрели собственность, владение ею, как уже говорилось, было прощительно, потому что никто не лишался права стать собственником. Денег еще не существовало, а вместо них было вдоволь земли. Но с того момента, как явились люди, которые были поставлены в положение уже не могущих стать собственниками просто потому, что другие уже все забрали себе, когда вся земля оказалась захваченной единицами, а эти единицы запрещали другим наслаждаться этой захваченной собственностью, с этого момента собственность превратилась в посягательство на естественные права общества, в безжалостный, братоубийственный акт, позорящий достоинство человека и его назначение.

Захват больших или малых полос земли был только до тех пор простителен и дозволителен с моральной точки зрения, пока каждый человек располагал свободой и средствами к тому, чтобы обработать для себя любую полосу. С того же времени, как этого больше нельзя было сделать, собственность перестала быть личным правом, а превратилась в вопиющее беззаконие, тем более, что она является причиной нужды и нищеты тысяч людей. Эта истина ясна как день.

Отворите ваши темницы и каторжные тюрьмы, говорю я вам: в них много честных людей. Отворите и скажите им: вы не знали, что такое собственность, и мы до сих пор не знали этого. Давайте все вместе разрушим

все эти стены, заборы, ограды и решетки, засыпем рвы для того, чтобы исчезла с лица земли причина нашего разъединения и будем снова друзьями.

Сохранение понятия собственности в нашем обществе означает убийство множества рабочих и по заветам христианской любви этого никак нельзя защищать. Больше того: эта защита позорит истинного христианина как братоубийство, независимо от того, каким способом оно совершено: с помощью ли яда, или кинжала, или голода, путем ли лишения пищи, насилием или хитростью.

Дикарю, не работающему, потому что ему этого не нужно, требуется для пропитания земельная площадь, равная по крайней мере квадрату, сторону которого можно пройти в течение часа. Некогда наши предки также жили в таких условиях, но тогда Германия могла прокормить не более 30000 человек. Теперь же людей больше, чем в тысячу раз, а количество земли все то же. Что же, разве нынешние 34 000 000 человек не имеют права на землю, как те древние 30 000?

Если законы о собственности создали себе те люди, которые никому не возбраняли стать собственником, если только он пожелает протянуть руку за этой собственностью,— значит ли это, что представления того времени действительны и для нашего общества, в современных условиях? Нет! Земля принадлежит всем нам и всем нашим потомкам;

она не может быть разделена между каким-то небольшим числом людей и не должна быть отдана отдельному индивиду. Она не составляет ничьей исключительной собственности, она — для всех.

Как только человек постигнет, что нужда, нищета и ранняя смерть не случайны, а являются следствием отклонения общества от законов природы и христианской любви, он должен громко возвестить об этом, это его святой долг. Трусливо молчать в подобном случае было бы позорнейшим злоупотреблением божим даром, самым низким предательством рода человеческого, самым неблагоприятным образом действий, в каком только может быть повинен человек. Так не будем же больше молчать, возвестим всему миру слово истины. Присоедините ваш голос к нашему, люди с чистым сердцем, вы, в груди которых живо высокое чувство великого и прекрасного, стремление к сохранению и облагорожению рода человеческого, вы, которые с радостью приносите в жертву общественному счастью ваши дни и бессонные ночи. Присоедините ваш голос к нашему и вы, провозвестники с амвона и в школе божьей заповеди любви к ближнему, и все вместе возгласим: *собственность—причина всех зол!* — избави от них нас, боже!

На человечество еще в колыбели напялили понятие собственности. Оно выглядело как непривычный железный корсет, хотя в нем и умещалось его нежное тело. Но ребенок раз-

вивался и, чем больше рос, тем хуже чувствовал себя.

Но теперь-то освободите поскорее человечество от этого понятия, потому что оно смяло тело и врезалось в него кровавыми полосами! Что же вы еще медлите? Вы хотите, как китайцы, в угоду выдуманной вами форме, которую считаете красивой, изуродовать здоровое тело? ⁷ Из могучего венца творения сделать покорную куклу и безвольную машину?

Там, где люди гибнут от лишений и истощения, там собственность — злодейское убийство. Ведь, когда в вашем обществе случается убийство с целью грабежа, вы хорошо знаете, где искать убийцу.

Каким бы странным это выражение ни казалось благодушным собственникам, они по здравом размышлении все-таки должны будут признать заключающуюся в нем истину. Они, конечно, могут усыпить свою совесть и сказать: «Всякий, кто хочет работать, кто имеет охоту к труду или вообще хороший рабочий, везде найдет свой хлеб». Это почти верно; между прочим, и в отношении хлеба также. Но как обстояло бы дело, если бы все люди стали хорошими рабочими? Что же, тогда собственник уменьшил бы рабочий день, чтобы дать всем им работу? Без сомнения нет! А как же было бы тогда? Разве тогда хорошие рабочие не впадали бы в нищету и не погибали бы из-за недостатка работы или не заболели, изнуренные тяжелой рабо-

той, как это происходит теперь? Разница заключалась бы только в том, что тогда эта судьба постигала бы сплошь одних хороших рабочих, между тем как теперь это больше отражается на не очень умелых.

Нищенский жребий и теперь падает не только на неопытных рабочих. Это распространяется на все классы общества, которым приходится жить трудом своих рук. Теперь рабочая масса так велика, что у собственников имеется возможность широкого выбора. У них нет необходимости смотреть только на умелость рабочего, они при этом еще могут выбирать того, кто им больше понравится.

Иные из них говорят: «Как! Я нажил свою собственность честным путем, а теперь должен ею делиться с этой нищей сволочью, которая ничему не училась, ничего на свете не видала, а лодырничала и пьянствовала, вместо того чтобы работать?»

Такую чушь часто можно услышать, но только от людей, не имеющих никакого представления о коммунизме.

Они полагают, что все будет разделено и каждый получит равный кусок земли, и для этого у них силой хотят отобрать их имения. Это старое истрепанное возражение часто приходится слышать.

Не пугайтесь, загребалы, у вас ничего не возьмут силой. Если у вас взять то, что вы называете своей собственностью, у вас будет меньше того, что имеют наши нищие. Мы

хорошо знаем, что ваше сердце наполнено и переполнено эгоизмом.

Есть другие средства, которые, наверное, даже самые эгоистичные из вас не будут считать безнравственными. Ваши жадность и скупость сами ускорят применение этих средств.

Теперь я попытаюсь объяснить происхождение собственности.

За первой мыслью о движимой собственности следовала мысль о недвижимой, т. е. о разделе земли.

В течение долгого времени человек еще находил в лесах и долинах достаточно пищи для себя и своих стад. Однако бывало, что случайно в одну и ту же долину устремлялось несколько пастухов со своими стадами и пришедшие позже других вместо обилия плодов и пастбищ обнаруживали, что лучшие плоды собраны, а луга опустошены.

И вот постоянные поиски плодов и пастбищ начали становиться обременительными для человека. Это дало себя почувствовать в первую очередь в наиболее посещаемых местах; здесь раньше всего стало нехватать необходимого для поддержания человеческих сил и прежде всего сказалась трудность поисков именно этого необходимого человеку.

Некоторых это побудило искать отдаленных мест, менее посещаемых людьми. Другим же пришла в голову мысль разрыхлить полосу земли и посеять на ней семена плодов, служивших людям пищей.

Это было открытием земледелия.

Представим себе первого человека, занятого разрыхлением и засеванием полосы земли, и его соседей, глазевших на него с разинутыми ртами и засыпавших его вопросами. Разве не смеялись над ним некоторые из них, не издевались, не считали его сумасшедшим? — Весьма вероятно! Совсем как теперь некоторые встречают наши идеи!

С созданием земледелия природа впервые указала человеку на единение и ассоциацию. Она как будто хотела ему сказать: «Видишь ли ты маленькое семячко этого растения, которое тебя кормит? Это — средство его размножения. Когда оно созреет, оно упадет на землю куда попало, и там его подберут животные или лесные птицы, или его заглушит чертополох, либо терновник, смоют потоки воды, или развеют ветры. И, таким образом, похитят у тебя радость от десятикратной добычи. Ступай туда, убери камни, отведи воду, выкорчуй терновник и чертополох, взрыхли землю и брось в нее собранные тобой здесь семена не слишком тесно, но и не слишком редко, а так, чтобы каждое растение, давшее ростки, имело необходимые ему пространство, свет и питание.

Изобретатель сделал так, как ему внушила природа, и молодой посев взошел, радуя глаз и услаждая сердце. Если прежде вихрь ломал стебли растений, стоящих в одиночку, то теперь он прокатывался верхом по золотистому морю. В одиночку они не выдержали бы его

натиска, всех же вместе он только заставил мянко склониться, и они были спасены, остались целы и невредимы.

Не одно одиноко растущее деревцо лежит на земле, надломленное б"рей, между тем как нива снова поднимает к солнцу свои неповрежденные колосья, по которым прошла буря.

Открытие земледелия было тем перстом, которым природа обратила внимание человека на преимущество сплочения и объединения.

При современном нам индивидуалистическом строе семя идеи коммунизма будет либо раздавлено камнями преткновеня, либо заглушено терниями страданий, и его разрозненные молодые побеги будут предоставлены произволу судьбы. Человек в отчаянии окидывает взором пустынное бесплодное поле, и вот способ лучшей обработки почвы общественного строя найден. Но немногие решаются взяться за эту трудную работу. Зачем дольше медлить? Скорее возьмемся за дело! Уберем с пути камни, вырвем с корнем чертополох, обрубим деревья и выкорчует пни, а потоки человеческих страстей направим по другому руслу, чтобы они не вредили произрастанию молодых растений, стали для них полезными и необходимыми.

Изобретатель взрыхлил свою полосу и бросил в нее семена. Его соседи смотрели на него, свои семена съели, а труженика высмеяли. Но молодое семя взошло, урожай

созрел, соседи были изумлены и предубеждение исчезло.

С открытием земледелия была неразрывно связана необходимость труда. С этого времени люди должны были запечатлеть в своем мозгу: кто не работает, тот не должен наслаждаться плодами труда. Но самое состояние труда ими не было еще осознано, труд еще не стал для них обременительным. Поэтому им не пришло в голову сделать труд обязанностью, а самое главное — это то, что труд в настоящем смысле этого слова еще не был необходим человеку. Это был период перехода кочевых народов к земледелию, момент, когда человек впервые поставил ногу на низшую ступень цивилизации.

Открытие земледелия было встречено с одобрением и нашло подражателей. Скоро во многих местах земля была обработана, но при уборке урожая возникли неприятности, которых первые земледельцы не предвидели. К уборке урожая обычно являлось много помощников и помощников этих помощников, которые не принимали никакого участия в обработке земли. Получилось так, что немногие работали за всех. Это навело людей на мысль о ценности труда и некоторые стали препятствовать участию в жатве незваных помощников. Начались ссоры и драки, и при этом слова «мое» и «твое» теперь произносились земледельцами все чаще.

К этим словечкам прибегали все больше и больше. Таким образом, были признаны цен-

ность и необходимость труда. В конце концов земледельцы объединились друг с другом для того, чтобы обеспечить себе возможность пользоваться результатами своего труда. Но работали они все же не совместно, а каждый обрабатывал полосу в соответствии со своими влечениями и потребностями. Часто на следующий год приходил новый адепт земледелия, сеял, но вместо того чтобы самому обработать для себя землю, пользовался для посева уже возделанной землей.

Отсюда произошли новая неразбериха и конфликты. «Как,—говорилось при этом,—я в поте лица своего возделал землю, а ты приходишь сеять на ней? Это *поле мое!*»,—добавлял он, но при этом отворачивался, покраснев от стыда, испуганный своим собственным выражением.

Поле *мое!*—повторяло эхо. *Его?*—спрашивал пораженный сеятель. *Мое, его, наше*—повторяли слушавшие соседи.

Собственность была открыта и признана. Позже это новое открытие использовали целые племена; они делили между собой кусок земли и заключали договор всем вместе отстаивать сделанное ими присвоение.

Тогда все вдруг накинудись на оставшуюся свободной землю с ее плодами, каждый в избытке находил нужное ему. Поэтому не возникало никаких возражений против установления недвижимой собственности. Закон вполне подходил к тому времени, но не к нашему.

Каждый закон вырастает из потребностей своего времени, но по мере того, как меняется время, должны изменяться и законы.

Свято чтить старые законы только за то, что они стары — вот причина регресса, или задержки продвижения человека вперед по пути прогресса.

Совершенное общество имеет не правительствo, а управление, не законы, а обязанности, не наказания, а лечение.

Глава четвертая

ИЗОБРЕТЕНИЕ ПРАВА НАСЛЕДОВАНИЯ

Если дом построен на плохом фундаменте, его постоянно приходится чинить. Сколько его ни укреплять всякого рода подпорками, никогда нельзя быть уверенным в том, что из-за какой-нибудь случайности, как, например, ураган, землетрясение или наводнение, он не обрушится людям на головы. В таких случаях пускают в дело балки, известь, камни, для того только, чтобы как можно больше отдалить момент, когда дом рухнет, вместо того чтобы сразу же построить его заново с самого основания.

Так обстоит дело и с понятием собственности.

Прошло немного времени и осложнения в связи со смертью собственников становились все запутаннее, особенно, если собственник при жизни не принес свою собственность ко-

му-нибудь в дар. Но даже это дарение часто оспаривалось детьми умершего или сильнейшими из его соседей. Люди стали искать средство, чтобы избежать этих неурядиц, и нашли его в *праве наследования*.

Теперь в соответствии с этой новой идеей собственность умершего, если он не распорядился ею при жизни, переходила по прямой линии к его детям. Общество заключило по этому пункту договор, который был освящен как закон, и заставило подрастающее поколение подчиняться ему.

Таким образом были улажены споры из-за владения собственностью, причем более сильный всегда брал себе львиную долю, а тем временем понятие собственности беспрепятственно пускало все более глубокие корни в общественном порядке. Поэтому выкорчевать его впоследствии становилось все труднее.

Насколько трудно было внушить молодежи понятие собственности, приучить ее к нему, и насколько хлопотно это было, показывает, между прочим, история древних германцев. Они водили своих детей на поля к знакам, отмечающим их границы, показывали их детям и при этом хорошенько колоутили их для того, чтобы они как следует запечатали в своих умах понятие собственности⁸.

Это служит достаточным доказательством того, что человек от роду не так плох, как некоторые утверждают, если требуется

столько хлопот, чтобы вбить ему в голову понятие собственности.

Создание права наследования как бы закрепило понятие собственности. При помощи нового закона потомки собственников вьедались в собственность и ее продукт, как личинки червя в плод, и съедали и портили его не имея никаких заслуг, кроме той, что старикам заблагорассудилось именно в нем вывести их.

Следствием этого было то, что каждый старался раздобыть себе столько собственности, чтобы вместе со своими отпрысками можно было вести привольную, праздную жизнь.

Если собственность с самого начала породила господ и рабов, то теперь к этому прибавились еще и лодыри. К старому злу прибавилось новое. Так отклонившийся от законов природы порочный порядок мстит сам за себя.

Первый сын, который унаследовал собственность своего отца и благодаря этому' получил возможность жить не работая, вероятно, заливался краской стыда каждый раз, когда слышал от какого-нибудь из своих товарищей, что тот добывает свое пропитание и благосостояние трудом своих рук.

Молодой человек, на которого закон о наследовании наложил клеймо дармоеда, всегда наводит меня на мысль о камне, лежащем среди дороги, который путники должны обходить, чтобы не споткнуться об него. Чем

крепче путник, тем меньше внимания он обращает на такой камень, но чем более утомлен путник, тем досаднее ему обходить это препятствие. А если еще ушибешь об него усталую ногу, то и вовсе хотелось бы выместить на нем досаду, если бы он не был бесчувственной и беспомощной вещью, совсем не виноватой в том, что она приносит людям огорчение. Однако дорожного надсмотрщика следует вздуть, а начальство прогнать ко всем чертям и на его место поставить другое, лучшее, притом способное указать надлежащее место для каждого камня.

Самое замечательное это то, что все эти порочные общественные установления как неравное распределение труда, создание собственности, законы о наследовании не имели столь дурных последствий для первого, выросшего при их введении поколения, как для второго, и что зло такой общественной организации с годами усиливалось и укоренялось, так что эти общественные законы не так вредны были тогда, когда их вводили, как позже, когда они упрочились в силу давности.

Постараемся объяснить это получше.

Представим себе островок, продуктами которого, не работая, может прокормиться десять человек. Представим себе, что эти люди размножились и число их увеличилось втрое и поэтому они вынуждены, по мере своего размножения, подумать о средствах к обеспе-

чению себе пропитания на острове. Средством, наиболее подходящим для достижения этой цели, является усовершенствование работ, ставших необходимыми, и правильное распределение их. Если первые десять жителей островка прежде собирали плоды разбросанных по лесам и долам деревьев и этим жили, если они били дичь, когда их вынуждал к этому голод, то после того, как они размножились, этого было уже недостаточно.

Дичи и плодов стало меньше, появилась нужда, и им пришлось подумать, как помочь этой беде. И вот они начали обрабатывать землю, так как убедились в том что возвращением полезных плодов они во много раз увеличивают средства своего существования. В то же время они ухаживали за животными, как и за растениями, и содержали стада.

Таким образом, по мере того как люди размножались, они добывали от земли все большее количество продуктов. Если бы первые десять жителей острова разделили между собой всю землю и затем каждый из них разделил бы ее между своими наследниками,— что вышло бы из этого через некоторое время? Получилось бы именно такое положение, какое мы имеем теперь. Чем больше размножались отдельные семьи, тем меньше становилось бы наследство каждого наследника. Труд тех, которые не имели собственности, возрос бы к выгоде собственников и, чтобы обеспечить себе пропитание, каждый из неимущих должен был бы прибегать к ра-

болепию, насилию или хитрости. А если бы число этих жителей увеличилось до ста, и десять самых богатых из них сказали бы десяти другим: «Станьте нашими слугами, и мы будем вас кормить», другим десяти, наиболее сильным они сказали бы: «Защищайте закон собственности», и затем еще десяти: «Управляйте нашими запасами» и, далее,— следующим двадцати: «Стройте нам замки, стены, рвы, делайте для нас оружие, предметы роскоши и т. п.»—тогда получилось бы, что пятьдесят человек были бы заняты обеспечением особых выгод десяти наиболее богатых. Из остальных десять человек были бы дети и старики, а оставшимся тридцати, чтобы как-нибудь прожить пришлось бы примириться с условиями, которые создали для них остальные, и притом быть еще довольными самым незначительным и самым скверным удовлетворением их потребностей. Если бы они жаловались, их лишили бы работы и заставили голодать, если бы они стали воровать, их бросили бы в темницу, а если бы они взбунтовались, то других несчастных рабов заставили бы обратить против них оружие.

Прибавьте к приведенному примеру еще денежную систему и вы получите точную картину состояния современного общества.

В течение тысячелетий собственность богатых переходит по наследству к их детям, как бедность неимущих наследуют их дети. Может быть их следовало бы как-нибудь поме-

нять местами? Нет! Ничто не улучшится от того, что состояние попадет в руки того или иного достойного человека; все изменится только тогда, когда никто его не получит или, что то же самое, если каждый будет наследником всей земли.

Не тогда ли стала бы земля действительно собственностью всех, если бы никому не был запрещен доступ в разные страны, города и дома и если бы не было никого, кто один владел бы только для своей выгоды такой долей продуктов, какая необходима для пропитания всех?

Глава пятая

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВОЙН

Раздоры становились все серьезнее и со временем выродились в кровопролитные бои. Это произошло главным образом потому, что умение владеть оружием сделалось ремеслом, и это ремесло прельщало людей, любящих свободу, больше, нежели неравный, неурегулированный труд. Во время этих боев дело не ограничивалось грабежом движимого добра: люди стали отбирать друг у друга землю, уже ставшую собственностью отдельных лиц, и назвали это завоеванием. Чтобы извлечь из этих завоеваний желаемую пользу, собственники земли изгоняли или убивали вместе с их семьями. Страх перед ограблением их собственности заставлял ее хозяев

жаться друг к другу и научил их для сохранения жизни в дни опасности отодвигать на задний план свои личные интересы.

Чем дольше длилась угроза такой опасности для нескольких племен, тем дольше они сохраняли между собою связь для отвращения этой опасности и, таким образом, в результате более близкого взаимного знакомства и, явившейся следствием этого общности языка и обычаев они привыкали считать себя одним отдельным обществом.

Так возникали народы.

Подобно тому, как отдельные люди имели каждый свои собственные интересы, противостоявшие интересам других, отдельные племена и народы также имели свои собственные интересы, противостоявшие интересам других племен и народов. Но личные интересы брали верх над всеми прочими. Люди держались своего народа только до тех пор, пока их личным интересам угрожала опасность со стороны другого народа, и боролись против своего народа, когда это казалось более выгодным для тех же личных интересов.

В результате постоянных враждебных отношений со стороны одних народов к тем народам, которые в надежде на добычу от грабежа и разбоя все больше увеличивали количество откармливаемых ими для этого вооруженных людей, между ними постепенно образовалась пропасть, разделившая народы, и они стали чуждаться друг друга. Чтобы как

можно резко подчеркнуть эту рознь, они призвали на помощь природу и придумали границы. Затем и сами границы также стали собственностью какого-нибудь народа, который с этого времени старался отличаться одеждой, завел свой собственный язык, обычаи и нравы, лишь для того, чтобы его только не смешали как-нибудь с соседним народом.

Так понятие собственности породило самое отвратительное чудовище, поставившее человека ниже зверя,— войну, для того чтобы насыщать взор этого василиска⁹ кровью бьющихся в судороге молодых сердец.

Самый хищный лесной зверь не неистовствует по отношению к своему роду так, как это делает человек; даже со зверьми другой породы зверь поступает так только для того, чтобы утолить свой голод.

Люди же нанося друг другу с диким ликованием смертельные удары, сотнями тысяч с песнями и лязгом оружия надвигаются на цветущие поля, плоды которых гибнут под колесами их повозок и конскими копытами.

Это какой-то страшный, дикий спектакль театра марионеток, нагромождение развалин, груды трупов, реки крови! И пред лицом этого ужасающего безумия еще говорят об «образе и подобии божием»¹⁰! Человек не подобие божие, если он отдает свои лучшие молодые силы искусству разрушения. Подобие божие не может упражняться в убийствах.

Если присмотреться к человеку, поразмыслить над тем, какой нежный и хрупкий у него организм, сколько забот, стараний и труда требуется, чтобы восстановить его здоровье, когда он заболит! С какой мягкостью нужно за ним ухаживать; сколько терпения требуется от него самого, от врача и ухаживающих за ним. А каким кротким делается он во время своей болезни! И если после такого мысленного обозрения сразу представить себе картину поля сражения и войны, увидеть ужасные машины, которые выдумывает война для того, чтобы разрушить это слабое, нежное тело,— то очень легко усомниться в существовании у человека разума, который отличает его от зверя. Одно несомненно: если этот разум, с одной стороны, поднимает человека над зверем, то, с другой стороны, он же часто ставит человека ниже зверя.

Кое-кто скажет: «Вот еще и этот занимается декламацией против войны, а куда же деваться всем людям, если наступит скучный вечный мир? Да ведь они в конце концов так размножатся, что будут вынуждены пожирать друг друга».

Прежде всего следует заметить, что нынешние войны мешают росту населения не прямым обоюдным истреблением. Если они воздвигают преграду перенаселению, то это достигается не числом жертв, павших в боях, а в гораздо большей степени в результате вымирания огромных масс населения вследствие

обнищания и голода, которые приносит с собой война.

Бойня на поле сражения не уменьшает численности населения, потому что гибнут здесь жертвы мужского пола, которые могут производить, но не рожать. Конечно, если бы женщины сразу сотнями тысяч стали душить друг друга, тогда население ужасающим образом быстро уменьшилось бы. Но если бы сегодня сразу исчезло четыре пятых всех мужчин, то через столетие население количественно было бы таким же, как если бы число мужчин оставалось нетронутым; каждая женщина со своей стороны, уж позаботилась бы о том, чтобы способствовать общему плодородию. Это — естественный инстинкт и заглушить его нельзя. Единственным следствием значительного уменьшения количества мужчин было бы изменение брачного законодательства или совершенная отмена брака.

Итак, можно считать, что война, как она ведется теперь,— недостаточное и вредное средство против перенаселения, которого нам, впрочем, еще долго нет оснований бояться. Пусть увеличится народонаселение земли хотя бы впятеро, а когда это случится и человечество увидит, что что-то нужно предпринять, чтобы поставить преграду перенаселению, тогда и можно будет заняться этим; тогда выход будет найден немедленно. Для этого непригодны меры, которые нужно применять в течение длительного времени и которые вдобавок бесполезны. Нужны простые

сильные средства, которые в то же время послужат к усовершенствованию красоты и облагорожению человеческой породы. К тому времени, когда человечество, уже живущее коммунистическим обществом, вступит в такой период, что будет считать нужным принять меры против перенаселения, в обществе произойдут важнейшие изменения; тогда уже недалеко будет то время, когда большинство болезней исчезнет, и род человеческий восстановит свой прежний крепкий организм, свои прежние рост и телосложение. Это будет время, когда среди нас не будут робко скользить живые тени или калек, или существа с врожденными болезнями, которые они могли бы передать через своих детей грядущим поколениям. Тогда в больницах, не в пример прежним временам, не будет больных, и вместе с телесными заболеваниями постепенно иссякнет и источник душевных болезней.

Война—это зло, но не необходимое вовсе времени. Если мы ее желаем, то только потому, что надеемся с ее помощью добиться конца своих страданий. Угнетатели же наши хотят ее только для того, чтобы умножить свои наслаждения и привилегии. Допустим, что природа хотела бы, чтобы человек, над которым нет более сильного существа, уничтожал сам себя для того, чтобы создать искусственную преграду человеческому перенаселению, и что применение такой меры в более поздние века будет так же необходимо, как сегодня убой скота для питания человека.

то ведь нет никакой необходимости в бесплановом умерщвлении самых сильных и полезных членов общества, что кроме того еще и противоречит всякой морали.

Какая нелепость утверждать, что война *необходимое зло, потому что она может предотвратить перенаселение!*

Воспитывать целые армии детей, развивать их интеллект, который отсутствовал у них при рождении, только для того, чтобы заставлять их убивать друг друга, когда они вырастут и смогут воздать обществу за затраченный на них труд и приносить ему пользу!

Поэтому не будем, как говорится, беспокоиться о длине бороды короля: уж он сам подстрижет ее, если она покажется ему слишком длинной. Будем считать войну бедствием, но не всегда необходимым; используем ее в качестве противоядия против других, еще больших бедствий, война необходима до тех пор, пока на земле царит неправда и с неправдой нужно воевать. Потому-то Иисус и сказал: «Я пришел не для того, чтобы принести вам мир, но меч».

Глава   шестая

ПРОИСХОЖДЕНИЕ РАБСТВА

Война тащила за собой хвост ужаснейших бедствий, до сих пор неведомых человеку. На какую бы высокую ступень просвещенности ни поднялся человек и насколько неизмеримо

выше зверя он поэтому стоит, столь же ниже зверя он в некоторых других отношениях. Одним из бедствий, принесенных войной, было рабство. Так как человек стал тяготиться трудом, а воины и вовсе презирали труд, то люди пришли к мысли: вместо того чтобы убивать взятых на войне пленных, извлекать из них как можно больше пользы, их заковывали в цепи, распределяли между воинами, а последние заставляли их работать на себя, обрабатывать землю, изготавливать домашнюю утварь и другие полезные вещи. За это их кормили, но они всецело находились во власти своего *господина*.

Вот когда впервые отчетливо прозвучало это омерзительное слово! До этого времени человек инстинктивно еще страшился произвести его. Но с зарождением рабства совершенно затухли в человеческом сердце, скованном ледяной корой эгоизма и властолюбия, последние остатки любви к ближнему.

Прежде всего человек наложил руку на лесных животных и при этом его кощунственные уста произнесли слово *мое*. Затем он захватил землю и ее плоды и сказал: это *моя собственность!* Теперь же он наложил руку на свое собственное подобие, чтобы своим страшным словом *мое* уравнивать человека с лесными зверями, с землей и ее плодами у ног своих.

Мог ли еще ниже пасть человек?

Господин — не мог, но раб, как мы это дальше покажем, смог.

Хоть бы вы перестали болтать об «образе и подобии божем»! К таким издевательским выражениям очень легко привыкнуть. Нет, человек не подобие божие! Эту вычурную лесть придумали невежды и насмешники, а мы, тщеславные, приняли ее за чистую монету.

«Прочь отсюда, раб! Пожалуйте, господа и собственники!»

Нет, вы не подобие божие, ведь правда же нет? Они не отвечают! Они поняли меня.

Тогда будем продолжать.

Попробуйте ослабить узду эгоизма и ему не будет предела. Так понятие собственности распространилось даже на самого человека. Ничто больше не могло спастись от того, чтобы именоваться собственностью, даже боги. И действительно, скоро стали говорить не *наши* боги, а *мои* боги, не *наш* бог, а *мой* бог. Если бы они могли еще и воздух поделить, они сделали бы и это.

Однако вернемся к человеку, человеку, обращенному своими братьями в собственность и раба.

Неравное распределение труда породило презрение к нему и тягу к праздности. Влечение к праздности породило страсть к добыче, а она породила любовь к войне. Люди, значит, охотнее шли убивать друг друга, чем работать для себя и других.

Но так как война бывала только от времени до времени, и этим кровавым ремеслом нельзя было заниматься изо дня в день в про-

должение всей своей жизни, человек вынужден был после войны опять браться за работу и обрабатывать завоеванную землю. Чтобы избавить себя от этих хлопот придумали рабство.

Отныне один человек обходился с другим так же, как со скотом, и гнал его на работу бичом и палкой. Но — заметим себе хорошенько — его за это все таки кормили.

С этого времени стало два рода людей: люди, которые работали, и люди, которые не работали. Господа и рабы.

Теперь же на свете есть четыре рода людей:

1. Люди, которые занимаются полезным делом.
2. Люди, которые занимаются бесполезным делом.
3. Люди, которые совершенно не работают и
4. Люди, которые занимаются вредным делом или:
честные люди,
обезьяны,
тунеядцы и
подлецы.

Рабы того времени не имели для господина большей ценности, чем скот. Им разрешали размножаться, а детей их использовали опять-таки как рабов. Людей приводили на рынок и меняли на скот или на другие предметы.

Вот в какое ужасное состояние было ввергнуто человечество изобретением собственности. Это показывает, к каким опустошительным разрушениям может привести ненасытная человеческая жадность, если не сумеет отвести искусственно ее поток. Сам человек, разумный человек, со всей своей силой и дарованиями стал собственностью нечестных людей.

Но это было еще не всё.

Это было только прелюдией к большому¹ бедствию, которое было навлечено на головы людей. Люди всё утонченнее и всё хитрее изощрялись — они и до сих пор изощряются в этом — в усовершенствовании способов выжимать из несчастья одних мед для услады других.

Несчастное человечество! Ты еще очень далеко от цели твоих страданий. Не так скоро и не так легко откажутся тираны от пресса для слез и мозга твоих костей. Если у тебя еще сохранились мозг, кровь и слезы, будь готов отдать их, ибо час твой настает. Ты страшишься мучений и все же рвешься к ним, потому что ты голоден и, кроме того, ты ведь потеряешь не весь свой мозг. Самой водонепроницаемой частью его тебя покормят. Твои кровь и слезы будут пролиты не напрасно: смесью из них увлажнят твоё пересохшее горло.

Глядите, как они продираются вперед, чтобы отдать свой мозг, кровь и слезы! Некоторые отвергнуты: у них нет больше крови в сосудах, нет больше мозга в костях, нет боль-

ше слез, чтобы оплакивать свою участь. Она поистине плачевна... Все кончено... Они падают...

И тут же десятки других хлынули на их место. Всё молодые ребята со свежими лицами. О, вы будете желанной добычей для Молоха¹¹ Вот один из тех, кто дождался на этот раз. Теперь хвастайся своими мучениями, жалкий раб! Ты заслуживаешь плевка в лицо!.. Нет, нет! Смилуйся, боже, над этим беднягой!

Разумное двуногое чудовище, ты хочешь быть господином равного тебе? Хочешь превзойти жестокостью пантеру и гиену и при этом, позоря дары, которыми ты наделен, обращаешь к нему лицемерные кощунственные взоры твоих хитрых кошачьих глаз, как бы издеваясь над провидением. Опустит свои глаза; не подымай их до тех пор, пока из нор, где обитают рабы, вырывается хотя бы единый страдальческий стон жалобы, пока лучи восходящего солнца окрашивают в пурпур хоть единую мученическую слезу, пока хотя бы единый вздох угнетенного примешивается к сладостным звукам радости.

А ты, презренный раб, пресмыкаешься в прахе! Ты осмеливаешься поднимать к небу взоры, которые ты застенчиво и в страхе потупляешь перед своим господином! Не для того ли, чтобы небо любовалось твоим позором?

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТОРГОВЛИ

С открытием земледелия пища человека стала более разнообразной и со временем он настолько привык к ней, что разнообразие пищи превратилось в его потребность. В соответствии с различными склонностями человека разнообразились и его потребности и, следовательно, разнообразнее становился и его труд, необходимый для производства продуктов, удовлетворяющих эти потребности. Один сеял преимущественно злаки, другой — бобовые растения, третий выращивал фрукты, четвертый — овощи и т. д. Для обработки почвы нужно было производить земледельческие орудия. При этом кто-нибудь один выделялся особенно хорошей работой, другой — заготовил про запас много таких орудий, которых не хватало третьему, не сумевшему сделать их хорошо из-за недостатка опыта. Наконец, некоторые вообще набивали руку в какой-нибудь работе больше, чем другие, а так как каждый нуждался в продуктах их труда или просто хотел иметь их, люди стали обмениваться между собой этими сработанными ими изделиями, а также продуктами земледелия. Потом стали менять земледельческие орудия на зерно, фрукты на бобовые растения, одежду на оружие и т. д. Цена каждого из этих продуктов определялась не столько количеством времени, затраченного

на его производство, сколько избытком или нехваткой этих предметов, их количеством и качеством.

После того как была признана собственность на определенную земельную площадь, собираемые с нее продукты, естественно, также стали собственностью. Таким образом, оценка работы человека зависела от случая, так как никто не регулировал ее, каждый смотрел на нее как на средство для удовлетворения своих потребностей и получения наслаждений. Поэтому никто не относился слишком строго, если средство, которое приносил один для достижения этой цели, наносило вред средствам и целям другого.

Некоторые накапливали на своей земле запасы лучших материалов для постройки домов, для изготовления земледельческих орудий и оружия, рассчитывая на то, что другим трудно будет найти такие же материалы для собственных потребностей и они поэтому будут вынуждены взять их у запасливых стяжателей в обмен на свои продукты с убытком для себя.

При этой мне старались перехитрить друг друга. Свой плохой товар выдавали за самый лучший и из-за этого появилось взаимное недоверие между людьми.

Этим дело не кончалось. Обманутые стремились отомстить обидчикам и брали силой то, чего им недодали при недобросовестной мене, да еще и сверх того. От этого возникали ссоры, драки, кровопролития и убийства.

Так вместе с собственностью были изобретены воровство и разбой. Оба изобретения были неотделимы друг от друга. Собственность была матерью воровства и разбоя! Скоро, однако, люди убедились в том, какие ужасные последствия принесло с собой это новое зло, и стали принимать меры против него: они создали законы, которые освящали собственность одних и при этом те же самые средства, с помощью которых они приобрели ее, объявляли для других преступлением и за него карали.

На почве разнообразных личных интересов люди объединялись в группы, между которыми все время возрастала вражда. Чтобы придать законам силу, понадобились крепкие защитительные меры. Поэтому собственники лепились поближе друг к другу. Собственность окружали плетнями, стенами и рвами. Так возникли города и укрепленные поселения.

Из-за борьбы, которую вели между собой одно укрепленное поселение с другим, один город с другим, пропадала впустую масса рабочих рук, которые могли бы изготавливать полезные вещи. Покуда люди защищали собственность, сооружали стены, рвы и крепости, ковали оружие и т. п., пока люди сражались, полезный труд был заброшен и из-за упущенного времени накоплялось большое количество невыполненной работы.

Поэтому человек уже начинал ощущать труд как бремя, тяжесть которого сглаживалась только привычкой.

Меновая торговля между тем расширялась по мере того, как появлялось все больше пришлых людей из отдаленных мест с неизвестными дотоле товарами. Эти чужие продукты, появляясь где-нибудь впервые, очень выгодно выменивались; это вызывало стремление и у других самим раздобыть их в чужих краях и таким путем получить большую прибыль. Люди начали совершать путешествия в незнакомые до сих пор места к еще незнакомым людям.

При этом они узнавали о бесчисленном множестве неизвестных им продуктов и таким образом увеличивали источники потребления и труда.

Люди старались перенести некоторые иноземные продукты с чужой почвы на свою и акклиматизировать их. Это удавалось, и возделанная до сих пор земля, которая ничего не приносила, кроме лесных яблок-дичков, терна, репы и небольшого количества зерна, превратилась в цветущие сады, где прекрасно произрастали виноград и южные фрукты.

Однако не всякий занимался трудом, необходимым для взращивания этих продуктов, именно потому, что, как мы уже говорили, труд не был регулирован, и, кроме того, масса рабочих рук была занята производством работ совершенно бесполезных, но сделавшихся необходимыми по причине порочной организации общества. Так труд становился бременем, и каждый изыскивал средства как можно меньше нагружать себя им.

Самые отважные и сильные взялись за оружие, и искусство владеть им превратили в ремесло. Грабежом теперь занимались в больших масштабах, как торговлей. Из-за множества разбойничьих шаек, рыскавших по дорогам за добычей, переход караванов в отдаленные места стал небезопасным. Для защиты от разбойничьих банд понадобилось содержать множество вооруженных людей, или добровольно уделять грабителям как повинность часть своих товаров. Потери, возникавшие при этом, учитывались в известной мере при новом обмене товарами, так что, собственно говоря, эти потери главным образом ощущали только производители товаров.

Вследствие расширения меновой торговли некоторые предприниматели делались собственниками большого количества благ. Благодаря обладанию ими собственник получал большее влияние на дела менее богатых собственником. При этих условиях ему нетрудно было связать их интересы со своим». Так постепенно привыкали к тому, чтобы оценивать значение того или иного индивида мерами добра, которым он владел.

Богатому стали оказывать больше уважения в надежде снискать его благосклонность и благодаря этому произвести с ним более выгодный обмен или получить при его содействии еще какую-нибудь выгоду.

Чем большей степени достигало уважение, оказываемое богатому, тем ниже в глазах

массы падал неимущий. Корыстолюбие стало распространять свои тонкие корни в понятии собственности, и дух равенства покинул места, где люди трудились, и, чтобы отомстить за себя, нашел убежище среди разбойничьих банд в темных лесах и обширных пустынях.

С этого времени всякое краденое добро начали называть собственностью, а обмен крадеными вещами — торговлей.

Глава восьмая

ИЗОБРЕТЕНИЕ ДЕНЕГ

Растущие потребности человека и вызванное этим ростом увеличение продукции труда значительно расширили меновую торговлю и разнообразили её. Увеличение количества и разнообразия продуктов привели при их обмене ко множеству осложнений и ошибок. Например, кто-нибудь привез на базар кожу для обмена ее на инструменты, другой же, привезший для обмена инструменты, часто не нуждался в коже; он хотел приобрести дерево или железо. Тот же, кто хотел обменять железо, не нуждался ни в коже, ни в инструментах, а хотел получить за него ткани, или плоды, или другие какие-нибудь товары. Это создавало значительные препятствия к свободному обмену. Чтобы их устранить, люди пришли к новому открытию — *деньгам*.

Золото и серебро называли благородными металлами и разбивали их на мелкие куски, на которых чеканили изображения самых могущественных людей.

Эти куски металла, которым была присвоена воображаемая ценность, отныне служили мерой для определения ценности товаров, подлежащих обмену. Таким образом, куски металла приобрели ценность, которой они в действительности не имели и которая поднималась или понижалась в зависимости от каприза, удачи и хитрости их обладателя или того, кто их у него приобрел.

Изобретателю денег, вероятно, так же мало было известно, какие ужасные последствия для состояния общества повлечет за собой в будущем его изобретение, как изобретателю пороха — последствия его открытия; пожалуй, еще менее известно, чем последнему, потому что этот мог иметь некоторое представление о полезном или вредном применении его открытия; изобретатель же денег не представлял себе ни того, ни другого и уж меньше всего второе.

Раба прежде заставляли работать кнутом. Благодаря понятию собственности раб сделался приобретением, выменным или унаследованным имуществом. Он, следовательно, имел какую-то ценность так же, как вол, осел или лошадь. Потеря раба была для его собственника убытком.

После введения в употребление денег человек больше не представляет ценности, даже такой, как *скот*. Теперь можно было бы спокойно разрешить работорговлю в Германии, Англии и Франции: нынче на этом не навивешься. Человек в этих странах потерял всякую цену; его, да еще молодого, свежего, крепкого, можно получить за кусок хлеба и при этом еще иметь возможность выбрать кого захочется, и нанимателя еще будут за это благодарить и целовать ему руку.

Во времена рабства каждый хозяин был заинтересован в том, чтобы его раб не слишком переутомлялся, потому что боялся, что тот заболеет и умрет, а это он считал для себя таким же ущербом, как в наше время потеря лошади.

Теперь же, чтобы извлечь барыш из сил рабочего, с него сдирают шкуру, а когда он заболевает или состарится и становится слабее, его выгоняют из мастерской, фабрики или дома, чтобы больше не кормить. А уж тут у ворот стоят толпами новые люди и протискиваются в эти места пыток, из которых, шатаясь, одна за другой, выходят жертвы, как только их силы оказываются исчерпанными.

Теперь часто не требуется ни малейшего труда для того, чтобы найти на самые тяжелые работы уйм готовых к услугам рабов. В некоторых местах в определенные периоды достаточно повесить за окном краюху хлеба, и они сотнями придут на приманку.

Прежде хозяин был заинтересован в том, чтобы раб получал питательную пищу, чтобы он набрался сил для работы и таким образом был в состоянии принести хозяину большие барыши; теперь же ему дают за его работу как раз столько, чтобы он *не сразу* свалился от голода и не умер. Таким образом, молодые силы рабочего медленно исчерпываются, когда же их вымотают до конца, его выбрасывают вон, а на его место впускают новых, со свежими силами, и поступают с ними так же, как с их предшественниками.

С введением в обращение денег рабство приобрело совершенно иной характер. Все внешне отвратительное в нем упрятано под сень договоров и законов. В новое время рабство номинально отчасти отменено, но самое состояние рабства существует и во многих отношениях еще в худшей степени, чем прежде.

Ну, если б мы хоть на три дня получили власть, которую имеют наши угнетатели, уж мы покончили бы с этим пестрым маскарадом надувательства, несправедливости и обмана!

Мне сейчас приходит на ум комедия, которую разыгрывают на протяжении ряда лет и которая называется уничтожением рабства. Человеколюбивые англичане фигурируют в ней на первом месте. Те самые англичане, которые своими действиями как будто говорят китайцу: «Мы хотим, чтобы ты употреблял опиум¹² для того, чтобы отравляться и чтобы ты давал нам за него свой чай для того, что-

бы мы могли лучше переваривать наш бифштекс». В отдаленных странах они запрещают торговлю невольниками, а их собственная страна кишит несчастными рабами, которые тысячами умирают от голода.

И всюду устраиваются такие представления, всюду играют подобные комедии. Так, например, создают общества покровительства животным.

Если бы я был членом такого животнolюбивоrо общества, я приводил бы туда ежедневно в качестве обвинителей двуногих зверей, показывал бы их обтянутый кожей коcтяк, их впалые глаза, запавшие щеки и сказал бы: «Господа! Посмотрите на это бедное животное. Вот как позорно обходился с ним его жестокий хозяин. Он заставлял его работать от 14 до 18 часов в день и вдобавок бессердечно обращался с ним. Посмотрите сюда! Вот это составляло всю его пищу! При том он должен был вскармливать своих детенышей, а из этих лохмотьев — устраивать свое гнездо, чтобы его детенышам и его старой матери было где обогреться». Что ответил бы мне на это президент животнolюбивоrо общества?

Какое злое издевательство! Называть уничтожением рабства частичное освобождение негров, создавать общества борьбы против жестокого обращения с животными и не осуждать жестокого мучительства людей!!!...

Этого ужасающего беспредельно высокого уровня нищета достигла после того, как в

употребление были введены деньги. Для человечества было создана плеть, концы которой глубоко врезаются в сердце и мозг.

Корыстолюбие далеко перешагнуло за границы инстинкта самосохранения. Стыд никогда больше не останавливал. Правители, священники, законодатели, учителя, судьи, разбойники, убийцы и воры — все тянулись жадными ненасытными руками к золоту. Каждый был уверен в том, что его счастье на земле — в золоте.

Чтобы раздобыть этот металл, люди использовали все пути и средства. Сотни тысяч человеческих жизней были принесены в жертву ради того, чтобы извлечь его из глубин земли, куда его так заботливо упрятали мудрое провидение.

Чего прежде могущественные люди не могли добиться силой, то теперь делала продажность.

Прежде раб был все-таки уверен, что получит от своего жестокого хозяина пищу и кров. Теперь его выбрасывали и обрекали на мучительные заботы, которые поглощали треть его жизни и налагали на его лицо печать нищеты, дававшую в глазах его угнетателей право на еще большее презрение.

Прежде никто не знал забот, даже раб; для безработного и неимущего, когда он был голоден, всегда, оставалось последнее прибежище: гостеприимство еще свято чтилось. Но с введением денег иссякли последние остатки прекрасных добродетелей первобыт-

ного человека. Широко распространенная спекуляция, которую ведут корыстолюбцы, создала множество дотоле неизвестных пороков.

Прежде человека обращали в рабство силой, теперь он сам продавал себя самого, свое здоровье, свою молодость и свою кровь за то, что его выучили называть своим отечеством, что по сути дела означает сумму всей собственности и всех собственников в стране, где он родился и где ни он, ни равные ему ничем не владеют и где они не имеют надежды когда-нибудь чем-нибудь владеть.

Прежде молодых девушек и молодых женщин похищали, меняли и выменивали, как скот. Их силой вырывали из объятий родителей, братьев и мужей. Денежная система привела к тому, что женщины сами продают себя денежным мужчинам и меняют свою красоту и очарование, свою непорочность на соблазнительное золото сластолюбца.

Но может быть, если бы они не поступали так, они должны были бы умереть с голоду? Этого, однако, благородный сластолюбец не желает. Пусть они живут, пусть живут ценою своего позора, от которого часто перепадает кусок хлеба их отцам, матерям, мужьям и братьям.

Прежде воровали и грабили друг друга, отнимая материальные блага, необходимые для поддержания жизни. Теперь же, при денежной системе, никто не уверен в том, что сохранит незапятнанными свою честь и имя.

Ослепительный блеск соблазнительного золота заставил тысячи льстецов и лицемеров пресмыкаться в прахе перед сильными мира сего. Простая мужественная душа человека превратилась в душу собаки! Собаки? Да нет же! Собачья душа это по крайней мере — верная, преданная душа. Не могу найти этому сравнения среди животных, лстец гораздо ниже животного. Честный, прямой, искренний человек, который не следует за таким порождением подлости, пресмыкательства и мерзости, навлекает на себя презрение; его высмеивают, преследуют, подвергают гонениям, его осуждают.

Прежде никому не запрещалось воспользоваться горстью плодов с поля своего соседа, чтобы утолить мучительное чувство голода. Теперь по улицам бродят высохшие фигуры в лохмотьях, у которых в глубоких морщинах на запавших щеках можно прочесть «четвертое прошение»¹³. Теперь мало дверей открывается перед ними. Что же им делать, если руки от истощения отказываются служить им? Воровать? Но с тех пор, как ваши предшественники открыли собственность и деньги, ваши законы запретили это. Работать, как раньше, они больше не могут с тех пор как лишились сил. Или может быть они должны помочь вам бездельничать? Но ведь вы не пожелаете делиться с ними. На что же вы обрекаете их? Не хотите ли вы их убить? Вы в ужасе отпрянули. Но все же надо что-то сделать для них. Вы придумы-

ваете: пускай побираются, а мы будем изредка давать им кусочек хлеба. Но ведь вы и нищенство запретили, потому что оно стало стеснять вас. Берегитесь же, чтобы¹ воровство не причинило вам когда-нибудь еще больших неудобств, потому что умереть голодной смертью, живя в роскошном саду, полным лучших плодов, было бы смесью великого мужества и большой трусости, которым даже подходящего имени не найдешь.

Если бы призрак нищеты превратился в разъяренного тигра, быстро проглатывающего свою добычу, тогда вашей денежной системе, вашему понятию собственности и всем порокам вашего общественного строя быстро пришел бы конец, потому что рычание зверя весь мир услышал бы издалека. Теперь же это — медленно действующий яд, постепенно разрушающий организм. Люди блекнут, слабеют, хиреют и умирают, не познав причины своей гибели.

С того времени как существует собственность бывали предатели, но не встречалось таких чудовищных предателей, как те, которые появились после изобретения денег. Только корыстолюбие доводит предательство до вершины позора.

Бесстыдный предатель читающий эти строки! Кто бы ты ни был, будь проклят навеки!

Наши немецкие юноши, которые не имели отечества и хотели его иметь подобно другим, посылают тебе из своих темниц проклятья: «ты разлучил нас с нашими родителями и

братьями, так будь же ты проклят за это, бессовестный предатель, будь навеки разлучен со своими братьями!»

Наши немецкие девушки, избранники которых изнывают в заключении, с разбитыми сердцами клянут тебя: «бесстыдное чудовище, будь проклят навеки!»

Наши старые седовласые отцы и матери в безысходном отчаянии сжимают кулаки; ты лишил их единственной радости и единственной надежды, которая оставалась у них в жизни; их единственную опору в старости, их детище ты у них отнял своим предательством и бросил в темницу. Если в тебе есть хоть искра раскаяния, ступай, брось тридцать серебренников на стол их судей вместе со своей форменной фуражкой и мелкой должностишкой и скажи открыто пред богом и людьми: «Я согрешил. Возьмите ваши греховные деньги, вашу греховную должность и греховную служебную форму. Я хочу покаяться и исправлюсь».

В какой бы уголок нашего старого гнилого общественного строя ни проник наш глаз, мы всюду наталкиваемся на преступления и нужду, причиной которых является неравенство, а средством сохранения неравенства являются деньги!

Обойдите наши галеры, наши каторжные тюрьмы, работные дома, наши залы судебных заседаний, убежища для бедных и сиротские приюты, составьте список того, что вы называете злом и преступлением, выясните

для себя без предубеждения их причины и вы увидите, что не будь денежной системы, не произошло бы и десятой доли этих несчастий.

Что заставляет сына зажиточного ремесленника стать купцом, купца — мошенником, мошенника — лодырем, а лодыря — корыстолюбивым, жестокосердым скрягой, который ради денег готов содрать кожу с рабочего, если это принесет ему барыш. Что, как не любовь к деньгам?

Что заставляет расфуфыренных дочек наших зажиточных ремесленников презрительно морщить нос, если они принуждены вести разговор с рабочими? Почему они смотрят на него свысока, хотя этот рабочий часто бывает более дельным и образованным, чем отец этих жеманниц, который тоже ведь был рабочим? Что, как не деньги?

Откуда берется свободное, смелое и непринужденное поведение одних и робость и застенчивость других? Да дело в том, что у первых есть деньги, а у вторых их нет!

Почему это на лицах до сих пор довольных супругов вдруг появляются морщины, избличающие заботы? Откуда эта неожиданно наступившая холодность между ними и следующий за ней разлад? Именно потому, что при денежной системе счастье или несчастье людей зависят от случайности.

Откуда такая возмутительная разница между разными классами в обществе и вытекающие из нее отвратительные заискивания,

с одной стороны, и отказы, с другой, приказывания и послушание? Откуда это омерзительное лицемерие, лесть, клевета и предательство? Опять-таки, только из-за денег. Каждый испорченный человек, каждое малодушное, трусливое творение старается с помощью этих дозволенных и покровительствуемых пороков добиться чего-нибудь нужного ему, будь это даже только возможность повредить кому-нибудь, чье лучшее положение вызывает зависть. Что губит теплое чувство дружбы и вливает в насмешки и издевательства врага каплю за каплей едкий, горький яд? Деньги, обуславливающие смену нужды и достатка, изобилия и нищеты.

Что возбуждает неприязнь, недоверие и порождает равнодушие между братьями и друзьями? Деньги, их нехватка у одних порождает у них мысль, что другой мог бы помочь, но не хочет.

Откуда берется кислое выражение лица у одного и печальное у другого? Это оба они должны потребовать деньги, которых не могут получить.

Почему целыми массами умирают дети бедняков? Потому что у их родителей не хватает средств, чтобы предоставить им надлежащий уход и питание, а денежная система отказывает им в этих средствах.

Почему оказывают почет этому раздетому надменному глупцу и презрительно относятся к плохо одетому образованному человеку?

Из-за разницы в положении, из-за недостатка или обилия денег.

Почему тех самых детей, которым вчера разрешалось безнаказанно насмехаться над каким-нибудь несчастным человеком, грубые родители сегодня так нещадно избивают? За то, что они сегодня потеряли деньги. Вчерашняя же злая выходка детей не произвела никакого впечатления на сознание сквалыг-воспитателей.

Почему эта девушка больше поглядывает на уродливого, глупого, надутого обжору, чем на молодого образованного бедняка? Потому что ей хочется выйти замуж, и у первого есть деньги, а у второго их нет. Но этот глупец до тех пор не замечает, что при выборе красавицей его в мужья чашу весов на его сторону перетянул денежный мешок, пока соседи своими насмешками не откроют ему глаза. Тогда уж семейная жизнь превращается в ад, и брак из комедии — в трагедию, а жалобы, горестные стоны, крики отчаяния вперемежку с гневным рычанием и бряцанием тарелов образуют отвратительный концерт.

Таковы браки по расчету! «Тот, кто женится, поступает хорошо, а кто не женится — поступает лучше»,— говорил апостол Павел. А почему он так говорил? Да потому что у него самого было столько же денег, как в наши дни у многих бедняков.

Если какому-нибудь ремесленнику благодаря удаче или спекуляции посчастливилось сколотить значительное состояние, т. е. он

сумел выжать наибольшие барыши из своих рабочих и заказчиков, то его детям уже с малых лет большей частью внушается презрение к рабочему сословию. Это уж как бы вошло в обычай у тех, которые считают, что дают своим детям хорошее воспитание. Если это презрение и не проповедуется сознательно, то оно вытекает из различия положений разных классов в обществе, к которому молодежь приучают с самого раннего возраста. Особенно много трудятся мамыши над тем, чтобы привить своим глупеньким дочкам-подросткам тщеславие и надутую надменность, и уж такие девочки потом ни за что не станут выбирать мужа из среды ремесленников до тех пор, пока у них есть надежда заполучить кого-нибудь другого. А почему? Вследствие пренебрежения, которое тяготеет над рабочим сословием, из-за денег, которые другие могут заработать с меньшей затратой труда. И можно ли винить их за это? Нисколько. Потому что основы мира у семейного очага покоятся на гарантии удобной жизни, по возможности без забот. Там, где материальное благополучие находится под угрозой, никакие высокие добродетели не в состоянии поддержать в семье мир и свободу.

Девушки, которые не могут надеяться выйти замуж за богатого человека, постараются лучше найти мужа среди служащих, чиновников, лавочников или каких-нибудь других полу- или полных дармоедов, прежде чем остановят свой выбор на ремесленнике.

Таким образом, то, что посчастливилось накопить одному ремесленнику при помощи своих рабочих, ускользает от сословия ремесленников и через посредство брака свободно предоставляется людям, которые своими занятиями очень мало полезны или вовсе бесполезны обществу.

Если изобретение денег имело целью упорядочить взаимный обмен продуктов, с одной стороны, на время, затраченное на производство продуктов, с другой,— почему бы не вычеканить на них определенную ценность, как, например, цена 1 фунта хлеба, фунта мяса, цена часа работы на уборке хлеба, цена часа работы с иглой, цена бутылки вина, курицы, гуся и т. д.? Совершенно все равно, будет ли на монетах отчеканено множество различных голов правителей с гербами, коронами и скипетрами, или головы гусей, быков, ослов и свиней, будут ли монеты украшены скипетрами и коронами, или утюгом и молотом. По крайней мере не так легко было бы надуть народ, если бы можно было прочесть на одной стороне монеты «Цена часа работы», а на другой стороне он видел бы изображение наковальни, молота, шила, утюга, пилы, резца, топора, циркуля и т. д. На всех монетах должен быть один герб такого рода для доказательства того, что эти рабочие часы имеют одинаковую ценность с продуктами, произведенными в течение этих часов.

Но насколько четко написаны все законы, затрагивающие интересы привилегированных классов, настолько же стараются сделать неясным и неопределенным всё, что касается всеобщих интересов.

Когда фарисеи, желая найти повод к тому, чтобы очернить Христа в глазах правительства как бунтовщика против императора или очернить его в глазах народа как предателя, который защищает римское владычество, задали ему лукавый вопрос, правильно ли платить императору налог, он велел подать себе монету и спросил их, чье изображение на ней. Кесарево — ответили ему. «Тогда, — сказал он, — воздайте кесарю кесарево, а богу божие». «Вы же, — сказал он далее, — не должны носить ни золота, ни серебра в своих поясах».

Он тоже не признавал денежной системы. Зато же эта система и предала его распятию за тридцать серебряников.

Прежде, кроме могущественных и сильных, получить власть над своими ближними мог только тот, кто имел какую-нибудь движимую или недвижимую собственность: склад товаров, стада, дома или землю. Теперь же хитрому человеку стало гораздо легче притеснять и обманывать других. Теперь, если кто-нибудь пожелает иметь какой-нибудь продукт труда, ему нет необходимости силой приобрести раба, который сделал бы для него то, что ему нужно, он не обязан предлагать взамен этого продукта какой-нибудь

другой продукт труда. Ему стоит только заявить, что у него есть деньги и он желает что-то купить. Сразу же к его услугам будут все прилежные и ловкие руки и все талантливые головы. Тогда рабочий может сколько угодно стоять и предлагать продукты своего труда и взывать: «Дайте мне тоже немножко вашей красивой материи, одежды или вашей мебели, я дам вам за них продукты моего труда».

«Твоя работа, — отвечают ему, — не стоит красивой материи и красивой мебели; они не для таких людей, которые работают, а для тех, у кого есть деньги».

При меновой торговле не так легко было произвести пониженную оценку товара, как при денежной системе, потому что этому мешало сравнение продуктов обмена между собой в каждом случае.

При денежной системе рабочий постепенно отвык сопоставлять отношение между продуктом, который он давал и получаемой за него монетой с отношением между продуктом, который он получал и той же монетой. Так в конце концов люди вообще перестали сравнивать и сопоставлять это и начали считать деньги продуктом труда, цену которого обладатель денег мог почти незаметно понижать и повышать в зависимости от того, что ему в данном случае обещало большую выгоду.

Для богатых и могущественных денежная система имела еще то удобство, что деньги

могли немедленно доставить наслаждение и удовлетворение его желаний и притом с такой легкостью, как будто деньги были созданы только в интересах праздности и властолюбия. Поэтому страсти и наслаждения привилегированных классов при новой меновой системе стали проявляться чаще и ненасытнее и вместе с ними возросло бремя труда, ухудшались условия труда, понижался жизненный уровень. Это, в сущности говоря, вполне естественно: ведь, если несколько человек несут тяжелое бремя и один из них намеренно опускает плечо, тогда вся тяжесть ложится на остальных; если одна из лошадей в упряжке перестает тянуть, тем больше должны напрягаться остальные; если кто-нибудь наперед сольет себе жир со всего супа, то другим остается хлебать за милую душу водянистый остаток.

Страшно подумать, какую деморализацию в состоянии общества могла внести денежная система. Куча денег представляется мне большой голубятней: в оборот выпускают небольшие суммы денег для того, чтобы они принесли с собой другие, большие суммы, и их, как только они пойманы, прячут в надежное место. Спекулянты так же перехватывают друг у друга капиталы, как любители-голубятники голубей. И совершенно так же, как голуби пожирают семена с поля бедного хлебопашца, капиталисты пожирают своими налогами и процентами большую часть доходов от его труда.

Денежная система, столь удобная для праздности, властолюбия и наслаждений, постепенно совершенствовалась. Рабочего приучили к деньгам и к убыточным для него последствиям от них без того, чтобы он заметил этот убыток. Следовательно, можно было спокойно продолжать в том же духе. Тогда ввели систему процентов.

Нередко спекулянту требовалось больше денег, нежели у него имелось в наличности для того, чтобы сразу закупить большое количество продуктов. Однако ему не хотелось отказаться от закупки всех продуктов, хотя они ему были ненужны, но потому что путем скупки всех имеющихся продуктов он хотел вызвать повышенный спрос на них, сделать их редкими, или вызвать их нехватку. Это впоследствии давало ему возможность требовать за эти продукты любую цену и получить на них громадный барыш. Недостоящие для спекуляции деньги брали займы у других лиц, которые тоже не хотели уйти с пустыми руками от предстоящего грабежа и выговаривали себе за оказанную любезность часть добычи под названием «проценты».

Когда корыстолюбивым человеком овладевает дух спекуляции, он не знает границ. Чем чаще ему удается объегорить другого, тем больше он увлекается и увеличивает размах своей деятельности. Человек хочет иметь все, что он видит. Это вполне естественный и хороший инстинкт, делающий жизнь прият-

ной, если его не задушат одни или чрезмерно не раздуют другие. Какие дети больше всего лакомятся потихоньку и берут без спросу? Те, за которыми строже всего следят, котормым все запрещают и которых всего лишают. Дайте им все, что имеют другие дети, и тогда вы не должны будете упрекать себя в том, что вы способствовали развитию в них склонности к воровству; если они впоследствии станут в обществе ворами, то виноваты в этом будете не вы, а именно то общество, которое не каждому предоставляет средства к тому, чтобы человек мог иметь все то, что есть у другого.

Но в современном обществе на этот счет господствует другая точка зрения. Если молодой человек становится вором, то говорят: «Виноваты родители, они предоставляли мальчику полную свободу». Нет! В этом виновата денежная система, при которой одному разрешается наслаждаться сколько ему вздумается, а работать не больше, чем он сам захочет, в то время как другие вынуждены мириться с вытекающими отсюда невыгодными последствиями.

Почему лгут газетные писаки, почему крадет вор, почему обманывает купец и почему адвокат защищает неправоое дело? Только ради денег.

Почему работодатели и должники ругаются, дерутся и ссорятся? Почему ссорятся между собой подмастерье с мастером, заказчики, лавочники и покупатели? Все из-за денег.

Почему трактирщик фальсифицирует вино, крестьянин — молоко, масло? Почему пекарь выпекает слишком маленькие хлебы? Все ради денег.

Почему крестьянин привозит на рынок недозревшие фрукты? Почему мясник продает мясо больших животных или слишком молодых телят? Почему некоторые трактирщики угощают своих столовников кониной или кошачьим мясом? Все ради денег.

Почему некоторые люди учат, пишут и действуют противно своему долгу, совести и убеждениям? Ради денег.

Пока наши неутомимые фабриканты законов могут заниматься только изготовлением законов, они чувствуют себя, как рыба в воде. Если же кто-нибудь обратит их внимание на корень зла, тогда они сейчас же сочиняют новые законы и новые наказания только для того, чтобы воспрепятствовать распространению истины. Почему это так? Потому что они сами откармливаются на этом корне зла и у них не хватает мужества пожертвовать своими особыми преимуществами для общественного блага.

Самая тяжелая артиллерия их законов обращена против желания одних иметь все то, что имеют другие. Обладатели денег заряжают и направляют батареи законов и наказаний против тех, у кого нет денег. Следствием этого являются новые насильственные ограбления, которые совершают ненавидящие труд, или те, кому труд не может

принести необходимых им средств к жизни. Сильный открыто грабит слабого и дает этому грабежу название ненаказуемого законом: контрибуция, налог, собственность, спекуляция, проценты, арест имущества, судебные издержки, сокращение заработной платы, биржевая игра и т. п. Слабый же обкрадывает сильного тайком и становится обманщиком, вором и мошенником. Документы наших уголовных судов кишмя кишат страшными и комическими рассказами о таких взаимных ограблениях. Да ведь в сущности вся наша всемирная история сама по себе не что иное, как длинная история о разбойниках, в которой все честные люди во все времена оказывались обманутыми.

По крайней мере половина наших современных браков — денежная спекуляция, в которой главную роль играют приданое, наследство, надежда на получение службы или на чью-то преждевременную смерть. Однако, несмотря на все эти бесспорные истины, некоторые ученые считают, что нападки на денежную систему вредят делу свободы!!!

Вся кровь и слезы, которыми народ до сих пор надеялся оживить хилое деревцо свободы, были напрасны, потому что его болезнь лежит гораздо глубже, чем это предполагали до сих пор. Докопаемся, братья, до самого его корня, потому что в нем скрывается личинка корыстолюбия; здесь она потихоньку подтачивает жизненную основу молодого деревца и доводит его почти до увядания.

Презренный металл! Исчадие ада! Ты, который, низвергаясь кипящей струей, опаляешь ростки любви в человеческих сердцах, как сирокко⁴⁴ опаляет зеленеющие луга райских равнин! О, если бы какое-нибудь чудо вновь упрятало тебя в глубь земли, откуда тебя извлекло человеческое корыстолюбие, принеся для этого в жертву целые народы.

Дрянной отброс, на котором налипла кровь, из-за которого погибает в нищете несчастный рабочий с женой и детьми, потому что именно ты дал возможность тунеядцу снимать вершок с пищи у семьи бедняка и высасывать мозг из костей бедняков, отнимать все, что в тяжелом труде и мольбах добыл рабочий и что он с проклятием и слезами опять отдает. Прочь! Исчезни, наконец, из общества, которое сделало из тебя идола и поклоняется тебе!

Твой сверкающий блеск — это отражение горячих, горьких слез бедняков, вдов и сирот. Как ни горячи и горьки не были бы эти слезы, падавшие на вычеканенное изображение властелина, они не могли смягчить его потому, что оно врезано в холодный металл.

Мертвый металл, заколдованный блеск которого зажег первую войну, отточил первый кинжал, построил первый эшафот! Исчезни из нашей среды, и тогда среди нас вновь поселится всепрощение, безопасность и мир!

Лжебожок, под сенью культа которого про-

цветают предрассудки, суеверия и невежество, из-за которых человечество лишено просвещения, радости, света и жизни! Сгинь вместе со своими проповедниками лжи, и тогда человек снова узнает, что он человек и создан не для того, чтобы жить на муку самому себе.

Отвратительная глыба, которая служила орудием несправедливости, помогла предать самое святое, бросила в темницы и потащила на эшафот миллионы людей, которая распяла на кресте спасителя, потому что он боролся против твоего растлевающего влияния. Будь проклята отныне и во веки веков!

Это ты, золото, виновно в гибели мужественных и сильных людей в сырых и темных казематах! Ты, упав в дрожащую руку бледного предателя, отяготило ее и помешало его устам пролепетать «не введи нас во искушение»¹⁵. Это ты, золото, погнало полную надежд молодежь на жерла пушек; ты заставило людей умереть в борьбе, потому что отказываешь им в праве жить работая.

Это ты, золото, вызвало слезы гнева на глаза престарелого отца, слезы страданий и страха, смачивающие хлеб матери, горячий жемчуг, падающий на грудь бедной покинутой сестры.

Они плачут, стонут, скорбят и горюют в своих темных каморках, эти бедные, несчастные создания; и нет им ниоткуда помощи! Они томятся и ворочаются на своем жалком ложе; жизнь их полна лишений в то время,

как вверху над их головами ликует веселье, раздетое в шелка и бархат.

Здесь душу раздирающие крики отчаяния, там — дикое ликование распушенности.

Здесь изящные дамы высшего света в блеске драгоценностей и жемчуга, платья которых отягощены самыми дорогими кружевами,— там нет даже лоскутка шерстяного одеяла, чтобы в холодную пору укрыть бедное больное дитя.

Здесь тончайшие вина для услаждения праздного мира, там — лишь кувшин воды для рабочего, изнуренного трудом и жарой. Здесь обширные богато украшенные дворцы для тунеядца, там — темные, мрачные, зловонные углы для рабочего.

Слышите ли вы от края и до края земли крик о деньгах?

Властелин и разбойник, купец и вор, адвокат и мошенник, священник и шарлатан — все кричат: денег, денег!

А ты, нищий, тоже кричишь «денег»?

Они не знают, не замечают, что близится тот час, когда стыдно будет взывать о деньгах, и желание выжимать их будет считаться грехом.

Продолжай, обездоленный нищий, со своим нищенским пониманием попрошайничать еще некоторое время. В молодости у тебя отобрали серебро, заработанное тяжелым трудом. Теперь, когда ты больше не в силах работать, пойди, потребуй от них их медяки. Ведь ты привык к пфеннигам, как дьявол к

аду. Но настанет время, когда больше никто не будет кричать «денег, денег!» Все будут кричать «долой деньги!»

Придет время, когда больше никто не будет вымаливать, но будут только *требовать*.

Тогда из бумажных денег, векселей, заещаний, накладных листов, контрактов о найме помещений и аренде, долговых обязательств и облигаций сложат большие костры и все бросят свои кошельки в огонь. Бедняк — свой с медью, зажиточный — с серебром, а богач — со своим золотом.

Тогда на сухих глазах корыстолюбца заблестят слезы братской любви. Сердце порочного человека будет охвачено никогда прежде неизведанным чувством добродетели, а отрицающий бога обратит к небесам благодарственную молитву.

Благо тем, кто доживет до этого дня^ Бо всей истории человечества не будет дня, равного этому, потому что это будет день познания и всепрощения. Тогда ты, нищий, больше не будешь вынужден нищенствовать, а ты, вор и разбойник — красть, а вы, купец и лавочник, не будете больше фальсифицировать продукты и обвешивать, потому что человек извлечет из своего нутра прежнего человека и общество как бы народится заново.

Но прежде чем нам улыбнется солнце возрождения человечества, нам предстоит преодолеть черную пропасть. Еще не один человек, полный свежих сил, задохнется в удушливом воздухе мрачных темниц, не одни глаза

угаснут, не одно сердце разорвется, не один смелый борец падет прежде, чем это сбудется. Еще много провозвестников принципов гармонии и свободы опутает Маммона своей коварной сетью и парализует их юношескую волю к действию. Горькая нужда высосет последние жизненные соки еще из многих несчастных, изнуренных борьбой существ и застелет слезой их глаза. Еще у многих старых матерей будет разрываться сердце от тоски по далеко заброшенному неумолимой судьбой единственному детишу.

Но будет и много пламенных борцов за великое дело. Они, рискуя своей жизнью, благополучием и всем, что имеют, пробьются в поредевшие из-за арестов и тюрем, нищеты и смертей ряды защитников правды и своей отвагой и твердостью вновь поднимут мужество слабых и маловеров.

И немало еще будет побеждено старых укоренившихся предрассудков, немало сомнений будет устранено и немало истин будет раскрыто, прежде чем наступит царство гармонии и свободы.

Два пути ведут к цели, к которой мы так страстно стремимся. Прямой, широкий и гладкий путь заказан нам произволом, властолюбием и эгоизмом сильных мира сего. Чтобы достичь цели той узкой, опасной тропой, на которую мы вступили, требуется много усилий и твердости. Но смелее вперед, товарищи по мукам! Мы все-таки придем туда, а чем больше горя, тем слаще награда.

Видите ли вы необозримые массы, которые теснятся вслед за нами?

Хотя по обоим сторонам нашей колонны орудия тирании, предательства и лжи тут же сражают некоторых из наших товарищей, остальные неудержимо рвутся вперед, обращаясь к павшим со словами утешения:

Не могу протянуть тебе руку,
Потому что как раз заряжаю.
Будь же и в вечной жизни
Моим верным товарищем.

Итак, вперед, братья! С проклятием Маммоне на устах мы дождемся часа освобождения, который превратит наши слезы в живительную росу, земную жизнь — в рай, а все человечество — в единую семью.

Глава   девятая

НАЧАЛО ВОЗНИ С ТИТУЛАМИ

Все силы человеческого знания отныне были направлены только «а то, чтобы обеспечить возможно лучшее и наиболее полное удовлетворение алчности единиц. С другой стороны, — везде противодействовали такому направлению этих сил, которое угрожало установить границы страстям богатых и могущественных ради *блага всех*. При таких условиях жажда наслаждений с помощью денежной системы очень скоро исчерпала круг естественных желаний человека. Полезного знания со всем тем новым и полезным, которое оно

давало, было уже недостаточно для удовлетворения чудовищных, безудержных страстей богатых и могущественных людей. Поэтому их воображение создавало то, что действительность не могла доставить им так легко и скоро.

Чем больше эти люди имели и наслаждались за счет и в ущерб другим, тем больше им хотелось иметь и наслаждаться. Если изобретение денег и права наследования избавило их от обременительной необходимости добывать собственность своим трудом, то теперь при помощи власти, выросшей из права наследования и денег, была устранена необходимость добиваться славы, почета, уважения, власти и привилегий: их просто сделали наследственными! Они делают наследственным всё, для приобретения чего собственным трудом не чувствуют в себе ни мужества, ни энергии!

С этих пор стали говорить: молодой принц, молодой граф, молодой барон, барин, барыня; затем — ваше высокопреподобие, ваша милость, ваше величество, ваша светлость, ваше святейшество, ваше высокопреосвященство, ваше окаянство и т. д. Нас же, если нам случается прогулять столько дней, сколько месяцев безделья бывает у вышеупомянутых, титулуют лентяями, лодырями, босяками и бродягами.

А то еще других называют так: тайные советники, советники посольства, советники высшего окружного суда, советники консистории, надворные советники и т. д.

Найдется ли хотя бы один из ста крестьян, который смог бы мне сказать, какие, собственно, обязанности имеет каждое из выше-приведенных титулованных лиц? Я думаю, что нет. Я был бы в таком же затруднении, если бы меня спросили, что должен делать, например, надворный советник. Сам надворный советник при таком вопросе оказался бы, может быть, в еще большем затруднении, чем я и сто крестьян.

Одно несомненно, что если этим господам действительно приходится заняться чем-нибудь общественно полезным, то себя они уж во всяком случае не станут утруждать. Все обременительное, что связано с их теплым местечком, они перекладывают на плечи низшего чиновника, писца, помощника, ассессора и т. д.; а то, что эта милая служба приносит приятного и блестящего, они преспокойно запикивают себе в карман.

Когда я видел в больших городах в рабочие дни праздно разгуливающих, украшенных орденами мужчин, я по присущей мне привычке часто проводил сравнения. Я думал: самовосхваление дурно пахнет. И если ты толковый человек и тебя восхваляют и возвеличивают, то этим не следует хвастаться, потому что нет ничего омерзительнее, чем выставлять напоказ свои достоинства, добрая половина которых оказывается при этом на поверку преувеличенной и от этого значительно падает доверие к оставшейся второй половине.

Разве пестрые орденские ленточки не то же пошлое пустое хвастовство? Если бы вдруг повелась такая мода, чтобы мастера привязывали хорошим рабочим пеструю ленту в петлю пиджака для того, чтобы каждый по этому признаку узнавал степень его мастерства, а он вздумал бы горделиво пройти по улицам со своим пестрым украшением в петлице,— как бы вы его высмеяли!

Если ты чем-нибудь превосходишь других, если ты совершил что-нибудь полезное, значительное для человечества — держи это про себя. Твой язык-болтун рано или поздно все равно выдаст тебя и вызовет неприятное чувство у других. К чему же еще эта пестрая вывеска?

Однажды какой-то плотник поймал воробья, прилепил ему на головку красную тряпочку и отпустил. Тогда все воробьи, летавшие в одиночку, стали избегать его, а стайки воробьев его преследовали. Это продолжалось до тех пор, пока они не выщипали у него всех перьев на голове и не сорвали таким образом тряпочку.

По мне все эти персоны с их титулами, орденами, важными постами и форменными фуражками могли бы сгинуть, и ни я, и вообще ни один рабочий на всей земле не стал бы горевать об этом. А вы, торговцы титулами, можете ли сказать о нас то же самое?

Едва ли! Тогда признайтесь по крайней мере, что это происходит по той причине, что мы вам нужны, а вы нам нет.

О вашем существовании, как и о существовании всех богатых людей, мы узнаем по непосильным налогам, которые вы нас заставляете платить, по увеличению рабочего дня, а также по сокращению заработной платы. Если бы не это, мы и не знал бы, что такие важные птицы обитают в нашей стране, потому что ваши титулы чужды нашему уху, их названия звучат для нас как варварская музыка.

Нашего же существования вы не можете отрицать: ваши квартиры, мебель, экипажи, ваша одежда, ваши драгоценности, ваши богато сервированные столы свидетельствуют о нашем существовании.

Неправда ли это убийственное доказательство в руках одной партии против другой? Потому что — мы ведь две партии. Это не подлежит сомнению: вы потребляете, а мы производим! У вас посты и звания, у нас же ничего, кроме нашего честного имени! У вас есть деньги, а нам только очень хотелось бы их иметь. На вашей стороне всегда право, мы же всегда неправы и больше всего тогда, когда признаем правыми вас!

Всех этих больших и малых господ и господчиков с их бесполезными большими, малыши и совсем маленькими постами навязала нам денежная система, а нам в благодарность за то, что мы их кормим, даны наша бедность и тяжелый труд.

И до сих пор еще продолжают придумывать все новые должности и звания, чтобы

замаскировать ими праздность и прикрасить сибаритство, роскошь и излишества. Эти люди с их бесплодным трудом и сумасбродными наслаждениями — вот причина, из-за которой увеличивается бремя нашего труда и уменьшается сумма наслаждений, выпадающих на нашу долю.

Для них — всё, чего им захочется, нам же — остатки!

Изысканнейшие печенья, искусно приготовленные сладости, великолепные паштеты, дичь, птица, рыба и южные фрукты, лучшие ликеры и вина и другие лакомства — это *для них!*

Прекрасные дворцы с роскошными залами, дорогостоящая мебель, картины и ковры; красивейшие дома на лучших улицах города и в них просторные, изящно отделанные квартиры, великолепные сады с фонтанами и мраморными статуями, оранжереи с апельсиновыми рощами — это *для них!*

Драпировка, позолота и отделка комнат с навощенными паркетными полами, шелковые занавеси и мягкие пуховики, дорогие кружева на платьях, требующие целых лет труда и служащие им только несколько дней, — это *для них!*

Изящные перчатки, которые шикарный барин и элегантная дама одевают только однажды, и за которое швеи платят по гроше-ну¹⁶ за пару (швея при самом большом усердии может заработать не более двух гроше-нов в день), эти перчатки — *для них*, за их ничегонеделанье. Дневной заработок в два

грошена,— это для нас, для наших жен и наших маленьких детей, для того чтобы они могли поскорее нажить себе горб от сидячей жизни, в то время как те, другие, несколько раз выйдут погулять в перчатках, а затем бросят их.

Различные искусно сделанные вещи, художественная золотая и серебряная посуда, драгоценные украшения с бриллиантами и жемчугами, красивые, богатые библиотеки с книгами в роскошных переплетах, прекрасные гостиницы, великолепные балльные залы первые места в концертах и театрах,— это *для них*! Для них целебные источники и ванны; для них прекрасные загородные виллы, для них все радости весны и жизнь, проводимая в путешествиях; для них сила наших рук и кровь нашего сердца; для них наша молодость и молодость и красота наших девушек и жен; наконец, для них вообще все, что необходимо, полезно, приятно и все, что можно купить.

Всё это — для них. А кто же все это им доставляет? Мы. Почему? Вероятно, потому, что мы в результате долгого рабства стали покорны и трусливы. За что? Вероятно, в благодарность за братское отношение, которым они нас жалуют.

Но если всё это для них, что же остается для нас? Ведь и мы, конечно, не остаемся с пустыми руками.

Еще бы! Об этом и речи не может быть. Ведь, кроме перечисленных нами вещей, име-

ется достаточно других, которых не пожелает никто из тех, кто привык к таким, о которых говорилось выше.

Грязные постели с грубыми простынями и жесткими соломенными тюфяками, деревянные кровати, кишасшие клопами — это *для нас*!

Сломанная, источенная червями мебель, прогнившие полы и сырые стены, грязные окна с разбитыми стеклами с видом на голую каменную стену, водосточную трубу или мусорную кучу * — это *для нас*!

Башмаки со сбитыми каблуками и дырявыми подошвами, одетые на босу ногу, тонкие брюки без подкладки или с заплатами на задней части и коленях, шляпы, ставшие рыжими и серыми, с грязными сломанными полями и выцветшими краями — это *для нас*!

Глиняные трубки со скверным кнастером¹⁷, испорченные, плохие и фальсифицированные вина, сивуха и кувшин с водой — это *для нас*!

Колбаса из обрезков испорченного мяса, мороженный картофель, старая, жесткая и прогорклая репа — это *для нас*!

Мясо старых коров, переставших давать молоко, телята, убиваемые при рождении, овцы, умершие от старческого истощения — это *для нас*!

Все, что портится, прокисает — *для нас*; на это мы твердо можем рассчитывать: кто же еще будет есть это, если не бедняки и

рабочий люд? Кто будет это варить, как не те, которые пускаются на самые отчаянные ухищрения, чтобы из нескольких пфеннигов¹⁸, которые мы затрачиваем на нашу пищу, выжать еще экономию для того, чтобы можно было жить в этом извращенно организованном обществе.

В конце концов к повседневным заботам и мучениям прибавляются еще вытекающие отсюда испорченные личные отношения, когда люди становятся в тягость друг другу, становятся источниками раздражения и муки без всякой вины с их стороны.

Так постепенно земной рай превратили для рабочего люда в юдоль плача, густо посыпанную горькими травами лишений и орошенную родниками горючих слез.

Слезы нищеты, которых не знают богатые и состоятельные люди, продолжают течь и при том гораздо сильнее, чем мы можем описать. Ведь в приступе горя страждущий не ходит в общественные места или к другу выплакать горе. Наоборот, в такие минуты он старается скрыть свои слезы и притвориться веселым. В своем доме, в тихом углу, на своем жестком ложе, а также в одиночестве прогулок — вот где текут слезы, невидимые ни врагу, ни другу, незамеченные пастором, который утешает посулами небесного блаженства, в то время как тебя гнетут земные страдания. Этих слез не видит судья, который находит наши описания слишком грубыми, потому что ему не приходилось познать их

на опыте. Не замечает их и богатый мот, который верит в возможность слез из-за нужды не больше, чем в слезы своей верховой лошади или собаки.

Может ли судить о нашей нужде человек, живущий в достатке? Он никак не может иметь об этом правильного представления. Поставьте для меня на столе, когда я рисую вам картину нищеты, хорошие блюда и вина, дайте мне много денег и милую жену, буду ли я тогда в состоянии правдиво изобразить картины нужды и угнетения? Не думаю. Потому что окружающие нас предметы, положение, в котором мы находимся, оказывают значительное влияние, и человек, занятый своими личными интересами, не может пойти на серьезный шаг для защиты общественных интересов. Запомним твердо: никогда жизнь не станет лучше до тех пор, пока народ уверяет свои интересы людям, которые богаты и которые хотят *оставаться* таковыми, или чиновникам, занимающим хорошо оплачиваемые места и которые хотят *подняться еще выше*.

Глава   десятая

СОЛДАТЧИНА

Это живая, лишенная воли машина, собранная из наших лучших соков, крови и костей и предназначенная для того, чтобы измолоть в порошок самые крепкие наши

кости, пролить лучшую нашу кровь и выжать мозг из наших костей.

Сильные мира составляют план, по которому привилегированные пускают эту машину в ход. Деньги на это дают солидные граждане, рабочий люд отдает цвет своей молодежи, остаток своего здоровья и своей воли. Вдовы и сироты отмечают все это слезами.

Продукция этой машины—страх, ужас, опустошение и *война*\\\ Сколько звезд горит в небесном своде, сколько песчинок выбрасывает море на берег — столько же сердец разорвала война, столько семей лишила она опоры, столько жизней она загасила.

Сколько росинок висит на травах, столько слез пролито страждущим человечеством и еще много, много больше будет пролито до того, как война совершит свое последнее кровавое прощанье с историей человечества.

Тебе хочется стать солдатом, молодой парень? Тогда походи, понаблюдай некоторое время, присмотришься к солдатскому учению и казарменной жизни. Кое-какие факты из этой жизни я тебе приведу. Знай: мое сердце, так же как и твое, усиленно бьется при звуках боевой военной музыки. Знай, что и меня в твоем возрасте чуть не завлек в свои сети величественный вид торжественно выступающих войск.

Не все то золото, что блестит. Поэтому отвлечемся ненадолго от очарования музыки и величественной поступи войска и хладнокровно рассмотрим остальное.

Вот пример: в Пруссии начальникам запрещено бить солдат, но начальники все-таки делают, что хотят, несмотря на это запрещение.

Я видел, как унтер-офицер обучал группу дюжих крестьянских парней и под тем предлогом, что они неправильно брали «на плечо», несколько раз подряд ударял обучаемых прикладом по плечевой кости так, что у бедняг градом катились слезы из глаз. Требовалось вскидывать ружье на плечо с такой силой, чтобы был слышен его лязг. Покорно благодарю за такую школу пыток! Вы не бьете солдата, о нет, это не было битьем! Также не был бит и гренадер в Потсдаме, который показал мне свое плечо. Представьте себе следующую картину. Наверху, на плечевой кости я увидел твердую мозоль, такую же какая образуется у портного на лодыжке от длительного пребывания в сидячем положении, а у кузнеца или плотника — на ладонях от продолжительного занятия своим ремеслом. Левая рука сверху донизу была бурой, красной, синей и зеленой, она играла всеми цветами радуги, а между тем этот человек уже в течение восьми недель не ходил на ученье. Ну, подумал я, если вам нужны солдаты покупайте их себе. В другой раз я видел прусского унтер-офицера, который колотил прикладом ружья попеременно то спереди, то сзади по ногам и коленям марширующих новобранцев, указывая таким образом неправильное положение ноги. Все это не считается битьем.

На лице одного из рекрутов, получивших такой удар, должно быть отразилось ошущение боли — человек ведь, черт возьми, не бревно,— а может быть лейтенант просто невзлюбил его, короче говоря, этот совсем молоденький дворянчик подскочил к рекруту и стал тянуть его за нос и за уши, сопровождая свои действия издевательскими речами приблизительно такого рода: «В-о-от те-е-бе! Болван! Олух! Мужик! Это для тебя недостаточное вежливо? Ты будешь здесь разгрызывать из себя недотрогу? Сострой еще раз такую рожу, тогда живо отправишься ко всем чертям!» Прибавьте к этому издевательский тон и презрительную гримасу, которые рекрут должен был терпеливо сносить и при этом позволять тянуть себя за нос. Представьте себе, что все это продельвается с глубокой ненавистью, и вы получите картину, свидетелем которой я был. Ну, приятного аппетита, подумал я. Получайте, пруссаки, «а здоровье издевательства, а вы, австрияки,— шпигрутены.

Среди прусских унтер-офицеров много женатых. Они вынуждены всюду вынюхивать, чем можно поживиться, потому что жалованья им едва хватает на рюмку водки к солдатскому хлебу. Бедным рекрутам приходится отдуваться и за это, и да смилуется бог над тем, кто беден и не может подмазывать своего унтера! Такого солдата терзают чуть ли не до крови и, конечно, часто подвергают наказаниям. Мне несколько раз пришлось

наблюдать эти современные нравственные пытки, которые тем более возмущают, что рекрут при этом нередко бывает образованный, дельный, ремесленник, а унтер — жестокий грубиян, который предпочел стать солдатом потому, что ему не удалось стать хорошим рабочим. Он прямо от букваря взялся за навозные вилы, а от навозных вил — за ружье. Он знал дорогу только от своей избы в поле и прямо из деревни попал в полк.

И вот, когда такой парень женится и к нему попадет рекрут, который не может давать взятку, тут уж наслушаешься словечек: «Стоять смирно! А не то берегись, черт тебя возьми! Стоит себе этот козел, будто собиравается нитки разматывать. Крепче хватай ружье, оно не сломится!» Или: «Ты, что же, портняжка, думаешь, что у тебя в руках игла? Сапожник! Сапожник! У тебя что — смола на пальцах? Двигается себе спокойно — не приду, мол, сегодня,— приду завтра. Живо на плечо! Раз! Два! Три! Если б здесь была дратва или что-нибудь пожрать, тогда дело пошло бы лучше» и т. д. Все это говорится с издевательством или яростью и сопровождается дерганьем, толчками и пинками. И на это нельзя ответить ни одним звуком, ни малейшим движением или выражением лица.

Конечно, среди унтер-офицеров бывают исключения. Я сам видел такого унтер-офицера, у которого все его подразделение проводило ученье с веселыми, приветливыми

лицами. Но это редкость, исключение, и никто не может рассчитывать на то, что ему попадется именно такой начальник.

Считается, правда, что солдат, если ему уж очень невмоготу, имеет право пожаловаться на своего начальника. Однако солдаты прекрасно знают, что из этого ничего хорошего не выйдет. Такой жалобщик получает славу болтуна и доносчика, чем он, разумеется, в действительности, и является, и каждый новый унтер-офицер, к которому он попадет в подчинение, относится к нему с недоверием и презрением. Этот унтер-офицер, даже будучи на самом деле добрым малым, все же боится, чтобы новичок не донес на него старшему, если у него окажется какая-нибудь погрешность. Поэтому он держит его под строгим наблюдением. Таким образом, из поисков справедливости у рекрута все равно ничего не получается. Он этим скорее ухудшает, чем улучшает свое положение.

В отношении тех, кто в состоянии крайнего возбуждения позволил себе словом или действием оскорбить своего начальника, наказания страшно строги. В таких случаях почти безразлично, какую степень неподчинения оказал провинившийся своему начальнику. Потому что результатом всякого сопротивления всегда бывает полный крах всего будущего провинившегося. Конец драмы такого человека, который дурным обращением был спровоцирован на сопротивление, почти всегда один: тюрьма и смерть.

В Вене не проходит и месяца без того, чтобы не были повешены один или несколько человек из гарнизона за убийство своего начальника или неповиновение ему; другие дезертируют, третьи стреляются и этих последних вове не малое число. Вот как весело военное дело!

Все эти ужасные наказания придуманы для того, чтобы при помощи страха и ужаса превратить людей в безвольную машину. Но все-таки это удается не всегда. Это мы видели после тридцатых годов¹⁹. В Ханау целый батальон отказался стрелять в народ. В другом случае весь Ганноверский полк, вместо того чтобы по приказу своих офицеров двинуться к восставшему городу, направился в противоположную сторону. Еще в одном случае часть прусского ландвера в Гёрлице отказалась выступить к польской границе. Другие четыреста прусских поляков, которых хотели втиснуть в гарнизон одной прусской крепости, повернули с полпути обратно и вернулись назад домой. А вюртембергский военный заговор, жертвами которого тогда были переполнены тюрьмы! Это была критическая пора для старых государственных установлений. Но у этой эпохи не было людей, которые сумели бы ее использовать. У этого движения не было ни одного толкового человека, и ни один из выдвинувшихся людей не сделал или не осмелился сделать что-нибудь такое, что могло бы повлиять на судьбы Германии или человечества.

В Испании и Португалии действовали энергичнее. Здесь простые солдаты несколько раз устраивали революцию, выступая с радикальными политическими требованиями. Однажды мы видели здесь лейтенанта, который с пятьюстами солдатами один, без других офицеров укрепился в здании почты и держал под угрозой весь остальной гарнизон. В другой раз одни солдаты и унтер-офицеры полка, несшего охрану дворца около Мадрида, заставили королеву присягнуть конституции²⁰. Офицеры на это время были арестованы. Это выступление удалось, и восстание шагнуло вперед. Если же это не удалось бы, восставшие были бы расстреляны. В революции всякая задержка губительна. Кто решился тут на первый шаг, должен сделать и последующие.

Кто знает, каково будет дальнейшее течение событий.

Во времена кризиса каждый человек, будь он даже самым заурядным, некрасноречивым и скромным, может совершить невероятное, если в нем только есть мужество и присутствие духа; это имеет значение особенно для такого народа, для которого восстание и революция являются чем-то новым.

Кто знает, какие мысли зреют в молодых головах, формирующихся под влиянием тридцатых годов, и какой им представится случай претворить в жизнь свою жажду подвигов.

Выше, говоря о безобразиях и дикости среды военщины, я касался главным образом Пруссии. Сейчас, мне как раз вспомнился

один случай, впрочем, достаточно часто встречающийся в Австрии при призыве на военную службу и который я здесь ни в коем случае не хочу обойти молчанием, потому что возможно, что, кроме меня, никто не даст себе труда привлечь внимание к этому безобразию.

В Вене у меня был товарищ из Праги. Он получил повестку, предлагавшую ему явиться на призыв. Не имея к этому большой охоты, он спросил, что ему делать. Вы, говорят ему, должны пойти к какому-нибудь врачу из воинского присутствия и взять у него свидетельство о том, что вы непригодны к военной службе. Это стоит, мне кажется, 50 гульденов. Ладно. Парень ищет и действительно находит такого врача, который тут же говорит ему, сколько он должен дать денег за это. На следующий день хозяин его спрашивает: «Ну, что, нашли?» «Да,— отвечает парень, но он требует столько-то денег», «Ерунда,— говорит хозяин,— пойдите к такому-то, этот сделает вам дешевле». Ну, подумал я, здесь при подкупе и взяточничестве чиновников торгуются еще более открыто, чем при продаже старого барахла. Мой товарищ идет после этого к новорекомендованному врачу и пробует торговаться с ним. «Нет,— говорит врач,— я ничего не могу уступить, потому что нас трое: я, лейтенант из присутствия и еще», уже теперь не помню кто. Короче, был еще третий такой же. «Если кто-нибудь из них,— продолжал врач,— уступит вам со своей доли, тогда я тоже уступлю». Так как

мой парень увидел, что нет никакой возможности получить подложное свидетельство дешевле, он уплатил требуемые деньги и получил свидетельство, причем врач научил его, что он должен говорить там при осмотре, как он должен вести себя, когда врач будет исследовать тот или иной орган.

Я просто не верил своим ушам, когда слышал о подобных переговорах и этом мошенничестве. Бедняга мой товарищ, с таким трудом добывавший свои гроши, должен был таким постыдным образом бросить их в не насытную пасть императорских чиновников.

Почему спросил я, чиновники так легко рискуют брать взятки?

Потому что донести может только тот, кто *дал* взятку, а *он сам* за это должен будет понести наказание, ответили мне!!!

А какое огромное бремя налагают военные постои на бедный народ, из которого высосали все соки! Сколько убытков приносят они народу!

Лучшие силы, самые проворные руки отбираются у общества и растрачиваются на благо одного из вредных для общества слоев, для защиты привилегий наших тиранов.

Если подсчитать численность европейских армий, то в них окажется около двух миллионов солдат.

Эти армии, состоящие из самых здоровых людей, не только сами не создают ничего полезного, но вдобавок другие, менее сильные еще должны содержать два миллиона этих

людей, обученных уничтожать жизнь, результаты труда и собственность.

После этого, разумеется, уже нет ничего удивительного в том, что нищета возрастает с такой силой!

Мало того, что народ должен содержать целые орды лодырей и обжор, он еще должен давать им кров, кормить и одевать целые армии здоровых молодых юношей, которых оторвали от полезного труда и заставили защищать систему угнетения.

Тут можно либо смеяться до упаду, либо сойти с ума! Дальше возмущаться уже некуда. Власть имущие посылают разные армии воевать, а за их спинами попы кричат перед алтарями и с амвонов: «С нами и за наше правое дело бог»!

Пусть сам бог разбирается в этой путанице! Он как будто считает справедливым дело каждого из тиранов и, следовательно, должен обеспечить ему победу. Он будто бы очень беспокоится о таком вздоре, как, например, король, границы, язык, отечество, о вздоре, который создан не им, а разобщенностью людей, их собственностью, их глупостью и властолюбием. Они хотят сделать самого господа бога соучастником своих нечестностей, которые этим как бы освящаются в глазах одурманенного народа.

До каких пор будет продолжаться эта комедия?

Право, пора бы уже закончиться этому фарсу.

ОТЕЧЕСТВО, ГРАНИЦЫ И ЯЗЫКИ

Отечество! Сладостное заблуждение! Освященная временем ложь, которая оплетает сердца людей околдовывающим энтузиазмом, затуманивает рассудок и путает их сознание! Ложь, которая служит злейшим врагом прогресса и свободы *для всех*, якорем спасения их заблуждений, последним средством спасения их привилегий. Старая двусмысленная традиция! Долой покрывало, засыпанное пылью тысячелетий, и пусть все увидят, чье ты порождение!

Что это, собственно, такое, «отечество»? Что такое любовь к отечеству? Тут-то и начинается путаница.

Вот оно лежит предо мной на карте Европы, в своем пестро окантованном наряде и кругом него все его сестры в более или менее широких границах! И всюду — правительства, полиция и попы, все кровно заинтересованные только в том, чтобы каждого человека, находящегося внутри всех этих пестро раскрашенных границ, наделить его долей любви к отечеству и заглушить в нем соответствующую долю любви к человечеству.

Попробуем-ка разобраться, каким образом началась эта лживая комедия и как возникли границы.

Если мы обратимся к истокам немецкой истории, то увидим, что за много столетий до

рождества христова с горных высот Кавказа, с Востока и от Черного моря двинулись смелые народы, которые после долгих скитаний осели на местах, составляющих часть нынешней Германии.

Эти люди бесспорно еще не имели никакого понятия об отечестве, как и вообще его не могут иметь кочевые народы, всю свою жизнь переходящие с места на место. Они пришли только затем, чтобы добыть для себя и своих стад пропитание, которое имелось в изобилии в этой необитаемой стране, покрытой густыми лесами.

До тех пор, пока у человека не было необходимости работать для того, чтобы прожить, он кочевал со своими стадами и оружием по лесам и долинам, оставаясь дольше всего в наиболее плодородных местах. Но по мере того как эти кочующие пастушеские и охотничьи племена размножались, отдельные группы начинали испытывать во время своих странствий нужду в зависимости от того, богата ли была добыча от охоты и удачно ли было выбрано место для пастбища.

Тогда нужда сделала человека осторожным и изобретательным: люди стали оставаться на хороших местах из боязни попасть на худшие и найти свои места занятыми другими племенами, если бы они захотели вернуться на прежние места.

С большой неохотой люди свыкались с горькой необходимостью искать место для постоянного жительства, потому что это

сильно ограничивало личную свободу. Однако так как из-за распрей между отдельными племенами добывание пропитания и свобода передвижения для отдельных групп становились все опаснее, пришлось смириться перед необходимостью избрать из двух зол меньшее и приковать свое существование к тому куску земли, который отметило вехами для себя то или иное племя в зависимости от одержанной победы или поражения, понесенного в борьбе с соседними племенами.

Но этого было недостаточно. Были изобретены земледелие и собственность. С течением времени необходимость, невежество и заблуждение крепче привязали человека к определенному клочку земли.

Это был первый набросок отечества. Самое понятие недолго заставило себя ждать.

С понятием «собственности» было тесно связано понятие воровства. И теперь, чтобы обеспечить неприкосновенность собственности первых воров, или ее захватчиков, были изобретены законы и главным образом закон о *наследовании*. Этот закон закреплял землю, границы которой были отмечены вехами одним человеком, за его детьми. Таким образом, последующие поколения получали землю в наследство от своих *отцов* и поэтому называли ее отечество.**.

Значит, настоящее первоначальное понятие «отечества» означает кусок земли, унаследованный от отца, *собственность*. Следовательно, отечество имел только тот, кото-

рый имел собственность сам или общую с кем-нибудь.

Однако среди некоторых племен были многие люди, которые еще не хотели быть прикрепленными к определенному огороженному месту и предпочитали жить охотой, как мало она им ни приносила. Всю землю, находившуюся в границах владений их племени, но никому в частности не принадлежавшую, они использовали как свою общую собственность. Таким образом, они все-таки имели в земле отцов, в отечестве свою долю, которая обеспечивала им пропитание и, следовательно, являлась основным условием их независимости.

Стало быть тот, кто имел отечество, имел также и собственность или *средства и свободу сделаться* собственником; у кого их нет — у того *нет отечества*.

Заметьте себе это хорошенько, вы, защитники отечества!

Итак, мы определили понятие отечества. Теперь для нас не составит труда определить и значение любви к отечеству.

Как уже было сказано, в первобытные времена для свободлюбивого человека не было ничего более противного его природе, как поселиться на ограниченном вехами куске земли. Только позднее, когда люди в некоторых местах сильно размножились и поэтому стали испытывать нужду на местах постоянных кочевий, они решились на это.

Некоторые из страха перед воинственными племенами бежали в глубь лесов и оседали

там, укрывшись от преследователей. Военственные племена не так легко становились оседлыми. Они любили свободу и считали охоту и войну лучшим средством обеспечить себе ее. Они не знали и не уважали ни собственности, ни права наследования, ни отечества. Где бы они ни находились, они чувствовали себя на родине и захватывали там все, что им попадалось под руку. Отсюда — война всюду, где только они приходили в соприкосновение с другими племенами, и грабеж всюду, где они побеждали.

Поэтому получалось так, что мирные народы, занимавшиеся земледелием, либо вытеснялись другими, кочующими, военственными племенами, либо обращались ими в рабство. В этом последнем случае землю, которую они прежде считали своей собственностью, они должны были обрабатывать для своих новых господ, которые делили между собой и завоеванную землю, и ее прежних обитателей.

Таков был характер войны в древние времена: у врага отбирали землю, а оставшихся в живых обращали в рабство; затем и собственность, и людей победители делили между собой так, что каждый получал определенную часть.

Всякому, кто хорошо вдумается в это положение, станет совершенно понятна пылкая любовь наших предков к отечеству. При каждой войне им грозила потеря всего, что могло их привязывать к жизни. Землю, их

собственность, которая обеспечила *каждому* из них пропитание и независимость, могла им сохранить только мужественная защита отечества, или, что то же самое, защита унаследованных ими владений.

А мы-то, чего, собственно говоря, можем бояться со стороны чужих или внешних врагов, что не грозило бы нам со стороны наших врагов внутренних?

Внешний враг не отнимет у нас собственности, потому что нас уже ограбил враг внутренних. Правда, нас больше не убивают просто ради уничтожения, раз мы уже привыкли работать на них до полного изнеможения.

Какую же любовь может теперь питать к так называемому отечеству тот, кому нечего терять в нем, чего бы он не мог найти в любой чужой стране? Ведь отечество это не что иное, как земля отца, унаследованная часть, которая необходима каждому для обеспечения его пропитания и независимости от прихотей других людей. Но если всего этого у меня нет и я для того, чтобы жить в этом отечестве вынужден работать на других, чтобы эти другие могли с наибольшим удовольствием разыгрывать роль хозяев, как могу я любить такое отечество?

Отечество, которое кормит всех своих членов и не кормит лодырей, такое отечество и мне нравится! За такое отечество стоит бороться и защищать его против несправедливости; за такое отечество стоит рисковать своей жизнью, проливать кровь и жертвовать

своей свободой. Но наше?! Великий боже! Да есть ли оно у нас на самом деле, это отечество? Лживые лицемеры! Вы-то хорошо знаете, что у нас его нет, но не хотите, чтобы мы это осознали. Мы, конечно, должны были бы требовать его и для себя, причем с полным правом. Чужих нам необходимо было бы изгнать из него, а своих собрать. Нам следовало бы вооружиться метлой и еще раз хорошенько расчистить дорогу; но об этом речь будет в свое время.

К сожалению, от отечества вы не оставили нам ничего, кроме его названия. Но мы очень скоро швырнем его вам в лицо и соберемся под общечеловеческим знаменем, защитники которого не будут делиться на высокопоставленных и простых, бедных и богатых, на слуг и господ.

Теперь мы в своем собственном отечестве окружены врагами, такими же злыми, такими же тиранами, как и чужеземные враги. Рабство, в цепи которого они нас заковали, — это рабство бедняков под плетью богачей, рабский труд при полном произволе денежного мешка.

Смерть, на которую нас обрекают, это медленная смерть от истощения и лишений. Нищета, в которую они нас ввергли, это мучения рабов под издевательский смех высокомерных хозяев.

И это соотечественники? Это пиявки, сосущие нашу кровь, чужие тираны, которые отняли нашу землю, поработили нас — силой

или хитростью — безразлично. Они не соотечественники, эти лжепатриоты. Они нам более чужие, чем казак и француз.

Они чужие нашему домашнему семейному кругу, чужие нашим страданиям и труду, которых они с нами не разделяют.

Им чужды наши верования, которые они лицемерно исповедуют и высмеивают, чужды и враждебны наши надежды и наша любовь.

Им чуждо наше усердие в труде, потому что сами они бездельники. Им чужды наши лишения, потому что они расточители.

Им чуждо все, что необходимо и полезно нам, они более чужды и враждебны нам, чем калмык или француз.

Им чужды наши обычаи, им становится чужим даже наш язык. Они уже чужие и делают еще более чужими всему, что нам близко и дорого. Следовательно, когда наше отечество станет свободным — вышвырнем вон из него этих чужих нам людей!

Как! — могут они воскликнуть, — это кто же чужой? Только не мы! Потому что нам принадлежит земля, вы же здесь только для того, чтобы ее обрабатывать и защищать. Ваши предки были чужие люди, обращенные в рабство, позже они стали крепостными, а еще позже мы дали им свободу, и они стали теми, кем вы теперь являетесь: крестьянами и мастеровыми.

Хорошо. Может быть и так, но вывод все-таки тот, что мы друг другу чужие, что наши интересы резко противоположны и что очень

скоро мы будем вынуждены думать о чем-то совсем ином, чем защита *вашего* благосостояния и нашей нищеты, каковое положение вы именуете отечеством.

В те времена народы сами защищали землю своих отцов и не пользовались для этого рабами, потому что они боялись, чтобы последние не обратили оружия гиротив своих угнетателей. Теперь же они так преуспели в искусстве укрощения, что важные, богатые и могущественные люди, когда у них явится необходимость защищать свои интересы, посылают друг против друга целые орды своих рабов, заставляя их убивать друг друга сотнями тысяч, а тем даже и в голову не приходит употребить с пользой доверенное им оружие.

Людей, так же как молодых собак, можно приучить впадать в ярость по известному, часто совершенно незначительному поводу. Национальные цвета, знамя, имя правителя часто служат сигналом к тому, чтобы начать высасывать кровь из целых народов и со звериной кровожадностью натравливать их друг на друга.

Все предрассудки, все нездоровые страсти толпы искусственно приводятся в возбуждение для того, чтобы превратить ее во имя любви к отечеству и во имя своей национальности в большую безвольную машину, которой тогда уже очень легко и уверенно смогут распоряжаться тщеславие и властолюбие. Тогда эти люди сотнями тысяч идут против

мнимого внешнего врага, который и сам-то представляет собой не что иное, как такую же живую безвольную машину, состоящую из рабочих, силой или хитростью оторванных от плуга или станка для того, чтобы вместе с первыми разыгрывать кровавую драму.

А в это самое время за спиной у обоих враждебных войск, с дикой страстностью уничтожающих друг друга, сидят господа, которые по всей стране хватают все подрастающие молодые силы и все собранные с таким трудом сокровища и бросают их в огонь войны, стараясь дать ему побольше пищи, сильнее раздуть его.

Отечество в опасности! — кричат они. Увы, мы это слишком хорошо знаем еще с тех пор, как вы самым бессовестным образом присвоили его себе и сделали его своей безраздельной собственностью.

Честь в опасности! Как, и честь? Ну, раз вы принимаете это так близко к сердцу, то, конечно, быстро поможете беде. Наша-то давно в опасности. Она в опасности еще с тех пор, как ее отдали во власть корыстолюбцев, с тех пор, как придумали собственность, наследование и деньги, с тех пор, как придумали множество законов и множество тюрем, исправительных домов и убежищ для бедных.

Религия в опасности! Ну, уж это оставьте! Кому вы еще теперь рассчитываете втереть этим очки?

Наша собственность в опасности! Тем лучше. Вот вы и узнаете, каково тому, у кого ее

совсем нет. Тем лучше. Тогда у нас опять появится надежда вразумить вас, и мы снова станем друзьями.

Теперь вы сами видите, что можете и впредь кричать *сколько угодно, что собственность, честь, религия, отечество и т. д.*— в опасности! Все это не собьет нас с толку. Все это для нас не может оказаться в большей опасности, чем та, в которой они находятся сейчас. А вот у нас очень многое в опасности уже теперь, но об этом вы не упоминаете ни звуком.

Так например:

Наша заработная плата в опасности! Потому что вы, проклятые шкуродеры, постоянно устраиваете какую-то возню вокруг нее и всегда что-нибудь урываете от нее, все больше и больше поднимая при этом цены на продукты питания.

Наше здоровье в опасности! Потому что вы заставляете нас подолгу, слишком подолгу работать. От этой работы без конца человек не рад и самой жизни. С работы в постель и из постели на работу. Лучше смерть, чем такая жизнь раба; мы немного потеряли бы от этого.

В опасности жизнь наших малышей, которым Мы не в состоянии дать необходимые им уход и питание, потому что на это у нас нет средств.

В опасности жизни наших престарелых отцов и матерей, которые больше не могут

сами работать и которым мы не в состоянии оказать достаточную помощь.

В опасности будущее нашей молодежи, потому что у нас не хватает ни времени, ни средств для того, чтобы дать ей надлежащее образование.

Все, словом, все, на что вы ни обратите ваш отравленный взгляд василиска, все за чем ни протянется ваша нечистая ненасытная рука,— все в опасности!

Поэтому совершенно нет необходимости во внешнем враге, чтобы вызвать наш гнев; наш внутренний враг угнезвился нагло и достаточно прочно. Но наше внимание всегда обращают на внешнего врага, как только мы почуем верный след. Что за ловкие фокусники! Будто мы не знаем, что этого «врага» надувают его господа точно так же, как нас надувают наши, в то самое время, как за его и за нашей спинами истинные наши враги, читая газетные сообщения, радуются успеху устроенной ими кровавой бойни.

Пока в обществе царит неравенство и народ состоит из слуг и господ, совершенно безразлично, кто держит бразды правления — какой-нибудь Хинц или Кунц, Наполеон или Фридрих-Вильгельм, или Николай²²: мы, рабочие, при том или ином правителе все равно вынуждены играть роль выючного животного. Все общественные сословия, отечественный, как и чужеземный господин, навьючивают на нас непосильное бремя. Они считают, что раз у нас много терпения и

стойкости, значит мы в состоянии многое вынести. Однако своя ли, соседская ли кошка съедает наш обед, все равно было бы смешно гнаться за соседской кошкой, а свою оставлять на кухне. До сих же пор мы именно так и поступали — соседскую кошку мы выгоняли, а свою оставляли пожирать что ей вздумается.

Чужой враг, как и чужой вор значительно менее опасен, чем свой внутренний, домашний. Если бы русские казаки и французские жандармы заняли Германию, вот тогда стоило бы посмотреть, с каким ликованием и как живо мы избавились бы от них, потому что нам помог бы победить еще владеющий нами предрассудок — национальная ненависть. Сегодняшнего нашего врага, говорящего на одном с нами языке, заставляющего наших людей защищать его и старающегося при этом надеть личину справедливости, врага, освященного привычкой, — этого врага изгнать труднее.

Теперь у нас нет отечества; оно будет у нас только тогда, когда общество станет одинаково заботиться о материальном благополучии всех своих членов. Такое отечество и мне мило; за такое отечество охотно борешься и умираешь. Но только не за наши большие каторжные тюрьмы, которые называются королевствами, где начальник тюрьмы наделен скипетром и короной, надзиратели — шпагами, шпорами и орденами, а служители этой каторги носят оружие- цепи, розги и

веревки. Это не соотечественники! Каторжная тюрьма — не отечество! А поработенные, презираемые люди в ней — не народ!

Разбейте стены этой тюрьмы, уничтожьте отличия власти и подчинения, истребите орудия страха, наказания и насилия! Сделайте так, чтобы нельзя было отличить счастливого от несчастного, преступника от судьбы и палача от кающегося грешника!

Природа создала для всех нас рай. Зачем же вам понадобилось превратить его для себя в небесное блаженство, а для нас в ад?!

К чему эта комедия с высокопоставленными и простыми, бедными и богатыми, с работой и бездельем? Уничтожьте это порождение глупости и безумия! А как прекрасен был наш утерянный рай! В нем находилось достаточно места для всех, он был прекраснее ваших небес и над ним не тяготело проклятие ада. Давайте попробуем восстановить его, и тогда не только некоторые, но все будут иметь отечество, отечество — не ад и не каторжную тюрьму, как то, которое вы теперь зовете этим именем, а отечество, которое заслуживает того, чтобы ради его защиты рисковать своей кровью и жизнью.

Какое дело каторжанам до того, кто главный начальник каторги или какая именно воинская часть несет охрану тюрьмы. Пока им предстоит пребывать в тюрьме их не интересует смена начальства. Но если явится кто-нибудь, кто намерен распахнуть ворота тюрьмы и освободить заключенных от оков,

и если из-за этого он вступит в борьбу со стражей и начальником каторги, к этому человеку каторжане стремительно сбегутся на помощь; это их человек, которого они ждали, будь его соратниками даже собаки и волки.

Назовите мне хоть *что-нибудь* полезное, хоть одно *единственное* благо, которым общество было бы обязано понятию «отечества». Я не нахожу и малейшего такого факта, но зато — массу вреда.

Как сумасбродна, непонятна и смешна уже одна разметка границ, это насильственное, противоестественное отделение человека от человека! Представим себе, что все мироздание — это большой сад, садовник в нем творец, а все человечество — муравьиная куча. Не покажется ли садовнику все совершенно сумасбродным и диким, когда он увидит, что муравьи избороздили весь сад разными границами, ради расширения или сужения которых муравьи искусывают друг друга до смерти? Кто знает, не наблюдает ли незаметно для нас какое-нибудь более совершенное существо и за нашим глупым поведением. Не должно ли это существо считать нас неразумными животными, видя, как из-за клочка земли, который не мы теряем и не мы получаем, мы убиваем друг друга, и как к груди того, кто лучше убивал, прикрепляют раскрашенные волокна из коконов шелковичных червей? Или когда оно видит, что мы, несмотря на то, что все обладаем одинаковым органом речи, который очень старательно со-

вершенствуем, все же не можем понять друг друга, да еще стараемся помешать всему, что имеет целью положить конец этому вавилонскому смешению языков?

Лучшее средство прекратить вечные столкновения из-за границ — совершенно смести их! Границы — это еще одна из многих ошибок, переданная нам по наследству от поколения к поколению, так же как и множество языков. В разнообразии языков нет ничего священного или просто хорошего и ровно столько же полезного; наоборот, оно является сильной помехой для развития науки.

Поразмыслим над тем, как возникли разные языки: создала ли их природа или они являются изобретением человека?

Природа дала всем людям одинаковые органы речи, которые они могут развивать в нужном им направлении; следовательно, от природы они все способны изучить один и тот же язык. Природа наделила человека руками, чтобы трудиться, но не указала же каждой руке, какой именно работой она должна заниматься, как не указала тому или иному народу, что он должен говорить на своем собственном языке, отличном от языка других народов. Она предоставила каждому свободу использовать средства, которыми она снабдила его для работы и речи, в зависимости от его потребностей. Чтобы человек не скучал на нашей прекрасной земле, она наделила его способностью к совершенствованию. Это значит, что она не хотела принудить человека

заниматься из века в век одной и той же работой. Равным образом она также не предписала ему развивать свой орган речи в различных местностях по-разному, чем препятствовала бы людям достичь цели, ради которой **они** тратили столько усилий,— понимать друг друга. Нет! Человек создан для прогресса и непрерывного совершенствования. Ничто, противоречащее этому совершенствованию, не может и не должно быть священным для него. И уж меньше всего природа разрисовывала земную поверхность под карту стран и распорядилась: **и** у вот, здесь вы будете говорить по-немецки, здесь—по-французски, здесь — по-русски, здесь — по-тарабарски и т. д. Если же все-таки оказалось именно так, то это такое же застарелое зло, как и всякое другое. Различие языков — результат разобщенности. Разные роды разбрелись по различным местам и жили там изолированно от других родов, и из каждого рода возник особый народ. Когда же позднее в результате сильного размножения они стали чаще общаться, то оказалось, что они не понимают друг друга, так как каждое племя упражняло свои руки и речевой аппарат на свой лад. Именно потому что каждый народ в период жизни врозь от других постепенно привыкал к своему собственному особенному языку, особенным обычаям и интересам, именно потому **что** они *перестали понимать друг друга, они враждовали* между собой, **убивали и преследовали друг друга.**

Разность языков и, ставшие воплощенной ложью, «отечества» годятся теперь, как и всегда до сих пор, только на то, чтобы разжигать в обществе слепую ненависть между народами. Поэтому друг человечества не должен страшиться растоптать в прах и этот глупый предрассудок любви к отечеству и к своей национальности.

Однако пусть себе неразумные кичатся своими заблуждениями и чтобы сберечь их, распалаяют огонь страстей. В конце концов они не смогут противостоять прогрессу, который своими постоянными открытиями делет все более необходимым уничтожение старого зла.

Если бы мы сегодня поселили на необитаемом острове по несколько детей от каждой нации так, чтобы они могли там прокормиться, то через пятьдесят лет мы нашли бы на этом острове совсем особый народец со своим особым языком. То же произошло бы, если бы можно было валами, рвами, каменными стенами и непрерывными войнами отделить друг от друга на несколько столетий все тридцать три германские союзные государства : в результате долгой изоляции из различных диалектов малых государств образовалось бы столько же различных языков.

Подумать только[^], сколько времени теряет-ся на изучение иностранных языков! Скольким полезным вещам можно было бы вместо этого обучить и **выучиться**, а как неприятно положение очутившегося в чужой стране

человека, который из-за незнания языка узнает людей и весь народ, его нравы и обычаи несколькими годами позже, чем это было бы если бы люди сразу понимали друг друга!

Несколько лет затраченных на изучение чужих языков — это много времени для одной человеческой жизни.

Допустим, что воспитание все совершенствуется так, что *каждый* будет иметь достаточно времени и средств для изучения стольких иностранных языков, сколько захочет. Но к чему такое растрачивание времени?

Предположим, что для изучения иностранного языка одному человеку требуется только шесть месяцев и что каждый будет изучать только один язык сверх своего родного. Тогда окажется, что в течение тридцати лет в Европе будет потрачено на бесполезную учебу сто миллионов лет.

Все современные и будущие поколения вынуждены и будут вынуждены терять драгоценное время на изучение языков. Если, имея в обращении один язык, можно достигнуть того же результата с пользой в тысячу раз большей, почему не добиться этого?

Эта мысль была еще у Лейбница²⁴. Ее восприняли многие после него. Но ее осуществление в жизни возможно только в коммунистическом обществе и должно вводиться без принуждения и не сразу. Однако нет ничего легче и очевиднее возможности ввести один всемирный язык в коммунистическом обществе.

На основе этого принципа возможно осу-

ществление всякой великой идеи. Искоренение повальных болезней, вредных насекомых, облагораживание, укрепление и совершенствование человеческого тела, предотвращение нужды, наводнений и множества других бедствий возможны только в коммунистическом обществе.

Создание нового, красивого, благозвучного совершенного языка уже потому необходимо, что все известные современные языки имеют в себе много несовершенств. А если создание такого языка возможно, то что может быть против пользования им? Но вне коммунистического общества этого, конечно, осуществить нельзя.

Нет, понятия «язык», «границы», «отечество» столь же мало нужны человечеству, как и существующие религиозные догмы. Все эти понятия — лишь устаревшие традиции, порочность которых становится тем ощутимее, чем дольше они существуют.

Само собой разумеется, что общественная организация всех обитателей земли не может быть подогнана под одну мерку до мельчайших деталей. Это и ненужно, и неприятно. Везде могут встретиться свои особенности, однако их можно с успехом привести в состояние чудесной гармонии на благо обитателей всей земли; причем особенности не только не нарушат гармонии, но, наоборот, будут способствовать ей.

Те, которые утверждают, что *каждый народ* имеет какие-то свойственные *только ему*

особые черты, глубоко ошибаются. Это правильно лишь в отношении немногих народов, и у этих немногих их особенности являются следствием господствующего у них застоя, который мешает прогрессу изменить старые привычки и нравы народа.

Так, о французах, например, *говорят, что* у них беспокойный, легкомысленный и жадный к завоеваниям характер. С каких пор у них такой характер и откуда он взялся? Может быть это у них от климата Франции? Но у всех ли французов без исключения завоевательный, беспокойный и легкомысленный характер? Если бы это было от климата, то жители Верхней Австрии так же должны: были бы иметь стремление к завоеваниям. Или может быть это различие происходит от различия почв? Тогда французы, живущие за границей, должны были бы с течением времени утратить свои характерные особенности. Умонастроение французских переселенцев, упорно продолжающих *со* времен Фридриха II совершать в Германии богослужения на французском языке²⁵ и передающих этот порядок своим детям и внукам, говорит как раз против такого утверждения.

Если французы и стремятся к завоеваниям, то так во всяком случае было не всегда. История Франции со времен Людовика XIV⁶, славные дни республики, империя и революция 1830 года сделали их жадными до завоеваний, беспокойными и легкомысленными. Если мы, немцы, когда-нибудь пере-

живем что-нибудь подобное, то тоже сможем стать такими же, как французы. Я думаю, мы еще больше задирали бы нос, чем французы, если бы могли указать в своей истории в новейшее время какого-нибудь Наполеона, или если бы совершили такую революцию, как французы в 1792 году²⁷. Уже теперь, в совершенно мирное время, несмотря на наше так называемое унижение, у нас хватает достаточно политических писак, которые пытаются и за кружкой пива грозят воображаемым завоевателям Рейна кулаком в кармане.

Но если бы у французов завоевательные стремления стали действительно их специфической особенностью, а за исключением французов на всем земном шаре не было бы жадущих завоеваний, то они могли потерять это качество так же легко, как и приобрели его. Французам нужно было бы только прожить еще несколько десятилетий при системе правления Луи-Филиппа²⁸ и получить еще несколько уроков вроде 1815 года²⁹, тогда их завоевательный энтузиазм быстро остыл бы-

Я не могу припомнить, чтобы кто-нибудь назвал нас народом с завоевательными наклонностями. Политические филистеры очень огорчаются по этому поводу и упрекают нас в том, что мы чересчур «граждане мира».

Мы можем гордиться, если это так. Значит, и у нас есть *будущее!* Весь этот старый хлам всяких разделений и разобшении, понятия о различиях, отечествах, языках и границах *не имеет* будущности.

Нам часто стараются втолковать, что каждый народ имеет свои особенные черты. Я не отрицаю наличия особенностей у народов, но утверждаю, что эти особенные черты не заложены в них природой, а являются результатом случая, привычек, истории и обычаев народа; все они *изменчивы* и *непостоянны*. Они могут казаться постоянными только вследствие духовного застоя, с помощью которого деспотизм меднолобых педантов старается из века в век подавить всякую новую мысль, ведущую к прогрессу.

Если у того или другого народа, все же существуют естественные особенности, то они не зависят от границ, которые навязаны каждому народу произволом, удачей, силой и хитростью его повелителей.

Если бы это было так, то характеры народов на всех границах резко делились бы на два различных типа.

Какая нелепость! И такой ерундой оперируют наши современные политики! Это есть та мудрость, которую они приносят нам из своих университетов; вместе с тем это и та луковица, которой они трут себе глаза, когда хотят изобразить, что заслуженно наполняют свой кошель и желудок за счет отечества.

Какую особенность можно было бы указать, например, хотя бы, у немецкого народа, которой *ни и кого* больше не найдешь? Этого нельзя сказать даже о языке. Только немногим народам он кажется каким-то особенным. Однако если у народов есть особенности и

при том такие, которые принадлежат какому-нибудь народу и только ему одному, то уже первой и важнейшей особенностью является его язык. Но даже и язык ни у немцев, ни у французов, ни у англичан не является особенным. Разве в Швейцарии, Франции, Пруссии, России, Богемии, Венгрии, Польше и Америке нет целых племен, говорящих по-немецки? Разве не говорят в некоторых швейцарских кантонах, в Савойе, в Бельгии, на Гаити, в Луизиане и Канаде по-французски? К чему тогда сводится эта особенность языка и что за беда, если он и не совсем особенный?

Несомненно, климат влияет на характер человека, обуславливает различие в питании, жилище и одежда так же, как оказывает большое влияние на развитие потребностей и способностей человека и по всей вероятности будет оказывать его всегда. Но климат не имеет ничего общего с понятиями «народ» и «отечество».

При большой плотности населения Европы, при скученности многих народов и оживленном общении между ними совершенно исключена возможность того, что эти границы и разноязычие, столь мешающие распространению новых идей и открытий, будут существовать вечно. До тех пор, пока люди могли и были вынуждены жить отдельно, такое положение было возможно. Но теперь с открытием железных дорог уже становится ощутимее вредность и порочность этих понятий.

ДЕНЬГИ И ТОРГАШЕСТВО

Разве можно поверить, что лет через пятьдесят, когда Европа покроется сетью железных дорог, все эти границы и отечества не станут омерзительны и стеснительны даже для весьма ограниченного человека? Разве тогда люди не убедятся, что очень неприятно, объехав всю Европу в течение нескольких дней, не быть в состоянии объяснить со множеством различных народов, с которыми придется встретиться? Уже одни только железные дороги натолкнут людей на мысль о необходимости введения всемирного языка, не говоря уже о возможности усовершенствования воздухоплавания. Разве есть хоть один ученый, который будет оспаривать эту возможность? А имея в виду эту перспективу, разве неясно, что при наших значительных успехах в науке *единый* язык совершенно необходим? Не будем же ставить себя в смешное положение, держа всегда наготове пугало чужих завоевательных стремлений. Посмотрел бы я на того иноземца, который был бы в состоянии победить народ, воодушевленный идеей *истинной* свободы. Но до тех пор, пока мы только разыгрываем комедию свободы, окрашивая ее в пестрые национальные цвета и замыкая в границы, пока немецкие рабы бьются за свободу немецких хозяев мы недостойны истинной свободы. Свобода *для всех* или уж никакой! Но такая свобода не позволит втиснуть себя в границы, созданные алчностью и разобщением людей друг от друга.

Куда бы ты теперь на улице ни обратил свой взгляд, в подвальном этаже почти каждого дома свил себе гнездо лавочник и заполнил его продуктами труда других людей. Какая уйма здоровых людей в течение целого дня просиживает на стульях или вертится на крыльце магазина или трактира и теряет столько драгоценного времени, которое можно было бы с такой пользой употребить на благо общества. Это тоже называется «работать»! Попробуй-ка спросить их, работают ли они?

Конечно, и этот род занятий имеет свои неприятные стороны. Я думаю, что большинство ремесленников не так скучает за своей работой, как служащий магазина, который меньше устает, но зато больше стеснен своим хозяином, чем рабочий.

Если даже согласиться с мнением лавочника, что торговля в лавке или кабачке тоже занятие, всякий легко признает, что это занятие преимущественно бесполезное, и число занятых в нем людей при коммунизме можно будет довести до десятой части их нынешнего числа.

Иногда, прогуливаясь по улицам наших больших городов и разглядывая великолепно убранные магазины, забитые произведениями природы и искусства, я часто задавал себе

вопрос, что из всего этого мог бы ты или любой другой рабочий на земле приобрести для себя, проработав год? Даже ни сотой доли этого! О многих предметах роскоши наш брат и не знал бы, на что они нужны; настолько умножилось количество продуктов труда, которые придумала и продолжает придумывать все возрастающая изощренность в наслаждении жизнью.

Какая колоссальная затрата времени требуется для их производства в сравнения с тем, что доступно рабочему для удовлетворения его жизненных потребностей. Тому, кто работает, достается самое худшее из продуктов его труда, остальным же самое лучшее и самое красивое. В обществе, построенном на неравенстве, иначе не бывает.

Какое растрачивание времени и материалов происходит для устройства магазинов с их витринами, конторами и т. п. Общество могло бы при затратах в десять раз меньших создать склады и магазины, значительно более удобные и красивые, чем все эти большие и малые залы, погребки, площадки, пассажи и лавчонки.

А тут еще уйма времени, которое здесь затрачивается впустую! Если хотите позабавиться, наблюдайте во время прогулки внимательно, что делает в течение дня вся эта торгашеская масса в своих лавках, и сопоставьте с этим барыши, которые они себе присваивают. Не удивительно, что Христос, глядя на это безобразие, был охвачен таким

гневом, что стал избивать торговцев веревками без всякого почтения к их богатству.

Глядите: один, скрестив руки на груди, косится в окно, не пройдут ли мимо магазина его постоянные покупатели и не видно ли по выражению лица прохожего, что он собирается попасться к нему на удочку. Другой стоит, прислонившись к конторке, третий почесывает за ухом; а вот тот возится в складках драпировки полок. За этими занавесями они заботливо прячут, маскируют и замазывают недостатки своих плохих товаров, чтобы скрыть их от взоров покупателей. А вон другие кричат до хрипоты, чтобы заманить в лушкунку недоверчивого крестьянина и т. д. Если у вас найдется свободное время в базарный день или в будни, пойдите и понаблюдайте сами; здесь досадное и смешное смеются друг друга.

Всякий раз, когда я занимался такими наблюдениями, я замечал, что число покупателей в разных магазинах находится в совершенном несоответствии с числом продавцов, просяживающих здесь брюки.

В магазинах предметов роскоши я очень редко встречал покупателей и часто высказывал свое удивление тем, что из подобного предприятия можно извлечь средства на такую пышную обстановку и на содержание обилия кормящихся здесь сидельцев.

Но большой штат обслуживающего персонала как будто указывает на так называемый хороший тон фирмы. Даже если бы

купец не считался с обычаем, он все-таки не смог бы сократить число служащих, не подвергая риску собственные интересы, потому что покупатели скопляются в магазине в неопределенные часы, и никто не знает, будет ли и когда именно будет наплыв покупателей, в современном обществе все зависит от случая. И вот, в ожидании такой возможности, нужно оплачивать молодых людей, которые могли бы отдавать свое здоровье и силы чему-нибудь более полезному, нежели барышничать и изображать витринный манекен. Вот в каком извращенном мире мы живем! И кормить-то этих людишек должны мы опять-таки за то, что они нам ни на что не нужны! Лавочник недоверчиво качает головой, когда я утверждаю, что мы, бедняки, кормим его. Ну, конечно, мы, а кто же еще? Кто тег сшил сапоги, одежду? Кто сделал мебель? Кто изготовил товары, которые ты перепродаешь? Кто обставил твой магазин, который ты превратил в преддверие храма? Кто построил дом, в котором ты расположился? Кто обработал землю, которая тебя кормит? Наверное, ты сам, неправда ли?

А какие услуги оказываешь ты обществу за те благодеяния, которые от него получил? Ты берешь товары из рук бедного рабочего и передаешь их в руки богатого покупателя.

Это может сделать любой ребенок, любой старик, для этого не требуется ни особого искусства, ни силы, ни особой науки,

Это занятие не делает чести ни твоему мастерству, ни твоим способностям, ни твоим силам, потому что у тебя здесь нет возможности применить их с пользой для блага человечества. Твои хитрые денежные и торговые спекуляции не полезны для общего блага; это большей частью вредные для него махинации. Если они кому-нибудь и приносят пользу, то только тебе и твоей семье, которая надеется таким путем разбогатеть.

Другое зло, которое несет в себе розничная торговля*, не менее ужасное, чем обогащение путем поднятия цен на предметы потребления и урезывания заработной платы,— фальсификация продуктов, которую всегда практикуют эти классы. Особенно искусны в подделках мелкие торговцы.

Чтобы облегчить себе обман и фальсификацию, они, исходя из этих целей, делают специальные заказы на сукна и ткани. Как только купец приучил своих постоянных покупателей к бархату и шелковой материи определенной ширины, он при заказах фабриканту постепенно урезывает ширину материи. То же самое продельвается и с шейными платками. Не напрасно говорят: когда идешь на базар — гляди в оба.

* Виктор Консидеран³⁰ следующими словами очень метко рисует хаотичность торговли:

Коммерсант — это посредник, использующий в своих собственных интересах общую анархию и неорганизованность промышленности. Коммерсант покупает

Множество предметов намеренно заказывают легковесными и непрочными, заботясь только о том, чтобы это не бросилось в глаза покупателю. Эти вещи обыкновенно продаются несколько дешевле, чтобы привлечь небогатого покупателя. По неопытности их покупают, а затем, несколько раз потерпев убыток, понимают, к сожалению, слишком поздно, что были обмануты и что лучше было заплатить вдвое за хороший товар, чем

городе, где раньше было 20 торговцев, теперь их стало 100, то это вовсе не потому, что там возросла потребность в товарах, продающихся в этих магазинах. Все эти торговцы попросту вырывают друг у друга прибыль, а потери, которые они несут вследствие конкуренции, они возмещают за счет потребителей и к их убытку либо общим поднятием цен, что случается очень часто, либо ухудшением качества продуктов, что и без того постоянно имеет место. При таком положении дел не существует ни законов, ни доверия. Плохие, испорченные продукты продаются за хорошие каждый раз, когда попадается наивный покупатель, которого удастся провести, потому что у него нет необходимых сведений о товаре. Однако купца не очень мучает совесть, он спит спокойно, говоря себе: «Я устанавливаю цены в моем магазине, и никто не принуждает покупать у меня».

Коммерция, захватывающая все товары с помощью хитрых плутней, то повышением, то понижением цен, является промежуточным собственником всех объектов торговли. Она вымогает справа и слева, и она, которая при правильной организации должна была бы быть подчиненным слугой, диктует жесткие законы потреблению и производству.

1. Он держит под ярмом и производство, и потребление, потому что представители и того, и другого вынуждены обращаться к нему либо за готовым к употреблению продуктом, либо за продуктом, требующим дальнейшей обработки, либо, наконец, за первичным материалом.

2. Коммерция грабит общественный организм, сдирая огромные барыши и с производителя, и с потребителя, барыши, которые не находятся ни в каком соответствии с оказываемыми ею услугами и которые вполне могла бы выполнить двадцатая часть ее агентов. Эти лишние агенты, будучи оторванными от полезного производительного труда, являются еще одной формой ограбления общественного организма. Таким образом, коммерция обирает общественный организм и тем, что берет себе слишком большую долю благ, и тем, что отвлекает множество полезных работников от плодотворного труда, превращая в агентов тех, которые вернулись бы к труду, как только разумная организация торговли стала бы на место нынешнего положения вещей.

3. Она грабит общественный организм, фальсифицируя продукты. Эта фальсификация совершается в наши дни с каким-то неистовством, не знаящим никаких пределов. И в самом деле, если в каком-нибудь

готе, где раньше было 20 торговцев, теперь их стало 100, то это вовсе не потому, что там возросла потребность в товарах, продающихся в этих магазинах. Все эти торговцы попросту вырывают друг у друга прибыль, а потери, которые они несут вследствие конкуренции, они возмещают за счет потребителей и к их убытку либо общим поднятием цен, что случается очень часто, либо ухудшением качества продуктов, что и без того постоянно имеет место. При таком положении дел не существует ни законов, ни доверия. Плохие, испорченные продукты продаются за хорошие каждый раз, когда попадается наивный покупатель, которого удастся провести, потому что у него нет необходимых сведений о товаре. Однако купца не очень мучает совесть, он спит спокойно, говоря себе: «Я устанавливаю цены в моем магазине, и никто не принуждает покупать у меня».

Убытки, которые терпит потребитель из-за фальсификации продуктов, неисчислимы.

4. Коммерция грабит общественный организм, создавая огромные запасы товаров и масса их, собранная в одном месте, не находя сбыта, портится.

Послушаем, что об этом говорит Фурье, сам бывший торговый служащий:

Основной принцип всех коммерческих систем — «дайте торговцам полную свободу» — позволяет им быть неограниченными собственниками всех товаров, которыми они торгуют. Благодаря этому они имеют право изъять их из обращения, спрятать и даже сжечь их, как это неоднократно проделывала Ост-Индская торговая компания в Амстердаме, которая совершенно открыто отдавала приказы сжигать целые склады корицы, чтобы поднять цену на нее. То, что она проделывала с корицей она сделала бы и с хлебом, если

купить за полцены такой, который не прослужит и десятой части обычного срока.

А как они мошенничают с продуктами питания! Я слышал об одном крестьянине, который нажил 2 тысячи франков в течение

бы ее не удерживал страх быть побитой народом камнями. Она сожгла бы часть зерна для того, чтобы продать оставшееся вчетверо дороже. Разве мы не видим, как в наших портовых городах ежедневно бросают в море хлебное зерно, которое негодник сгноил, дожидаясь повышения цен на него? В качестве торгового служащего я сам участвовал в этих подлых операциях и однажды приказал выбросить в море 20 тысяч центнеров риса, который можно было бы продать с умеренной прибылью, если бы не безграничная жадность владельца.

Все эти убытки ложатся на общественный организм; они ежедневно проявляют себя по-новому под защитой философского принципа: «Только предоставить купцам полную свободу!»

Коммерция грабит общественный организм еще и в результате потерь, которые происходят из-за рассыпания продуктов в тысячах лавок мелких торговцев и из-за множества транспортировок.

5. Она грабит общественный организм, сдирая проценты без всякой меры, поистине ужасные, ростовщические проценты. Коммерсант всегда оперирует фиктивным капиталом, далеко превышающим его действительный. Имея капитал в 30 тысяч франков, он, используя выдачу векселей, заемных писем, пользуясь принятым в коммерции обычаем перевода оплаты на своего должника (*revirement*), а также рассрочкой платежа за товары, действует, опираясь на капитал от 50 до 200 тысяч франков. Таким образом, он получает с капитала, которого у него нет, ростовщические проценты, вне всякой зависимости от того, чем он владеет на самом деле.

6. Коммерция обирает общественный организм бесчисленными банкротствами; перемены и случайно-

одного года на молоке, которое обильно «святил» водой. А кто покупал у «его эту воду вместо молока? Конечно, мы. У богатых достаточно денег, чтобы приказывать снять для себя сливки.

сти в нашей промышленной жизни, политические встряски и всякого рода преследования создают такие условия, что в один прекрасный день негодник, выдававший расписки и векселя, превышающие, как мы только что показали, истинные размеры его состояния, больше не может привести свои дела в равновесие, и его банкротство, будь оно преднамеренное, злостное или нет, влечет за собой разорение его многочисленных кредиторов. Банкротство одного ведет к банкротству другого, получается цепь молниеносных разорительных и опустошительных банкротств. И всегда от этого страдает производитель и потребитель, потому что коммерция, вообще говоря, не создает ценностей, и, в сравнении с общественным богатством, проходящим через ее руки, то, что она вкладывает, составляет очень незначительную величину.

А сколько, однако, фабрик рухнуло из-за подобных ударов рикошетом! Сколько источников богатства опустошено в результате таких махинаций и разорений!

Производитель поставляет товар, потребитель — деньги, коммерция же поставляет только векселя, ничем не обеспеченные, или если и обеспеченные, то во всяком случае очень слабой воображаемой ценностью. А представители коммерческого сословия не больно-то поддерживают друг друга. В этих немногих словах, собственно, и заключается вся теория вопроса.

7. Коммерция грабит общественный организм благодаря своему свойству покупать только тогда, когда из рук рабочих выходит много товаров и между ними возникает конкуренция, потому что они должны платить ренту за квартиру и землю или — покрыть расходы по работе и аванс. Если положение на рынках именно таково, что цены значительно ниже фактиче-

Особенные успехи достигнуты в фальсификации вина. В Париже на заставах и в самом городе продается «вино» — это особо приправленная, подкрашенная вода, в которой не содержится почти ни капли вина.

ской стоимости товара, тогда коммерсант скупает весь товар, затем поднимает цены на него и этим простым маневром он грабит и производителя, и потребителя.

8. Коммерция обирает общественный организм изъятием значительных капиталов, которые могли бы быть использованы промышленностью, если бы коммерция играла подобающую ей подчиненную роль, т. е. была бы только агентством, производящим прямое транспортирование товаров в большой центр потребления, организованной общине (*commune social-taire*) от более или менее отдаленного производителя. Таким образом, деньги, всажённые в коммерцию, как бы ни были они малы в сравнении с несметным богатством, проскальзывающим через ее руки, все же составляют огромные суммы, которые могли бы быть употреблены на то, чтобы производить, если бы у их промежуточного собственника — коммерции — было отнято право периодического владения капиталами.

9. Коммерция обкрадывает общественный организм с помощью находящихся в ее руках средств, захватывает все продукты в целях личной наживы. От вздорожания материалов, которые коммерсантами с этой целью временно изымаются из обращения, страдают потребители и еще до них мануфактуристы, которые для содержания мастерской должны были принести значительные материальные жертвы и в надежде на лучшие цены старались средствами из своей ограниченной прибыли сохранить свою фирму, являющуюся основой их ежедневного существования. Часто проходит много времени, прежде чем им удастся привести в равновесие цены на материалы, повышение которых им навязал загребала.

Захватывание товаров — это позорнейший порок коммерции, так как оно всегда бьет по слабому месту

Так же обстоит дело с маслом, хлебом, мясом и всеми съестными продуктами. Кто редко покупает, почти всегда платит дороже другого покупателя, привыкшего покупать, имеющего больше денег и знающего толк в товарах и к тому же умеющего поторговаться.

промышленности. Как только возникнет недостаток продовольствия и каких-нибудь товаров, стяжатель уж тут как тут. Он выходит из засады и увеличивает бедствие. Он завладевает запасами, захватывает те из них, которых жаждет потребитель, и, чтобы изъять их из обращения, удваивает и утраивает цены на них, распускает преувеличенные слухи о нехватке продуктов, и, таким образом, распространяя панику, о безопасности которой потребитель узнает слишком поздно. Это банда палачей в организме промышленности, которая рвет и увеличивает раны страдальцев на поле сражения.

Наконец, все эти пороки и многие другие, которых я не привел, умножаются один благодаря другому тонким сплетением торговых сетей, потому что продукты не просто проходят однажды через руки мелкого торговца. Есть такие, которые по 20—30 раз проходят через эти сети до того, как попадут в руки потребителя. Прежде чем сырье достигнет рук рабочего, который придаст им первую форму, оно выскальзывает из когтей коммерции. Из рук первого рабочего оно попадает в лапы той же коммерции. И так каждый раз после приобретения новой формы, которую придает продукту рабочий до последней его обработки. Тогда продукты попадают в большие конторы, которые продают их оптовым купцам и последние их перепродают небольшим магазинам в городах, а уж эти дальше — мелким деревенским лавочникам. При каждом из этих этапов часть продуктов остается в руках торговцев. Судите теперь сами, действительно ли эта дикая коммерция, столь милая сердцу наших экономистов, явля-

У богатого есть то преимущество, что он может покупать все в большом количестве. То же и у состоятельного человека, а рабочий и бедняк должны покупать из третьих и четвертых рук и все обходится им вдвое и

ется таким великим источником народного благосостояния.

Установлено, что торговую корпорацию в современном ее состоянии, в сравнении с ролью, которую она должна была бы играть, можно уподобить кутиле, которого труженики-рабочие, равно как и потребители, вынуждены кормить из своего чистого заработка, *вампир*у, сосущему богатства и кровь общественного организма под тем предлогом, что эти богатства и кровь он пустит в оборот. Установлено, что торговая система в отношении потребителя является пиратом, который рыщет за добычей; что в отношении потребителя она паук, который тклет свою паутину, чтобы высосать кровь у неосторожной мухи. Это сравнение очень удачно, так как, подобно тому, как паук растягивает свою тонко сотканную паутину в наших домах и на полях, так же коммерсант раскладывает на улицах и в общественных местах свои товары и раскидывает свою золотую сеть, и когда муха попадется, когда нависший простак пойман, купец появляется в своей конторе, чтобы высосать его, как муху. Часто можно видеть колышашуюся в воздухе паутину кочующих пауков, так же точно у нас имеются разъезжающие лавочки со своими лавками.

Надувательство в торговле вошло в поговорку. Обманом пользуются настолько беззастенчиво, так широко, что люди не решаются посылать в магазины детей. Это позор, это отвратительно! Вот в каком обществе мы живем, вот какова действующая у нас торговая система. Вот каких ученых мы имеем! И такие люди направляют общественное мнение! Что это за люди!.. Что за ученые, которые преклоняются пред коммерцией, курят фимиам пред алтарем коммерции, благоговейт пред коммерцией, называют ее отцом и

второе дороже, чем богатому; вдобавок покупаемое имя большей частью фальсифицировано. В то же время богатый не так страдает от подделок потому, что у него есть средства, чтобы платить наличными, и поэтому он покупает хорошие продукты и сразу помногу.

матерью, кормильцем нации! Такие люди достойны сожаления! Сожаления и презрения!

Право удивительно, что партии не находят ничего достойного критики, кроме правительства! Как будто только правительство проглатывает все богатства нации, точно оно одно тот насос, который предназначен выкачивать из нации все средства к существованию. До необходимости экономии государственных расходов, уменьшения налогов, сокращения платы бесполезным служащим, до требования дешевого правительства мы дошли за 40 лет. Вот наше великое революционное знамя, вся наша так называемая политическая мудрость!

Да, чиновники, армия, полчища собирателей налога и таможенных чиновников, полиция и множество других отраслей управления бесполезны, и содержание их обходится дорого. Часть этих учреждений должна исчезнуть, а остальными нужно управлять экономнее. Но вы не достигнете этой цели политическими реформами, которые влекут за собой постоянное увеличение армии «полиции». Движения, которые сотрясают нашу политическую почву, необходимым образом вызывают новые отрасли государственного управления и удваивают, утраивают и учетверяют налоги. Опыт и логика доказали это достаточно ясно.

Коммерция налагает на народы свои налоги, такие же, как те, что налагает правительство. Армия торговцев — такая же армия, как и военное сословие, несчетная армия, которая постоянно наступает, чтобы закупать, продавать, оценивать и захватывать. А какая разница? Здесь платят своей жизнью и кровью и получают за свои раны очень редко умеренную олаго-

При господствующей системе неравенства купец имеет возможность держать себя так, будто он своим духом спекуляции поднимает торговлю и промышленность и таким образом доставляет многим работу и хлеб, а следовательно, заслуживает этим их благодарность. Это заблуждение так глубоко ввелось в сознание народа, что с ним сталкиваешься всюду. Часто говорят: «В торговле и коммерции застой, поэтому и нужда так велика». Однако это совсем неверно. Чем больше при социальном неравенстве развиты торговля и коммерция, тем больше нищета трудящихся классов. Посмотрите на Англию:

дарность; здесь почет, дворянство, тшеславие, самопожертвование и отечество! Там — деньги! Обман! Деньги! Деньги! Деньги!

Торгашеский дух вносит во все артерии общественного организма развращенность и эгоизм; он уничтожает и разрушает национальные чувства**, он приводит в брожение все низменные, эгоистические, губительные чувства; он развенчивает все благородное и высокое; он мерит аршином и взвешивает на своих конторских весах искусство и поэзию. Для него человек только машина, которая считает, множит, складывает и вычитает. Его литература — вексель и заемное письмо; его стратегия — повышение и понижение цен; его государственные перевороты — это коммерческий трюк; его шпага — аршин, его военнопленные — заключенные долговых тюрем, его победа — удачное высасывание благосостояния народов; его отступление — банкротство; его честь — деньги! его слава — деньги!

** Это его единственное полезное и благотворнейшее действие (*примечание автора*).

в какой стране больше чем в ней развиты промышленность и торговля? А с другой стороны, в какой стране еще так велика нищета, как здесь? Почему, же это происходит? Да потому, что торговля и коммерция имеют свойство накоплять как можно больше богатств и таким образом благоприятствуют увеличивающимся распушенности, праздности и расточительству в ущерб трудящимся классам, создавшим это богатство.

В странах и городах, где больше всего процветают торговля и коммерция и где ими больше всего занимаются, живет большинство богатых людей, и именно в этих странах, где находится больше богатых людей, имеется и больше бедняков, потому что одно неотделимо от другого.

Присмотритесь ко всем тем странам, в которых меньше всего преуспевают торговля и коммерция, и вы увидите, что роскошь в них не доведена до такого высокого уровня, как в других странах; вы увидите, что и там есть богатые и бедные, как и всюду, но такой ужасающей бедности, такой ужасающей нищеты, как в торговых странах, вы здесь не найдете.

Если какое-нибудь торговое государство не велико и может заниматься исключительно торговлей, если его географическое положение благоприятствует этому, оно, конечно, получает выгоду от торговли потому, что все жители в нем купцы, лавочники или

продавцы. Но тогда от этого страдают другие народы, продуктами которых из года в год барышничает такой маленький народец. Наши ганзейские города — именно такие торговашские республики, в которых почти все попадающее в них грузится на суда; они выменивают и барышничают в ущерб тем, чьими товарами они торгуют, и тем, кому они переправляют товары первых. Эти народцы еще не столь сильно ощущают гнет тяжелой нищеты, потому что их богачам приходится спекулировать не столько продуктами своей страны, сколько иностранными, и они одновременно держат в своих руках торговые дела многих народов, у которых продолжают существовать таможенные и гильдейские законы, не благоприятствующие фабричному делу и свободе промышленности. Кроме того, фабрики в наше время не приносят так много барышей, как торговля; здесь конкуренция слишком велика, да и первый опыт всегда связан с риском.

Так же как отдельные личности ведут за счет других более широкий образ жизни в соответствии со своим положением или занятием, существуют целые народы, которые за счет соседних наоодов живут в среднем лучше их и меньше работают, само собой разумеется, не без некоторых исключений.

Возьмем для примера Женеву, которая ведет большую торговлю часами, производимыми в этой стране. Кто строит женевацким дома? Савойяры. Кто изготавливает для них

мебель и одежду? Немцы. Ткани им поставляют французы.

Больше половины плотников, сапожников и портных, работающих в Париже, составляют немцы. Очень странное впечатление производит отсутствие учеников, которых не встретишь нигде в мастерских больших городов Франции и Швейцарии. Поэтому множество немцев, переселяющихся каждый год во Францию, надеется найти там работу и устроиться; хотя именно вследствие большого наплыва рабочих уже не так легко устроиться, как хотелось бы.

Парижане не так глупы, чтобы гнаться за таким занятием, как портняжество, при котором требуется проводить целый день, сидя на скрепленных ногах в комнате с испорченным воздухом. Парижане охотнее занимаются продажей спичек или чистой сапог на улицах.

В Швейцарии мало фабрик. Французы и немцы поставляют им мануфактуру. 6 обмен они продают битый скот и сыр. Однако это вовсе не означает, что Швейцария — хваленая страна, где реки текут млеком и медом. О нет! До этого далеко. Здесь имеется множество бедняков, но бедность здесь не так резко бросается в глаза, как и в других странах. Швейцарцы старательно прячут свою бедность. Однако я много раз слышал, что в некоторых местностях бедность достигла высокой степени. Среди швейцарцев есть и богачи, и нищие, и заключенные в исправи-

тельные дома, и слуги. Это достаточное доказательство того, что бедность должна быть влека.

В Швейцарии в Люцернском кантоне я был в таком месте, где семилетние дети, видя у меня в руках хлеб, который я ел, спрашивали у своих родителей, что это такое. Они знали только молоко и картошку.

В Базеле, очевидно, имеется особенно большое количество богатых людей, потому что им принадлежит почти весь город Мюльхаузен³¹. В новых кварталах Мюльхаузена нет ни одного дома, который не был бы у них в залоге. Таким образом, последствия большого богатства некоторых базельцев чувствуются в Мюльхаузене сильнее, чем в самом Базеле, так как хозяева фабрик должны ежегодно отсылать в Базель проценты за капитал, взятый ими займы для постройки, а мюльхаузенские фабричные рабочие должны заработать эти деньги для своего хозяина.

Так же обстоит дело с коммерцией. Заgrabастывание богатств в одни или немногие руки не всегда порождает нужду рядом или вблизи торговца, а часто распространяется на довольно отдаленные местности, как это бывает, когда, насыпая холм, берут землю откуда-нибудь подальше, чтобы избежать ям у его подножия.

Присмотритесь в базарный день к крестьянам и крестьянкам, которые направляются со своим нехитрым товаром в город, чтобы там его распродать. Большинство их

приходит издалека и часто тратит на дорогу много часов. Каждый приносит то, что надеется сбывать, но никто не знает, что больше всего требуется. Поэтому некоторые, потеряв напрасно время, должны весь свой товар или часть его нести обратно. Другим приходится продать свой товар с самой незначительной прибылью или даже с убытком, только бы не вернуться домой совсем без денег.

Сколько тысяч продавцов и покупателей стекаются на базар, столько же тысяч дней или часов теряет при этом общество. Эти люди, тесно придвинувшиеся друг к другу со всей их маленькой торговлей, представляют довольно забавное зрелище. Все они хотят засыпать город продуктами, и никто из них толком не знает, что нужно городу, поэтому сотни из них имеют в небольшом количестве один и тот же товар, как фрукты, масло, сыр, яйца, зелень и т. п. И из-за множества отдельных кучек товаров собирается множество повозок, корзин и людей, тогда как, если бы все эти сыры, масла и яйца сложить на один воз, как это было бы в коммунистическом обществе, не нужны были бы сотни корзин и мешков, и сотни крестьян не должны были бы выбиваться из сил над упаковкой и доставкой на рынок своих товаров. Им не нужно было бы летом всякий раз пол дня изнывать от жары, а зимой мерзнуть. Они не должны были бы беспокоиться о том, будет ли продан товар, волноваться, ссориться и даже драться из-за этого друг с дружкой.

кой. При этом портилось бы меньше товара, меньше ломалось бы. Покупатели со своей стороны тоже не были бы вынуждены напрасно терять время или огорчаться из-за неудачной покупки или обмана. Покупатели также не имели бы нужды в сотнях корзин, мешков и ящиков, и не подвергались бы опасности быть, обкраденными, или изорвать и испачкать свою одежду.

Чтобы увидеть все уродство старого общественного порядка, ходите на рынки, и там возле лавок делайте свои наблюдения. Кого и тут не озарит свет истины, тот накрепко поражен слепотой.

К этому нужно прибавить еще безграничную сумятицу при поездках и транспорте товаров. Часто товары пересылаются на какой-нибудь отдаленный рынок из страны, находящейся во многих сотнях часов езды от него, и там перепродаются из одних рук в другие; при этом часто случается, что товары возвращаются в ту самую местность, где они производятся.

Теперь представим себе, какую огромную армию пограничных солдат и контрабандистов приходится кормить Европе! Ну, а кто же должен содержать этих людей? Только тот, кто производит товары, и никто иной, потому что тот, кто их потребляет, часто живет ничегонеделаньем.

В Лейпциге во время ярмарки подготовка к мошеннической торговле ведется по-настоящему, фабричным способом. В это время

огромные массы товаров заготавливаются маленькими пакетами для того, чтобы бесчисленным контрабандистским шайкам было легче провезти их тайком через русскую границу. По крайней мере так было лет десять назад. При этом не было ни одной торговой фирмы, которая хотя бы отчасти не занималась этим мошенничеством. Коляски, мебель и одежда — все заготавливается для этой цели. Кому нужен этот бесполезный труд?

А это для того, чтобы в интересах единиц преодолеть давление власть имущих, действующих в своих частных интересах. Всякую только хищения, воровство и грабеж! Вечная война индивидуальных интересов. Добычу после победы делят между собой хитрые и могущественные, а издержки войны падают на трудовой народ.

Глава тринадцатая

РЕЛИГИЯ И НРАВЫ

Религия — это загадочный путеводитель через неизвестный здешний мир (земное существование) в еще более неизвестный потусторонний мир (небесное блаженство), или другими словами — стремление к идеалу высшего совершенства. Для свершения земного путешествия, ведущего к высокой общечеловеческой цели, и политика, и фантазия избрали совершенно разные пути, а карты

для путников раскрасили в один и тот же цвет.

Очень четко обозначенная на них крутая, ухабистая, пыльная дорога — это путь нищеты и бедствия. Тесными рядами, молча и терпеливо бредут поколение за поколением, обливаясь потом, изможденные люди, устремив скорбный взгляд вперед к вожденной цели, концу своих страданий.

Вдоль этой дороги, по обеим ее сторонам тянутся тенистые аллеи, поросшие зеленым дерном и усеянные множеством ярких цветов, окаймленные деревьями с освежающими плодами и живительными родниками. Это — дороги земного блаженства, по ним ступают только богатые и могущественные: хитрые плуты и насильники.

Чтобы заставить необозримую массу людей, идущую дорогой бедствий, забыть о радостях земного счастья, им указали на туманный, полный надежд потусторонний мир и обусловили достижение вечного блаженства в будущей жизни терпеливым отрешением от земных наслаждений.

Для проповеди этого учения беднякам, идущим по дороге нищеты, сильные мира сего, шествующие по зеленым цветущим лугам, наняли попов и ученых, которым за это отвели узкую тропинку по краю своего пышного луга. В подмогу прибавили еще жандармов и шпииков, которые должны подгонять вперед этот людской клубок и следить, чтобы он не отклонялся от указанного пути.

С этого времени попы стали называть себя пастырями человеческих душ.

Так, под руководством политически привилегированных и оплаченных учителей религии они устремляются к одной и той же цели: одни — в радостях и изобилии, другие — в лишениях и страданиях.

И так оно и повелось: как только первые двинулись вперед, так за ними замаршировали и вторые; как несли свое бремя первые, так понесли свое и вторые; и как первые называли грехом отклонение от пути, предначертанного пастырями, так стали это называть и остальные.

Как только первые показали пример глупости, которую впоследствии стали называть ханжеством, так начали проделывать это и остальные, и как первые спокойно смотрели на сопротивление единиц угнетателям, поставленным властью, так это делали и остальные. Как те называли воров того, кому пришлось в голову на мгновение отклониться с горестного пути нищеты и труда и сорвать несколько плодов с дерева, не считаясь с волей наслаждающихся прогулкой справа и слева, так это имя стали повторять за ними и бедные. А когда эти бедные, оборванные, изможденные, наголодавшиеся нищие странники стали презирать первого вора, так его презирали и следующие их поколения.

То же было и с привилегированными на путях земного счастья. Отец называл продукт своего воровства собственностью, вслед

за ним этим же именем называл это воровство и его сын, не зная, что собственность и воровство одного происхождения.

Когда же это наконец начали осознавать, это были уже два совершенно различные установившиеся понятия.

Естественное право человека брать, иметь и владеть прежде никому не наносило вреда потому, что имелось достаточно всего того, что человеку хотелось взять, иметь и чем он хотел владеть, и каждый мог присвоить себе столько, сколько желал, не нарушая при этом прав соседа. И это естественное право не было ни собственностью, ни воровством.

Только позже, когда вследствие большого размножения людей и из-за скопления их в одном месте стало необходимым работать, для того чтобы существовать, и отдельные индивиды благодаря своему непомерному имению и владению исключили себя из числа работающих, это естественное право постепенно становилось правонарушением, и захват единицами земли, необходимой для пропитания всех, стал воровством в отношении общества.

И так же как те, которые задавали тон, все следовавшие за ними рассматривали каждое новое овладение землей в исключительную собственность как завоевание, как грабёж.

Однако воровство пока еще не было позором; оно скорее являлось доблестью, потому что указывало на ловкость, хитрость, отвагу и мужество. Поэтому добытую таким

путем землю еще некоторое время называли собственностью, признавали законность этого акта и допускали ее наследование.

В этом они также обезьянничали друг с друга.

Но человеческая природа постоянно восставала против этого узаконенного воровства, названного собственностью. Собственники же, чтобы этому помешать, запретили всякое незаконное воровство и налагали за него наказание.

Трусливые, чтобы избежать наказания, начали красть *тайком* и потом *отрицать* факт кражи.

С этого времени вора презирают, а собственника уважают, и чем он богаче, тем больше уважение, которое ему оказывают.

Такое изменение в области привычек — типичная картина для всего того, что мы называем *нравами*. Все они подвержены превращениям и большинство из них в будущем строе может быть и будет заменено другими. Только те из них постоянны, которые основаны на естественных чувствах и поэтому могут оказаться необходимыми для поддержания гармонии в обществе, кчк, например, верность, любовь, искренность и т. д.

Следовательно, законы природы являются единственной границей для свободного формирования нравов.

При нашей современной системе, где господствует эгоизм, развитию нравов дается любое направление, которое в состоянии уго-

дить личным интересам единиц и их особенным страстям. Поэтому из них и делают, что вздумается: либо добродетель, либо порок, грех или чепуху на постном масле. И выходит, что нравственный человек, это такой человек, который добросовестно следует по раз намеченной начальством колее, ходить по которой учили его деды. Всякого же, кто отступает от этой колеи и ищет сам для себя собственного пути, называют безнравственным.

Если же за таким раскольником последует большое количество людей, и он, по примеру своих предков, будет держать в строгом порядке шеренги своих последователей, это будет называться изменением или смягчением нравов. Каждый раз, когда корявая тяжелая телега будней получает изрядный толчок со стороны современности и, срываясь со старой колеи, образует на ненакатанной дороге новую, происходит изменение или смягчение нравов. Когда же попам и шпикам приходится трудно, и они должны прилагать много усилий, чтобы отгеснить назад людей, сошедших с пути бедствия — это называется падением нравов.

Каждое изменение и улучшение или смягчение нравов является следствием удачного *отклонения единиц* от старых обычаев. Но каждая попытка сделать это называется безнравственной. А так как каждое продвижение науки вперед по пути прогресса возможно только при полном или частичном отходе от старой рутины, только если силой выр-

ваться из старой колеи, то всякая полиция нравов³², рассчитанная на защиту выгоды немногих, является препятствием для прогресса.

Следовательно, наши современные нравы не что иное, как освященное «не нами началось — не нами и кончится». Значит, всякое стремление сохранить старые обычаи — это выражение стремления к застою и угнетению ближних. Оно — самая крепкая опора деспотизма и рабства.

От этой нашей полиции нравов и происходит такое частое смешение понятий добродетели и порока, добра и зла, преступления и наказания, благопристойности и неприличия, нравственного и безнравственного.

То, что один народ считает хорошим, считается плохим у другого; что является здесь вполне позволительным поступком, непозволительно в другом месте; что морально при одних обстоятельствах для одних лиц, безнравственно при других обстоятельствах для других лиц.

Так, например, согласно с цыганскими обычаями, дети обоего пола чуть ли не до пятнадцати лет бегают голышом, и брат с сестрой играют, не вызывая со стороны старших упреков в бесстыдстве, тогда как турки считают бесстыдством и безнравственностью то, что наши женщины ходят с открытыми лицами и декольтированными.

Мы со своей стороны считаем многоженство турок пороком и стыдились бы его, в то

время как многие наши правительства несколько не стыдятся многожества наших публичных женщин, ради получаемых от них налогов, которыми эти правительства оплачивают своих попов и толкователей законов. В древней иудейской религии считалось позволительным и даже богоугодным делом обмануть чужеземца, иноверца, в то время как в христианской религии это, как и следует, считается грехом.

Богач, проживающий пять и более тысяч талеров в год, считается добродетельным человеком, если он уделяет ежегодно несколько сот талеров в кружку для бедных, тогда как те, труду, страданиям и лишениям которых он обязан своими доходами, считаются порочными, если, покрыв из своей скудной заработной платы насущнейшие расходы, выпивают на оставшуюся мелочь стакан вина или пива вместо того, чтобы отложить эти деньги про черный день. Богатый благотворитель, однако, тоже пьет вино и при том гораздо лучше, чем рабочие, хоть он его и не заработал.

А постные дни, предписанные римской церковью! Какое издевательство над бедняком! Ему приказывают поститься в известные дни, тогда как для него круглый год — сплошной постный день. Право, я иногда с удовольствием променял бы свои праздничные блюда на постные блюда высокопоставленных католических ханжей.

Вся эта путаница понятий — *следствие* существования полиции нравов, навязанной нам господством единиц и личными интересами многих.

Следовательно, при всеобщей свободе и гармонии — долой всякую полицию нравов!

Кто стоит за прогресс, должен стоять также за изменение нравов, задерживающих его, и за искоренение всяческого принуждения в области нравов.

И религия, и прогресс указывают нам одну и ту же цель, которой мы должны стараться достичь: это идеал высшего совершенства; но государственная политика распределяет между нами паспорта для проезда по разным дорогам, а охраняемые государством, полицией и церковью нравы — суть причина того, что мы доверчиво следуем друг за другом привычным шествием по указанному нам ухабистому, пыльному, крутому пути бедствий и не осмеливаемся прорваться к источникам земной радости, предначертанной самой природой для всех нас.

Таким образом, наши старые, вошедшие в нашу плоть и кровь нравы, составляют самую твердую опору господствующей ныне системы неравенства, тирании и угнетения. Улучшить нравы можно только уничтожив старые.

Как только это удастся, прогнившее здание современного общественного порядка рухнет само собой.

МЫСЛИ О РЕОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Если хозяева дама будут препятствовать постройке нового, необходимо ускорить падение старого и приступить к построению нового здания, только после того как будет разрушен всякий новозаложенный фундамент здания, план которого не в одинаковой мере отвечает интересам всех.

Вот последнее и *самое сильное* средство. Оно же и *самое верное*.

ВВЕДЕНИЕ

В этой части книги речь будет идти уже не только о том, чтобы разоблачить недостатки старой организации общества, недостатки, которые и мы ощущали и ощущаем до сих пор ежедневно, а главным образом о том, чтобы мысленно перенестись вместе с обществом в новую, лучшую организацию, взвесить все желания и интересы, все способности и потребности и найти такую систему, которая будет в состоянии удовлетворить *сем этим требованиям.

Вот та задача, которую я пытался разрешить в этом разделе книги.

Отдаю свой труд целиком на твой суд, читатель.

Только не подходи к нему сразу же с целым ворохом предубеждений, с вопросом: может ли быть что доброе из Назарета?

Ты знаешь, что человеку свойственно ошибаться, даже сам тот выходец из Назарета ошибался *. Ничто не совершенно под солн-

* Матв. XXIV, 29; Марк XI, 13.

цем, и тот назарянин³³ тоже не был совершенен**.

Тот, кто верит в прогресс, не должен считать совершенным ни одно учение. Если он и не знает более совершенного, это не должно служить основанием тому, чтобы сомневаться в возможности существования такого учения. Но, указывая недостатки, нужно уметь доказать их наличие и понимать, как их устранить, иначе ты будешь только хулителем, а не улучшателем.

Никогда от начала мира ни один общественный строй не был и не будет признан всеми поколениями и каждым индивидом неизменно хорошим и совершенным, так же как и каждое из различных открытий в области промышленности, искусств и науки.

Человечество никогда не достигнет высшего идеала совершенства, иначе пришлось бы предположить наступление застоя в его духовном развитии.

Именно потому, что искусство, науки и промышленность постоянно совершенствуются, то же самое происходит и с организацией общества, которая является следствием совершенствования знаний.

Движение вперед и совершенствование общественного строя должны идти в ногу с развитием и совершенствованием идей. Задержка в развитии общественного строя в то время, как идеи идут вперед и преимуще'

ства их развития уже оказываются на общественных отношениях, всегда было и продолжает оставаться несчастьем для человечества, потому что этим нарушается естественное течение прогресса и возникает вопиющее противоречие между нормальными потребностями, с одной стороны, и способностями их удовлетворить, с другой.

Препятствия стремлению к совершенствованию являются причиной всех страданий, которые с незапамятных времен обрушиваются на человечество. Люди всегда слишком крепко держались за старые общественные установления. Самые могущественные и хитрые люди связывали с ними свои личные интересы и поэтому пускали в ход все находящиеся в их распоряжении средства, чтобы не допускать какого бы то ни было новшества, которое угрожало бы их интересам.

Все наши институты представляли собой осуществление прогрессивных идей и поэтому их возникновение всегда имело целью что-нибудь хорошее. *Однако, чем больше стареют эти институты, не изменяясь в соответствии с новыми развивающимися идеями, тем более вредными они становятся для общества.*

Размышляя над всем этим, я пришел к выводу, что в хорошо организованном обществе может быть только один *постоянный закон — прогресс*, который является естественным законом общества, и что все другие законы, *равно как и все наказания*, несовместимы

** Матв. XIX, 17; Иоанн. XII, 5—8.

мы со свободой индивида и благом общества. Чтобы сделать возможным такой общественный строй, все личные интересы должны быть слиты в *единый всеобщий интерес*, и руководство этим строем должно быть доверено людям, обладающим наибольшими талантами в самых полезных науках.

Именно это я подробно разъясню в данном разделе книги.

Глава первая

ОСНОВЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ

Все формы организации общества как хорошие, так и дурные имеют одну и ту же первоначальную основу, которую следует иметь в виду при каком бы то ни было изменении этой организации. Эта основа — чело-веческие страсти. Под страстью не следует понимать просто порочное влечение к чему-нибудь, а вообще всякое страстное желание, жажду, помыслы, стремления, надежды и потребности человека. Употребляя одно из этих слов вместо слова «страсть», мы определяем большую или меньшую степень ее выражения. Например, если я, чтобы утолить свой голод, съем порцию мяса и овощей, я удовлетворяю этим свою потребность; если я сверх того поем еще фруктов, то я удовлетворю свое желание; если же мне захочется еще и сладостей, то это называют страстью. Но если мы считаем, что подобной едой

насытили наши страсти, то богатый человек, привыкший к лучшей пище, едва ли удовлетворит такой трапезой даже только свои потребности. Следовательно, обозначение большей или меньшей степени выражения «страсти» не является понятием абсолютным. Это понятие условное, и поэтому в дальнейшем, чтобы быть правильно понятыми, мы будем всякую потребность, страстное желание, жажду чего-нибудь и т. д. называть страстью.

Средства, служащие к удовлетворению страстей, называют способностями, а применение способностей — это механическая и духовная работа человека.

Таким образом, способности являются естественными границами страстей, потому что они доставляют средства для удовлетворения страстей. Чтобы побудить организм к деятельности, природа вложила все свои чары во вкушение наслаждений и ими воздействует на чувства человека. Чувства возбуждают страсти, страсти — способности, а способности вызывают деятельность человека, плоды этой деятельности снова претворяются в наслаждения, к которым быстро примешивается раздражение чувств, а чувства возбуждают страсти.

Таким образом, страсти являются пружинами, приводящими в действие весь организм, а для того чтобы они не ослабевали, природа устроила так, что чем больше развиваются и совершенствуются способности

человека, тем сильнее становятся его страсти. Так, например, если сначала ходили пешком, то позже стали ездить верхом, а потом запрягать лошадь в телегу, карету. Затем стали прокладывать большие дороги и строить каналы. Когда люди привыкли и к этому, страсти толкнули их на изобретение железных дорог и применение силы пара. Последнее теперь все больше и больше совершенствуют, и, кто знает, не будет ли улучшено и усовершенствовано воздухоплавание настолько, что станут ненужными столбовые дороги и железные дороги? Так растут страсти человека по мере того, как все больше расширяются границы его способностей и, воздействуя на последние, страсти приводят к тому, что мы называем *прогрессом*.

Общая сумма всех человеческих страстей всегда равна общему числу существующих наслаждений, которые возбуждают страсти, а суммы способностей всех членов общества всегда хватает для того, чтобы создать сумму наслаждений, которую требуют для своего удовлетворения страсти всех членов общества.

Хотя в *обществе* и существует чудесное равновесие между человеческими страстями и способностями, однако не так обстоит дело у каждого *отдельного индивида*, так что никто (в особенности в наших цивилизованных странах) не в состоянии *один своими собственными* способностями удовлетворить свои страсти, потому что человек ведь не

может один построить себе дом или корабль, или проложить большую дорогу, либо выполнить еще какую-нибудь сложную работу, а вынужден, для того чтобы быть в состоянии удовлетворить свои страсти, которые он познал с течением прогресса, обмениваться способностями с другими людьми.

Человеку всегда приходилось много трудиться над развитием своих способностей, потому что только благодаря им он мог увеличить сумму своих наслаждений и таким образом широко выполнять требования своих страстей. Одним же из наиболее действенных средств увеличивать и совершенствовать свои способности была *жизнь в обществе* или *организация его*.

В одиночку человек только слабое творение, затерянное в широком мировом пространстве, но чего только не в состоянии сделать тот же человек, когда объединится с себе подобными! В одиночку его может напугать гроза, вогнать в страх крыса; объединившись, он превращает огромного слона во вьючное животное и направляет небесную молнию по намеченному им пути. Одинокому путнику лесной поток может сказать: «Ни шагу дальше», объединившись же, люди отвоевывают целые царства у морского прибоя. В одиночку человек с трудом добывает у природы скудные крохи для своего пропитания; объединившись, люди заставляют природу давать им богатство и изобилие. В одиночку ему приходится добывать хлеб

в поте лица своего; объединившись, люди с пользой применяют свои духовные силы, а свою физическую силу заменяют силой стихий. В страстях отдельных индивидов природа также создала различие, так что способности и страсти каждого отдельного индивида обладают своими особенными свойствами, хотя иногда и незаметными. Однако несмотря на это, общая сумма всех способностей всегда равна сумме всех страстей.

Вследствие различия способностей у разных индивидов, последним невозможно полностью удовлетворять свои страсти, не примкнув к обществу. Это различие в способностях и выгодность объединения способностей многих индивидов для умножения средств удовлетворения потребностей, да еще радость наслаждения, которое природа заложила в узы брака и семьи,— все это было как бы естественным приглашением со стороны природы к жизни в обществе и к изучению его.

Радости, получаемые от жизни в обществе, люди испытывают в течение тысячелетий, а вот изучать это общество им пришлось в голову только недавно. Это еще и теперь далеко не налажено, потому что стремление к подобному изучению подавляется и запрещается.

Сначала, когда человеку были знакомы только еще немногие страсти, у него и способности были невелики, и его страсть к общению также была слабее. Природа воздей-

ствовала на эти страсти только через брак и семью. Но, чем больше развивались его страсти, тем больше росла его любовь к обществу, потому что *в нем* он узнал средства умножить свою деятельность и увеличивать свои наслаждения.

Так как ни один отдельный индивид не может одними своими способностями полностью удовлетворить свои страсти, а когда он этого не может, то чувствует себя несчастным и больным, и так как сумма способностей всех всегда находится в равном отношении к сумме страстей их, то из этого следует, что все индивиды, для того чтобы получать наслаждения, всегда должны обмениваться способностями и что такой *метод обмена способностями различных индивидов, который меньше всего нарушает естественный закон прогресса, есть наилучшая организация общества.*

Теперь разберем, что больше всего нарушает естественное направление страстей и правильное течение прогресса, являющегося их следствием.

Если метод обмена способностями противоестествен и плох, может случиться так, что:

а) удовлетворение страстей, которое должно служить *сохранению и увеличению* собственных способностей к деятельности и наслаждению, на деле служит тому, чтобы *разрушить способности* или *снизить их уровень*; например, избыток физических и духовных

наслаждений наносит ущерб физическим и духовным способностям человека;

б) *страсти одних подавляются* в интересах других, например, в тех случаях, когда наслаждения получаются за счет плохой оплаты рабочих или дурного содержания: их и т. п.;

в) *способности одних подавляются* к выгоде других из-за неодинакового воспитания детей бедняков и богачей и т. д.;

г) *страсти одних возбуждаются* к их ущербу и *поддерживаются для выгоды других*, например, честолюбие, жажда военной славы — к выгоде правителей, любовь к роскоши для выгоды торговцев и фабрикантов, любовь к деньгам для выгоды богачей и сотни других случаев;

д) *способности одних подавляются* к выгоде других прежде всего тем, что сыновьям привилегированных семей отдают предпочтение, когда речь идет о предоставлении какой-нибудь значительной должности или из-за денежной системы, которая идеям и талантам трех четвертей человечества закрывает путь к осуществлению и применению их идей и способностей.

Отсюда явствует, что из *свободы и гармонии* между страстями и способностями *всех* происходит *все доброе*, а из подавления их и борьбы против них *к выгоде единиц* — все *дурное*.

В этих немногих словах заключается вся суть. Попробуем же, исходя из этого прин-

ципа, дать план организации страстей и способностей всех.

Все страсти мы делим на три главных класса:

1) *Страсть к приобретению.*

Удовлетворение этих страстей называют: добыча, владение, вознаграждение, собственность, заработок и т. д. Того же, кто удовлетворяет эту страсть, называют: владелец, собственник, покупатель, мастер, хозяин и т. д.

Если удовлетворение этой страсти достигнуто подавлением страстей других людей с помощью насилия или хитрости и путем использования и лишения их своих способностей, тогда это называется: грабеж, воровство, банкротство, ростовщичество, обман, налог, а иногда также: вознаграждение, заработок, прибыль и т. д.

2) *Страсть к наслаждениям.*

Удовлетворение этой страсти называют: здоровье, благосостояние, счастье, почет, слава, удовольствие и т. д. Того, кто удовлетворяет эту свою страсть, называют: состоятельный, счастливый, довольный, удовлетворенный, человек, любящий пожить и т. д.

Если удовлетворение этих страстей достигнуто подавлением других людей с помощью насилия или хитрости и путем использования или лишения их своих способностей, тогда это называется: роскошь, расточительность, избыток, богатство, разгул и т. д.

3) *Страсть к знанию.*

Удовлетворение этой страсти называют: разум, мудрость, талант, ученость и т. д. Того, кто удовлетворяет эту страсть, называют: умный, мудрый, талантливый, ученый и т. д.

Если удовлетворение этой страсти достигнуто подавлением страстей других людей с помощью насилия или хитрости и путем использования и лишения их своих способностей, тогда это называют: тиранией, обманом, ложью и т. п.

Все другие страсти либо образуют часть перечисленных выше, либо возникают из применения способностей в стремлении удовлетворить их.

Страсти *приобретать, наслаждаться и знать* присущи *всем людям* и происходят одна из другой; потому что человек не может *наслаждаться* чем-нибудь, не имея его, и не может *иметь, не зная*, где и как его можно добыть. Таким образом, *страсть к знанию* все-таки *главная действующая пружина общественного организма*, которая направляет *все остальные страсти*.

Страсть знания открыла людям, что сплоченные воедино способности многих индивидов могут доставить большее удовлетворение страстям их обладателей, нежели разрозненные.

Этим открытием люди пользуются весьма различным образом, всякий в соответствии со своими излюбленными страстями.

Так как некоторые поняли, что объединенными способностями многих можно было лучшим образом удовлетворить свои страсти. " " вывели из этого, что с таким же успехом можно оседлать страсти других, чтобы за счет этого увеличить наслаждение единых.

Тогда эти люди энергично взялись за то, чтобы надеть узду на страсти одних к выгоде других и назвали это укрощение *добродетелью*, если оно было добровольным, и *пороком*, если индивид противился этому.

Направление, данное таким образом страстям многих, частью принятое добровольно, частью навязанное насильственно, назвали нравами.

Подавление страстей одних ради удовлетворения страстей других создало отвратительное неравенство в общественных отношениях, породило и умножило законы, преступления и наказания.

С самого начала руководство общественным организмом взяла в свои руки страсть приобретения. Затем рядом с ней села за руль страсть наслаждения. Обе они правят по сей день, между тем как знание склоняется; перед набитым брюхом своих плотоядных товарищей.

Подавленная таким образом страсть к знанию выродилась во всякий вздор, заблуждения, суеверия, предрассудки, обман и ложь, которые распространялись к выгоде жаждущих иметь и жаждущих наслаждаться.

Однако наука не могла слишком долго оставаться подавленной; хотя внешне руководство организацией общества и было у нее отнято, но это только казалось. Несмотря на тяготевший над ней гнет, она медленно подыгрывала устои старой организации, неожиданно открывая путь прогрессу, бросая от времени до времени страстям алчности и наслаждения приманки в виде своих изобретений и открытий, которые те охраняли и оберегали, не догадываясь, что таким образом они действуют наперекор своим собственным деяниям, желаниям и воле.

Так было с открытием искусства книгопечатания и применения пара в машинах. С помощью первого стало возможным собрать и сохранить яркие искры света науки до той не слишком уж отдаленной поры, когда они будут достаточно сильны, чтобы прорвать плотину, воздвигнутую на их пути страстями личных интересов.

И вот теперь мы находимся накануне потрясающего кризиса! Нам предстоит уничтожить крепко укоренившийся предрассудок, который до сих пор оберегали философы, но *теперь* это скорее всего может осуществиться только в больших городах Франции и Англии. Итак, долой этот предрассудок! И из всего этого сделаем краткий практический вывод!..

Все страсти имеют естественное происхождение. От направления, которое им дается, от того, насколько облегчено или затруднено

их удовлетворение, одним словом, *от организации удовлетворения страстей и обмена способностями всех* зависит, хороша или плоха организация общества, зависит счастье или несчастье индивидов.

Следовательно, в хорошо организованном обществе ни одна чья-нибудь страсть не должна быть ущемлена ради кого-нибудь другого. При естественном порядке вещей каждой страсти должно быть доступно *свободное удовлетворение*, если эта страсть не наносит ущерба свободе *других* и не нарушает гармонии целого.

В соответствии с законами природы только одна страсть к знанию *руководит* остальными, потому что нельзя наслаждаться чем бы то ни было, если не имеешь его, и нельзя иметь, если не знаешь, где и как его добыть.

Сумму способностей, которые используют *все*, чтобы удовлетворить страсть к приобретению, называют *производством*, а сумму способностей всех, используемую для удовлетворения страсти к наслаждению, — *потреблением*.

Стремление узнать, как облагородить и усовершенствовать страсти и способности всех — это страсть к *знанию*, а руководство удовлетворением страстей и обменом способностями всех, это есть *управление*.

Таким образом, организация общества в соответствии с различными страстями людей и их способностями, служащими к удовлетво-

рению этих страстей, должна иметь следующий порядок:

1. *Управление*, или способности к знанию.
2. *Производство*, или способности к добычанию.
3. *Потребление*, *ИЛИ* способности к наслаждениям.

Развитие этих различных способностей должно идти по естественным законам природы, следовательно, прежде всего должны быть выработаны способности к знанию, затем способности к добычанию и только уже тогда—способности к потреблению.

Этот последовательный порядок развития личности должен быть *добровольным и всеобщим*. Мы называем его *воспитанием*.

Под *добровольным* воспитанием я разумею такой порядок, при котором развитию каждой страсти и способности предоставляется полная свобода до тех пор, пока это не угрожает стать вредным для общества, т. е. пока оно не нарушает прав и свободы страстей и способностей других.

Удовлетворение страстей отдельных индивидов может повести либо к сохранению, умножению и совершенствованию способностей и страстей индивидов, либо может разрушить их, уменьшить или сделать вредными для общества.

На практике от этого проистекает большинство индивидуальных болезней и все болезни социального организма.

Здоровье — это гармония страстей и способностей индивидов между собой и их гармония с общественным строем. Болезнь — это несогласованность -страстей и способностей индивидов с общественным строем.

Из этого следует, что в правильно организованном обществе нет ни пороков, ни преступлений, ни законов, ни наказаний, а только правила и лечебные средства. То, что у нас сегодня называют преступлениями,— это *болезни*, вызванные большей частью, плохой организацией общества, противоестественным направлением страстей и способностей.

Чтобы снова направить их по естественному пути, нужно начать с предоставления науке того места, которое ей предназначено природой, а именно *руководства* всеми остальными страстями и способностями.

Сделать это правильно можно только отделив *личные интересы от науки и продукты деятельности науки от личности* так, чтобы управлением общества руководила *наука* в истинном смысле этого слова, а не личности.

Для достижения этой цели управление обществом не может быть доверено ни монарху, ни диктатору, ни республиканскому большинству. Каждая из этих правительственных форм защищает свои *личные* интересы, и именно благодаря этому она пришла к власти. Однако в переходный период диктатура необходима для установления новой организации общества.

В следующих главах мы покажем, каким образом возможно отделить науку от личности и передать науке организацию общества.

Глава вторая

ОБ УПРАВЛЕНИИ

Цель воспитания заключается в том, чтобы направлять обмен способностями и страстями в соответствии с естественными законами природы, пустить их по тому необходимому естественному пути, который поведет человечество ко всеобщему счастью и гармонии, или, другими словами, равное распределение труда и потребления по одним и тем же законам и искоренение и лечение человеческих слабостей и болезней, которые препятствуют этому естественному направлению.

Личности, которые в силу своих качеств составляют персонал управления, ни в какой мере не должны пользоваться какими-либо преимуществами по сравнению с остальными. Равным образом они, так же как и остальные, обязаны отдавать свои способности.

Это — главное, на что должна быть направлена неусыпная бдительность общества.

Только не предоставлять особых привилегий тем, которые правят, как теперь, или которые будут управлять, как это станет в будущем! Только не освобождать их от поганого применения их способностей на об-

щее благо! Там, где этого нет, робкий рабочий или крестьянин кланяется пониже, а самодовольное ничтожество еще надменнее поглядывает на всех свысока. А все общество, особенно молодежь, следует примеру вышестоящих.

Первые должны в настоящем смысле слова стать последними, а последние — первыми. До тех пор пока этого *нет*, мы погибшие люди, мы обмануты, несчастны и одурачены к выгоде себялюбцев.

Из этого следует, что самая значительная должность в обществе не должна оплачиваться выше, чем самая низшая, а последняя — не ниже самой важной.

Так как персонал управления должен руководить способностями и страстями всех, а также взаимным обменом ими для всеобщего блага, необходимо, чтобы он состоял частью из лиц, которые:

- 1) развили свои различные способности и при том в большей степени, чем все остальные;
- 2) в совершенстве обладают знаниями в области применения различных способностей и сил;
- 3) с успехом изучали естественное направление страстей и способности всех, и в результате этих занятий приобрели наиболее глубокие познания в этой области.

Все остальные люди непригодны к управлению, они могут только править, но не управлять.

Разница между современными правительствами и будущим управлением состоит в следующем: современные правительства не интересуются ни обменом способностей, ни направлением, которое принимают страсти различных индивидов. До тех пор пока это направление ничем не угрожает их личным интересам, они не мешают им идти вкривь и вкось; они дают заглухнуть полезным способностям или позволяют подавлять их в угоду вредным страстям единиц. Вместо того чтобы предотвратить эти безобразные явления своевременно принятыми мудрыми мерами, они как раз наоборот стараются поддержать и оправдать их для того, чтобы им легче было удовлетворить свои собственные интересы. Таким путем они стараются отнять у науки руководство страстями и способностями, или, иными словами, вообще отнять у нее управление общественным порядком и для достижения этой цели пользуются грубой системой наград и наказаний, умножая этим бедствия человечества и называя часть этих бедствий, которые они сами вызвали к жизни, преступлениями.

Правительства больше заботятся о собственном благе, чем о благе остальных. Они преграждают путь прогрессу, крепко держась за старые принципы и институты, на которых они построили свои собственные интересы,— принципы и институты, находящиеся в резком противоречии с передовыми идеями и постепенно под давлением господства чув-

ственных страстей ставшие предрассудками, заблуждениями и ложью.

Ничто не совершенно под солнцем, поэтому не следует в ущерб прогрессу держаться старых легенд, учений, догматов и установлений. Что было хорошо тысячу или сто лет назад, уже не годится для сегодняшнего дня или вообще навсегда. Так как идеи развиваются вместе с новыми поколениями, то и установления также должны подвергаться постоянному совершенствованию, потому что они ведь не что иное, как осуществление прежних идей. Однако это никогда не соответствует интересам правителей, *потому что им позволяют связывать их личные исключительные привилегии со старыми принципами и институтами.* И это будет всегда так, до тех пор пока *правительственная власть*, т. е. право *приказывать* вверяется немногим.

На управление же, наоборот, должна быть возложена задача руководить и приводить в гармонию страсти и способности всех на благо общества, в том числе и страсти и способности управляющего персонала. Здесь, следовательно, не будет никаких знаков почитания, ни форм подчиненности, ни внешних отличий славы или презрения; здесь нет места /ни приказанию, ни послушанию, здесь нужно только регулировать, приводить в порядок и завершать. Здесь нет ни преступлений, ни наказаний; здесь имеется только небольшой остаток человеческих слабостей и болезней, которые природа заложила в нас

для того, чтобы, устранив их, мы выковывали свои физические и духовные силы, чтобы эти силы таким путем стали двигателем прогресса.

Все в природе хорошо и полезно, даже ее несовершенства, потому что они порождают нашу деятельность. А чем была бы наша жизнь без нее?

Глава третья

О НАУКАХ

Среди множества наук, которыми занимаются люди, есть и такие, которые часто бывают более вредны для общества, чем полезны. От иных наук, совершенно бесполезных, мы все-таки не можем отказаться до тех пор, пока не будет установлен лучший общественный строй. Некоторые из них родились и укоренились во время господства чувственных страстей и нашли пищу в плохой организации общества.

Астрология, толкование снов, гадание, алхимия, пробравшиеся в число наук благодаря чувственным страстям, уже низвергнуты с трона науки. В этой области, однако, еще имеется множество таких шарлатанов, узурпаторов, которые стремятся отвлечь на себя умственную энергию любознательных людей от полезного знания.

Взгляните на скульптурные изображения холодной бесчувственной богини с мечом и

весами³⁴. Посмотрите, как жаждущая знания молодежь почтительно теснится вокруг нее, чтобы приобщиться к ее ложному культу. До тех пор пока молодежь будет отдаваться служению таким вещам, пока она будет ломать голову над запыленными книгами законов и пока по мерке, существовавшей сто и тысячу лет назад, будут измеряться наши современные потребности и способности, до тех пор ученость будет приносить человечеству больше вреда, нежели пользы, до тех пор наука останется только содержанкой чувственных страстей, возведенной на трон сильными мира.

Если мы сорвем с некоторых современных ученых их прекрасные одежды, нашему взору предстанет ничем не прикрытое невежество. И не удивительно! Раз людям приходится учить, болтать и писать только для того, чтобы обеспечить себе средства к существованию, вряд ли из этого может получиться что-нибудь хорошее.

Равным образом, если приятный голос, привлекательная наружность, красивые речи и фразы могут так околдовать человека, что он теряет способность беспристрастного суждения, значит у него еще нет твердого убеждения, основанного на каком-нибудь принципе.

Краснобайство и остроумие — это искусства, подобные гаданию на картах и канатной пляске.

Необходимые науки — это те, без которых произошла бы задержка прогресса, за чем последовало бы разложение общества.

Полезные науки — это все те науки, осуществление идей которых может быть использовано для блага общества.

Приятные науки — это такие, идеи которых, равно как и их осуществление могут дать обществу удобства, удовольствия и развлечения.

Остальные продукты человеческого духа — это бесполезные науки или искусства.

Каждая отрасль труда, достигая высшей точки усовершенствования, при котором она предоставляет поле деятельности теории, становится наукой.

Философия — это наука всех наук. Она приносит обществу наибольшую пользу тогда, когда ее усилия направлены на то, чтобы идеи, представленные всеми науками, привести в порядок, имеющий целью Гармонию целого.

Так как философия представляет собой концентрацию идей всех остальных наук, она и не является особенной, основанной на практике *специальной* наукой, она наука *всеобщая*, формирование которой связано с каждой из остальных наук.

Таким образом, в каждой отрасли науки могут быть философы, а каждый философ может быть особенно образованным в какой-нибудь одной отрасли науки.

Стало быть, именно *философия* держит в своих руках руль управления общественным строем.

Науки, через которые она преимущественно руководит, следующие:

1. *Философская медицина.*

Это самая *необходимая* и *важная* наука грядущих поколений. Ее изучение охватывает всю физическую и духовную природу человека, его телесные и духовные слабости и болезни, а также знание средств к их уничтожению и искоренению.

Следовательно, величайшие философы будут врачами и учителями нравственности; одновременно их задачей будет лечение всех телесных и душевных болезней, потому что последние перестанут называться преступлениями. Подобно тому, как современный врач старается как можно скорее добиться излечения телесных болезней, облегчить состояние больного и сделать его состояние терпимым и приятным, насколько это возможно, так же врач будущего станет действовать в отношении душевных болезней. Поэтому одной из главных задач этой отрасли науки является организация способностей и страстей индивида в обществе и согласование его естественных страстей и способностей со страстями и способностями всех.

Стало быть, все полезные знания современных философов, юристов, теологов и медиков, после того как из их наук будет удалено все вредное, сконцентрируются в фокусе философской медицины.

2. *Физика.*

Под этим мы понимаем познание сил природы, равно как и изучение их применения на благо человечества. Под руководст-

вом этой науки состоят: земледелие, горное дело, стекольные заводы, рудники, прачечные и красильные заведения, отопление и освещение зданий, предприятия, готовящие пищу, изготавливающие напитки, равно как и надзор за правильным хранением сырых продуктов в магазинах и погребях и т. д.

3. *Механика.*

Эта наука охватывает совершенное знание теории и практики каждой из различных ручных и машинных работ. Центральное место в этой науке занимают новые открытия, сделанные в ее области, и отсюда исходит проведение в практику новых теорий

Глава четвертая

О ВЫБОРАХ

Если мы внимательно рассмотрим все существовавшие и существующие теперь организации общества и различные способы, какими они управлялись и теперь управляются, мы убедимся, что наука никогда и нигде не занимала в них того места, которое ей принадлежит по праву. И все же ни один из членов различных правительств не был в состоянии отрицать силу и необходимость господства знаний. Наоборот, правители всегда оказывались вынужденными окружать себя видимостью мудрости и либо путем подкупа завладевать каждым вспыхнувшим могучим лучом знания, либо зверски уничтожать и затушевывать его.

Признайтесь откровенно, вы, сильные мира, разве не приходится вам соглашаться с тем, что руководство и управление общественными организациями *по праву рождения* есть отрицание прогресса и естественного развития человеческих способностей?

Спросите свой собственный внутренний голос, спросите ваше светлейшее, державное Я, в пользу ли просвещенности и прогресса общества в XIX веке говорит то, что вы принуждены искать знания и таланты, необходимые для руководства и управления, в головах ваших потомков, как будто мудрость — это заводской жеребец, передающий свои качества одной и той же породе.

При господстве легитимизма³⁵ прогресс уподобляется часовому механизму, в котором роль гирь играют оружие, ордена и денежные мешки. Изю дня в день действует та же старая шарманка, вечное монотонное тик-таканье чиновников и царедворцев, изю дня в день те же часы тяжелого труда и страдания и от времени до времени те же удары судьбы.

При демократии обстановка несколько оживляется. Здесь на долю прогресса иногда выпадает случай из общей толчеи бурлящей массы выдвинуть и поставить во главе талантливого человека. Однако при существующих организациях обстоятельства оборачиваются так, что и здесь науке не гарантировано главенство.

Я нередко задавался вопросом, что должно было бы свершиться для того, чтобы обеспе-

чить науке и прогрессу руководство управлением? Прежде всего, думал я, необходимо устранить влияние на них чувственных страстей. Это произойдет при коммунистическом строе.

По более зрелом размышлении я, однако, понял, что этого недостаточно, потому что хотя, с одной стороны, равное распределение потребления и создаст гарантию того, что таланты и способности правящего персонала не будут использованы в ущерб другим членам общества, с другой стороны, решающее большинство голосов масс является слабой гарантией того, что в результате выборов к власти будут приходиться обладатели наиболее важных и полезных талантов и способностей. Конечно, при коммунизме выборы будут менее пристрастны и азартны, нежели при теперешнем неравенстве. Но тут выступает главный порок многоголового управления,— это голосование после предшествовавшей дискуссии о принятии или отклонении того или иного предложения по вопросам управления. При этом обычно бывает скучнейшая дискуссия за и против и когда, наконец, в результате долгих, нагоняющих тоску споров, вспыхивают зависть, ревность, тщеславие, жажда славы и честолюбие и эти страсти превратят голос трезвого суждения в лихорадочную бурную пристрастность, тогда-то каждый индивид бросает в урну свое veto, чтобы определить ценность таланта, который он часто и вообще-то не в состоянии оценить и о ко-

тором после волнующей дискуссии вряд ли мог бы высказать правильное суждение даже в том случае, если бы обладал настоящим знанием вопроса. Случайные качества каждого отдельного избирателя, добрая или злая воля его здесь часто решает вопрос о ценнейшем талантливом человеке. Так что, если в палате представителей из ста человек имеется один, который мог бы, если осуществить его идеи, принести огромную пользу народу, а в среде членов этого представительного собрания имеется сорок восемь человек, понимающих и правильно оценивающих эти идеи, то остальные пятьдесят один имеют возможность превратить их в меньшинство, т. е. навязать свою волю всему обществу как закон. Ведь голосование — это такая азартная игра, что часто принятие или непринятие очень важного предложения зависит от случайного отсутствия хорошего или дурного настроения только одного человека. Даже парламентское большинство, если внимательно разобраться, нередко представляет собой не что иное, как слабое, несведущее или злонамеренное меньшинство. В этом можно было бы убедиться, если бы вы захотели и смогли взять на себя труд опросить каждого отдельного избирателя о его мнении по поводу принятия или отклонения депутатами какого-нибудь предложения, особенно при современном общественном неравенстве. Парламентские дебаты являются нам множество примеров таких и еще других недостатков. Нигде уловки и интриги

людей, находящихся во власти чувственных страстей, не находят себе такого широкого поля деятельности, как здесь. Это нам знакомо. Почти все мы это знаем и испытали на себе, но не всегда решались сделать отсюда вывод, что то, что — по крайней мере касательно выборов, — считают народо-властием, только приятное заблуждение, одно пустое понятие: тут много строгой критики, много обещаний, но мало что выполняется.

Неправильность обозначения понятия, которому дали название «народовластие», в новейшее время осознано большинством демократических партий, особенно социалисты. Последние чувствовали необходимость либо серьезно усовершенствовать избирательные системы, либо вовсе отвергнуть их и построить общество на более твердой основе. Ведь уже давно с горечью убедились в том, что голосование масс с разыгрывающимися при нем интригами и избирательными махинациями не в состоянии гарантировать устойчивость и дальнейшее развитие какой-нибудь свободной институции. Достаточно часто приходилось видеть, какими мерами пользовались для того, чтобы устранить от руководства управлением полезного, выдающегося человека, имеющего весьма ценные намерения, а если это не удавалось, то с успехом одолевали его в многоголовой палате представителей, движимых завистью и ревностью.

Так, наконец, с 1830 года людям, слава

богу, опротивели скучные, отвратительные, сварливые дебаты многоголовой конституционной и республиканской гидры.

Окончательно разочаровавшись в несовершенных известных до сих пор избирательных системах, некоторые французские коммунисты решительно отвергли их для переходного периода и предложили вместо них диктатуру, предоставив улучшение избирательных систем будущему. Оуэн³⁶ в своей системе предоставил руководство управлением людям, достигшим определенного возраста, при этом чем старше становится такой человек, тем более значительные посты ему вверяются. Фурье признавал важное значение способностей человека, но связывал их с личной заинтересованностью и проводил параллель между их влиянием и влиянием капитала. И все же он оставлял их под грубым ярмом голосующего большинства³⁷.

Осознав недостатки всех известных избирательных систем и чувствуя необходимость их реформы, я задался целью решить этот вопрос.

Прежде всего я принял к руководству неоспоримый для всех образованных людей во всем мире принцип: *руководить должна философия*.

Затем я углубленно занялся понятием философии и нашел, что под словом философия понимают совокупность всех знаний. Тогда я вычеркнул из числа наук каждое бесполезное и вредное учение и включил вместо них *вся-*

кий труд, который в апогее своего развития обеспечивает идеям определенный круг влияния.

Таким образом, теоретическое знание какой-либо отрасли ручного или машинного труда является наукой.

Далее я собрал в своем уме все возвышенные, добрые, полезные и красивые идеи. Вот кто, сказал я себе, правят миром, а препятствия, которые воздвигают на их пути личные интересы единиц, являются причиной всех наших бедствий.

Что же должно произойти, для того чтобы в будущем устранить эти препятствия и обеспечить знанию руководство управлением общественным порядком?

Прежде всего следует *отделить от нее личные интересы.* Наука должна перестать быть привилегией; возможность удовлетворения своих страстей при равных естественных условиях в одинаковой мере должна быть предоставлена самому ограниченному человеку так же, как и самому талантливому.

Как только это будет твердо установлено, тем, которые обладают наибольшей одаренностью, наибольшими талантами и лучшими идеями, должно быть передано руководство управлением. Их качества будут выявлены их *способностями.*

Впечатление, произведенное на наши чувства новой идеей, сильнее и сама идея понятнее, если она воплощена на бумаге в статьи, рисунки, планы и т. п., или вообще целиком

или частью представлена каким-нибудь методом.

Когда идея представлена таким образом, ее можно изучить, *не имея необходимости в присутствии лица, от которого она исходит.*

Это дает возможность во время выборов отделить способности от личности их обладателя.

Посмотрите на собирающиеся в последние годы конгрессы ученых как на организацию представителей общей суммы знания *всех*, •исключите все бесполезные и вредные науки и присоедините все полезные, которые были вытеснены, и вы получите примерный набросок персонала управления, представляющего науку.

Эти конгрессы или академии наук будут ставить важные вопросы, имеющие целью благо общества, и те, которые захотят принять участие в разрешении этих вопросов и таким образом добиться получения должности в управлении, подают письменное изложение своих идей или пробные работы.

Труды, поступившие таким путем, изучаются членами академии, и представившему лучший из них поручается та отрасль управления, в которой он соответственно своим дарованиям может быть наиболее полезен обществу.

Так как в будущей организации общества работы по управлению должны быть полезными, а не бесполезными и вредными, как у современных правителей, и так как руководст-

во всеми работами имеет целью обмен продуктами и установление Гармонии целого, то и члены управления должны обладать наиглубочайшими познаниями в области всех этих работ, чтобы не быть вынужденными подобно нашим современным правителям поручать дела другим, потому что сами они умеют только приказывать, но не умеют выполнять. Именно для этого совершенно необходимо испытание способностей кандидатов на избрание. Это испытание может осуществляться вышеописанным образом или каким-нибудь другим подобным ему.

То обстоятельство, что испытания происходят на основании представленных кандидатом пробных работ, делает ненужным его присутствие и значительно упрощает выборы. Все личные разногласия и дебаты при этом отпадают, как и споры о сроке и продолжительности выборов и о возрасте избирателей.

Таким путем я устраняю все пороки, которыми могли бы воспользоваться страсти и индивидуализм, чтобы воспрепятствовать признанию талантов кандидата. Однако у меня оставалась еще одна последняя задача, а именно, каким образом следует производить выборы? Голосованием толпы это не выйдет. Предположим, что кто-нибудь сделал очень важное открытие в области физики и должен прочитать свой трактат об этом на выборах. Но, во-первых, совершенно невозможно всем собраться для рассмотрения этого трактата, кроме того, его понимали бы

только немногие. А если бы при этом потребовалось обсудить еще пятьдесят или больше трактатов, это создало бы невероятную сумятицу и тогда уж наверное можно было бы сказать, что наука попала в когти еще худшего тирана, чем монархическое чудовище я гиdra народовластия.

Никто не может проверять то, в чем он не имеет познаний, поэтому испытание способностей по пробным работам, или, другими словами, будущие выборы, должны производить только такие люди, которые сами уже победили в таких испытаниях, в результате чего стали членами управляющего персонала. Только такие выборы будут созвучны с естественными законами природы и смогут двигать вперед прогресс и приблизить гармонию целого.

Следовательно, качества должны избираться качествами, таланты талантами, а мудрость мудростью, причем личность избираемого должна быть, насколько это возможно, отделена от его способностей.

Предубеждение против личности еще слишком сильно среди нас, и особенно важно бороться с ним во время выборов.

Если видишь красивую работу, новое произведение искусства или читаешь хорошую книгу, обыкновенно почти невольно задаешь вопрос: кто это сделал? Наше суждение в значительной мере зависит от личности творца, его общественного положения и отношений, связывающих нас с ним. На наши суж-

дения, незаметно для нас самих, существенно влияют различные обстоятельства и соображения, обусловленные сказанным выше.

Личные отношения всегда мешают серьезному испытанию способностей и только путают его.

Мы так часто наблюдаем это в окружающей нас жизни. Она кишит подобными примерами, так что каждый безусловно согласится с необходимостью коренной реформы действующих избирательных систем.

Кому еще не опротивело так называемое народовластие, являющееся результатом существующих избирательных систем, тот ПУСТЬ попробует почитать, если ему это доступно, отчеты о дебатах в конституционных и республиканских представительных учреждениях, и пусть после этого он сам спросит себя: способна ли такая бесплодная, бесполезная, сварливая и скучная болтовня содействовать прогрессу и свободе? Все это многословие — просто мусор, который сыплют в глаза народам, чтобы они не видели, кто у них склевывает лучшие зернышки.

Теперь я попытаюсь дать набросок избирательной реформы. Я представляю себе следующий порядок управления обществом.

Во главе его стоит *Трио* или Совет трех мужей, состоящий из крупнейших философов, которые в то же время являются лучшими талантами в *медицине, физике и механике.*

За этим следует *Центральная коллегия мастеров*, избирающая *Трио* и осуществляю-

щая управление важнейшими учреждениями Великого семейного союза.

Далее следуют *Коллегии мастеров*, которые управляют округами, землями и районами и малыми семейными союзами, входящими в Великий семейный союз.

Каждая Коллегия мастеров, в целях облегчения и упрощения управления, избирает из своей среды Рабочий президиум (*Werksvorstand*), который состоит из высших руководителей каждой отрасли деятельности. Такой Рабочий президиум, избранный из среды Центральной коллегии мастеров, я называю Большим Рабочим президиумом. Он стоит рядом с *Трио* как исполнительный управляющий персонал.

В общих вопросах Великого семейного союза кждым Рабочим президиумом непосредственно руководит *Трио*.

Таким образом, Рабочий президиум является исполнительным комитетом Коллегии мастеров и его члены вместе с тем члены этой коллегии.

Рядом с Коллегией мастеров стоят *Академии*, или управляющий персонал всех прекрасных и приятных работ, до той поры, когда эти работы станут доступны всем. Академии, так же как и Коллегии мастеров, избирают из своей среды комиссию, называемую *Академическим советом*.

Рядом со всеми этими организациями, руководящими управлением, стоят *Комиссии здравоохранения*, которые со своей стороны

все находятся под особым руководством *Совета здравоохранения*.

Этот последний, как и Большой Рабочий президиум, в руководстве важнейшими вопросами управления и всеобщей Гармонии целого занимает место рядом с Трио.

Теперь перейдем к необходимому порядку выборов.

Ст. 1. Принятие в Трио, Центральную коллегию мастеров, Коллегии мастеров и Академии всегда осуществляется, если это только возможно, путем соревнования в решении вопросов, поставленных на конкурс с представлением пробных работ, как-то: письменные трактаты о полезных научных предметах, изобретениях и открытиях, образцы произведений искусства, чертежи и планы строений, машин, инструментов и тому подобных предметов, представление моделей в малых размерах и т. д.

Ст. 2. Все соискатели представляют продукты своего творчества либо Центральной коллегии мастеров, либо какой-нибудь из Коллегий ученых или Академии в зависимости от того, каким собранием они рассчитывают быть приняты.

Ст. 3. Имя соискателя остается неизвестным выборщикам до тех пор, пока не будет закончено испытание, и объявляется только в случае приема и притом только *после того*, как решение уже состоялось.

Ст. 4. Если особенно важное изобретение или открытие требует при испытании присут-

ствия их автора, предыдущая статья отпадает.

Ст. 5. Изучением присланных пробных работ на предмет избрания занимаются те из членов упомянутых коллегий, которые обладают наибольшими познаниями в данной области; так, механики занимаются машинами, ткачи—тканями, физики—трактатами о новых идеях относительно использования естественных сил природы, врачи—трудами о лечении телесных и душевных болезней, художники—картинами и т. д.

Ст. 6. Если доставленная пробная работа соответствует ожидаемым от нее результатам настолько, что по ней можно заключить о -высоком мастерстве, таланте и знаниях соискателя, он принимается в члены того собрания, которому вручил пробную работу.

Ст. 7. Если испытательная комиссия находит недостатки в присланных пробных работах, последние возвращаются авторам с замечаниями комиссии и предложениями внести поправки. В зависимости от того, удастся ли авторам исправить недостатки или опровергнуть сделанные замечания, при следующей присылке эта работа утверждается или отклоняется.

Ст. 8. Решение испытательной комиссии должно быть *единогласным*, в противном случае протокол совещания вместе с соответствующей пробной работой передается на отзыв Рабочему президиуму, который решает вопрос большинством голосов.

Ст. 9. В тех случаях, когда правильного решения конкурсных вопросов достаточно для принятия кандидата в коллектив, одобрение его пробной работы определяет место, которое должен занять кандидат.

Ст. 10. Выборы в члены Трио и Рабочего президиума производятся на основании ответов кандидата на конкурсные вопросы. Всякое избрание большинством голосов вместо выбывших или умерших членов собрания рассматривается как временное.

Ст. 11. В последнем случае члены Рабочего президиума пополняют свой состав на основании большинства голосов из состава Коллегии Мастеров, а Большой Рабочий президиум пополняется из Центральной коллегии мастеров.

Ст. 12. Те, из избранных благодаря своим способностям, в персонал управления, которые сделали большинство усовершенствований и открытий, при том весьма важных, или опубликовали лучшие, наиболее полезные новые идеи или создали лучшие ценные произведения искусства, избираются путем вышеописанных выборов членами Рабочего президиума, либо членами Академического совета, в соответствии с тем, куда они на основании представленных пробных работ уже избраны кандидатами в состав персонала управления необходимыми, полезными и приятными работами.

Ст. 13. Каждая пробная работа после испытания помещается в выставочных залах,

рядом с прежде представленными работами членов, составляющих испытательную комиссию, для ознакомления народа с результатами испытания.

Ст. 14. Если желающих трудиться в коммерческие часы (см. главу десятую) над отвергнутой испытательными комиссиями и Рабочим президиумом пробной работой запишется такое большое количество, что для этого потребуются устройство специальной мастерской, то приславший пробную работу становится членом Академии. Это обстоятельство должно рассматриваться как апелляция к народу.

Ст. 15. Однако он не может стать членом коллегии мастеров до тех пор, пока результат его открытий не найдет *общего* признания в округе какой-нибудь Коллегии мастеров.

Ст. 16. Если для испытания полезности и ценности какого-нибудь предложения требуется продолжительное время, представивший статью все-таки сейчас же может стать членом учреждения, если вероятная правильность предложенной идеи не подвергается сомнению членами испытательной комиссии. Однако в состав Трио и Рабочего президиума он избран быть не может, прежде чем осуществление новой идеи не даст обещанных результатов.

Ст. 17. Выборы и члены Комиссий здравоохранения происходят в соответствии с числом удачных излечений телесных и душевных болезней; так же избираются члены

Совета здравоохранения, который является центром научной философской медицины во всей области Великого семейного союза. Письменными свидетельствами об излечении, с указанием имени лечащего врача, являются больничные скорбные листы и коммерческие книжки (см. главу десятую, ст. 7 и ср. главу пятнадцатую, ст. 9). Такие выборы производятся непосредственно соответствующими комиссиями обязательно каждый раз после выбытия кого-нибудь из ее членов.

Ст. 18. Продолжительность пребывания избранного на посту неопределенна, так же как и сроки выборов. Много избраний происходит во времена, которые ознаменовываются большим количеством открытий и плодотворной работой творческой мысли. Чем больше талантливых и гениальных людей стремятся подвергнуться испытаниям, тем труднее устраивают экзамены.

Ст. 19. Члены Трио, Центральной Коллегии Мастеров, Коллегии Мастеров и Академий, уступающие в науке, таланте и знаниях новому кандидату, освобождают ему свое место. Равным образом подверженные частым заболеваниям заменяются членами коллегии, стоящими ближе всего к ним в научном отношении, за исключением тех случаев, когда одаренный работник, несмотря на свою болезненность, деятелен и незаменим.

Ст. 20. Все руководители работ, заведующие мастерскими как и все, занимающие должности, исполнение которых не требует

специальных научных знаний, избираются различными рабочими секциями из своей среды или же на основании пробных работ большинством голосов, путем жеребьевки, по старшинству, по продолжительности работы в том же предприятии, короче — в зависимости от того, к какому согласованному решению придут в различных группах.

Ст. 21. Однако на должности по руководству всеми работами, которые требуют значительной одаренности и которые все равно не могут быть замещены членами Коллегии мастеров или Академий, потому что их число недостаточно для этого, назначаются Рабочим президиумом на основании предложенного им списка способнейших, отличающихся мастерством и усердием.

Ст. 22. Всякий имеет право обратиться со своей пробной работой одновременно в несколько Коллегии Мастеров и Академий.

Ст. 23. Выборы в члены Коллегии мастеров и Академий действительны только в земле или округе, где они были избраны.

При избирательной системе такого рода возможно установить господство знания и навсегда исключить грубое насилие. Все наши усилия должны быть направлены на то, чтобы исключить из правительства людей привилегированных. *Никто не должен быть беднее правительства!* Давайте провозгласим этот принцип. *Никто не может стать народным представителем, если он отказывается отдать свое имущество для блага государ-*

ства. Мы смело заявим это и словесно, и письменно. Давайте провозгласим это на весь мир громким голосом, чтобы нас услышали в отдаленнейших хижинах. Никто не должен править в нынешнем смысле слова, если мы хотим, чтобы всем управляла мудрость.

При современных избирательных системах привилегии по рождению или благосклонность сильных мира, титулы, деньги, лживое и раболепное красноречие и т. п.— вот средства, с помощью которых они пробиваются на самую верхушку дел не для того, чтобы управлять делами, а для того, чтобы грабить и откармливаться, в то время как прозябающих в бедности носителей истинного знания либо не слушает одержимая предрассудками жадная толпа, либо сами они получают от привилегированных правителей деньги, должности и хлеб за то, чтобы молчать.

Шарлатаны, мастера грубой силы устраивают при избирательных комедиях, как и прежде, все по-своему. Они делят между собой политические роли, и тогда у них на языке сплошной либерализм и свобода печати. Но как только им удастся таким путем ухватиться за руль правления, они обращают все эти политические лицемерные кривляния и фразы о свободе, праве и отечестве только к своей личной выгоде.

Против этого есть только одно средство: объявить недействительными выборы народных представителей, если они отказываются отдать свое имущество государству.

До тех пор, пока тем, которые управляют всеобщим богатством, позволено будет иметь и приобретать богатство для самих себя, они будут своим управлением наносить ущерб интересам всех.

Однако недостаточно того, чтобы люди из персонала управления больше не правили в своих личных интересах, они, кроме того, должны еще уметь управлять в интересах всех, а это может быть гарантировано лишь при действии избирательной системы, подобной изложенной здесь. При ней невозможно ни невежественное, ни продажное правительство, ни правительство до остервенения захваченное своими личными интересами.

Следствия же избирательной реформы будут таковы:

- а) управлять будет истинная, полезная наука, и поэтому прекратится господство животной грубой силы;
- б) естественные преимущества красноречия и приятной внешности таким образом будут лишены возможности представить какую-нибудь идею в ложном свете и сбить с толку членов испытательной коллегии, которые должны высказать свое суждение;
- в) влияние всяких личных отношений при выборах отпадает, равно как и все бесполезные и скучные резкие дебаты;
- г) горячее стремление к прогрессу в открытиях, искусствах и науках достигнет благодаря этому колоссальной, никогда дотоле неведомой высоты;

д) каждая персональная смена в управлении даст обществу новый творческий, действенный импульс, но никогда не станет причиной его застоя и регресса;

е) проведение в жизнь каждой новой возвышенной идеи будет осуществляться с таким рвением и быстротой, о которых мы теперь даже не можем составить себе представления.

Глава пятая

О РАБОТАХ

Ст. 1. Обучение всем необходимым и полезным для общества работам как физическим, так и умственным происходит в школьной армии.

Ст. 2. Никто не может прямо из школы войти в общество, если не усвоил практически какого-либо вида полезного физического труда и не сдал соответствующего экзамена (см. главу четырнадцатую, ст. 1).

Ст. 3. Каждому предоставляется свободный выбор рода труда.

Ст. 4. Каждому, если он имеет для этого необходимую подготовку, разрешается работать в одной или нескольких отраслях труда, в зависимости от часов занятий в каждой из них.

Ст. 5. Для этой цели все отрасли работ делятся на много классов и подразделений, чтобы благодаря расчленению работ облегчить каждому желающему возможность работать в

нескольких местах, без того чтобы он был вынужден изучать дополнительно каждый род труда во всех его разветвлениях.

Ст. 6. Равная для всех продолжительность рабочего дня для производства необходимого и полезного исчисляется и определяется Трио в соответствии с нуждами потребления.

Ст. 7. Необходимые работы — это работы, способствующие процветанию и прогрессу полезных наук, работы для содержания и усовершенствования лечебных учреждений, для широкого образования молодежи и работы, нужные обществу для взаимного обмена продуктами, обеспечивающие питание, квартиры, одежду и восстановление сил членов общества.

Полезные работы — это все те, которые облегчают и совершенствуют предыдущие, как то: усовершенствование инструментов для работы, постройка машин, улиц, железных дорог, каналов и т. д.

(О работах приятных см. главу двенадцатую).

Ст. 8. Старикам, слабосильным, калекам предоставляются самые легкие должности, например, сторожей и т. п.

Ст. 9. Каждый, не являющийся членом Коллегии мастеров или Академий, которому его учебное время не засчитывается как рабочее время и который хочет продолжать свое образование в университете, может выбрать для себя такие часы работы, которые не совпадают с часами лекций профессоров.

Ст. 10. Во время жатвы все университеты закрываются и учащие и учащиеся в них работают на полях.

Ст. 11. Все работы, при которых это допустимо, можно чередовать, работая по два часа на каждой из них.

Ст. 12. На работах, которых рабочие добиваются больше всего, никто не должен работать более двух часов ежедневно, если только это не отражается плохо на их выполнении (см. главу одиннадцатую, ст. 7).

Ст. 13. Печатание нужных и полезных литературных трудов производится после предварительной их проверки Трио, Центральной коллегией мастеров или Коллегией мастеров по распоряжению одного из этих органов. Печатание приятных литературных трудов происходит по распоряжению Академий. Таким образом, каждый труд этого рода должен быть прежде представлен в одно из этих собраний. Если труд будет одобрен одним из них, автор награждается известной суммой коммерческих часов, подлежащей определению. Эта сумма может быть так велика, что заполнит все страницы его коммерческой книжки, то есть их будет так много, что всякому другому пришлось бы вырабатывать их на протяжении целого года (см. главу двенадцатую, статьи 17—20).

Ст. 14. На предприятиях, где требуется непрерывный рабочий день, те часы, которые каждый занятый в таких учреждениях обязан ежедневно отработать сверх установлен-

ного времени, засчитываются ему как коммерческие часы. Так обстоит дело, например, у моряков, у сопровождающих почту и т. д. (см. главу десятую, вопросы 8 и 9).

Ст. 15. Так как работа членов Трио, Центральной коллегии мастеров, Коллегии мастеров, профессоров, учителей и врачей большей частью умственная, далее, так как таланты этих лиц часто в течение одного года оказывают человечеству более важные услуги, чем миллионы рабочих трудами своих рук в течение всей их жизни, например, изобретая полезные машины и т. п., и поэтому было бы безумием стеснить определенным рабочим временем (что, впрочем, было бы и невозможно) такие выдающиеся умственные силы, которые уже дали образцы своей ценности, то каждому из таких членов предоставляется свобода выбора рабочего времени для выполнения своих обязанностей (см. главу десятую, ст. 22).

Ст. 16. Это относится и к персоналу Академий (см. главу двенадцатую, ст. 22).

Глава шестая

КОЛЛЕГИИ МАСТЕРОВ

Ст. 1. Коллегия мастеров — это центр полнейших способностей и знаний жителей земли или округа в области Великого семейного союза и, следовательно, как таковой составляет управляющий персонал этого района.

Ст. 2. Члены Коллегии мастеров избираются согласно статей 1—8 четвертой главы.

Ст. 3. Каждая Коллегия мастеров распадается на два отделения: мужское и женское. Первое составлено из начальников мужчин-рабочих, второе — из начальниц женщин-работниц.

Ст. 4. Через избранную из ее среды испытательную комиссию, а также благодаря избранному из ее среды Рабочему президиуму, Коллегия Мастеров при выборах способных имеет *испытательные, совещательные и решающие* обязанности.

Ст. 5. Молодежь Школьной армии также организована, как и совершеннолетние члены общества. Поэтому она также имеет Коллегии мастеров, состоящие из двух отделений: отделение мальчиков и юношей «отделения девочек и девушек (см. главу четырнадцатую, статьи 7—12).

Ст. 6. Круг деятельности каждой Коллегии мастеров определяется Трио в соответствии с климатом и географическим положением страны, потребностями и привычками его населения.

Глава седьмая

О ЦЕНТРАЛЬНОЙ КОЛЛЕГИИ МАСТЕРОВ .

Ст. 1. Чем является Коллегия мастеров для отдельного округа или отдельной земли, тем является Центральная коллегия мастеров для всего Великого семейного союза.

Ст. 2. Как коллегия мастеров является научным ядром какой-либо земли или округа, как Центральная коллегия мастеров составляет научное ядро всего Великого семейного союза.

Ст. 3. Избрание членов Центральной коллегии мастеров происходит так же, как и избрание в Коллегию мастеров на основе статей 1—6 главы четвертой, с той разницей, что в Центральную коллегия мастеров избираются только те из всех мыслителей, талантов и гениев, которые благодаря своим наиболее выдающимся и полезным идеям показали, что могут стать членами Центральной коллегии мастеров.

Ст. 4. Рабочий президиум замещает членами Центральной коллегии мастеров все важнейшие посты управления Великого семейного союза, как-то: Трио или самую вершину управления Великого семейного союза, Большой Рабочий президиум, состоящий из начальников всех отраслей труда, университетских профессоров, преподавателей высших школ, директоров различных округов и общин.

Ст. 5. Центральная коллегия мастеров как таковая, при всяком выборе способных членов в Великий союз, как и при всяком важном отборе способностей, в соответствии с задачами Великого Союза имеет *испытательную, совещательную и решающую* миссии.

Большой Рабочий президиум, составляющий часть Центральной коллегии мастеров,

имеет, кроме того, еще исполнительную функцию, выполняемую под руководством Трио.

Ст. 6. Центральная коллегия мастеров, как и все Коллегии мастеров, распадается на два отделения—женское и мужское в зависимости от различных мужских и женских отраслей труда.

Глава восьмая

О РАБОЧИХ ПРЕЗИДИУМАХ

Ст. 1. Каждая Коллегия мастеров, в соответствии со статьями 10 и 11 главы четвертой, избирает из своей среды Рабочий президиум.

Ст. 2. Такой президиум, избранный Центральной коллегией мастеров, я называю Большим Рабочим президиумом. Он, как и Совет здравоохранения, состоит при Трио как министерство.

Ст. 3. Рабочие президиумы состоят из руководителей и руководительниц различных отраслей *необходимых* и *полезных* работ. Каждый член такого президиума является главным руководителем или главной руководительницей какой-нибудь целой отрасли предприятий в районе Коллегии мастеров или всего Семейного союза.

Ст. 4. Все члены Рабочего президиума в своем качестве членов Коллегии мастеров или Центральной коллегии мастеров имеют *советающую, испытательную* и *решающую* миссии, которые они используют, участвуя в важнейших выборах.

Ст. 5. В вопросах, имеющих общее значение, все Рабочие президиумы находятся под верховным руководством Трио и в этих случаях имеют исполнительную миссию.

Ст. 6. *Испытательная* миссия состоит в рассмотрении представленных пробных работ, *исполнительная* — в установлении равного распределения работ и потребления на основании расчетов, сделанных Трио, а *решающая*— в голосовании по всем вопросам, в которых испытательная комиссия не могла достичь единства.

Ст. 7. Каждому Рабочему президиуму придается, выбранная в соответствии со ст. 17 главы четвертой, Комиссия здравоохранения, которая руководит приостановкой работ (см. главу одиннадцатую) по распоряжению Рабочего президиума.

Ст. 8. Под руководством *этой* Комиссии здравоохранения, составляющей часть каждого Рабочего президиума, находятся все Комиссии здравоохранения и врачи всех округов и общин.

Глава девятая

О ТРИО

Ст. 1. Трио—это вершина управления Великого семейного союза.

Ст. 2. Оно избирается из среды самых крупных философов, которые в то же время обладают наилучшими познаниями в медицине, физике и механике.

Ст. 3. Выборы в состав Трио производятся в порядке, указанном в ст. 10 главы четвертой.

Ст. 4. Так как избранным в результате соревнования способностей на основании решения вопросов, поставленных на конкурсе, может быть каждый, то при решении таких вопросов при выборах в Трио вовсе не обязательно, чтобы кандидаты прежде были членами какой-нибудь Коллегии мастеров.

Ст. 5. Центральная коллегия мастеров решает вопрос об избрании в Президиум Трио либо сразу же после вскрытия пакетов с ответами на поставленные вопросы, либо, если ответы не соответствуют поставленным вопросам, большинством голосов в Большом Рабочем президиуме. В остальном каждый член Большого Рабочего президиума руководит преимущественно той отраслью управления, в которую он был назначен на основании одобрения представленной пробной работы.

Ст. 6. Пребывание на посту члена Трио продолжается до тех пор, пока сделанное этим членом открытие сохраняет свое значение и полезность, пока оно не отступит на задний план перед более важным открытием или это открытие будет значительно усовершенствовано другим кандидатом на избирательном испытании.

Ст. 7. Все мероприятия, о которых члены Трио имеют различные мнения, решаются в его Президиуме.

Ст. 8. Для обеспечения своей работы Трио объединяется с Комиссией здравоохранения и Большим Рабочим президиумом.

Ст. 9. Центральная коллегия мастеров постоянно выдвигает новые конкурсные вопросы, для того чтобы поддержать оживленную умственную деятельность и таким образом способствовать появлению новых идей и открытий, превосходящих открытия членов действующего Трио, и возобновлять выборы в Трио.

Конкурсные вопросы для избрания в Трио или в его Президиум должны быть приблизительно сходны, так например:

создателю богатого, красивого, благозвучного всемирного языка, построенного на кратчайших и наипонятнейших правилах,— вхождение в Трио или в его Президиум;

нашедшему средство окончательно излечивать или совершенно искоренить ту или иную физическую и душевную болезнь — вхождение в Трио или в Президиум;

нашедшему лучший способ ввести новый всемирный язык и добиться полного исчезновения старых, тому, кто сделает воздухоплавание самым выгодным способом передвижения, найдшему способ и массу, из которой можно будет отливать цельные здания от самого основания из одного куска, как теперь отливают колокола,— вхождение в Трио или в его Президиум.

Конкурсные вопросы для выборов должны сообразоваться с уже сделанными открытиями и с требованиями времени.

КОММЕРЧЕСКИЕ ЧАСЫ

Гармония всех! И внутри нее наибольшая свобода каждого отдельного индивида! Вот та задача, которую мы постараемся решить, тот дух, который отныне должен нами быть твердо выражен в речах и в письмах, та идея, которую я попытаюсь сделать наглядной изложением этой системы.

Но, что же, собственно, есть свобода?

Фантазия поэтов и философов вознесла чистейший идеал ее на головокружительную высоту. Оттого-то человечество всегда гонялось и до сих пор тщетно старается поймать тень ее истинной сущности. Поэтому мы оставим эту божественную свободу поэтов на столь удачно выбранном ими месте, достижимом лишь в воображении, и сделаем себе по этому образцу свободу, пригодную и в нашей действительности, в круге наших страстей и способностей. Именно в таком смысле я отвечаю: свобода — это способность *мочь* сделать все, все, что хочешь.

Не существует более распространенного понятия человеческой свободы, а также и более определенного; это определение сразу же указывает границы этой свободы — именно *способность*.

Хотеть — это выражение страстей человека, *мочь* — выражение, его способностей, а *делать* — результат действия обоих.

Чем, следовательно, крепче *гармония страстей и способностей отдельного индивида*, тем больше его *личная свобода*, и чем сильнее *гармония страстей и способностей всех*, тем возможнее и полнее гармония страстей и способностей, а следовательно, и *свобода каждого*.

Гармония всех определяется соблюдением естественного равенства *отношений, причин и следствий*, но не самими вещами, ибо здесь природа полна неравенства.

Поэтому равномерное распределение труда и потребления по числу, мере и весу противоречит как законам естественного равенства, так и гармонии всех, *когда оно может нарушить свободу отдельного индивида как и гармонию всех*. Равномерное распределение, следовательно, может быть применено только там, где подобной угрозы нет.

Так как теперь никто не может не работая урвать у земли необходимое и полезное для жизни, то из этого следует, что уже теперь *для каждого трудоспособного работа должна быть чем-то надежным и определенным*. Для стариков, слабых, больных и детей природа сама делает исключение: она омрачает радость жизни и вызывает разложение общества, если оно пренебрегает своими членами, нуждающимися в его помощи. *Следовательно, для получения всех необходимых и полезных продуктов надлежит точно определить необходимое рабочее время для каждого работоспособного*.

С другой стороны, природа никого не заставляет пользоваться тем или иным благом из приятных; следовательно, как в производстве, так и вкушении их, каждому должна быть предоставлена свобода. Стало быть каждый свободен работать для наслаждения приятным больше или меньше времени в зависимости от того, сколько ему требуется его, или совсем воздержаться от него.

Значит, если нужно определить продолжительность рабочего дня, то речь может идти только о производстве необходимого и полезного, но никак не приятного, пока потребность в этом продукте не стала всеобщей.

Все рабочие часы, отработанные сверх определенного рабочего времени, я называю коммерческими часами.

С помощью этих часов можно удовлетворить особые страсти, не нарушая этим гармонии страстей и способностей всех. Вообще же я считал, что как Гармония целого, так и наибольшая индивидуальная свобода без них были бы невозможны по крайней мере до тех пор, пока на этот счет не появится более совершенная идея.

Относительно коммерческих часов, мне кажется, должен существовать следующий порядок:

Ст. 1. Коммерческие часы служат такому урегулированию обмена продуктов приятного на рабочие часы, потребные для производства необходимого, чтобы при этом не страдала свобода отдельного лица и гармония всех.

Ст. 2. Поэтому каждому предоставляется свобода отрабатывать коммерческие часы сверх своего определенного рабочего времени.

Ст. 3. Стоимость всех произведенных продуктов определяется числом рабочих часов, так же как и стоимость потребных для них материалов; например, золотая цепь — 50—100 рабочих часов, бутылка шампанского — 12—18 часов, бокал пунша — $1/2$ рабочего часа и т. д.

Ст. 4. Стоимость продуктов растет в соответствии с редкостью материалов и самого продукта и падает с введением и усовершенствованием машин и инструментов, облегчающих их производство. Так что, если спрос на дорогие вина и ювелирные изделия превышает запасы этих продуктов приятного, то цены на них будут расти до тех пор, пока не придут в равновесие страсть к обладанию ими со способностями создавать их.

Ст. 5. Стоимость материалов, необходимых для производства продуктов приятного, определяется правлением данной отрасли производства, стоимость же готовых продуктов определяют Академии.

Ст. 6. Каждый индивид получает из бюро соответствующей Академии коммерческую книжку, при получении которой ее владелец отмечает, для каких преимущественно наслаждений он собирается отрабатывать коммерческие часы. Это должно помочь Академиям составить представление о количестве продуктов, которые следует заказать.

Ст. 7. Коммерческая книжка содержит портрет и приметы владельца. Кроме специального листа для особых замечаний, книжка имеет 60 листов, — на каждые пять рабочих дней по листу, что составит 300 рабочих дней в год. Каждый лист имеет четыре различных рубрики — три на одной стороне и одна на противоположной, размещенных таким образом, что, раскрыв книжку, будешь иметь перед глазами для обозрения на обеих сторонах листа все четыре рубрики на пять рабочих дней. Это для того, чтобы не делать книгу слишком широкой, что произошло бы, если бы все четыре рубрики были на одной стороне листа.

В первой узкой рубрике проставляется число переработанных коммерческих часов, которое накопило данное лицо. Под этим обозначается мастерская или место работы. Если рабочий проводит свой шестичасовой рабочий день на двух или трех различных предприятиях, то в этой рубрике заведующие каждого из этих предприятий делают такие же отметки. Тут же ставится штамп, указывающий 2, 4 или 6 часов соответствующее лицо работает в данной отрасли труда. Затем записывается адрес его квартиры, когда он там поселился и когда оставил ее и, наконец, столовая. Вверху каждого листа указывается число отработанных коммерческих часов, без чего они не действительны. Эту отметку делает заведующий или мастер к концу каждого пяти рабочих дней на следующем новом листе коммерческой книжки. Остальные отметки нужны

только в том случае, если данное лицо переменило квартиру, столовую или мастерскую.

Во второй рубрике — «Бюллетень о состоянии здоровья» — записывается род, продолжительность, причина и последствия каждой болезни, перенесенной индивидом

В третьей рубрике — «Часы работы» — разными начальниками отмечаются часы переработки данного лица с указанием количества их и отдела производства.

Эти три рубрики помещаются на одной стороне листа.

В помещенной на противоположной странице книги четвертой рубрике — «Часы наслаждений» — отмечаются все использованные удовольствия и продукты приятного, которые индивид получает в обмен, а также стоимость их, равно как и общественное предприятие, где он их получает.

Штамп, указывающий число рабочих часов, снабжен подписью заведующего предприятием, как и бюллетень о здоровье — подписью врача.

Ст. 8. Часы работы отмечаются только каждый пятый рабочий день, а часы наслаждений — при каждом использовании наслаждения приятным. Отсюда исключаются все удовольствия, на ежедневное пользование которыми абонируются помесечно или на год, как-то: театр, концерты, табак, верховые лошади, собаки, птицы и т. д.

Ст. 9. При распределении удовольствий каждое соответствующее общественное пред-

приятие может иметь штампы с такими мелкими делениями, какие ему потребуются. Так, рабочий час может быть разделен на 10 или 60 частей, если это удобно и необходимо.

Ст. 10. До тех пор пока в первых рубриках нет отметок об отработке известного числа рабочих часов, никто не может проставить там штампа, т. е. другими словами, никто не может вкушать наслаждений прежде, чем он не поработает сверх установленного времени.

Ст. 11. Коммерческие книжки возобновляются ежегодно. Эта смена происходит зимой или незадолго до уборки урожая. Когда книжка будет заполнена до конца, может оказаться, например, что некоторые выработали много часов вперед. Так как в интересах Гармонии целого в первую рубрику новой книги переносятся только известные, подлежащее определению число коммерческих часов, а остальные часы, таким образом, пропадут для владельца книги, если он их не использует для удовольствий, то естественно каждый будет стремиться сделать это, а некоторые не будут работать за этот счет несколько дней подряд с тем, чтобы пропущенные ежедневные 6 часов общей работы за все это время покрыть имеющимися у них излишками коммерческих часов. Таким образом, окончание коммерческой книжки явится настоящей карнавальской неделей, которую, чтобы не мешать необходимым полевым работам, нужно перенести на удобное время.

Ст. 12. В каждой новой коммерческой книжке на особом листе (см. ст. 7) вписывается сумма всех прежде отработанных часов, равно как и полученных в обмен удовольствий, количественно предпочтенных владельцем книжки. Например, Вальдман отработал в течение восьми лет 5600 коммерческих часов, из них 300 коммерческих часов он покрыл 50 рабочих дней. Еще 300 коммерческих часов он расплатился за полученные в различных предприятиях общественного питания напитки и закуски для подкрепления. Три тысячи коммерческих часов он отдал за различные товары, взятые в выставочных залах, и две тысячи часов употребил на абонементы разного рода приятного. Кроме того, на особом листе отмечаются путешествия, совершенные владельцем книжки, перенесенные болезни, а также все то, что еще будет сочтено необходимым. Словом, этот первый лист должен содержать общее обозрение всех прежде законченных коммерческих книжек индивида. Это заключение делается под руководством комиссии здравоохранения.

Ст. 13. Коммерческие часы не должны оказывать вредного влияния на здоровье индивида, равно как и вредить Гармонии целого; в этих целях они состоят над наблюдением одной из комиссий здравоохранения (см. главу пятнадцатую, ст. 16).

Ст. 14. Никто не может получить в другом городе или предприятии общественного питания и вообще в другом месте, *кроме как в больницах*, пищу, жилье, одежду и работу,

если не представил для отметки в своей коммерческой книжке перемену своей прежней квартиры, столовой или мастерской. Поэтому каждый незнакомый посетитель должен предъявить заведующему в новом предприятии общественного питания свою книжку. Точно так же никто не может получить в общественных предприятиях наслаждения приятным, если у него в книжке не имеется отметки об отработанных коммерческих часах, и получать продукты приятного большей или меньшей стоимости он может только в соответствии с наличным количеством коммерческих часов. Это необходимо для того, чтобы можно было вести правильный контроль над правильностью возобновления запасов на складах и в предприятиях общественного питания, а также, чтобы избежать случаев, когда кто-либо будет уваливать от работы и, годами не работая, проводить время в путешествиях.

Ст. 15. Всякий, пропустивший часы общей работы, должен предъявить свою книгу заведующему мастерской для отметки штампом, означющим получение удовольствия. Если он не сделает этого в срок, установленный его товарищами по работе, он объявляется в своей квартире и столовой больным. Продолжительность такого положения и срок его истечения зависят от времени года и от необходимости участия данного лица в работе, равно как от доброй воли и доверия его товарищей, так как в случае возникновения дефицита они обязаны покрыть его своими коммерческими часами.

Ст. 16. Каждый дефицит в счетах предприятия общественного питания, союза, общины и т. д. падает на потребителей приятного. Например, нас 50 певчих, мы составляем общество, и все абонируемся у агента Академии на ежедневное получение напитков и подкрепляющего. Допустим, что месячный абонемент на напитки и подкрепляющее стоит каждому из нас 30 коммерческих часов. Через два-три месяца выясняется, что лучшие певцы отстали в отработке требуемых 30 коммерческих часов. Неужели из-за этого распадется певческое общество? Нет! Все певцы этого общества предложат свои книжки для того, чтобы им проставили штампы о нескольких часах полученного удовольствия и, таким образом, они покроют дефицит. Если бы дефицит оказался так велик, что не хватило бы часов работы нескольких человек, чтобы покрыть отставание остальных, то отпуск напитков и подкрепляющего приостанавливается до тех пор, пока наладится положение с коммерческими часами.

В предприятиях общественного питания, которые посещаются в неопределенное время или случайно (как, например, наши трактиры), где абонированных посетителей меньшинство, и поэтому ежедневно приходится что-нибудь штемпелевать, в местах, где обмен продуктов приятного производится в мельчайших размерах, дефицит может возникнуть только в том случае, если поставленный заведующим не всегда проверяет коммерческие книжки незна-

комых ему посетителей, если он отпускает напитки, подкрепляющее и т. п. людям, которые не отработали коммерческих часов, если он не штемпелует отпущенные или допускает ошибки при штемпеловании.

Кто же должен отвечать за ущерб, если при месячном или годовом подсчете обнаруживается дефицит? Только не поставленный Академией заведующий или надзиратель, потому что эти люди имеют не больше всякого другого. Академии же могут покрывать убыток только в исключительных случаях. Его должны покрыть опять-таки все посетители данного предприятия. Поэтому:

Ст. 17. Всякую прибыль или дефицит в расчетах различных предприятий для отпуска приятного после годового отчета распределяют пропорционально между их потребителями, а к сумме коммерческих часов, вносимых в коммерческую книжку, прибавляется или вычитается из нее эта доля.

Ст. 18. Если *потребление приятного нарушает* Гармонию целого, и оно имеет следствием помещение некоторых *трудоспособных* членов в больницы, то эти убытки общего рабочего времени также засчитываются за счет потребителей того же вида удовольствия. Следовательно, чем больше случаев опьянения водка, чем больше сор из-за дорогих или редких предметов (см. главу пятнадцатую ст. 15), тем труднее становится их производство и приобретение (см. главу 11-ю, ст. 8).

Ст. 19. Как на рабочее время всех, установленное для производства необходимого и полезного, раскладывается и рабочее время тех, которые к работе не способны, также должны Академии предоставлять его по-прежнему потребителям приятного, уже не способным выработать коммерческие часы; стоимость же рабочего времени, затраченного на его производство, погашать общим рабочим временем, потребным для производства приятного. Предоставляемые таким образом в форме пенсии удовольствия должны равняться своей стоимостью коммерческим часам, прежде выработывавшимся соответствующим индивидом.

Ст. 20. Так как в коммерческих книжках должно предоставляться определенное число рабочих штемпелей, для того чтобы можно было внести штемпеля потребления, необходимо, чтобы новые книжки выдавались всегда за восемь дней до окончания старых. В старые книжки в это время вносятся только штампы потребления, а в новые — рабочие часы.

Ст. 21. Потерявший коммерческую книжку получает новую. Коммерческие часы, отмеченные в старой книжке, для него потеряны.

Ст. 22. Членам Трио, Центральной коллегии мастеров и Коллегиям мастеров, равно как всем, получившим назначение для выполнения значительных дел на основании последних выборов способнейших, сразу же *при испытании пробной работы и после одобрения ее* выдает-

ся известная сумма коммерческих часов в *соответствии с пользой, которую при осуществлении его новой идеи получит общество. Эта первоначально установленная сумма коммерческих часов выписывается этим индивидом в течение всего времени пребывания их в своей должности* (см. главу четвертую, ст. 19).

Во всем остальном их коммерческие часы подлежат такому же контролю, как и у других; они так же должны согласовать количество штемпелей потребления с количеством полученных рабочих штемпелей.

Ст. 23. Хотя персонал управления работами и продукцией приятного не связан с общим установленным рабочим временем, потому что его умственная работа так же плохо поддается учету в часах, как и работа персонала управления необходимым и полезным, все же определения, относящиеся к мужам науки, содержащиеся в предыдущей главе, недействительны в отношении персонала управления приятным, так как их умственная деятельность производит красивые и приятные, но не необходимые и полезные продукты. Если они желают пользоваться приятными благами, то должны наравне со всеми остальными вырабатывать коммерческие часы в необходимых работах (см. главу двенадцатую, ст. 22 и главу пятую, ст. 15 и 16).

Ст. 24. Все продукты приятного, приобретенные за коммерческие часы, после смерти обладателя книжки передаются комиссии здравоохранения, которая дает всем пригодным

для этого предметам общепользное назначение, остальные же публично уничтожаются.

Так как я боюсь, что в этой главе буду не всеми читателями правильно понят, то хотел бы, прежде чем закончить ее, разобрать следующие вопросы:

Первый вопрос. Не лучше ли было бы вместо коммерческих книжек пользоваться деньгами или карточками?

Ответ. Все безобразие в человеческом обществе со всем его злом и преступлениями может происходить только от плохого метода регулирования обмена. Такими средствами обмена являются именно наши монеты, банкноты, кредитные билеты, государственные бумаги, акции и т. п. потому что:

а) Их можно собирать большими суммами в отдельные кучи и таким образом вызывать нехватку денег у других.

б) Владая ими, можно уклоняться от *необходимой* работы и таким образом стать причиной того, что другие должны выбиваться из сил на работе.

в) Из-за их свойства искусственно создавать излишки и нужду, благосостояние и бедность — жизнь, здоровье, счастье и свобода одних становятся игрушкой страстей других. С помощью денег один другого может обмануть, обокрасть, подкупить, может издеваться над ним, превратить других в своих униженных рабов и к выгоде страстей единиц нарушить Гармонию целого.

г) Немногочисленные единицы могут в ущерб всем остальным достичь высокой сте-

пени личной свободы. Чем свободнее могут быть с помощью денег одни, тем глубже попадают другие под ярмо подчиненности и рабства.

д) Деньги по традиции перегоняют это безобразия от одного поколения к другому и возводят его на все большую ужасную высоту. Потому что денежная система все средства, необходимые для содержания всех, стягивает отовсюду в кучи для того, чтобы быть в состоянии откармливать свою креатуру. Чем больше куч всего нужного для поддержания необходимых потребностей всех соскребаются отовсюду для единиц, тем больше становится нужда остальных и при том она всегда тем больше, чем больше увеличивается количество систематически ограбленных стяжателями.

е) Денежная система противоречит каждому разумному строю; от нее и происходит это множество неразумных и противоречивых законов. До тех пор пока общество еще нуждается в каком-либо из них, каждый глоток воздуха для него отравлен.

ж) Денежная система является тормозом и препятствует всякому прогрессу, имеющему в виду благо всех, потому что богат поддерживает только то, что представляет для него личную выгоду.

Сокращает ли машина работу человека или нет, от этого наше положение при современной денежной системе не улучшается. Некоторые машины производят в 10, в 100 раз больше, чем человек обеими своими руками; потому-то

мы и должны еще больше работать; конкуренция машины вынуждает нас мириться со снижением заработной платы и удлинением рабочего дня, если мы не предпочитаем красть или умирать.

Следовательно, при системе Гармонии и Свободы — никаких денег!

Также мало подходящими средствами для обмена являются карточки или марки: ведь, чтобы избежать их накопления, пришлось бы от времени до времени заменять их другими. Но с карточками было бы сложнее. Главная причина, почему в системе Гармонии и Свободы они не могут служить средствами обмена, та, что с помощью их также возможны дарение, подкуп, азартные игры, обман и воровство, как и при денежной системе. Поэтому — ни куски металла, дерева и камня, ни карточки в организации, основанной на Гармонии и Свободе, не могут служить средством обмена.

При Гармонии и Свободе полезным может быть лишь средство обмена, обладающее следующими качествами:

а) Его невозможно накапливать, дарить, проигрывать, наследовать или украсть.

б) Оно не может содействовать ограничению свободы одного индивида в пользу другого.

в) Несмотря на всякие обмены, оно всегда должно оставаться в руках своего владельца и одновременно служить дневником его страстей и способностей.

Второй вопрос. Почему бы не пользоваться коммерческой книжкой также для получения в обмен необходимых и полезных продуктов?

Ответ. Потому что эти продукты представляют собой необходимое и определенное, то, что при равных условиях должен иметь каждый, так же как и способности для производства этих продуктов. Для того же, что при равных условиях должны иметь все, в организации Гармонии и Свободы не должно существовать никаких средств обмена, потому что эти средства, собственно, служат главным образом удовлетворению стремления к свободе отдельных единиц, и неравное распределение наслаждений допускается там, где это никому не наносит ущерба. Там, где распределение при равных условиях равно для всех — средств обмена естественно не требуется. Потребности в необходимом и полезном у всех равны, так же как рабочее время, необходимое для их производства. Распространение средств обмена на продукты необходимого и полезного только сделает невозможным распределение в равных условиях. Некоторые расхаживали бы, к отвращению других, в изорванной, грязной одежде только для того, чтобы иметь возможность выпить несколько лишних бутылок вина, другие ради этого стали бы экономить на мебели и домашней утвари, а иные даже на пище. Особенно это могло бы так случаться в переходный период. Поэтому средства обмена для необходимого и полезного должны отменяться. Хорошо было

бы, если бы можно было их и вовсе отменить. Некоторые считают это возможным, я же, который прежде всего хочу гармонии всех и при этом свободы для *каждого*, до сих пор не вижу этой возможности, потому что никто еще не потрудился доказать эту возможность. Однако я желал бы этого.

Третий вопрос. С помощью коммерческих часов работник получает возможность пропустить в течение нескольких дней установленное для всех рабочее время, так как работник может представить для постановки штампа за каждый пропущенный день шесть уже отработанных коммерческих часов. Иные же вовсе не участвуют в производстве необходимого и полезного, потому что участвуют в производстве приятного, как, например, художники, скульпторы, золотых дел мастера, мастера нарядов и моделей, кондитеры, дистилляторы, писатели, актеры, певцы и т. п. Каким образом можно будет с помощью коммерческих книжек уравновесить страсти и способности и рассчитать для всех таких работников рабочее время, потребное для производства необходимого и полезного?

Ответ. Управление всем обществом делится на два подразделения: управление труда, или деловой строй, и управление удовольствиями, или семейный строй. В первое подразделение управления выбирают все рабочие и работницы или Коллегии мастеров, руководители работ, от заведующего и мастера до Рабочего президиума и Трио.

Этому последнему известно число всех работоспособных членов общества так же, как и всех едоков. По потребностям всех потребителей нетрудно вычислить необходимое для всех рабочее время. Допустим, у некоего населения из 15 тысяч человек 10 тысяч таких, которые способны выполнить обязательный рабочий день; предположим дальше, что каждый из них сделает в определенное для всех рабочее время в течение года 1800 часов. Это составит для всех десяти тысяч 18 000 000 рабочих часов в год, считая рабочий год равным 300 дням. Если при годовом подсчете из-за коммерческих рабочих часов получится только 9 000 000 часов общей работы, то ясно, что недостающие 9 000 000 должны быть дополнены коммерческими часами. Только в соответствии с излишками в коммерческих часах Академии получают необходимый материал для производства продуктов приятного. Так как без этих коммерческих часов Академии не могут распорядиться о производстве продуктов приятного, то в их интересах, как и в интересах потребителей приятного, чтобы при отметках в коммерческих книжках не допускалось ошибок. Ни Трио, ни Управление промышленностью не должны беспокоиться о правильности счетов в связи с коммерческими книжками, так как всегда обязательно должен быть налично излишек коммерческих часов, на основании чего Академии получают материалы, которые потребуются для дальнейшего производства

и еще потому, что если его нет, коммерческие часы в крайнем случае списываются у всех из их отработанных часов, что будет нечувствительно для каждого в отдельности (см. ст. 16).

Что же касается удовольствий, или семейного строя, то Трио ставит во всех общинах и округах директоров для надзора и для распоряжения запасами. Эти директора доносят о положении приблизительно так: для здешнего населения в 15 000 человек ежедневно требуется 5 000 фунтов мяса, 20 000 фунтов хлеба, 100 четвериков бобовых или картофеля, 15 000 мер молока, 10 000 мер пива, 6 000 мер вина и т. д. В запасе у нас имеется (здесь директор перечисляет по списку все имеющиеся в складах, кладовых, закромах и погребях запасы, а также дает обзор состояния огородного хозяйства и скота).

Эти доклады из всех округов поступают в высшие учреждения Союза. Последние же в соответствии с полученными сведениями организуют взаимный обмен округов продуктами, имеющимися в излишке. Когда такой обмен закончен, директора регулируют обмен между общинами своего округа, затем общины производят это между столовыми комиссиями, а уж те доводят продукты до каждого потребителя в отдельности путем ежедневного довольствования. Работающим в области приятного предоставляется все необходимое, как и всем остальным, потому что их рабочее время уже зачислено в коммерческие часы. Так же поступают с теми, которым при-

ходит в голову иногда несколько дней не работать, если они дают проштемпелевать 6 часов из отработанных вперед за каждый пропущенный день, иными словами, получают в свои книжки шесть печатей о получении удовольствия за каждый пропущенный рабочий день. Но, если это не соблюдено или если индивид исчерпал свои наперед отработанные часы и тем не менее желает продолжать не работать, то мастерская направляет извещение о его болезни на его квартиру и в столовую.

Но каждый, о котором поступило такое извещение, получает жилище и стол только в больнице, потому что нигде ему не будут предоставлены ни жилище, ни питание, до тех пор пока в его коммерческой книжке не будет отметки, сделанной за 24 часа о перемене квартиры и столовой или о выздоровлении (см. главу пятнадцатую, ст. 11).

Четвертый вопрос. Каким образом будут предупреждаться подделки и хищения?

Ответ. Главным образом тем, что страсти к приобретению и наслаждению всех могут быть одинаково удовлетворены благодаря коммерческим часам; следовательно, в плутнях нет никакой необходимости, разве если кто-нибудь захочет наслаждаться *всеми* продуктами приятного без того, чтобы работать для этого, как другие.

Однако это было бы я не так легко, потому что даже если бы можно было сделать самому себе коммерческую книжку со всеми штампами, то этого все-таки было бы недо-

статочно, чтобы нанести ущерб общественным интересам, так как, во-первых, даже индивиду, лишенному чувства долга, невозможно уклониться от выполнения обязательного рабочего дня: ведь каждый не явившийся чтобы отметить пропущенное рабочее время объявляется на квартире и в столовой больным, и тогда здесь немедленно прекращается всякое обслуживание его. И так как, во-вторых, никто таким образом не может уклониться от работы, то, несомненно, никто не сможет сам себе вносить поддельных печатей в книжку, потому что в конце рабочей пятидневки это увидели бы мастер и его товарищи.

Если же некоторым, исключительно ловким удалось бы сфабриковать двойники книжек, то получение удовольствия по ним было бы связано с большими затруднениями. Прежде всего им нельзя было бы часто предаваться удовольствиям в часы, когда вырабатываются коммерческие часы, потому что множество печатей в книжке обратило бы на себя внимание при сопоставлении этого с общим свободного времени. Затем, эти люди были бы вынуждены отдаляться от своих товарищей при получении удовольствий, чтобы те не увидели разницы. Далее, им пришлось бы многое из полученных в обмен вещей стараться спрятать от глаз других. Кроме того, это означало бы, что они ловче и обладают более высоким мастерством, чем люди, занимающиеся изготовлением коммерческих книжек по поручению Академий.

Академия должна была бы сама записать на свой счет такого рода дефицит, а потребители приятного — поделить между собой весь обнаружившийся убыток, а это уже явилось бы серьезной причиной к тому, чтобы не испытывать свою ловкость таким образом, привлекая к себе всеобщее внимание с опасностью потерять уважение и дружеское отношение окружающих. А оно в системе Гармонии, будучи утеряно, может быть восстановлено с большими трудностями путем переселения в чужие места и только при очень хорошем поведении.

Если бы такие коммерческие книжки были подделаны с подписями и печатями в совершенстве, это служило бы доказательством того, что Академии возложили расположение материала и изготовление книжек не на наиболее способных и дошлых людей. В таком случае придется доверить изготовление и организацию книжек другим людям, может быть как раз «копиистам».

Пятый вопрос. Не потребует ли метод штемпелевания книжек слишком много времени?

Ответ. Этот метод, по-моему, короче нынешнего метода денежных векселей, во-первых, потому, что при нем никогда не бывает ничего такого, что нужно было бы разменивать или считать (последнее — за исключением годовых отчетов).

Его значительно сокращает уже одно то, что им пользуются только при отметках удовлетворения страстей, причем отпадает

необходимость всяких закупок и мен, требующихся при удовлетворении потребности в необходимом и полезном.

Что же касается расчета или проставления штампов по истечении пяти рабочих дней, то этот метод требует не больше времени, чем нынешняя еженедельная выплата заработной платы. В течение 15 минут заведующий мастерской или мастер может поставить нужные печати и подписать 10 книжек своих товарищей по работе. Отметки о перемене места, жилья, столовой и мастерской гораздо менее сложны, чем теперь получение паспорта на выезд, заключение договора о найме квартиры, получение счета содержателя трактира, удостоверения о работе или отзывы наших мастеров, фабрикантов, хозяев и т. п.

Что касается печатей о получении удовольствия, то хлопоты и потеря времени при их получении в значительной степени устраняются предоставлением каждому возможности абонироваться помесячно или *го&ично* на использование всякого рода приятного, создавая для этого различные товарищеские объединения, как, например, певческие и литературные, музыкальные и танцевальные объединения или устройство вечеров и т. п.

Каждое такое объединение отвечает за исправное состояние книжек всех его членов и заказывает ежедневно необходимое количество чая, пива, вина, кофе, пирожного, ликеров и различного рода закусок. Полученные продукты и подлежащую уплате сумму у част -

ники объединения ежемесячно распределяют между собой, отмечая это печатями в своих книжках, а Академия проводит ежемесячную, поквартальную или годовую ревизию их книжек. В случае возникновения дефицита у кого-нибудь из членов такого союза коллектив компенсирует его лишними отметками печатью в своих книжках. Каждое такое объединение особенно заинтересовано в исправных участниках, на которых можно было бы положиться. Если бы все-таки (что, впрочем, невероятно) возник общий значительный дефицит, то, конечно, остальные потребители должны были бы покрыть его при годовом подсчете с весьма незначительными потерями коммерческих часов. Это повлекло бы, однако, роспуск объединения, потому что Академия прекратит снабжение его до тех пор, пока оно не покроет коммерческими часами свою недоимку. А какое же другое объединение охотно примет в свою среду таких членов? Отметка штампом получения приятного в соответствующих предприятиях, где каждый также может мимоходом выпить стакан вина, пива, молока, взять пачку табаку и т. п., также несложна. Посетитель открывает последнюю страницу своей книжки с печатями, и заведующий — обычно для таких дел берется человек, уже не пригодный к обязательной работе, — ставит свой штамп. Это можно сделать по крайней мере так же быстро, как и с деньгами, особенно, если принять во внимание, что в последнем случае часто

встречается необходимость в размене денег и «сдаче» или в записях при отпуске в кредит.

Что касается предметов роскоши, здесь обмен будет происходить гораздо быстрее, чем теперь, когда тратится так много бесполезного времени на то, чтобы торговаться и на то, чтобы разменивать деньги.

Коммерческие книжки — это вообще все, что в смысле записи требуется каждому для урегулирования Гармонии целого. Они заменят все нужные нам в современных условиях документы.

Они в одно и то же время — и паспорт, и свидетельство о крещении, и удостоверение о подданстве, свидетельство об увольнении, аттестат подмастерья, вексель, расписка, счетная книга, дневник, школьное свидетельство, пропуск, рекомендательное письмо, копия, кошелек, календарь; это — зеркало всех физических и духовных потребностей индивида, его портрет, его биография, короче говоря, такое полное наглядное изображение всего «я» индивида, какого до сих пор никогда еще не давалось. То огромное количество свидетельств, удостоверений и разного рода писаний, которые нам в настоящих условиях необходимы и большинство из которых совсем бесполезно, собраны в одной коммерческой книжке в усовершенствованной и упрощенной форме.

Шестой вопрос. Не будет ли нарушаться этот порядок вследствие отъезда отдельных лиц?

Ответ. Нет, потому что никто не может без отработанных коммерческих часов получить в новом месте работу, жилище, одежду и самую возможность путешествовать без наличия визы в коммерческой книжке. Виза же дается только тогда, когда книжка в полном порядке и в нее внесены суммы отработанных часов и полученных удовольствий, что также принимается во внимание при составлении годового отчета.

Седьмой вопрос. Не сможет ли заведующий предприятием отпускать некоторые предметы, не отмечая их стоимости печатью в книжке?

Ответ. Это не так просто. Прежде всего потому, что здесь затрагиваются интересы всех потребителей, как и собственные интересы заведующих, и каждый из них при годовом отчете охотнее представит своим гостям прибыль, нежели дефицит, а кроме того, еще и потому, что заведующий никогда не бывает один, везде присутствуют двое или трое сослуживцев, которые все одинаково с ним заинтересованы в том, чтобы представить хороший годовой отчет с прибылью.

На должность заведующего можно поставить сколько угодно человек; это не создаст потери рабочего времени, так как на такие места берут людей, которые уже не работают и которых общество все равно должно содержать. Для такого дела у каждого, ставшего нетрудоспособным, хватит еще сил и охоты. Правда при системе Гармонии такое благо-

воление заведующего, пожалуй, будет воспринято скорее как оскорбление, чем как любезность. Однако с этой стороны опасения беспорядка кажутся мне неосновательными.

Восьмой вопрос. Как будет обстоять дело с предприятиями, в которых необходим долгий изнурительный рабочий день, как, например, у матросов во время длительного плавания, у кондукторов почтовых карет и повозок, при которых они часто должны оставаться день и ночь и т. п. Разве и они смогут вырабатывать коммерческие часы?

Ответ. А почему бы нет? В таких случаях все часы, которые они по необходимости проводят на своих местах сверх урочного времени, засчитываются как коммерческие. Часть этих часов они могут использовать для удовольствия здесь же, на судне, остальные же — по окончании плавания. Они, конечно, не всегда могут обменять свои коммерческие книжки на новые в установленное для всех время, потому что, находясь в пути, не имеют возможности отметить печатями свои коммерческие часы. Поэтому обмен коммерческих книжек производится перед отправлением в путешествие (см. главу пятую, ст. 20).

Девятый вопрос. Некоторые занятия бесспорно более удобны и приятнее других, но здесь нельзя установить смены трижды по два часа, чтобы в этих работах могло принять участие втрое большее количество рабочих. Так обстоит дело, например, у кондукторов почтовых карет и т. п. Следует ли считать их

затрату сил во все время занятий одинаковой, хотя у них есть и промежутки в работе, когда они ничего не делают, как, например, во время кормежки лошадей? Как оудут решать этот вопрос, не поступаясь принципом Гармонии и Свободы?

Ответ. Все рабочее время этих индивидов должно считаться полноценным, потому что они не могут его использовать для других целей. Между тем другие не могут добиться получения этих мест, не пройдя экзамена, устанавливающего их годность к данной работе. Такой экзамен, который обязан сдать каждый перед выходом из Школьной армии, устраивается тем труднее, чем больше учеников стремится изучить дело, кажущееся приятным (см. главу пятую, ст. 20 и главу четырнадцатую, ст. 15).

Таким образом, равновесие между различными видами труда никоим образом не нарушается; самое большее, что может произойти, это то, что наплыв кандидатов послужит поднятию уровня знаний и мастерства на более высокую ступень. Коллегии мастеров тогда должны будут установить, каким наукам и мастерствам должен быть дан для блага всех более крепкий импульс. Впрочем, приятность многих занятий в наше время только кажущаяся, потому что мы и представить себе не можем, какими приятными при лучшей организации общества могли бы стать занятия, которые мы теперь считаем трудными.

Десятый вопрос. Как будут распределяться разные места в театре, на которые ведь все имеют одинаковое право?

Ответ. Различным образом, вероятно, в зависимости от обстоятельств.

В переходный период, когда интерес к театру, как и к актерам, еще не стал всеобщим, можно для различных мест применять различные печати для отметки наслаждений. Тогда каждый абонент получит карточку — входной билет на то место, на которое он абонируется, действительный на все время абонементов. Если хотят избежать возможности раздаривания этих карточек, можно такую карточку, так же как это делается с другими абонементами, о которых ставится штампель в коммерческой книжке, отметить еще и на особом листке. Тогда по крайней мере будет возможен все-таки только желательный взаимный обмен разовыми билетами, которые нужно добывать ежедневно, и будет исключено вводящее в соблазн дарение четверти или половины годового абонементов.

Особая печать на специальном листке ставится для упрощения, чтобы театральной дирекции не приходилось ежедневно при отпуске билетов перелистывать целиком каждую книжку.

Если театром стали пользоваться все или еще до этого хотя бы отменить разные оценки мест в них, то это можно организовать следующим образом:

При входе в театр установлено несколько урн. В одной из них находятся отдельные пронумерованные шарики, во второй урне — такие же перенумерованные шарики соединены по два, в третьей — по три и так далее до пяти. На шариках в пяти урнах поставлены последовательно все номера мест в театре.

Индивиды, которые хотят придти в одиночку, берут шарик из урны, где находятся отдельные шарики, и занимают места, указанные в их билетах. Если желают сидеть рядом двое или несколько человек, то один из них вынимает из соответствующей урны желательное число соединенных вместе шариков с последовательно идущими номерами. Если отдельные номера разобраны, то в урну кладут разобранные поодиночке шарики из других урн.

Разве не замечательно все это устраивается!

И все же мысли, изложенные здесь — только несовершенный беглый набросок того, что *может* быть и что *будет*.

В организации, где общество объединено, возможно многое из того, что невозможно в системе разобщения.

Одиннадцатый вопрос. Не вызовет ли утрата коммерческой книжки путаницы в расчетах или даже дефицита?

Ответ. Неисправность, могущая возникнуть при этом, не имеет значения и не может быть чувствительной для управления, так как оно не дает коммерческих часов в кредит,

а только регистрирует *отработанные*. Владелец же книжки может при этом потерять только в том случае, если число коммерческих часов было значительным и нельзя установить их число.

Эта потеря, которая обычно может быть очень мала, особенно у индивидов, привыкших перерабатывать умеренно, не может пойти на пользу никому, кроме потребителей приятного (см. ст. 17 настоящей главы). Тем не менее, потеря книжки, в такой же мере как и всякая потеря, способна причинить ущерб ее владельцу и нарушить Гармонию всех.

Особенно сложным обстоятельством было бы, если бы книжку потерял член какого-нибудь объединения, которое производит расчет с Академией только в конце года; далее, — если в промежутке предпринималось путешествие или член объединения болел, или произошли какие-нибудь другие непредвиденные случайности, которые затруднили бы определение содержания утерянной книжки. В таком случае членам союза, если потерявший не хочет или не может сам стать жертвой своей небрежности, предоставляется право решить, принимают ли они, в соответствии со ст. 15, дефицит на себя целиком или только частично.

Двенадцатый вопрос. Не внесут ли беспорядка в книжки и тем самым в расчеты, которые служат Гармонии целого, отъезды и приезды отдельных индивидов?

Ответ. Нет, так как каждый получает перед отъездом визу в своей книжке, если он не выработал коммерческих часов, но при этом желает, на основании проработанного обязательного рабочего времени, использовать свое право на путешествие.

Если же индивид имеет отработанные коммерческие часы, то он в этой визе не нуждается, но тогда он обязан, пока он не работает, получать печати о выполнении 5- или 6-часового рабочего дня из часов, проработанных вперед.

Путешественник, не имеющий коммерческих часов, получает ежедневную работу и удовлетворение своих ежедневных потребностей по распоряжению Комиссии здравоохранения. Если он желает где-нибудь задержаться, он может быть принят каким-нибудь заведующим или мастером на работу по своему собственному выбору в качестве рабочего. Как только печать предприятия будет проставлена в его коммерческой книжке, он получит все, что ему нужно, в предприятиях, отпускающих необходимое и полезное.

Заведующий или мастер, ставящий печати в коммерческих книжках, обязан сообщать как о больном о каждом рабочем, не явившемся на работу, и за которого товарищи не хотят поручиться (см. главу пятнадцатую, ст. 12).

Я надеюсь, что высказался в этой главе достаточно ясно и, несмотря на то, что об этом можно еще много спрашивать, хочу от-

ветами на эти вопросы закончить ее. Тот, кто меня еще не понял, может быть поймет меня лучше по прочтении следующих глав.

Однако, несомненно одно: нужно только желать систему Свободы, Гармонии и единения всех,— вы слышите,— *всех!!!* *всех!!!* — и это будет найдено. Эта ли система или другая, коммерческие часы или без них — не в этом суть! Главное — желать всего для *всех*, а не то, что кое-что для одних, немножко для других и ничего для остальных.

Глава *одиннадцатая*

ПРИОСТАНОВКА ПРОИЗВОДСТВА

Если в каком-нибудь производстве замечено слишком большое скопление рабочих, что обычно бывает в производстве приятного, то в нем отменяется работа сверх обязательного времени, в нем не разрешаются коммерческие часы. Такое положение я называю приостановкой производства.

С помощью этой задержки в производстве при коммунизме возможно предоставить каждому свободу выбрать себе приятную и легкую или неприятную и утомительную работу, не дожидаясь при этом наступления нехватки рабочих в занятиях последнего рода.

Вся суть распоряжения о приостановке производства заключается в том, чтобы не ущемляя ни индивидуальной свободы, ни Гармонии целого, которые являются главной целью

этой институции, сделать потребление не необходимого и приятного возможным только через продукцию *того* необходимого, для производства которого не хватает добровольно работающих.

Благодаря этой приостановке производства возможно устранить всякий вред, которому может подвергнуться общество в результате необузданности страстей некоторых его членов. Если допустить, что при коммунизме роскошь распространилась бы до опасных размеров, если бы вдруг у одних возникла настоящая болезненная страсть к золотым цепям, часам, кольцам, жемчугу и драгоценным камням, и врачи сообщили бы, что вследствие распространения и введения в обиход этих предметов больницы полны такими маньяками, которые, ради обладания названными предметами, ссорятся и вступают в драки, тогда, если невозможно сделать эти предметы общедоступными, управление соответствующей промышленностью распоряжается о закрытии мастерских, в которых они до сих пор изготовлялись. Тогда болезнь сразу прекратится.

Могут возразить, что каждый, если он этого захочет, имеет право заработать себе какое-либо украшение из золота в обмен на коммерческие часы. Однако это было бы невозможно, так как материал для этих вещей стал бы очень редким. И, кроме того, изобрели бы и смастерили так много драгоценного бесполезного хлама, что некоторым людям, по-

лучающим удовольствие от произведений роскоши и фантазии, стало бы затруднительно или просто надоело бы отрабатывать множество коммерческих часов для получения этих вещей, и так как в каждом человеке заложена страсть к обладанию и приобретению, не будет ничего удивительного в том, что он постарается удовлетворить эту страсть легчайшим путем. Обуреваемый сильными страстями, которые возбуждаются наслаждениями, действующими на его чувства, применяет все доступные ему средства, чтобы удовлетворить свою страсть. Когда общество не дает ему возможности удовлетворить свои страсти только при помощи его заурядных способностей, он старается добиться своего другим путем. Его страсти вступают в конфликт с Гармонией целого и тем самым указывают, что в этом пункте в общественном организме необходимо что-то исправить. «Он ворует», — так это называется на нашем современном языке.

Тут уж ничего другого не придумаешь, как либо сделать общедоступным, либо исключить из производства сомнительный предмет, который в состоянии внести смятение в жизнь общества. В этих случаях также должна быть применена приостановка производства. Заметим себе здесь следующие пункты:

Ст. 1. Приостановка способствует приведению в гармонию страстей и способностей отдельных индивидов со страстями и способностями всех.

Ст. 2. Предложение о приостановке производства исходит от Комиссии здравоохранения и утверждается управлением соответствующей промышленности.

Ст. 3. Приостановка распространяется в равной мере на всех индивидов, вырабатывающих коммерческие часы, за исключением тех случаев, где в соответствии с законами природы требуется делать исключение.

Ст. 4. Исключения составляют все индивиды, которые работают в настоятельно необходимых работах, а также женщины, имеющие маленьких детей, равно как и слабые и старики, хотя еще и работающие, но не способные к трудной работе. Этим путем устанавливается равенство отношений (см. главу тринадцатую, ст. 6).

Ст. 5. Если в каком-нибудь производстве потребуется сразу много рабочих, как например, в земледелии во время жатвы, то на это время в остальных предприятиях устраивается остановка производства, т. е. в них не могут вырабатываться коммерческие часы, впрочем, опять-таки за вышеперечисленными исключениями.

Ст. 6. Так как каждый род труда распадается на различные отрасли, из которых самые легкие требуют наименьшей подготовки, так как обычно каждый в Школьной армии и позже всегда имеет возможность и средства приобрести первоначальные познания в любой работе, то приостановкой какого-нибудь производства никто не лишается возможности

вырабатывать коммерческие часы. Это также служит гарантией свободы.

Ст. 7. Если в каком-нибудь деле из-за его приятности замечается большой наплыв рабочих, то в нем никому не разрешается работать больше двух часов, и всякий работающий здесь должен свое остальное рабочее время выполнять в другом месте. Этим достигается возможность занять в данном предприятии тройное количество рабочих.

Ст. 8. Если какой-нибудь продукт, дающий наслаждение, вызывает физическое или душевное заболевание и не может стать общедоступным, или если это зло не уменьшается от того, что пользование данным продуктом стало общедоступным, то производство закрывается, т. е. изготовление продукта прекращается. Таким образом, сохраняется гармония в обществе, а на безудержные страсти налагается узда.

Ст. 9. Если в результате частого употребления спиртных напитков возникает много физических заболеваний, которые, однако, приносят вред только отдельным индивидам, то потерянное из-за болезни рабочее время присчитывается ко времени, нужному для изготовления напитка, так что потребители его возмещают весь убыток, нанесенный таким образом обществу. Вследствие этого потребители заинтересованы в том, чтобы предотвратить такую распушенность. Из-за страстей отдельных личностей общество не должно нести ущерб, вследствие потери рабочего

времени. Следовательно, недостачу в общей полезной работе, возникшую по причине излишеств в наслаждении приятным, должны восполнить потребители этих наслаждений.

Глава двенадцатая

АКАДЕМИЯ ИЗЯЩНЫХ ИСКУССТВ И НАУК
ИЛИ УПРАВЛЕНИЕ ПРИЯТНЫМИ РАБОТАМИ

Ст. 1. Цель Академии — изучать и развивать те способности отдельных индивидов, которые в состоянии удовлетворить и развить *особенные* страсти и способности других отдельных индивидов, чтобы не пропадала ни одна способность, полезная для блага общества.

Ст. 2. Эти способности члены Академии проверяют с помощью выставленных в залах искусств пробных работ в области приятного, или путем испытаний индивидов, стремящихся быть принятыми в Академии, в тех случаях, когда испытание по какому-нибудь виду искусств требует присутствия претендента, например, актера, наездника, престижиджигатора, канатного плясуна и т. п.

Ст. 3. Под работами в области приятного я понимаю все продукты работ, способствующие облагораживанию наслаждений, воспринимаемых чувствами, как то: театр, балы, концерты, выступления артистов, частные торжества, пирожное, печенье, пивные залы

и кафе; приготовление различных приятных напитков, табака, фейерверков и т. п.

Ст. 4. Все новые продукты приятного или рисунки и пробные образцы их после испытания Академией выставляются в залах искусств, чтобы возбудить страсти любителей таких продуктов.

Ст. 5. Если окажется достаточное количество заказов на новые продукты, по распоряжению Академии организуются мастерские для их производства.

Ст. 6. Все работы в области приятного, ставшие *общеупотребительными*, не подлежат больше ведению Академии, а переходят в управление Коллегий мастеров.

Ст. 7. Они считаются общеупотребительными, когда ими пользуется или желает пользоваться значительное большинство населения какого-нибудь города, округа или земли.

Ст. 8. Членом Академии является каждый, который был в нее избран на основании отличившей его работы, представленной им на одной из выставок искусств, или по сдаче экзамена при испытании его способностей в избирательной комиссии Академии.

Ст. 9. Каждый, желающий принять участие в наслаждениях, при которых испытывается тот или иной продукт приятного, должен, в возмещение потраченного им рабочего времени, представить коммерческие часы.

Ст. 10. Таким образом, время, израсходованное в округе какой-нибудь Академии для производства приятного, должно быть точно

возмещено коммерческими часами *необходимых* работ. Существование и интересы Академий требуют такого порядка.

Ст. 11. Комиссии здравоохранения должны зорко следить, чтобы облегченное Академией удовлетворение страстей одних не выродилось в ущерб другим и чтобы таким образом не нарушалась Гармония общественного строя; например, если расходование сырья для производства приятного создаст нехватку материала для производства предметов необходимого и полезного, или если в результате возрастания количества предметов роскоши опять появится много больных алчностью или мошенников, стяжателей и, как мы говорим, воров и т. п.

Ст. 12. В последнем случае, если приостановка производства не приносит достаточного оздоровления, предмет либо становится общеупотребительным, либо изгоняется из употребления в обществе.

Ст. 13. Отрабатывать коммерческие часы в приятных работах могут только слабые (см. главу одиннадцатую, ст. 4).

Ст. 14. Руководство работами приятного возлагается на членов Академий, надзор же за ними в залах искусств возлагается на тех индивидов, которые по возрасту или вследствие болезней не пригодны к другой работе.

Ст. 15. Члены Академий, как таковые, не имеют влияния ни в руководстве работами необходимого и полезного, ни при испытаниях способностей соответствующих работников,

если эти члены Академии в то же время не являются также членами Коллегии мастеров в результате сделанного ими полезного открытия или изобретения.

Ст. 16. Все наслаждения приятным, ставшие общеупотребительными, но которые вследствие того, что некоторые индивиды требуют их в большем количестве, относятся также в разряд приятных, как, например, вино, пиво и т. п., производятся «е под руководством Академий, но доставляются последним директорами, работающими под руководством Коллегии мастеров. Стоимость этих продуктов исчисляется в рабочих часах и составляет часть рабочих часов, количество которых увеличивается благодаря производству приятного и число которых в годовом подсчете должно совпадать с числом коммерческих часов.

Ст. 17. Все произведения *художественной* литературы, не признанные лучшими и отвергнутые при испытаниях академической избирательной комиссией, выставляются вместе со всеми другими представленными пробными работами для просмотра в особых, предназначенных для этого залах.

Ст. 18. Если, однако, за напечатание такого произведения подписывается большое количество коммерческих часов, Академия дает распоряжение о его печатании.

Ст. 19. За каждое принятое литературное произведение его автору назначается определенное число коммерческих часов.

ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ

Ст. 20. Назначенная сумма коммерческих часов должна соответствовать числу заказанных экземпляров, но не должна превышать числа коммерческих часов, которые в состоянии выработать всякий другой рабочий в течение года. По окончании действия коммерческой книжки эта сумма теряет ценность, как и все другие несбалансированные печатями о полученных удовольствиях.

Ст. 21. Рабочее время тех, которые под руководством Академии изготавливают продукты приятного, равно рабочему времени производящих необходимое и полезное, по которому исчисляется и определяется общее рабочее время; первое может быть сокращено только вместе с последним. Пользу от продукции приятного получают только *потребители* его, но не рабочие, производящие приятное благодаря какому-нибудь особому сокращению *их* рабочего времени.

Ст. 22. Члены персонала, управляющего работами приятного, так же как члены Трио, Центральной коллегии мастеров, Коллегии мастеров, профессора, учителя и врачи, не связаны определенным рабочим временем; но правилам, касающимся коммерческих часов, они подчиняются подобно всем остальным. Они, следовательно, так же как и другие, если хотят получать удовольствия, обязаны добровольно отрабатывать часы в самых важных работах.

Ст. 1. Женский пол в работе так же организован, как и мужской, т. е. он имеет свои Рабочие президиумы, свои Коллегии мастеров, свои Академии, коммерческие часы и остановки производства.

Ст. 2. Женский пол имеет преимущества перед мужским при выборе всех работ; женщины могут выбирать для себя самые легкие работы, если они не уступают в мастерстве и быстроте выполнения мужчинам.

Ст. 3. Самыми тонкими женскими работами руководят члены женских Коллегий мастеров, которые избираются таким же образом, как и мужские.

Ст. 4. Если для руководства какой-нибудь важной работой в женской Коллегии мастеров не находится ни одной женщины, которая обладала бы талантами, требующимися от высших управляющих органов, то это руководство передается индивиду мужского пола.

Ст. 5. Женщины могут занимать место члена правления предприятия по одной какой-нибудь женской отрасли работ и только в том случае, если они по своим способностям равняются способностям, требуемым от членов мужской Коллегии мастеров.

Ст. 6. Нельзя приостанавливать ни одного производства, где работают женщины, имеющие малых ребят. Предприятия должны при всех работах сохранять свободные места для

того, чтобы эти женщины могли выбрать себе работы самые легкие и такие, которые им было бы удобно выполнять дома около своих детей.

Ст. 7. До тех пор, пока природа не явит чуда, т. е. пока женщина не превзойдет мужчину в полезных науках, открытиях и талантах, она не может достичь поста, после которого она могла бы стать у руля управления обществом, членом Трио и Центральной коллегии мастеров. Когда же природа женщины и мужчины так переменится, что это сделалось бы возможным, тогда будет очень просто приспособить организацию к новым условиям.

Ст. 8. Сожительство в браке должно быть добровольным, и ни одна сторона не может быть принуждена к нему.

Ст. 9. Детей, достигших трех- или шестилетнего возраста, государство берет в Школьную армию.

Ст. 10. Детей, родители которых заболевают, умирают или разводятся, государство, или, вернее, общество, берет независимо от их возраста.

Ст. 11. Обучающаяся в Школьной армии женская молодежь, как и взрослые рабочие женского пола, имеет свои Коллегии мастеров, Академии, коммерческие часы и свои приостановки производства на тех же условиях и с той же целью, что и мужская молодежь (см. следующую главу).

При таком порядке нет доступа интригам. Девушки и юноши воспитываются как сестры

и братья. Они знают, что естественные законы природы дают им равные права, обязанности и свободы; они знают, что среди них нет ни бедных, ни богатых и что все, в чем они нуждаются, они могут получить без особых затрат труда.

Резкий контраст между естественной простотой и дугой вычурной образованностью исчезнет. Не будет и утонченного искусственного светского тона одних и глупого невежества и животной грубости других. Исчезнет также различие между богатым и бедным между высшим и низшим. Все знают, что, как и все остальные, они сами, их дети и внуки будут обеспечены. При таких условиях любовь и дружба будут радостными, естественными, безыскусственными.

Если ревность и любовь теперь наносят обществу множество кровоточащих ран, то это только сегодня. Но назовите мне хотя бы одно из извечных зол, которого уже не существовало бы сегодня. Все они под различными названиями продолжают подобно раковой опухоли вьедаться в тело общества. Отделите эгоизм и корыстолюбие от любви, и тогда вы увидите, будет ли существовать хотя бы половина тех чудовищных историй, которые происходят сегодня. Из десяти браков едва ли один заключается без корыстных соображений. Есть ли у него деньги? Есть ли у нее деньги? И сколько? Вот обычные вопросы, которые интересуют стороны перед заключением брака. Семейное счастье, увядшее в

цепях брачных уз, полное ревности, придирок ссор, споров и взаимной неприязни,— таков ответ на эти вопросы.

Любовь — это сердцевина ореха, брак — его скорлупа. Денежная система — это червь, вгрызающийся в сердцевину и портящий ее. Люди в подавляющем большинстве грызут горькую и твердую скорлупу. Вот вам точная картина нынешнего брака.

Создайте супругам в общественном строе свободное, независимое и лишенное забот положение и устраните железные противоестественные путы, которыми на всю жизнь приковываете друг к другу людей с самыми противоположными страстями и способностями, верните супругам ту первоначальную свободу, которой они обладали в раю, и тогда прекратится это отвратительное скандальное положение, из-за которого ваши суды завалены делами.

Нет ничего более смешного, чем желание добиться верности в браке путем принуждения, страха и запугивания; да мы и видим плоды этого. Как вор, испытывающий ужас перед убийством, берет с собой, идя на кражу, оружие только для собственной безопасности, так и нарушители супружеской верности только вследствие препятствий, которые воздвигнуты их свободе, становятся ворами и убийцами, чему многочисленные примеры мы знаем. При нашем современном общественном строе обычное явление, что стремясь избежать системы принуждения и ужаса, кото-

рые ему грозят в случае недозволенного удовлетворения какой-нибудь из его страстей, человек совершает значительно большее зло. Но кому же приходится страдать, как не обществу?

Если брачные узы больше не скрепляются уважением, дружбой и любовью, если даже материальные интересы не удерживают супругов друг возле друга,— а это много значит,— так разрывайте же, ради всего святого, такие узы и не создавайте друг для друга двойного и тройного ада!

Осуши свои слезы, бедная, несчастная, всеми презираемая и обиженная женщина и подумай о том, что много еще страдает на земле слабых. Когда-нибудь и для тебя засияет ранний золотой луч и осветит утро твоего освобождения. Он сверкнет в твоих влажных ресницах и осушит твои горячие горькие слезы рабыни. Тогда ты гордо посмотришь в глаза своему тирану, потому что ты больше от него не зависишь, а закон уже не стоит на его стороне. Тогда и ты, бедная, обманутая, совращенная проститутка, найдешь себе славного мужа, презирающего предрассудки толпы. Тогда, жизнерадостные, цветущие юноши и девушки, пусть свободно пылают замкнутое в ваших юных сердцах и гложащее вас, пламя, парализующее вашу энергию. Живите и любите, прежде чем оно примет направление, вредное для гармонии общества и для вашего здоровья.

Тогда — люби, кому любится!

О ШКОЛЬНОЙ АРМИИ

Ст. 1. В ней состоят все мальчики, юноши и девушки до того возраста, когда они приобретут навыки и знания в работе и науках, необходимые для вступления в общество.

Ст. 2. Школьной армией руководят учителя и учительницы, которые состоят членами Коллегий мастеров и Академий.

Ст. 3. Школьную армию обучают всем наукам и искусствам и приучают ко всем работам.

Ст. 4. Работы, которые Трио обозначает как наиболее необходимые для общества, изучаются особенно усердно.

Ст. 5. Работа в Школьной армии ведется таким образом, что, кроме обучения молодежи, она приносит также и материальную пользу обществу.

Ст. 6. Рабочее время учеников и учениц устанавливают преподаватели в зависимости от возраста и сил учащихся.

Ст. 7. Молодежь приучается главным образом к самым неприятным работам. Учителя должны служить ей в этом примером.

Ст. 8. Школьная армия распадается на два отделения — мужское и женское, каждое из которых имеет свои особые Коллегии мастеров и Академии. Члены этих Коллегий мастеров и Академий избираются так же, как совершеннолетние члены настоящих Коллегий мастеров и Академий.

Ст. 9. Начальники этих несовершеннолетних Коллегий мастеров и Академий, а также члены правлений их производств избираются не Школьной армией и не из ее среды, а настоящими Коллегиями мастеров, Академиями и Рабочими президиумами из состава этих органов.

Ст. 10. В Школьной армии существуют также коммерческие часы и приостановки производства. Однако они должны иметь своей целью только развитие страсти к знаниям, а не к чувственным наслаждениям. Следовательно, приятные работы в Школьной армии не направлены на изготовление предметов фантазии, роскоши и лакомств.

Ст. 11. Эта организация имеет назначение приучить молодежь к организации общества взрослых и так развить ее способности, чтобы они уравновешивали страсти, как и вообще развивать страсти и способности к знанию раньше и крепче, чем к приобретению и наслаждениям.

Ст. 12. Всем ученикам и ученицам Школьной армии, ставшим благодаря выдающимся талантам, прилежанию и мастерству членами Коллегии мастеров и при вступлении в общество совершеннолетних выразившим желание усовершенствовать свои познания в науках в университетах, посещение университетов засчитывается как рабочее время.

Ст. 13. Право посещать университеты при вступлении в общество совершеннолетних предоставляется также всем другим ученикам

и ученицам; однако как рабочее время посещение университетов засчитывается только лицам, указанным в предыдущей статье.

Ст. 14. Все ученики и ученицы перед выходом из Школьной армии должны сдать экзамен в обладании знаниями и способностями, требующимися в обществе взрослых.

Ст. 15. В зависимости от того, насколько велик наплыв желающих заняться тем или иным видом работы, облегчаются или усложняются испытания записавшихся.

Ст. 16. Не выдержавшие испытаний остаются еще на некоторое время в Школьной армии.

Ст. 17. Члены Коллегий мастеров, избравшие для работы одно из полезных для общества предприятий, могут поступить туда в любое время без предварительных испытаний.

Ст. 18. Никто не выпускается из Школьной армии, если он не совершенно здоров.

Ст. 19. В случаях, когда врачи определяют состояние ученика или ученицы как неизлечимое, а общение этого индивида с людьми сочтут вредным для общества, его отправляют в специально созданные с этой целью убежища, расположенные на речных или прибрежных островах (см. главу пятнадцатую, **ст. 6, 7 и 9**).

Ст. 20. Школьная армия как таковая находится под опекой учителей и Комиссий здравоохранения. Кроме того, она, как и все остальные учреждения, состоит под верховным руководством Трио.

Правильно организованное общество не знает ни преступлений, ни законов, ни наказаний. Все то, что мы теперь называем преступлением — это следствие общественной дезорганизованности. Если мы устраним эту дезорганизованность, мы будем иметь естественный остаток — человеческие болезни и слабости, но от них надо избавляться уже не с помощью законов и наказаний, а путем лечения.

Если с социальной точки зрения рассматривать путаницу идей и поступков современного общества, то широко прославляемое просвещение XIX века явит настолько тусклую картину, что никак не сможет ослепить наблюдателя.

Иногда мы с самым серьезным видом и под маской законности совершаем поступки сумасшедших или идиотов.

Какого-нибудь бедняка, укравшего у соседа рубашку, потому что у самого него ее нет, а у соседа их дюжины, мы сажаем на продолжительное время в тюрьму, кормим его за вынужденное безделье и уничтожаем своим презрением все будущее счастье его самого и его несчастной семьи. Торговца же мы за короткий аршин, неправильные весы или за испорченные товары с трудом присуждаем к мелкому штрафу, платить который придется, конечно, тому же обманутому покупателю.

Торговцу ничего не стоит предъявить покупателю завышенный счет, но пусть-ка осмелится рабочий когда-нибудь потребовать увеличения платы за свой труд! Как обрушатся на него тогда господа со своими полицейскими громами, чтобы выбить из него остаток мужской гордости, чтобы в его мозгу не осталось ничего, кроме трухи рабской преданности!

Так живет при нашем так называемом общественном строе. Ужасный, сумасшедший хаос! Ужасное, проклятое существование! Разве найдется хотя бы одно зло, которому не давалось бы двух или трех названий только *для того*, чтобы прощать и карать по своему произволу? Ни одного! Все, что вы называете злом и караете как таковое, все это вы разрешаете самим себе в другом месте только под другим названием. Возьмем для примера кражу.

Когда врач преднамеренно затягивает болезнь состоятельного больного, чтобы иметь возможность представить счет на большее число посещений, когда аптекарь вместо прописанного, требующегося полезного, но дорого стоящего материала дает фальсифицированную мешанину — разве это не кража?

Когда ваши адвокаты,— и тот, который за, и тот, который против в одном и том же деле,— договариваются друг с другом, чтобы вытянуть последний грош из карманов одной или обеих тяжущихся сторон,— разве это не кража?

Когда ваши военные комиссии продают фальшивые аттестаты, чтобы освободить от военной службы тех, кто в состоянии заплатить за это, когда таким же образом выдаются заграничные паспорта,— разве приобретенные таким образом деньги не кража?

Когда ваши лавочники заставляют платить им невероятные цены за всякую дрянь и благодаря этому вскоре становятся зажиточными людьми или богачами,— скажите, не накрадено ли их богатство? Или может быть ростовщичество вы называете заработком?

Когда купец урывает у фабриканта, а этот в свою очередь отрывает от жалкой заработной платы рабочего, ожидающего ее с пустым желудком,— скажите, вы, друзья человечества, разве это не воровство? Разве это не более отвратительная кража, чем если бы я пошел к богачу и украл у него половину его состояния?

А ваши контрибуции и налоги,— разве они в известном смысле не настоящее воровство?

А человек, насильно врывающийся в мой дом, чтобы наложить арест на мое имущество — разве это не вор? А ставший богачом благодаря тому, что рабочие вынуждены работать на него за гроши,— разве это не плут, не негодяй, не мошенник, не грабитель и вор? О, нет! Таким людям вы даете более вежливые имена! Это очень несправедливо! Если в вашем обществе уж должны существовать преступления, то не придумывайте им, по крайней мере, так много различных названий.

Тот, кто вор, пусть и называется вором, а не спекулянтом, банкротом, торговцем, экзекутором, сборщиком податей, негодяем, подлецом, канальей и т. д.

Вы не убиваете,— сохрани бог,— нет! Но ваши обагранные кровью топоры, ваши эшафоты, ваши колоссальные фабрики и склады оружия, ваше постоянное войско, ваши огромные мрачные тюрьмы — разве не вопиют они, не кричат днем и ночью: убийство!!!

А затхлые лачуги, в которых отравляются ваши рабочие, вредные для здоровья продукты питания, которыми поддерживаемый вами общественный строй угощает народ,— разве не распространяют они смерть?

А те тысячи, которые удобрили ваши поля сражений, защищая черт знает чей герб,— это не убийство?

А массы детей бедняков, погибающие в первые годы их жизни из-за отсутствия необходимого ухода,— разве это не убийство, не избитие невинных младенцев?

Разве преждевременная гибель медленной смертью от голода и истощения множества людей не дело рук вашей лживой организации?

Разве война и дуэль, эшафот и виселица не привилегированные убийства?

Если убийства и кражи сильных мира уже не равны разбойничьим походам рыцарей-грабителей средневековья, то это оттого, что теперь найдены средства скрыть их внешний варварский вид, но все-таки они существуют по сей день.

Если вы не хотите прекратить все *эти* убийства и кражи, то с вашей стороны безумие братья за искоренение других преступлений, что вам никогда и не удастся, потому что они вытекают из первых или тесно связаны с ними.

Вот, если бы господа делатели законов когда-нибудь основательно и спокойно задумались над тем, не подвергался ли каждый из них хотя бы раз в жизни соблазну стать убийцей или вором! Я думаю, что они должны были бы признаться в том, что у них только не было подходящего случая и подходящих обстоятельств. Если бы мы в соответствующих случаях находились в таких же условиях, как эти воры или убийцы, то кто знает, смогли ли бы мы противостоять соблазну или нажиму обстоятельств.

Иной читатель может быть думает, что его будущее в этом отношении очень надежно. Ладно! Продолжайте только проходить школу опыта: она вас научит большому, чем все толстые книги. Что касается меня, то я в этом скверно организованном обществе не чувствую себя слишком уверенным в себе. Я считаю, что способен на все плохое в зависимости от обстоятельств, в которые меня швырнет судьба.

Мы видели много примеров, как богатые люди, которым была предоставлена возможность много накрасть дозволенным способом, находили удовольствие в том, чтобы попробовать это делать и недозволенным. В Дрез-

дене одна женщина ради славы умереть на эшафоте стала убийцей одной из своих подруг и после совершения убийства не обнаружила ни малейших признаков раскаяния. Вот уж, поистине, дурные примеры портят добрые нравы!

Теперь у вас больше нет варфоломеевских ночей и костров инквизиции, чтобы закалывать и поджаривать ваши политические жертвы. Но вы изобрели более жестокие и ужасные муки, оставляя индивиду бремя физического существования и стараясь прежде всего убить в нем духовную жизнь. Для этого вы придумали ваши позорные, варварские тюрьмы, куда вы бросаете ваши несчастные жертвы на вечное страшное одиночество, где они не увидят солнечного луча и не услышат голоса товарища по несчастью. Выставленные под постоянно наблюдающее око своих праздных сторожей, не имея возможности укрыться от их взора и самим не замечать их присутствия, сидят они, погруженные в мрачную, глухую однообразную бесконечность своих четырех стен. А за что?— Великий боже, сердце может разорваться оттого, что мы вынуждены еще дискутировать о таких вещах! Они называют себя просвещенными! Эти люди, которые первыми ввели столь позорные меры! Будьте прокляты, современные тираны! Проклять тебе, гнусный изобретатель! Вечное проклять! Ты не стоишь того, чтобы в XIX веке тебя носила земля. Ты, изверг, должен был родиться во времена

дикого варварства, а теперь нам не нужно больше образованных, изощренных убийц: общество и без того имеет их в достаточном количестве. Плачь! Плачь, если ты только ошибся, если этот дьявольский план не таит глубоко в себе злой воли и злорадства тирана! Плачь! Плачь горчайшими слезами раскаяния, какие когда-либо проливал смертный! Ступай и скажи им, как Иуда: я обманул себя и обманул вас! Из-за этого плана я стал одним из самых ненавистных тиранов на земле! Возьмите обратно ваши почести, пост, вами предоставленный мне, ваши деньги и ваши ордена! Разнесите эти мрачные клетки, иначе я не могу ни жить, ни умереть. Страдания этих несчастных людей гложат мое сердце. Господи, будь милостив ко мне, бедному грешнику!

О, сколько глупости, сколько непроходимой глупости! Целые поколения пытаются распутать узел стародавних заблуждений и предрассудков, а, когда они уходят со сцены, распутать узел сказывается еще труднее, чем тогда, когда ушедшие верили, что решение этого вопроса ими найдено.

И эти люди считают себя мудрыми! Великий боже, сжался над ними, ибо они не умеют лучше. Знание некоторых иностранных языков, которое ты сделал для них возможным, умение свободно пользоваться языком родным так ослепили их самих и других, что кажущееся они стали принимать за реальность.

Правда, что крадовые грабительские походы прошлого становятся реже, они более упорядочены. Теперь их называют войной. Но к нам постепенно пробрался современный, новый род грабительских походов и вьелся до основания в тело нашего общества. Эти разбойничьи походы, более ужасные по своим последствиям, чем прежние, от которых все-таки находили возможность защищаться, совершает коммерция. С течением времени она стала могущественным, широко распространившимся государством, которому должны платить дань даже императоры и короли. Целые армии торговцев захватили власть над производством и потреблением всех необходимых продуктов и систематически обкрадывают и то, и другое под тем предлогом, что якобы способствуют оживлению обоюдного обмена их. Право же, пора наступить тому времени, когда у народа раскроются глаза на его истинное положение и он поймет чем, в сущности, является для него такая армия торговцев. Эти современные разбойники с большой дороги еще пользуются в обществе особенно высоким уважением. Когда народу нужно кого-нибудь выбрать туда, где должны обсуждаться его интересы, он для этого выбирает как раз таких людей, которые, в силу своей личной выгоды, должны быть против народных интересов. Обычно избирают начальником, бургомистром, депутатом лавочника. Люди считают, что такой пост должен занимать *высокопоставленный*

богатый человек, владеющий сладкой и напыщенной речью. Таким образом, они еще всегда сами и виноваты в том, что их нужда продолжается. Ох, горе!

А теперь ты, лавочник, рассердишься на меня за эту полемику, но я ничего не могу тут изменить; впрочем, могу добавить для твоего утешения, что лавочник в современном обществе так же мало может поступать иначе, как и вор. Кто поставлен в необходимость торговать, тот торгует, если у него есть для этого возможность, а кто вынужден воровать, тот ворует, если представляется случай. В современном обществе иначе не бывает. Пока существуют торговцы, будут существовать и воры, что бы ни придумывали наши мудрые законодатели. Деньги, торговцы и воры — это три неразлучных зла, или, скорее, три неотделимые друг от друга причины многочисленных зол. А почему бы Меркурий у древних был богом купцов и воров, если бы уже при возникновении этих двух классов стяжателей не было установлено их внутреннее родство? Замечу здесь мимоходом, что под торговцем я имею в виду всех тех, кто живет не своим трудом, а за счет доходов, прибыли, спекуляции и т. п.

Теперь подумайте и скажите честно и откровенно, не являются ли все эти недуги, которые поражают современное общество и которые вы называете преступлениями, следствием плохой организации общества?

Разве стал бы грабитель, совершая кражу,

убивать, если бы его не вынуждал к этому страх быть открытым, страх пред ужасным наказанием? Стал бы разве вор красть, если бы он, подобно нашим богачам, мог получить все, чего пожелает в мгновение ока? Разве стали бы люди из-за личных интересов ссориться, драться, клеветать и чернить друг друга, враждовать, нагло лгать про другого, обманывать, стараться перехитрить, предавать и т. д., если бы у них были одинаковые общие интересы? Разве человек бездельничал бы в рабочее время, если бы он в своем обществе нигде не встречал праздных людей и если бы, кроме работы, он не находил других средств к существованию?

Разве имели бы место фальшивые объяснения в любви ради денег и неприятные денежные сцены между любящими, если бы каждый мог иметь то, что имеет всякий другой; если бы брак не был построен на спекуляции, связанной с устройством на должность, или с наследством, или с ожиданием чьей-то преждевременной смерти; если бы никто не заводил больше знакомств ради выгоды и денег, как это делается теперь, а все знакомства завязывались бы из чувства любви и дружбы; если бы люди не нуждались один в другом только для того, чтобы было чем жить, а благосостояние каждого обеспечивалось бы обществом; если бы за бурное проявление естественных инстинктов оболженный юноша или оболженная девушка не подвергались бы презрению общества и не

преследовались им; если бы никто не страдал от расторжения брака — ни интересы супругов, ни интересы семьи, ни детей; если бы мы больше не были свидетелями постыдного зрелища, как наши юные девушки и молодые женщины, наши друзья и сестры прибегают ко всевозможным ухищрениям, чтобы, продав за хорошую цену свою молодость и красоту, выгодно пристроиться замужем; и как, когда померкнут чары Маммоны, которые раскрывают бутоны женской красоты для богатых сластолюбцев, а эти бросают их нам, оборвав лепестки, а мы поднимаем некоторых из них в их собственных глазах своими слезами, хотя они прежде безжалостно отворачивались от нас и, содрогаясь перед нашей нищетой, закрывали для нас свои сердца?

Учитесь вычитать, моралисты, если вы этого не умеете, и скажите мне: что осталось бы тогда от всех тех зол, которые мы называем преступлениями?

Этого вы не знаете и не хотите знать, может быть потому, что боитесь, что решение этого вопроса могло бы потревожить ваш и таких же, как вы, привычный уютный покой.

Если вы хотите, чтобы преступления исчезли, устраните причины, из-за которых они возникают. Если вы серьезно приметесь за это, то вскоре обнаружите, что имеете дело не с преступлениями, а с общественным злом и болезнями.

Если кто-нибудь нищенствует или ворует, он делает это только для того, чтобы иметь

чего ему не хватает, а другого, более легкого средства он не знает. Вы бы тоже так сделали, если бы у вас не было более легкого средства. Вы, например, занимаетесь коммерцией. Это приносит вам больше выгоды, чем бедняку выпрашивание подаяния или воровство.

Во Франции при подсчете краж за 10 лет оказалось, что на долю одного совершившего кражу в среднем приходится 245 франков. И за это вор должен годами нести наказание и быть несчастным всю свою жизнь. А в биржевой игре такую нищенскую сумму крадут у бедняков в течение нескольких минут.

Вы трудитесь с утра и допоздна, хотя нужна и не заставляет вас делать это; да это сделал бы и вор, если бы у него было такое доходное дело.

Вы говорите: все-таки много есть таких, которые ленятся работать!

Чему же тут удивляться, если высшие слои общества подают им дурной пример?

Все не очень покорно подставляют свою шею под ярмо работы, особенно, если они видят, что в современном обществе хитрым и сильным предоставлена возможность жить за счет умноженного для этой цели труда других. Ага, думают они, если эти ничего не делают и притом живут в наслаждениях и радости, я тоже попробую добиться того же. Дурной пример заразителен.

Когда Иисус хотел отправиться в Иерусалим, у него не было денег, чтобы купить осла.

Что же он сделал? Может быть послал попросить у кого-нибудь? Нет, он сказал своим апостолам: подите в селение, которое прямо перед вами, и тотчас найдете ослицу, привязанную..., *отвязав*, приведите ко мне. И если кто скажет вам что-нибудь, то отвечайте, что она надобна господу³⁸.

Пусть бы сегодня при таких же обстоятельствах кто-нибудь пришел и сказал: «Она надобна господу», тут и господа, и его слугу взяли бы за шиворот и обвинили в воровстве, потому что с тех пор мы стали хитрее.

Этот случай из жизни Иисуса, очевидно, послужил основанием тому, что отцы церкви причислили к лику святых некоего Криспина, сапожника, укравшего у кожевника шесть кож, чтобы сшить обувь беднякам. С того времени он выдвинулся в покровители сапожников³⁹.

Теперь кто захотел бы за воровство быть причисленным к лику святых, тому пришлось бы украсть нечто большее, чем кожу. Вот, если бы он мог красть королевства и отдавать их папе, тогда это может быть ему и удалось бы.

Эти ослиная и кожаная истории ясно показывают нам, насколько непостоянно понятие воровства в различные времена и у разных народов.

В России среди низших классов мелкая кража считается молодечеством, ею хвастаются, так же как у нас молодые люди хвастаются, когда им удастся обмануть ростов-

щика. У арабов воровство разрешено с незапамятных времен, как и везде, где гостеприимство, общность имущества и свобода коренятся в народных нравах, потому что свобода для *всех* возможна лишь при общности имущества. Но там, где во имя свободы все имущество обобществлено, там общество не нуждается в запрещении воровства.

Стремление человека к свободе, как пар, заключенный в котле: оно так же может стать опасным, когда его слишком зажимают, как и благотворным, если ему дают верное направление в хорошо слаженной машине.

Поэтому моей задачей было найти идеал общественного строя, в котором станет возможно дать простор стремлению к свободе каждого, не ущемляя свободы других и не нарушая при этом Гармонии целого.

После глубокого исследования я обнаружил, что сами законы, составляемые для *всех немногими*, во многих случаях являются препятствием к свободе *всех*. Что такое закон, спросил я себя. Краткий ответ таков: это выражение постоянного или преходящего насилия. Постоянное насилие — это естественные законы природы, и поэтому такое насилие единственно позитивное; преходящее насилие — все остальные наши законы. Однако последние, чтобы быть безвредными, не должны быть не чем иным, как истолкованием законов природы; они должны действовать в обществе только как *правила охраны*

здоровья. Не нарушая свободы всех, они просто не должны и не могут быть ничем иным.

Но как правила охраны здоровья они *должны быть приспособлены* к Гармонии целого, к возрасту, полу, к страстям и способностям индивидов и к их привычкам, к различным климатам, особенно же они должны *приспособляться* к достижениям *прогресса*.

Как правила охраны здоровья они должны создаваться и совершенствоваться в школе науки и опыта, где господствуют знания, а не чувственные страсти.

Исходя из правил охраны здоровья, всякого, ведущего себя противно этим правилам, нельзя рассматривать иначе, как больного, но только тогда, когда он нарушает Гармонию страстей и способностей. Такого человека общество может лечить, а не наказывать. Все законы, имеющие целью карать за несоблюдение их, являются покушением на личную свободу.

Философская медицина может быть изложена приблизительно в нижеследующих статьях:

Ст. 1. Во время болезни каждый индивид в соответствии с естественными законами природы приравнивается к несовершеннолетним членам общества — детям, юношам и девушкам, состоящим в Школьной армии.

Ст. 2. Поэтому все больные во все время своей болезни находятся под опекой врачей.

Ст. 3. Кроме тех лечебных средств, которые должны применяться для облегчения

духовного или физического недуга и даются больному, делается все возможное для того, чтобы его пребывание в больнице было как можно более приятным.

Ст. 4. Никого не отпускают из больницы и не возвращают обществу до тех пор, пока у него не имеется всех признаков полного выздоровления.

Ст. 5. Все душевнобольные или одержимые болезненными страстями подлежат частым проверкам их душевного состояния и страстей. Не выдержавших этой проверки из больниц не выписывают.

Ст. 6. Все индивиды, здоровье которых сильно разрушено распущенностью или другими опасными для общества болезнями, здоровье которых может быть восстановлено только внешне, направляются на речные или прибрежные острова к подобным им больным, чтобы в результате смешения и соприкосновения с обществом они не привили грядущим поколениям своих болезней.

Ст. 7. В пределах этих островов им обеспечивается пользование всеми свободами и удовольствиями остального общества, если таковые совместимы с Гармонией целого и с их собственным благом.

Ст. 8. Все неизлечимые душевнобольные и одержимые болезненными страстями, у которых часто повторяются приступы их болезней и которые тем самым становятся опасными для общества, отправляются в более отдаленные местности или острова и лишаются

всякой возможности соприкасаться со здоровым населением.

Ст. 9. Никто не может быть тем или иным образом изолирован от общества из-за неизлечимой болезни, если состояние больного не может стать вредным для других *или, если найдется хотя бы один врач, желающий сделать последнюю попытку вылечить больного* (см. главу четвертую, ст. 17).

Ст. 10. Каждый, пытающийся обойти правила, установленные для общего блага, и таким образом нарушающий Гармонию целого, рассматривается как больной.

Ст. 11. Каждому больному, который не желал бы добровольно лечь в больницу, немедленно после извещения об этом нежелании прекращается предоставление пищи, жилища, одежды и работы в обществе здоровых, ответственных за свои поступки, людей. В исключительных случаях он может быть уведен в больницу ее служебным персоналом.

Ст. 12. Уведомление о болезни происходит следующим образом: если друзья и товарищи какого-либо человека обнаруживают у него признаки какой-нибудь болезни и требуют, чтобы он подвергся лечению, то глава дома, в случае отказа, запирает его комнату, заведующий и мастер цеха лишают его работы, заведующие столовыми перестают отпускать ему пищу, а распорядители союзов и заведующие предприятиями приятного — напитки и закуски. Такое положение действует до

тех пор, пока он не сможет доказать своей коммерческой книжкой, что он вылечился или же постарается доказать каким-нибудь иным путем, что его болезнь не носит серьезного характера и не опасна, для окружающих (см. главу десятую, ст. 13, 14, 15 и 18).

Ст. 13. Если выяснится, что болезнь индивида вызвана заражением от другого лица, то это лицо также обязывается подвергнуться лечению с помощью вышеуказанных мер.

Ст. 14. Всякая потеря рабочего времени, вызванная болезненными страстями, явившимися результатом неумеренного наслаждения продуктами приятного, присчитывается потребителям этих наслаждений при годовом расчете. Если, например, какому-нибудь союзу Академиями выдается месячная норма водки стоимостью в 100 рабочих часов, а какой-нибудь пьянчужка — член этого союза, вследствие помещения его в больницу из-за болезни, явившейся результатом неумеренного потребления наслаждений, потеряет 30 рабочих часов, то остальные члены союза обязаны эти 30 рабочих часов погасить в своих коммерческих книжках соответствующим количеством печатей о потреблении приятно-го (см. главу десятую, ст. 18).

Ст. 15. В рубрику болезненных страстей относится также всякая нарушающая Гармонию целого и свободу каждого в отдельности попытка овладеть добытыми с помощью коммерческих часов наслаждениями, а также

всякая нарушающая спокойствие защита таких попыток.

Ст. 16. Если часто повторяющиеся случаи проявления болезненных страстей указывают на угрозу для Гармонии целого, то комиссия здравоохранения обращает на это внимание Рабочего президиума, который делает предмет, явившийся причиной болезни, общедоступным или полностью прекращает его производство в зависимости от того, какой из этих путей является в данном случае более действенным или более возможным.

Осуществление такой или усовершенствованной подобной системы делает все большей частью непонятные и противоречивые многочисленные законы, созданные с самого начала зарождения общества, бесполезными и ненужными.

Кроме естественного закона природы, который сам по себе есть закон Гармонии всех, никакой другой закон здесь не нужен.

Здесь более нет суровых обвинителей.

Голоса попранной Гармонии целого и перейденной границы свободы каждого взывают не о мщении, а о помощи.

Испытанная мудрость врача представляет здесь не властного, внушающего страх судью, а любимого помощника и советчика.

Здесь больше нечего наказывать, здесь нужно лечить. В этой системе полицейские и жандармы оказываются совершенно бесполезными фигурами. Самым действенным жандармом этой системы является голод и его

подруга нужда. Эта парочка, в случае крайней необходимости, указывает каждому, обураваемому болезненными страстями, путь к его исцелению, а именно — путь в больницу.

Глава шестнадцатая

ПРЕИМУЩЕСТВА КОММУНИЗМА

Нет больше бедных! И, значит, нет ни нищих, ни страданий, ни скорби, ни забот, ни горьких слез нищеты, ни пренебрежения и презрения, нет больше невежества, тупости и грубости, нет ни оборванцев и босяков, нет бледных, изможденных, нет больше страдальческих, печальных лиц.

Нет преступлений! И значит нет наказаний, судей, полиции, тюрем, тюремщиков; нет жандармов, шпиков, судейских служителей, адвокатов; нет жалоб истцов и обвиняемых; нет книг законов, актов; нет окровавленного топора палача, виселиц, розог; нет ужаса и страха; нет притворных добродетелей и выдуманных пороков; нет убийц, нет грабителей и воров, нет больше клеветников и обманщиков!

Нет господ! Значит, нет лакеев, холопов и служанок, нет учеников и подмастерий; нет великих и малых, нет приказаний, нет и раболепия; нет ни ненависти, ни зависти, ни надменности, ни высокомерия; нет немилости сильнейшего, ни преследований, ни притеснений.

Нет праздных людей! И, следовательно, нет бездельников; нет больше рабов, рабо-

тающих до изнурения и отупения; нет больше пренебрежительного и издевательского отношения к работе, труд больше не бремя, и нет забот о том, как раздобыть работу.

Нет больше расточителей! И, значит, нет больше нехваток; нет голодающих, нет немощных, нет пышности и снесь; никаких страстей, не знающих границ, подтачивающих духовные и физические силы общества.

Нет больше сильных мира! И, следовательно, нет ни рабства, ни безропотного подчинения; конец господства произвола и страстей; нет насильников, нет ни палачей, ни их лакеев, никакого ограничения всеобщей свободы и никакого высасывания крови из народа; нет никаких пошлин и налогов, никаких фронд⁴⁰, нет военной службы; никаких арестов имущества, мародерства и контрибуций, нет постоянного войска, крепостей и крепостных рвов; нет тиранов и кровопийц.

Никаких ограничений прогресса! И, следовательно, нет также фальшивой учености, никаких освященных временем ошибок и нет больше удачливых обманщиков; нет никаких законов о печати и денежных залогов для права издания журналов⁴¹ и никакого штемпельного сбора⁴²; нет бесполезного, требующего большой затраты времени, ученья; нет подавления жажды знания и свободы знания, свободы слова и речи.

Нет больше потери времени из-за расчленения работ, а отсюда — всеобщее сокращение рабочего времени.

Никаких бесполезных работ больше нет, и поэтому каждый при большой затрате сил получит все, что ему необходимо, полезно и приятно.

Никаких потерь из-за раздробленности в производстве и потреблении жизненно необходимых продуктов, а отсюда — экономия и изобилие для всех!

Уже экономия на одних горючих материалах, по расчетам Фурье, сама по себе огромна. Тем же количеством дров, которое сегодня сжигают сто хозяйств в своих ста различных кухнях, печах и каминах, можно с помощью трех устроенных для этого кухонь приготовить пищу для девятисот семей и зимой еще использовать это же тепло для обогрева комнат. Равным образом можно значительно экономнее использовать огонь пекарей, кузнецов, слесарей, портных и т. п.

Нет необходимости фабриковать миллионы коробок и коробочек, ящиков, бочек, воронок, картонажных ящиков, оберточного холста, оберточной бумаги, клеенки, массы корзин, тачек, повозок и множества других предметов, требующихся в мелкой торговле.

Тогда не понадобится множества работ по устройству и содержанию тысяч магазинов и контор; не будут также нужны множество маленьких кухонь, погребов, каминов, сундуков, засовов и замков *т* еще тысячи других вещей.

Равным образом нет необходимости в изготовлении бланков множества бесполезных

бумаг, как, например, договора о продаже, о найме, об отдаче в ученье, брачные договоры, договоры об аренде, о найме в услужение и другие контракты, процентные и долговые обязательства, завещания, предписания о выдаче денег, судебные протоколы, ипотечные книги⁴³, паспорта, дорожные книжки⁴⁴, окладные листы и всякий подобный этому хлам.

То же самое будет и с сооружением огромного количества стен, заборов, оград, рвов, замков, запоров, цепей и решеток; как и со всеми работами, необходимыми для обеспечения безопасности собственности и укрепления власти произвола, для сохранения военного и судебного дела. Без них мы можем обойтись.

Человек будет иметь полностью все, что ему нужно, и сможет при желании иметь наравне со всеми другими все, что ему не необходимо. Всякий будет жить в состоянии совершеннейшей свободы, и жизнь станет приятнее, чем теперь, потому что все силы общества направятся на движение вперед по пути прогресса, который будет непрестанно создавать новые идеи, которые будут приспособлены к конституции общества без всякой необходимости в законах, а также без того, чтобы наталкиваться на противодействие личных интересов.

Женский пол, так же как и мужской, будет совершенно свободен от какого бы то ни было варварского угнетения. Уже одна свобода женщины будет в состоянии превратить землю в

рай. Но еще больше это сделают слова Христа «Люби врагов своих», когда исчезнут преступления, законы и наказания. Потому что, где эти последние существуют, невозможно любить своих врагов. Нельзя любить и наказывать в одно и то же время.

На каждой земле будут выращивать продукты, которые родятся на ней больше всего и лучше всего, а не то чтобы добиваться с несказанным трудом и усердием получения в конце концов скудного урожая плохого продукта, не подходящего для данной местности и производимого только потому, что он здесь требуется. Все местности будут соединены железными дорогами и каналами и с их помощью будет облегчен обмен различными культурами. На севере можно будет пить столько же вина, сколько и на юге, а на юге—пива столько же, сколько и вина. И так станет со всеми продуктами. В местностях с прекрасными лугами будут заниматься только скотоводством, и поэтому вина и хлеба в них будет так же мало недоставать, как в хлебных и винных местах — мяса.

Всюду можно будет спокойно и без страха путешествовать, не подвергая свою жизнь опасности из-за воров, разбойников и убийц. Можно будет путешествовать, когда захочется, если сбалансировать коммерческими часами потерю обязательного рабочего времени или каждый день, после окончания обязательного рабочего дня, отправляться в другое место работы. Из-за невозможности поездки

задержки быть не может; поездки может совершать каждый, они принадлежат к числу полезных потребностей. Времени для путешествия тоже хватит, потому что совершенно понятно, что, когда война в переходном периоде не будет отвлекать массы полезных сил, то в течение немногих лет обязательный для всех рабочий день можно будет установить еще ниже 6 часов. Государственные экономисты уже много лет назад рассчитали, что для удовлетворения необходимых и полезных потребностей всех при коммунизме необходимо ежедневно только 3 часа работы. Я этого не утверждаю, но 6 часов в мирное время во всяком случае вполне достаточно.

Преимущества, которые такой народ имеет перед своим врагом, огромны. Во-первых, энтузиазм равенства, воодушевляющий всех и делающий героя из самого робкого и слабого человека, затем огромные вспомогательные средства, потому что все Силы, сэкономленные на работе, могут быть использованы в войне и при этом без нужды в том, чтобы выклянчивать деньги у богачей, как это будет происходить в стране врага. Враги не смогут вести упорную войну, если у них нет денег, а деньги они получают не всегда, как только захотят. Чаще всего они, обычно, возлагают надежды на контрибуцию с враждебной страны, где, впрочем, если они вторгнутся, не получат ни денег, ни продуктов питания, потому что все будет переправлено в глубь страны, равным образом и жители.

Только вооруженные земледельцы, которые работают в поле, останутся у армейских складов и при приближении врага, смотря по обстоятельствам, направятся в укрепленные места, либо в армию для ее усиления, либо же в глубь страны, так что враг не найдет ничего, кроме пустых деревень и городов, а если это будет целесообразно, то и их не найдет. Страна с 10 миллионами населения могла бы при этих условиях выставить двухмиллионную вооруженную силу. Все возможно при коммунизме, даже войну вести без денег! Вот *главным образом почему и возможны коммунизм.*

Глава семнадцатая

ОБЗОР ВСЕЙ СИСТЕМЫ

Базу ее составляют естественные законы, которым подчинены общество и индивиды. Ее центральный пункт — научный прогресс; в этом центральном пункте объединяются физические и духовные силы общества, откуда они со свежей энергией текут по всем артериям общественного организма. Это единственный *неизменный* основной закон общества, потому что он является средоточием всех естественных законов, распространяющихся на общественный строй; он — совокупность улучшений и усовершенствований.

Всекие другие законы и постановления должны быть приспособлены к нему и поэтому не могут быть для общества не чем иным,

как преходящими регламентами именно потому, что сам по себе закон прогресса не определяет для будущего ничего постоянного и устойчивого, а только непрестанное улучшение и усовершенствование существующего.

Как только общество будет построено согласно этой системе, самые величайшие гении, самые светлые и талантливые головы будут в результате избрания способнейших подниматься все выше к вершине управления, и тогда какое бы то ни было правительство интриг и личных интересов окажется совершенно немыслимым. Таким образом гарантировано самое лучшее из возможных управлений общественного строя и, следовательно, тем самым наилучшее распределение труда и потребления.

После того как я определил место, принадлежащее науке, и сделал доступ к ней возможным при равных условиях в одинаковой мере для всех, моей главной задачей стало открыть широкую дорогу любви к свободе в мире Гармонии всех.

Прежде всего, здесь нужно оградить существование и благополучие каждого в отдельности от захвата его прав другими. Это будет осуществлено благодаря общности имущества и производства всего, что необходимо и полезно для жизни.

Чтобы дать возможность развернуться особенным страстям единиц, так же как и их стремлению к свободе, я исключил из коммуны все работы и наслаждения, которые

делают жизнь приятной, т. е. не принадлежат к числу необходимых.

По мере роста просвещения народа этих исключений будет все меньше, потому что наслаждение бесполезным или вредным приятным станет все более редким, а наслаждение действительно полезным приятным — более частым, и тогда, достигнув этого пункта, перестанет быть исключением из общего порядка коммуны.

Способности, которые каждый индивид составляет действовать для того, чтобы расширить свои свободы и с большей приятностью удовлетворить свои страсти к приятному, я направил так, что то же влечение к свободе и те же страсти к приятному натолкнулись на грозящую им пустоту в производстве необходимого и полезного.

Я сравнил общество с лугом, а страсти — с родниками, которые предназначены орошать этот луг. Ладно, думал я, теките, куда хотите! Берите направление, какое сами хотите — коммерческие часы все равно всегда останутся руслом, которым вы потечете. Это обеспечивает личную свободу. Там, где вы стремитесь с особой силой, будут поставлены водяные колеса, чтобы направить ваши воды на зеленые луга. Эти водяные колеса — приостановка производства; она обеспечивает Гармонию всех. Кроме того, те направления, которые наиболее хороши для орошения лугов, постараются расширить и углубить, а на пути тех, которые не соответствуют этому,

поставят плотины. Это произойдет благодаря господству знания и тем самым будет обеспечен прогресс. При этой системе полиция и законы не нужны, потому что каждый ущерб, который страсти одних наносят другим, эти последние сносят добровольно, а каждое зло, каждый ущерб которого они не хотят и не могут сносить, изолируется в лечебных учреждениях.

Само собой понятно, что меры в форме коммерческих часов и приостановок производства не везде на всем пространстве Великого семейного союза будут одинаковы. В одной местности часто будут прибегать к приостановкам такого производства, которое в другой местности продолжает действовать. Здесь то или иное блюдо, та или иная утварь относятся к наслаждению приятным, а в другом месте это же самое признается всеобщим необходимым. Чем больше пространство, занимаемое Союзом, тем больше окажется в нем таких различий. Они будут распространяться даже на рабочее время, потому что у людей в жарких местах не так много жизненных потребностей, как у людей в холодном климате. Однако Трио урегулирует все эти различия к благу Целого.

Я не считаю необходимым писать особую главу о пользе, целесообразности, красоте и удобстве обстановки, которой нужно будет оборудовать здания, о мебели, одежде, удовольствиях и т. д. для того, чтобы прелестями наслаждений привлечь читателя на свою сто-

рону. Каждый и без того поймет, что при коммунизме все, что будет признано полезным, красивым, целесообразным, удобным и приятным из того, что теперь находится в отдельных домах,— мебель, платья и другие предметы — будет предоставлено всем.

Конечно, возможно, что некоторые важные пункты этой системы мною еще не затронуты; равным образом кое-что может быть не совсем понятно некоторым читателям. В том или ином случае соблаговолите письменно обратиться в редакцию «Молодого поколения» ; ей доставит особое удовольствие точнее разъяснить оставшиеся непонятными места, а также поместить на своих страницах мысли об усовершенствовании данной здесь системы.

Глава   восемнадцатая

ВОЗМОЖНЫЙ ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

Если больной резким движением вызвал усиление движения крови и, вследствие этого, болезнетворное начало в его организме переместилось или вовсе исчезло,— это значит, что в организме произошла революция.

Если нравы, в результате философских учений, получают новое направление, это значит, что революция произошла в нравах.

И вообще, если, вследствие перевеса духовной или физической силы, старое уступает новому, — это есть революция.

Падение существующего старого — это революция; следовательно, прогресс мыслим только через революцию.

Да здравствует революция!

В наших цивилизованных странах нет почти ни одного человека, который был бы вполне доволен существующим положением. И правящие, и управляемые — все согласны, что должны быть предприняты улучшения. Мнения расходятся только насчет целей и средств, в зависимости от индивидуальных и общих интересов, которыми они живут.

Блага человечеству они, видимо, желают все, но только немногие делают что-нибудь для него и из их числа только уж совсем немногие едины в вопросе о средствах, которые следует применить.

Давайте осветим подробнее некоторые из этих, часто предлагавшихся и частью уже примененных средств.

1. Улучшение школ; воспитание детей бедных родителей за государственный счет.

Это средство не только хорошо, но и весьма необходимо. Однако оно нисколько не препятствует бедности. То, что громадное большинство наших бедняков невежественно, вовсе не означает, что причиной невежества является их бедность. Если бы это было так, то не один богатч был бы самым бедным оборванцем на всем белом свете, а какой-нибудь образованный бедняк был бы самым богатым обитателем земли. Нет! Бедность происходит не от невежества, как и богатство

происходит не от образованности и учености, но пока есть бедняки образованные и необразованные, более бедными всегда будут последние, потому что всякий, имеющий возможность обогатиться благодаря усердию и труду других, охотнее использует тех, из умения и старательности которых он может получить большую выгоду. И так будет до тех пор, пока существуют богачи, даже если все бедняки получают наилучшую школьную подготовку.

Единственным результатом всеобщего воспитания было бы только то, что не было бы больше невежественных бедняков, а были бы только образованные, а единственной выгодой при этом было бы то, что эти образованные бедняки больше не были бы так глупы, чтобы терпеливо сносить нужду и лишения, и слишком горды, чтобы робко и униженно или с помощью лести вымалывать у других необходимое для поддержания их существования. Бедность углубляется, когда накапливаются богатства, как ров при возведении вала.

Невежество — это камень преткновения на высотах богатства и вонючая лужа в глубинах бедности.

2. Свобода печати.

Очень хорошо! Мы всей душой за нее, потому что, чем была бы наша деятельность без нее? Однако в наших делах она может быть только *советником*, но не *помощником*.

Тот, кто не испытывает материальной нужды, кто, следовательно, физически свобо-

ден, тот, конечно, особенно чувствует потребность быть свободным духовно. Пусть он энергично требует свободы печати. Это соль, которой ему не достает для придания вкуса пище, но вы-то что будете делать с солью, если они вам самую пищу не отдают?

А, когда вы, наконец, заставите своих врагов дать вам ваш хлеб насущный, тогда, поверьте, они без колебаний дадут вам и соль.

Свобода, которой вы должны требовать для всех, должна быть свободой цельной, общей, неделимой и никакой особенной. Всякая другая свобода — ошибка или ложь.

При денежной системе свобода не может быть полной, потому что писакам может быть заплачено. Если при этой системе какая-нибудь статья распространяет истину, то десять других распространяют заблуждение, невежество и ложь.

Эта современная свобода печати больше используется для того, чтобы *кормить* некоторых, чем для того, чтобы просвещать всех. Люди едят для того, чтобы *жить*, потому что без денег нельзя жить, чтобы *писать*. Но у кого есть деньги? У богатей. Вот они и стараются направлять литературу тяжелым грузом своих кошель.

Литературная работа, отвечающая интересам богатых и сильных, оплачивается, если она достигает цели, хорошо, но пусть кто-нибудь отважится написать в защиту *бедного* люда, уж он увидит, что это за свобода — свобода при денежной системе! Некоторые

владельцы типографий требуют уплаты вперед, «потому что,— говорят они,— я автора не знаю». Книгопродавец также берет на комиссию предпочтительно всякую другую книгу, нежели такую, которая защищает интересы бедных. У тех, в интересах которых пишут, нет денег, чтобы купить напечатанное, а те, которые покупают, урывают у себя от самого необходимого.

Значительная часть рабочих классов так оступела ко всему духовному, что ничего не читает. Если книга, обращенная к бедным и для них написанная, покажется богатым и сильным угрожающей их интересам, они используют всяческие уловки, чтобы как-нибудь обойти уже признанную ими свободу печати. Они стараются лишить автора всякого заработка, чтобы он в конце концов был вынужден перестать писать; уговаривают издателей отказаться от печатания его произведения или угрожают им лишением доходных заказов, если они будут продолжать печатать такие вещи.

Наше «Молодое поколение» — журнал, носящий это название, могло бы рассказать о свободе печати при денежной системе поучительную сказку.

Каких только препятствий вскоре после его появления не приходилось ему преодолевать только в Бернском и Женевском кантонах!

Восемь вызовов в полицию разных лиц, одних, в связи с печатанием газеты, а других из-за того, что они ее распространяли! Та-

ким способом хотели нагнать страху на читателей газеты и помешать подписке на нее.

Первым следствием этих действий был отказ немногих владельцев типографий, имевших немецкий шрифт, от печатания газеты. Один боялся опять потерять работу у заказчика, который однажды уже ушел от него в другую типографию, потому что он осмелился напечатать прокламацию тогдашнего «Общества 3-го марта»; другой боялся потерять правительственные заказы, а третий, может быть, надеялся получить их в этом случае. Так умеют сильные мира регулировать свободу печати, лишь только она начинает угрожать личным интересам единиц.

Кроме того, в Берне полиция начала розыск редактора и места, где хранились экземпляры журнала. Но и редактор, и запасы газет были уже в пути в более терпимый кантон Ваадт. Не то за них, может быть, была бы объявлена премия. Разве это — свобода печати? Для богатых — конечно, но не для бедных.

Из-за этих маневров печатание «Молодого поколения» дважды пришлось откладывать. Легко понять, сколько тревог и убытков это влечет за собой, особенно для бедняка. И все это происходило в условиях полной свободы печати. По букве закона этой свободы имелось больше, чем нам нужно было, но о цензуре, которой пользовалась денежная система обходными путями, в законах ничего не оказано.

Прибавим к этому еще преследования со стороны министерства Гизо⁴⁶, которое, чтобы уродить иностранным властям, закрыло доступ во Францию нашей газете (после того как она уже много раз бывала пропущена), и даже *не предупредив нас о запрещении*. Просто пограничным чиновникам был дан приказ в дальнейшем конфисковать газету. Таким образом на границе захватили 1200 экземпляров газеты, прежде пересылавшейся совершенно легально, и, как мы узнали позже, они были сожжены в Безансоне. Таково уважение, которое питают к собственности сильные мира, тогда как мы презираем каждого вора.

Возможна ли в системе неравенства свобода печати, если даже свободно высказываться невозможно! Поговорите с женатыми интеллигентными служащими-швейцарцами, они вам расскажут, как им приходится, ив страха потерять заказчиков, работу или хлеб, остерегаться высказывать слишком громко свое социальное и политическое кредо. Так что, если уж при системе неравенства невозможна даже свобода беседы, которая ведь ничего не стоит, кроме времени, во сколько же раз там меньше свобода печати, если печатное слово стоит денег, которые имеются в изобилии только у богатого и которые всегда отсутствуют у бедняка.

Разумеется, свобода печати представляет возможность, которую человек может использовать тем шире, чем он богаче, но она не

для' всех: не имеют ее менее богатый или только состоятельный и меньше всего — бедный.

Нет, дорогие друзья, не позволим больше водить себя за нос политическим лицемерам, которые набирают полон рот каши из свободы печати, отечества, нации и еще многих таких пустых фраз! С помощью таких политических меню они всегда ловко умели представить нам черное белым. Одни — неопытные, тщеславные и честолюбивые пареньки — выучили политический «отче наш» в академиях и служили перед нами службу, как сами учились и читали об этом в книгах, а мы на это говорили «аминь!», потому что мы понимали не больше их. Таким образом, эти люди обманывали и нас, и себя. Иные же, похитрее и более высокопоставленные, обращали политические заблуждения одних и «аминь» других -в свою пользу, так как они умели заполнить свое время чем-то более выгодным для их интересов, нежели пустая болтовня. Чтобы выиграть время для противодействия нам, они притворно выражали нам симпатию.

Да давайте же, наконец, поумнеем и не будем поддаваться им ни в чем, не будем ни требовать, ни поддерживать ничего, что не имеет целью естественного равенства всех и не обещает нам существенной выгоды!

Находятся и такие обманщики, которые болтают, что вы нуждаетесь прежде всего в духовной свободе, а уже потом в улучшении

материального положения. Не слушайте этих ничтожных, презренных апостолов лжи; вы требуете у них хлеба, а они дают вам камень. Всеми способами добивайтесь улучшения вашего положения, где и как только возможно, и действуйте всегда, как только случай дает возможность действовать.

Свободу слова и печати, свободу профессии, свободу торговли, взглядов и много других искусственно сфабрикованных свобод все это с радостью предоставит нам денежная-система после своего поражения, потому что она надеется с помощью таких махинаций вести нас в заблуждение насчет наших истинных интересов.

Свободу *для всех* должны вы требовать, свободу для всех без исключения! Но получить ее можно только, уничтожив право собственности и наследования, отменив деньги и восстановив общность пользования всеми земными благами. Перед этой главной задачей вся остальная политическая толкучка — только второстепенная мелочь. Посмотрите на Англию, вы, слепцы, думающие, что с помощью одной только свободы прессы можно всего добиться. Вот уже 150 лет как этот народ наслаждается полной свободой печати — такой полной, какая только мыслима где-нибудь в царстве денежной системы, и все же бедный люд этой страны еще менее просвещен, чем самый бедный класс в Германии, и все-таки после 150 лет, прожитых под благодатной сенью этой свободной прессы,

люди умирают с голоду. Уже более 300 лет назад в Англии были велики нищета и бедность, уже тогда был введен налог в пользу бедных⁴⁷ и с тех пор этот налог все время повышался. Следует ли нам ради этого требовать свободы печати вместо всеобщей свободы? Требовать соли до того, как нам принесли хлеб нашей свободы? Посмотрите вокруг! Все те, кто требует соли, не испытывают, как вы, недостатка в хлебе насущном. О них уже позаботились, нам же не хватает всей трапезы, которую щедрая природа приготовила для всех нас. Когда будет у нас пища, будет и соль! Когда у нас будет *всеобщая* свобода, тогда нам незачем будет требовать каких-то *особых* свобод, придуманных системой лжи. Особые свободы существуют только в системе неравенства, где тот свободнее всех, у кого денег больше всех.

Правда, свободы печати мы, разумеется, хотим, но мы хотим ее *для всех* в равной мере, а при денежной системе это невозможно.

3. *Призрение всех бедных, больных и слабых.*

Этого мы пламенно желали бы, но без революционных преобразований оно неосуществимо. Отчего? Да оттого, что бедных слишком много. Больше третьей части жителей наших цивилизованных государств зарабатывает меньше, чем им необходимо: в одной Франции их 12 миллионов из 33 миллионов жителей, в Англии — 15 миллионов из 27

миллионов жителей. Если бы им всем действительно хотели помочь, то при посредстве домов призрения сделать это было бы невозможно; необходимы ассоциации различных отраслей труда. Но это имело бы следствием настоящую полную революцию общественного строя, и у богатых постепенно были бы отняты средства к обогащению за счет бедных, разобщенных и беспомощных созданий. Следовательно, это и было бы настоящей революцией. Но именно этого-то богачи и не хотят. Когда они говорят о поддержке и призрении, то думают только о тех бедных, которые не в состоянии работать из-за старости, болезни или слабости. Помощь, которая оказывается только тем, кто стал неспособен к труду по этим причинам, ничего не меняет. Такая помощь не в состоянии ослабить зло даже на короткое время, а тем более совершенно уничтожить его.

Устройство домов призрения и работных домов⁴⁸ и сейчас никому не приносит никакой пользы, потому что у помещенного туда бедняка обычно свободы даже меньше, чем та, которая была у него вне этого дома. Поэтому, хотя общество кишит несчастными безработными, никто не стремится попасть в эти дома. За все, что стоит устройство и содержание домов призрения и работных домов при денежной системе, должны заплатить среднее сословие и богачи; они же наваливают этот дефицит на плечи тех, которые (Вынуждены на них работать, и, таким об-

разом, как бы вырывают изо рта у трудоспособных бедных то, что должны дать другим бедным, ставшим нетрудоспособными. То есть они берут хлеб изо рта у голодного и отдают его тому, КТО борется с голодной смертью. Они спихивают с себя поглубже всякое бремя, и чем сильнее нажимают богатые и могущественные и чем больше от этого падает бедняков, сраженных нуждой, *тем больше индивидов из среднего сословия загоняется под пресс для бедняков, чтобы заполнить места выбывших оттуда.*

Итак, не настраивайте больше домов призрения и работных домов для бедных по вашей системе неравенства, ведь все равно бедняки не идут охотно туда, пока у них есть другие средства к жизни: работать, занимать, надувать, просить милостыню или воровать. Вы сами видите, что ничего не улучшают ваши благотворительные и спасательные учреждения. Вы гонитесь за вашими накоплениями, как дьявол гонится за человеческими душами, и все же вашему богатству предстоит уменьшиться, раз нужно будет избавиться от нищеты. Вам об этом твердили на протяжении тысячелетий, но вы всегда были глухи к этой правде и до сих пор для улучшения условий жизни ваших братьев во Христе ничего не придумали, кроме кружки для бедных и надзирателей над нищими⁴⁹. Какое противоречие! Кружки для бедных и надзиратели над нищими! Послушайте! Если бы вы достаточно наполняли кружку и хорошо оплачивали

труд, вам не приходилось бы платить надзирателям над нищими. Ну подождите же только! Если вы, несмотря на все возрастающую нищету, будете упорно продолжать трудиться над увеличением ваших накоплений, вы еще увидите собственными глазами, как ваши кружки для бедных и надзиратели над ними станут ненужными.

Трепещите перед тем временем, когда бедняк сделает эти две вещи ненужными!

4. *Уменьшение налогов на необходимое и полезное и увеличение налога на предметы роскоши.*

Что касается налога на роскошь, то он даже не в состоянии уменьшить на длительное время потребление предметов роскоши. Это кажется странным, но это так. Когда богачу приходится платить за заграничную материю для своего платья или за вина, привезенные из чужих стран, и т. п. вдвое больше, чем он платил за них прежде, то это еще совсем не означает, что он от них откажется, если они пришлись ему по вкусу. Нет! Если он не сможет их иначе получить, он заплатит за них вдвое дороже. Но зато он сократит все свои прежние расходы, которые были полезны не ему лично, а другим, но свои доходы он увеличит насколько удастся, для чего у него есть все возможности, потому что деньги-то у него. Если ему помешают увеличить доходы в одном месте, он найдет другое. До тех пор пока правит денежная система,— он хозяин благодаря своим деньгам и прекрасно

сумеет с помощью махинаций и интриг опять взвалить свои налоги на плечи рабочих или потребителей. Что это действительно так, мы видим совершенно ясно в нашем обществе уже сегодня. Во Франции сейчас имеется свыше 13 300 богатых, которые ежегодно платят 1000 и более франков поземельного налога, а свыше 33 000 других французов платят ежегодно от 500 до 1000 франков этого же налога, не считая всех других налогов. Вот я и спрашиваю каждого разумного человека: помещают ли сколько-нибудь все эти громадные налоги изобилию и роскоши таких богачей? Если у них потребуют уплатить столько же под ста различными названиями еще и во сто раз больше, они и это оплатят, если только правительство выпускает достаточно банкнот и чеканит достаточно денег. Но все, что они платят, они легко отыгрывают на заработной плате рабочего и повышении цен на продукты питания, потому что при денежной системе цены устанавливают они, а не правительство. Таким образом, чем больше правительство повышает за счет доходов рабочих налоги на роскошь, тем больше из-за налогов на роскошь в результате маневров богачей будет расти армия бедняков. Когда правительство рассчитывает с помощью налога на роскошь помочь ста тысячам бедных, то ровно через год в их положении окажется сто тысяч новых бедняков.

Ни в одной стране так не велики налоги на роскошь, как в Англии. А какие высокие там

налоги в пользу бедных! Но где же роскошь, и нищета больше, чем в Англии?

В Вюртембергском королевстве был введен налог на собак и, несмотря на это, число собак в стране (возросло с семи до двенадцати тысяч. После этого налог был еще увеличен. Но, если теперь подсчитать снова, то окажется, что количество собак,— по крайней мере дорогих, налог на которых наиболее высок,—нисколько не уменьшилось, а налоговые поступления не дали сколько-нибудь лучших результатов, если принять во внимание дефицит, который образуется в общем благосостоянии вследствие возрастающей бедности.

Уменьшение налогов на необходимое и полезное также не окажет влияния; если правительство вообще не будет взимать этих налогов и все, что ему нужно, будет получать только с налога на роскошь, то даже эта, казалось бы, чрезвычайная мера не положит конца бедности.

Это имело бы такое же действие, как если бы правительство ушло в отставку из-за того, что оно без согласия богатых не могло взимать налогов. Тогда стоило богатым только на время отказаться от роскоши, и они заставили бы любое правительство, не являющееся правительством богачей, уйти в отставку. Именно богатые облагают налогом все работы и наслаждения благодаря тому, что они держат в руках управление и обмен

Рабочий обложен налогом богачами уже

одним тем, что за строго определенное время работы ему платят меньше, чем ему требуется, а рабочему за все необходимое приходится платить дороже, чем это должно было бы стоить на самом деле.

Денежная система в руках богатого уже сама по себе страшнейший налог, который вынужден оплачивать только рабочий своей нищетой и усердием. Об этом, видимо, всегда забывают, и до тех пор, пока этот налог не отменят, бесполезно сокращать все другие налоги.

5. Поимущественный налог.

Этот налог — революционен; он препятствует слишком большим накоплениям в руках единиц, но самому накоплению он не препятствует и, следовательно, не может помешать и неизбежному возникновению нужды у других, потому что как только у одних нет того, что имеют другие, они чувствуют нужду, даже если обеспечены всем необходимым для жизни.

Поимущественный налог только делит слишком большие накопления на много мелких. В результате возникает крепкое состоятельное среднее сословие, и это сословие одно будет играть ту роль, которую прежде играли богатые и могущественные.

Денежная система таким образом получит в его лице еще более упорного защитника, и борьба для бедного трудящегося люда станет еще труднее.

Богатая буржуазия, зараженная алчностью еще больше своих предшественников,

будет, по крайней мере так же, как прежние богачи, высасывать из него кровь.

Могут возразить, что государство организует национальный банк, который будет давать ссуду каждому трудолюбивому рабочему для устройства какой-нибудь мастерской. Вот как? Тогда, как говорится, аршин будет длиннее материала. Значит, каждый отдельный мастер, разобщенный конкуренцией с другими, должен будет стать обособленным хозяином? Или может быть таким образом хотят сделать исключение для выгоды нескольких человек? И какие исключения! Достаточно ясно доказано, что при подобном разобщении произойдет большая потеря рабочего времени и огромного количества материала. Сколько же отдельных мастерских тогда должно быть построено за счет государства, и каким большим будет при этом материальный ущерб из-за бесполезных расходов, и сколько последует от этого разорительных банкротств?

Работающий в одиночку никоим образом не может конкурировать с теми, у которых в деле занято 10 или 20 рабочих!

Некоторые доводят эту ошибку до ее логического конца и говорят об организации национальных мастерских⁵⁰. Национальные мастерские, конечно, хороши, однако интересы таких мастерских совершенно противоположны интересам национального банка.

Если национальные мастерские не будут новомодными каторжными тюрьмами, а зара-

боток будет равняться ходовому заработку вне этих мастерских, то эти предприятия неизбежно должны будут вести борьбу с конкурентами до тех пор, пока одна из воюющих сторон не окажется уничтоженной. А это, несомненно, не может не отразиться на национальном банке, созданном в помощь этим предприятиям, если правительство действительно намерено защищать интересы самых многочисленных и беднейших классов.

Национальный банк заинтересован в том, чтобы каждый должник исправно вносил проценты за полученную ссуду и чтобы наличное состояние должника не становилось меньше выданной ему ссуды, потому что такие случаи создадут угрозу существованию национального банка. Но возможно ли, чтобы все эти мелкие, получающие помощь от национального банка мастерские выдержали конкуренцию шикарных национальных мастерских, которым неизбежно покровительствует правительство, и таким образом могли бы выполнить свои обязательства перед национальным банком? Если национальные мастерские не должны стать каторжными тюрьмами, где работают только для выгоды богачей, и главной целью национального банка не будет поддержка *лавочников*, то весь этот план — величайшее заблуждение если не политическое шарлатанство.

Предположим, что национальный банк будет давать кредит только таким лицам, которые благодаря своему имущественному поло-

жена или поручительству смогут представить достаточные гарантии,— в каком случае его цель была бы такой же аристократической, как и вообще всех наших современных денежных махинаций,— тогда система поимущественного налога оказалась бы мероприятием, которое давало бы повод к многочисленным спорам и ошибкам.

Каким способом намереваются контролировать доходы каждого в отдельности, не делая ошибок, не совершая несправедливостей, и, чтобы при этом самому не быть обманутым? Тому, кто считает такой контроль возможным при современной денежной системе, при этой системе разобщения, когда доходы и расходы одного так сильно разнятся от доходов и расходов другого, тот должен будет решить еще одну задачу: выработать план, с помощью которого он думает регулировать при денежной системе поимущественный налог, и найти средство совершенно избежать ошибок при распределении налога.

Между прочим, курьезно, что именно защитники поимущественного налога являются противниками нашего принципа, а богатые не хотят ни поимущественного налога, ни нашего принципа индивидуальной свободы.

Сторонники поимущественного налога хотя бы положить конец *слишком большому* богатству и *слишком большой* бедности и думают это сделать с помощью денежной системы! Они забывают, что денежная система обладает магнетическим свойством стягивать

вокруг себя большие накопления. Как только малые накопления начнут разбухать за счет растаявших больших, то они в свою очередь тоже упрутся в новую запруду, которая их задержит. Поимущественный налог революционер: он имеет целью уменьшать большие кучи, накопленные богатыми и увеличивать малые кучи, накопленные средним сословием, улучшить положение рабочих и сделать бедность менее жестокой. Это уже кое-что такое, чем можно увлечься. Если считают, что эту революцию можно осуществить мирным путем, то мы всей душой за это, если же для нее потребуется жестокая борьба, тогда нам этого мало. То, что нужно *завоевать* в борьбе, должно быть *хорошо для всех* и не должно быть *ни для кого лучше*.

6. *Всеобщая свобода выборов.*

Это при денежной системе также невозможно. О, господа! Разве нам еще не опротивела эта неистовая суматоха жалких бедняков и богатых божков? Какая польза от того, что мы имеем право бросить в избирательный горшок листок с чьим-то именем? Когда выборы пройдут, мы всегда видим, что правы богатые, а мы неправы. Имея деньги, можно и пятерку сделать четным числом и мнения людей изменить как свои капризы. Примеры этого мы видели во времена французских революций, мы видим это и теперь при денежной системе везде при политических выборах.

Во время первой французской революции несколько бедняков действительно вошли в

состав правительства. Они сидели среди многоголового чудовища палаты представителей, а добиться чего-нибудь могли лишь с помощью террора, потому что интересы собрания были слишком различны и потому что при нескольких сотнях законодателей зараз вообще невозможно было решить что-нибудь разумное, и ничто не могло пройти без длительных яростных споров, после которых часто на поле боя победителями оказывалось оольшинство — самые ограниченные люди.

Партии в тогдашней палате представителей, чтобы помочь делу, отрубали друг другу головы, а потом это делали и богатейшему и могущественнейшему дворянству, а также другим.

Так партии по своему разумению исправляли недостатки избирательной системы. Многие богачи теряли деньги и головы, но богатство, как таковое, не оставалось без главы, оно меняло хозяина, не теряя при этом ни головы, ни денег. То, что отбиралось у отдельных индивидов, присваивалось с помощью тонких спекуляций другими. Если прежнее богатство выставляло себя открыто, то теперь новоиспеченное, умело ловко прятаться от глаз доносчиков и тайно готовилось по закоулкам к свержению своих поработителей.

Убийства и разграбление дворянства не устранили нищеты, потому что самая система нищеты не была отменена. Было только оказано: мы хотим республику, народную

власть, свободу и равенство. Но ничего не было сказано о том, какими они хотели их иметь. От продажи имений эмигрантов, от уменьшения налогов выиграли только те, которые по богатству стояли на следующей ступени за преследуемыми богачами. Теперь они заштемпелевали судьбу этих 33 миллионов на своих банкнотах и заперли их в свои сундуки. Вот вам пять су на день! Ступайте и деритесь за них, а вам, другим — пять франков и смотрите за тем, чтобы украденное не украли вновь.

Вот эти-то новые богачи, правят теперь с помощью своих весов, аршина, гирь, бирж, государственных бумаг и денежных мешков. За них народ дрался в двух революциях⁵¹, а они поделили между собой награбленное у дворян, убитых во время революции, и узурпировали правительство благодаря власти денег.

Не будем же глухи и слепы, вопреки рассудку, и не будем ждать изменения нашего положения ни от одного только названия «республика», ни от так называемого народовластия и свободных выборов. Все кроется в денежной системе, в ней и только в ней корень зла и источник его питания, и нигде больше он так глубоко не запрятан. Нам нужно вести борьбу, используя всякое доступное нам оружие. Денежная система — это артерия, по которой яд пробирается тайком, в ней он делается незаметным для несведущего глаза. Сегодня мы числим в своих рядах

отважного поборника нашего принципа, а завтра он может быть опутан чарами денежной системы и привлечен на ее сторону, между тем мы это не сразу заметим.

Проведем все точно, дорогие братья! И не позволим себя больше обманывать. Свободных выборов мы тоже хотим, но только не таких, как при нынешней денежной системе, ибо такая свобода—просто заблуждение. Свобода выборов при денежной системе так же мало возможна, как и свобода *для всех*; но добиться именно этой свободы, насколько возможно, мы и хотим.

7. Ассоциации.

Хорошо! Очень хорошо! Это может помочь делу! Это средство революционно, но не будем заблуждаться. Название само по себе еще ничего не дает, нужно точно выяснить его содержание.

Ассоциация — это объединение различных способностей и страстей для одной и той же цели. Однако такое объединение может быть добровольным и принудительным. Оно может быть создано для пользы одного, многих или всех.

Вот пример. Казарменная жизнь солдат — это *принудительная* ассоциация страстей и способностей многих для пользы *единиц*. Таковыми же принудительными ассоциациями являются все большие исправительные⁵² и работные дома, все фабрики, равно как все работы, которые сосредоточены в руках немногочисленных богачей как объединенное целое,

например, работы в рудниках, на железных дорогах и т. п.

Все рабочие, которые заняты в подобных организациях, ассоциированы в большей или меньшей степени для пользы единиц.

И вот, все реформаторы (фурьеристы, коммунисты и вообще все социалисты) предлагают, в целях большой экономии, объединить все работы. Некоторых тонко чувствующих людей это приводит в содрогание, их охватывает ужас, потому что им при этом представляются ассоциации, подобные тем, о которых говорилось выше.

Ассоциация сама по себе — только форма, а не дух нашего принципа. Она, как я показал выше, вполне возможна и без признания естественного равенства *всех*. Ассоциация *одна* может на некоторое время подсластить и немного затушевать недостатки общественного строя, но это не приблизит нас к осуществлению нашего принципа. Конечно, возможно, что со временем ассоциация и приведет к нему, но какая чудовищная, опасная потеря времени и сколько слез еще придется пролить человечеству. Ассоциация, правда, может облегчить отчасти материальные бедствия масс, но преступления, которыми болеет общество, она уменьшит тоже только отчасти. Без нашего принципа ассоциация не в состоянии поднять человека на такую научную высоту, чтобы он восторжествовал над всеми недостатками и слабыми сторонами общественного строя. Ассоциация по системе

Фурье⁵³, например, называет себя ассоциацией Гармонии! А между тем в системе этой ассоциации имеется три различных рода питания, одежды, жилища и т. п. Она основывается на труде, деньгах и таланте, причем деньги и талант ценятся в ней выше, чем труд. И это называется системой Гармонии! Как будто такая система в состоянии предотвратить такие пороки, как зависть, высокомерие, презрение, тщеславие, недоверчивость, издевательство, насмешку, пресмыкательство, приниженность, самомнение, заносчивость, клевету, восхваление, хулу, гнев, враждебность, раздоры и преступления.

Там, где существуют три различных по образу жизни класса, господствуют интересы трех различных родов. Разве, если у кого-нибудь голова продуктивнее мыслит, это означает, что он обладает более сильным пищеварением или его небо требует более сильных раздражений, чем у другого? Или чтобы лучше думать, его голове требуется, чтобы больше раздражали небо, чем у простого рабочего? Это — дурацкая бессмыслица, от которой даже силам ада не оторвать наших фурьеристов. Там, где их учитель остановился в 1808 году⁵⁴, там они и продолжают стоять твердо и непоколебимо. Вперед! Вперед, мужи социальной школы!

Если бы Фурье знал, что его идеи по сей день ни на дюйм не продвинутся вперед, он не поблагодарил бы вас за ваше преклонение перед ним. Ни одна мысль, ни одна идея не

настолько совершенны, чтобы их нельзя было и не следовало бы еще больше усовершенствовать. Ужаснейшую ошибку допустил Фурье, признав и вознаградив капитал. В прекрасную во всем остальном систему он нам всучил купца в виде заплаты. Вы, фурьеристы, должны ее спороть. Капитал — на свалку! Это старая заплата на новом платье. При осуществлении вашей системы вас осмеют современные и грядущие поколения. Мы понимаем, что вы хотите заманить в ваш фаланстер денежных людей⁵⁶. Ну и ладно! Поступайте, как сами понимаете. Ваши мысли, верно, хороши, они может быть даже лучше вашей системы. Но горе человечеству, если по вашей вине завладеет этой системой монархия и своими изуродованными когтями вылепит из нее каторжную тюрьму. Подобная будущность вашей системы возможна. Поэтому она и не годится, пока она делает разницы между капиталом, талантом и трудом.

До тех пор пока вы настаиваете на своем, нам с вами не по пути, потому, что наш принцип и принцип богачей различны, как земля и небо!

Все эти ассоциации, по-моему, не в состоянии увеличить счастья человечества. Фурьеризм не в состоянии улучшить положение даже самых многочисленных и беднейших классов, так как введение этой системы может быть осуществлено только после того, как будут возведены соответствующие здания. Но бедные люди не могут ждать, тем

более, что ассоциации, по мере окончания строительных работ, будут расти и этим сильно увеличат нищету народа, который не сможет конкурировать с работами ассоциаций, причем не все смогут быть приняты в них.

Ассоциация, имеющая своей целью благо человечества, улучшение положения самых многочисленных и беднейших классов, должна быть грандиозной и всеобщей: 1) *каждому должны быть предоставлены возможность и средства примкнуть к этому плану.* Далее, каждая такая ассоциация должна 2) *всем своим членам без различия предоставить одинаковые жизненные условия.* Кроме того, нужно, чтобы в этой ассоциации 3) *ложно было жить свободнее и приятнее, чем в разобщенном обществе.*

Эти три пункта — пробный камень хорошей революционной ассоциации; все остальные ассоциации могут быть хороши и революционны, но *хороши не для всех.*

Стало быть, долой словесный хлам и скажем прямо: нам нужна революция. Будет ли она добыта исключительно силой чистого разума или для ее победы потребуются еще и грубая физическая сила, мы должны ждать этого и во всяком случае должны приготовиться к обеим возможностям.

Если бы я не стремился, прежде всего и главным образом, к естественной свободе *всех*, то я вместе со многими другими сказал бы: наш принцип осуществится сам по себе в процессе роста просвещения. Конечно,

все хорошее может осуществиться таким путем, но отнюдь не искоренением личных интересов всех тех, кто имеет власть и деньги.

Где это и когда было видано, чтобы эти люди прислушивались к голосу разума? Если вы сомневаетесь в этом, спросите историю. Ее страницы полны рассказами о бесчисленных боях между личными и общественными интересами.

Войнами и революциями насаждались религии, войны и революции сменяли, поддерживали и укрепляли династии, войны и революции вынудили признание церковной реформации.

Англия, Франция, Швейцария, Америка, Испания, Швеция, Норвегия, Голландия, Бельгия, Греция, Турция, Гаити и все нации, каждым шагом роста своей политической свободы обязаны революции.

Австрия обязана своему императору Иосифу II⁵⁷ самой значительной революцией, которую когда-либо в новое время предпринимал монарх во имя прогресса. Зато он и умер, как говорят, от отравленной облатки, поданной ему с вечерней трапезой. С тех пор многое снова движется там вспять, по-рачьи. Иосиф II был революционным монархом. Если Фридрих-Вильгельм IV⁵⁸ тоже хочет стать им, ему придется начинать с самого начала, потому что уровень просвещения прусского народа в сравнении с тогдашним уровнем австрийского просвещения потребует значительно больших усилий.

Иосиф дал больше того, что народ по уровню понимания своих нужд мог требовать; Фридрих-Вильгельм до сих пор остался далеко позади в этом отношении.

Всякая значительная реформа может быть осуществлена только при помощи революции, потому что всякая замена старого новым есть революция. Будут ли новые идеи проведены народом или монархом, победит ли в борьбе за их осуществление физическая сила или сила разума, или и то и другое вместе,— всё это будет революция.

Революции будут происходить всегда, но не всегда они будут кровопролитными.

И наш принцип будет осуществлен с помощью революции. Последствия окажутся тем страшнее, чем дольше затянется теперешняя неурядица, потому что она постоянно умножает вопиющее несоответствие между потребностями населения и удовлетворением их и делает все более невозможным мягкий, мирный и прогрессивный переходный период.

Так же как для жизни отдельного человека, в зависимости от его физической конституции, рода работы, климата и времени года необходимо определенное количество и качество продуктов питания и, так же как нельзя дальше определенного предела уменьшать их количество или ухудшать их качество, не подвергая при этом опасности здоровье и жизнь индивида, точно так же обстоит дело и со всей суммой индивидов, со всем обществом; и здесь нельзя дальше известного предела

убавить или ухудшить необходимые для поддержания человеческого организма количество и качество продуктов питания, не подвергая опасности благополучие и самое существование общества.

Наши химики и врачи могут доказать это ясно и убедительно, если у них имеется достаточно мужества для этого. Врачи должны были бы, наконец, поднять свой голос во имя правды. Своими научно обоснованными доводами относительно того, что огромное число человеческих болезней, слабость и дряхлость происходят от слишком напряженной и продолжительной работы, от недостаточности и ухудшения питания, как и вообще от плохой организации общества, они послужили бы самой лучшей пропагандой в пользу нашего принципа.

Установлено, что каждому взрослому здоровому индивиду необходимо такое количество и качество продуктов питания, какое получает французский солдат, и уменьшить его без ущерба для здоровья индивида нельзя. Основным продуктом, необходимым для восстановления сил человека там, где не хватает молока, является мясо, потребляемое в умеренном количестве — приблизительно треть фунта для взрослого человека. Если бы сегодня захотели, например во Франции, ввести коммунизм, то было бы совершенно невозможно давать каждому, кто в этом нуждается, ежедневно треть фунта мяса, потому что все имеющиеся в запасе стада были бы по-

едены в очень короткое время. Это кажется странным, так как большинство ремесленников в больших городах и теперь съедает ежедневно по трети фунта мяса. Да, но ремесленники, несмотря на их многочисленность, составляют небольшое число в сравнении с огромной массой фабричных и сельскохозяйственных рабочих.

Эта несогласованность между количеством скота и населением — самое веское доказательство плохого управления страной.

Нынешние правительства очень мало озабочены тем, имеет ли народ, что есть, соответствует ли состояние стад и запасов на складах потребностям населения. Если только *они* могут жить в довольстве и роскоши, значит цель их правительства достигнута. Для них и их семей всегда имеются в изобилии лучшее мясо, лучшие продукты питания и напитки; какое им дело до нехватки у остальных; они ведь управляют не для остальных, а управляют остальных для себя.

Поэтому пусть никто не удивляется, если в один прекрасный день эта покорная овечья терпеливость народа превратится в неукротимую ярость. Нагромождается слишком много защищенных глупостей, ошибок и несправедливостей. Прежде можно было все безобразия смахнуть веничком, теперь для этого требуется метла, а через некоторое время нужны будут уже навозные вилы.

Для доказательства того, что последствия революции будут тем страшнее, чем дольше

продлится современное положение, я хочу привести только один единственный пример.

Во Франции имеется в наличии приблизительно 6681 000 быков и коров. Около трети этого числа ежегодно уничтожается; так что количество скота, несмотря на его прирост и привоз из-за границы, значительно уменьшается в отношении к увеличивающемуся населению. Число же лодырей пожирающих мясо, все время растет; так что мясо дорожает, а заработок становится все меньше, и уже теперь часто земледельцу приходится есть мясо даже и не каждый месяц по разу.

Если считать, что одна корова в среднем дает 600 фунтов пригодного для еды мяса, то весь скот во Франции может дать 4008600000 фунтов.

Если предположить, что из 33000000 жителей Франции только 24000 000 получают треть фунта мяса, то за один год они съедят 2920000000 фунтов, а за два года весь скот, несмотря на прирост, будет истреблен. Тогда в следующем году очередь дойдет до овец, коз, птиц, а потом уже и до свиней, лошадей, собак и кошек.

Статистики подсчитали, что если все мясо, которое потребляется во Франции, захотели бы распределить между всеми поровну, то на каждого пришлось бы меньше четверти фунта в день.

Могут, пожалуй, возразить: да, но зато в других странах мяса больше, они снабдят Францию своими излишками,

Совершенно верно! Швейцария, например, посылает много оков в Францию; но разве это доказывает, что в Швейцарии есть лишний скот?

В Швейцарии имеются районы, где молоко и картофель составляют единственную пищу. Я видел в Люцернском кантоне семилетних детей, которые не знали, что такое хлеб. Мать этих детей уже три года не ела хлеба. Еще реже этим людям перепадает кусочек мяса и тарелка мясного супа. Огромное большинство земледельцев и ткачей в немецких кантонах ест мясо только по воскресеньям.

Ирландия снабжает мясом и зерном рынки Англии, тогда как $\frac{1}{10}$ населения этой страны питается главным образом картофелем.

Вывоз продуктов при денежной системе вовсе не означает, что в стране имеется избыток продуктов в сравнении с численностью населения.

Человеку совсем не обязательно для того, чтобы жить и работать непременно есть мясо: тунядцы и люди, занятые бесполезной работой, привыкли к мясу больше тех, кто вынужден зарабатывать свой хлеб в поте лица. Тем горше покажется первым переменна, когда после социальной революции вооруженный народ всей массой будет за радикальный переворот и отвергнет любые постепенные улучшения.

В Германии, где отношение наличия скота к поверхности больше, чем во Франции, его

поголовье повсеместно возрастает, но не в равном отношении к численности населения. Согласно новым статистическим исследованиям, которые проводил профессор Молль⁵⁹ по поручению французского правительства, в Германии потребление мяса в среднем даже несколько ниже, чем во Франции.

Видите! Вот до какого положения довели нас наши великомудрые, всемилостивейшие и светлейшие правительства.

Во всех странах несоответствие между населением и производством необходимого неизбежно идет навстречу одному и тому же грозному будущему, которое будет тем страшнее, чем оно больше отдалено от нас.

Тогда простодушная и злобная в своих суждениях глупость опять, как всегда, обвинит будущих революционеров в жестокости и тирании, если они вынуждены будут сделать обществу болезненную операцию для того, чтобы устранить зло.

Если теперь где-нибудь и есть избыток необходимых продуктов, то это только случайность, так как правительства для этого ничего не делают. Если бы вместо правительства разъединения было правительство объединения, оно сказал бы: так как наши химики и врачи доказали, что человеку для сохранения его сил необходимо определенное количество продуктов питания определенного качества, то производство их должно быть приведено в правильное соотношение с постоянно растущим уровнем населения, следовательно

Но, на каждые три человека должна приходиться одна голова крупного рогатого скота. На деле, однако, не так. Голов скота не хватает, разве уж мы причислим сюда их высокоблагородия, наших господ.

Если бы сегодня в какой-нибудь стране был установлен коммунизм, то должен был бы быть запрещен убой телят в первый и во второй год после этого; кроме того, мы должны были бы соблюдать самую строгую умеренность в потреблении молочных и мясных продуктов и полную порцию мяса оставить только для тех рабочих, которые выполняют самую тяжелую работу. Принести эту жертву было бы необходимо для того, чтобы как можно скорее увеличить вдвое поголовье скота и привести его в соответствие с численностью населения. Далее нужно было бы решиться на то, чтобы всех породистых лошадей приучить к плугу и военному строю, чтобы больше не превращать луга в пашни и вообще уделить наибольшее внимание земледелию и скотоводству. Кроме того, нужно было бы покупать как можно больше скота и продуктов питания у несостоящих в коммунах соседних народов. Пришлось бы платить за эти предметы вдвое и вчетверо дороже. Для этой цели придется употребить все серебро и золото, которое удастся собрать. А что же еще делать с этим хламом? Есть-то его нельзя. А если те, у кого в тех странах власть, запретят вывоз к нам, тогда нужно будет начать с ними войну, самую нещадную

-из бывших когда-либо, а средств для этого у нас будет больше, чем у общества, живущего по старому режиму. Но уж в этом случае мяса вдоволь будут получать только наши воины. Во время войны для них будут лучшие вина и лучшее мясо. Остальные могут проверить на этом ограничении свою готовность к самопожертвованию, когда каждый имел бы случай принести в жертву свое собственное личное благополучие на благо всем живым и грядущим поколениям.

Именно потому, что состояние современных общественных отношений вынуждает будущих основателей коммунизма тотчас же после вступления в руководство управлением ввести большую экономию, чтобы как можно скорее обуздать извращенные страсти единиц и не оказаться благодаря этому в положении, когда нельзя будет удовлетворить ежeminутно возникающие требования и умеренные желания разумных, — именно поэтому последствия переворота будут тем страшнее, чем больше будет несоответствие между численностью населения и продукцией, необходимой для его благосостояния. Представьте себе, что положение многочисленных классов во всех странах такое же бедственное, как в Англии. Представьте себе, что социальная революция вспыхнет именно при таком положении. Разве победоносный народ удовлетворится одними постепенными мерами? Не будет ли этот радикальный переворот всего существующего серьезно угрожать жизни и благо-

получию роскошествующих богачей, привыкших к старому порядку?

Чем большую нужду вы создадите в стране, тем больше будут ваши собственные лишения, когда народ после революции потребует одинакового с вами потребления. Поняли ли вы меня теперь?

Какими средствами мы располагаем сейчас для того, чтобы провести социальную реформу?

Следующими:

Во-первых, продолжать учить и просвещать.

Для этого нам, кроме нашего собственного рвения, нужны свобода печати и гласный суд. Это будут для нас хорошие советники.

Во-вторых, поскорее довести до крайнего предела существующую уже сейчас дезорганизацию. Для этого требуется самопожертвование нескольких, по возможности, высокопоставленных лиц, которые известны всем классам общества как примерные и высоконравственные люди. Вот это поможет.

Когда у народа лопнет терпение, это второе,— самое *последнее* и *надежное* средство.

Если, несмотря на все разумные доводы, правительства и тогда не примут мер к улучшению положения многочисленнейших и беднейших классов, если, наоборот, сумятица будет беспрепятственно расти, то все те, у кого, кроме просвещенного разума, останется еще и мужество, должны будут прекратить сопротивление беспорядку и, наоборот, стараться

довести его до такого крайнего предела, чтобы бедный народ нашел в этом растущем хаосе такое же удовольствие, как солдат в войне, а угнетатели страдали бы от него так, как от войны страдают богатые.

Если они не хотят слушать, то пусть почувствуют, и тогда нам больше не нужно будет защищать охраняемую ими дезорганизацию. А дурные последствия этого беспорядка, которые до сих пор ложились почти исключительно на нас одних, они должны будут нести вместе с нами. Словом, их безобразную систему нужно сделать для них такой горькой, чтобы она им опротивела еще больше, чем нам наше длительное рабство.

До тех пор пока это средство можно применять, оно служит доказательством того, что организация общества никуда не годится, потому что, когда организация хороша *для всех*, это средство не действует.

Больше сказать об этом нечего.

Переходный период не следует делать слишком затяжным. Если имеешь силу, необходимо немедленно растоптать голову змеи. Это не значит устраивать врагам кровавую баню или лишать их свободы, но это значит *отнять* у них *все средства*, которыми они могли бы вредить нам.

Если бы кто-нибудь захотел не уменьшать влияния богатых и могущественных в переходный период и сохранить за ними часть их эгоистических интересов, то этим был бы показан бедному и страждущему народу пло-

хой пример справедливости. Какие бы при этом остались скупые и недостаточные средства для борьбы с нищетой, устранить которую сразу и без того было бы нелегко, даже действуя радикально, потому что бедность очень глубоко внедрилась! Даже после радикальнейшего переворота нельзя было бы сразу приступить к удовлетворению всех естественных потребностей огромной массы народа и таким образом окончательно поглотить то, что еще осталось. Необходимо так мудро экономить, чтобы этот остаток удвоился за короткое время, и лишь тогда можно будет увеличить потребление и уменьшить рабочее время. В течение первых двух лет нельзя будет сократить рабочий день сразу до 6 часов, так как нужно будет обработать все невозделанные земли, а также построить необходимые для производства и обмена его продукции железные дороги и каналы, равно как фабрики и машины. Кроме того, вероятно и война в такое время потребует немало сильных рук. Итак, если невозможно в первые два года даже при самых радикальных действиях намного облегчить народу бремя или намного увеличить его потребление, то дело будет обстоять совсем плохо, если при этом были бы еще гарантированы привилегии побежденной партии богатых и могущественных. Это недопустимо!

Однако также нет необходимости и в том, чтобы богачей, привыкших к роскоши и безделью, принуждать к работе и лишениям. Их

богатство будет постепенно таять, и это заставит их без сурового толчка извне привыкнуть к естественному потреблению остальных членов общества.

Все, что может быть предпринято после переворота для того, чтобы облегчить жертвы первых двух лет, должно быть сделано. Следовательно, немедленно вместе с организацией труда и управления *должны быть поставлены в одинаковые условия с остальными членами общества все те, кто будет содержаться за счет общества*, все — без разделения на первых и последних.

Это первое и необходимейшее правило и вместе с тем это основа новой организации.

Будь то герцог, который поведет войско в бой, или диктатор, который организует все работы, — об удовлетворения их потребностей нужно заботиться не больше, чем о потребностях самого маленького барабанщика или каменщика на проезжей дороге. Когда в военное время армия заберет весь свой мясной рацион, то диктатор должен будет соблюдать постные дни подобно всем остальным рабочим. Если на месяц придется 15 постных дней для рабочих и крестьян, то 15 постных дней будет и у правительственных учреждений, и у ученых. Этот пример нужно будет подать с самого начала, когда народу придется терпеливо сносить необходимую на первых порах экономию.

Мы больше не можем терять времени, если хотим, чтобы переходный период был как

можно более мягким. Уже теперь избавление от общественного зла невозможно без использования разных временных бед и без вызванного ими стихийного увеличения дезорганизации, а лет через 50 или 100 это зло будет еще страшнее.

Поэтому не будем говорить, что человечество для этого еще не созрело. Человечество способно ко всему, что может отвести нож, приставленный нуждой к его горлу. Для этого ему не нужны пространные наставления педантов!

Ведь всякий признает, что система свободы для всех лучше, чем система рабства!

Когда бедному покажут накопленную продукцию и скажут: «Работай, а потом бери!», он хорошо поймет, что кое-что лучше, чем ничего. Самый глупый человек не настолько глуп, чтобы отклонить предложенную ему выгоду. Но наш принцип заключает в себе интересы многочисленнейших и беднейших классов. Поэтому мы не преминем уничтожить яд противоядием, если сумеем использовать обстоятельства, которые нам от времени до времени предоставляет система дезорганизации.

Предоставим политикам воевать против личностей или делать кровопролитную революцию; войну же против собственности или духовную революцию должны совершить мы.

Во время затишья будем учиться, а во время бури действовать.

Как только почувствуется приближение бури, не теряйте драгоценного времени на бесполезную декламацию, как это было в Гамбахе⁶⁰. Нужно действовать быстро, как молния, и молниеносно наносить удар за ударом, пока народ воодушевлен охватившим его первым порывом энтузиазма.

И незачем заниматься поисками вождя и долго волынить при его выборе. Кто первый восстанет, кто первый пойдет впереди всех и проявит наибольшую твердость и мужество и при этом поставят себя в *равные жизненные условия с остальными*, это и есть вождь.

Никаких перемирий, никаких переговоров с врагами не должно происходить, никаким их обещаниям не надо верить. Раз они начинают борьбу — относиться к ним не иначе, как к неразумным зверям, которые неспособны понимать разумную речь.

Это правила поведения в период всеобщего подъема, в то время, когда нас вновь захотят использовать как революционное орудие для того, чтобы с *нашей помощью* переменить *лиц*, которые нами управляют.

Но каждое движение, которое с самого начала возвестит о своем стремлении осуществить наш принцип, одним словом, каждая социальная революция начнется иначе, чем все революции, происходившие до сих пор. Тогда люди не будут лезть на пушки, которыми враг силен, и не будут также стремиться добиваться своей цели путем убийств тиранов-одинок. Это ненадежные и часто даже вред-

ные средства, которые могут сыграть на руку врагам. Если бедному народу станет, наконец, неспособно его ярмо, и он захочет покончить с ним, то он должен будет вести войну не против *личностей*, а против *собственности*. Это ведь самое слабое место наших врагов.

Если же, что трудно предположить, сильные мира, для того чтобы воспрепятствовать осуществлению нашего принципа, захотят заточить нас в каторжную общину, если бы они захотели для выгоды своей и богачей использовать ассоциацию труда и потребления, как они это сделали и делают по сей день со свободой промышленности, то наши философы должны раздуть такой страшный пожар, который тогда один только будет в состоянии разрушить планы наших врагов. Тогда должна проповедоваться *мораль, которую до сих пор никто еще не оживлял проповедовать* и которая сделает невозможным какое бы то ни было корыстолюбивое правительство; мораль, которая превратила бы кровавую бойню на улицах, где народ всегда остается в проигрыше, в длительную гверилью, которая уничтожила бы все спекуляции богачей трудом и потом бедняков и которую не в состоянии задушить солдаты, жандармы и служители полиции. Эта мораль доставит нам целые легионы борцов, чье сотрудничество нас пока еще отпугивает; мораль, которая нашим врагам не оставляет иного спасения, кроме нашего принципа; мораль, которая несет с собой полную победу

над господством личных интересов и уничтожение его.

Однако эту мораль можно действительно проповедовать только массам, какими кишат наши большие города, массам, ввергнутым в безграничную нищету, брошенным в бездну отчаяния. Здесь стоит только произнести слово, и оно послужит сигналом к новой тактике, а с ней нашим врагам никогда не совладать.

Если нас прижмут, то наш долг дать этой пружине развернуться, даже если это вызовет страшный хаос на целое двадцатилетие. Каждый помогает себе, как умеет. Эта новая мораль, пример которой, между прочим, показал Христос, конечно, даст нужные результаты.

По этому поводу тоже больше сказать нечего.

Если бы все зависело от благих желаний, то я, конечно, желал бы, чтобы со временем все совершилось спокойным и разумным путем. Правительство, которое искренне принимает близко к сердцу благо народа, уже сейчас старалось бы разумными мерами привести производство продуктов питания человека — мяса, хлеба, овощей — в правильное соотношение с постоянным ростом населения, чтобы в течение определенного времени появилась возможность обеспечить каждого взрослого человека, по крайней мере, такими же питанием, жильем и одеждой, какие получает теперь солдат. Когда правительство

стремится к этой цели и достигает ее, то, разумеется, отпадает пугающая картина дикого, ужасного переворота; тогда действительно можно было бы надеяться на достижение цели путем убеждения отречься от эгоистических личных интересов. Нам вряд ли удастся вкусить такую радость. Доказательством этого является следующее. Большинство теперешних ученых размышляет об ужасах растущей нищеты. Они, разумеется, тоже приходят к выводу, что между численностью людей и количеством необходимых для поддержания их существования стад и плодов имеется все возрастающее несоответствие. Но эти ученые гораздо меньше озабочены изысканием средств увеличения поголовья скота и производства продуктов, чем обсуждением вопроса о том, как помешать значительному приросту населения. Если иногда кто-нибудь и выступает с каким-нибудь доброжелательным предложением, то значение этого предложения так ничтожно, что оно кажется почти смешным.

Одни предлагают, чтобы правительство снизило налог на соль, для того чтобы крестьянину не так дорого обходилась заготовка корма; другие предлагают уделять земледелию больше капиталов, для того чтобы его продукты могли способствовать постоянному улучшению и расширению скотоводства. Все эти средства недостаточны и не имеют значения. Если бы рогатый и другой скот во Франции, чего никогда не произойдет, увеличился бы вдвое и втрое, и в будущем каж-

дому из двадцати пяти миллионов взрослого населения можно было бы выдавать в среднем по полфунта мяса, то при теперешней системе разобшения и эгоизма все-таки вышло бы так, что многие не получили бы ничего. Только два миллиона человек могли бы пожирать по два фунта мяса в день, потому что они могут за него заплатить, а другие четыре миллиона уничтожали бы ежедневно по одному фунту; так они и уничтожили бы вместе рацион остальных десяти миллионов. До тех пор пока труд не организован и не признано естественное равенство всех, до тех пор все так называемые улучшения — не что иное, как смешная комедия и надувательство.

Если бы правительство искренне желало в этом деле добра, оно должно было бы установить монополию торговли скотом и мясом, как это уже сейчас имеет место с почтой и табакотодством⁶¹. Тогда каждому человеку в стране в соответствии с суммой его годового заработка и подоходного налога можно было бы обеспечить удовлетворение его годовой потребности в мясе. Но они не смогут этого сделать без благородного самоотречения от теперешних личных интересов. Они-то, без сомнения, и на это (ввели бы монополию, как на табак, если бы не боялись революции, которая бесспорно вспыхнула бы по первому же поводу, потому что, если бы правительство и чиновники заполучили торговлю мясом в свои руки, бедный люд, который вследствие этого, наверно, стал бы менее терпелив, и

это ослабило бы привычное чувство воздержания, не так охотно набивал бы картошкой свои растянутые желудки, особенно глядя на дымящиеся жирные мясные блюда на столах заведующих мясным делом и чиновников. Именно поэтому они до сих пор не решаются ввести монополию на мясо и хлеб. Делиться с нами они не хотят, но не хотят и обнаружить свою бесчувственность и свою распушенность, поэтому и оставляют все так, как оно есть. Они надеются, что растущая нищета так нас придавит и сделает такими кроткими, что в конце концов нас можно будет бояться меньше, чем лошадей.

Итак, нам необходим переходный период, какой бы то ни было, только живой и энергичный.

Самым желательным переходным периодом был бы такой, когда в один прекрасный день в каком-нибудь государстве в результате переворота у руля управления стал бы человек, с большой любовью преданный нашему принципу, который видел бы свое счастье, свою честь и цель своей жизни в его осуществлении. А такой человек непременно придет и будет руководить разрушением старого и организацией нового строя; *и он будет вторым мессией, более великим, чем первый.*

Я хотел бы, чтобы меня поняли правильно! После того как революция уже *совершена* и учреждено правительство в духе нашего принципа, т. е. во главе его поставлены такие люди, которые с самого вступления на свои

посты вели бы такой же простой образ жизни, как и самый незначительный человек из народа, тогда совсем нет необходимости насильственно отнимать у богатых и могущественных, которые были и нашими врагами, жизнь, имущество и свободу. Нет, наоборот, это было бы большой ошибкой нового правительства, так как оно вызвало бы против себя предубеждение.

Первые меры, которые революционное правительство должно будет принять тотчас же после свержения старой власти, конечно, могут быть разными, в зависимости от различных обстоятельств, при различных мнениях у различных народов и лиц.

По моему личному мнению, было бы необходимо следующее:

1. Все грязное, рваное тряпье, всю прогнившую, сломанную мебель, все зловонные и разрушенные жилища должны быть сожжены и уничтожены, а бедняков временно поселить в общественные здания или расквартировать у богачей, из их же избыточных запасов одеть бедняков в новую одежду.

2. Все долговые обязательства, долговые расписки и векселя объявляются в делах управленческого персонала аннулированными, так же как и все права наследования и дворянства.

3. Организация работы начинается с выборов в каждой отрасли управления. *Каждый избранный во главу управления должен отдать в коммуну управления все свои земли и*

имущество, в противном случае он должен отказаться от избрания.

4. Все должностные лица *учреждений, армии* и также вообще всех *учреждений, содержащихся на государственный счет*, живут коммуной. Таким путем между высшими государственными деятелями и офицерами, как и мелкими служащими или солдатами, сразу же навсегда уничтожается деление на богатых и бедных, на высокопоставленных и незначительных.

5. На все имеющееся золото и серебро должны быть сделаны за границей закупки пищевых продуктов и военных припасов. Деньги для обращения в делах правления внутри страны отменяются. Налоги взимаются натурой, сырыми продуктами. *Ни одному служащему* не выплачивается содержание, армии же оно выплачивается только, если она находится во вражеской стране, причем получают одинаково: генерал столько же, сколько и рядовой.

6. Поместья всех эмигрантов должны быть конфискованы, а всякие продажи аннулированы; равным образом конфискуется каждое необработываемое поле, если выяснится, что оно годно для обработки.

7. Все государственные и церковные поместья поступают в пользу коммуны; государство не оплачивает ни одного духовного лица, будь то еврей, язычник, христианин или турок. Если общине такое лицо потребуется, она должна содержать его на свой счет.

8. Если духовное лицо захочет занять какую-нибудь должность и жить в коммуне, то последнее постановление отпадает.

9. Каждый желающий быть принятым в коммуну может и должен быть принят на тех же условиях, что и другие.

10. На таких же условиях принимается в коммуну каждый, больше неспособный к труду.

11. Наряду с земледелием и армией правительство должно развернуть самую энергичную деятельность для увеличения числа и улучшения школ.

12. В каждой деревне, в каждом городе или округе, где три четверти населения голосуют за передачу своей земли в коммуну, остальные должны подчиниться решению.

13. Преподавание религии в школах должно быть общим. Оно не должно быть привержено ни католицизму, ни протестантизму, ни какой-либо другой из многочисленных христианских сект. Всякое религиозное сектанство должно быть изгнано из школ, как и из всех других посещаемых детьми учебных заведений.

14. Законы упраздняются для всех индивидов, живущих в коммуне и *не принадлежащих к действующей армии*. В действующей армии и в местах, на которые обрушилась война, они сохраняются частично; во всех же остальных случаях они сохраняются целиком.

15. На время войны каждый, признанный прежде врачами неизлечимо одержимым

болезненной алчностью, доставляется из места его ссылки в армию. Это будет сделано со *всеми* одержимыми болезненными страстями, если во время военного переходного периода число их слишком сильно возрастет.

При помощи таких мер все остальное пойдет само собой. Во время переходного периода все с радостью принесут требующиеся от них жертвы, если правительственный персонал первый подаст хороший пример. Персонал ведь не сможет из личного эгоизма стать исключением из общей системы, не уничтожив дело, созданное им самим с таким трудом. Нужно совсем не понимать людей, чтобы думать, что человек, проповедовавший и претворявший в жизнь принцип равенства, всегда при этом подвергаясь серьезным опасностям, способен после осуществления этого принципа использовать его для удовлетворения своих личных интересов. Правда, политики умели проделывать такое после каждой революции, но им до сих пор еще не ставилось условием равенство *всех* и отказ от собственного корыстолюбия.

Решение принять в коммуны всех, кто не имеет работы, и вообще всех, кто этого хочет, лишает денежную систему всех средств ее дальнейшего существования. Уже благодаря одному тому, что правительство больше не пользуется деньгами для ведения дел внутри страны, денежная система лишается в значительной мере поля деятельности; к этому

присоединяется еще и то обстоятельство, что управление будет выполнять все состоящие в его ведении работы силами членов самой коммуны.

Каждый, не имеющий в старом обществе работы или плохо оплачиваемый, охотно примкнет к коммуне, где он будет лучше одет и лучше питаться, где ему придется меньше работать и где он будет навсегда избавлен от забот о своей семье, а в часы отдыха ему будут предоставлены такие удовольствия, как выездные прогулки, театр, балы, концерты и т. п. В результате те, которые продолжают жить по старой системе, будут вынуждены, если им понадобятся рабочие, увеличивать им плату, да и самим себе класть там, где это не было установлено уже раньше, более умеренную плату. Но и этого они не смогут делать по крайней мере в течение продолжительного времени, тем более, что правительство, так же как и вся коммуна, ничего не будут покупать из их вещей. Следовательно, они также скоро будут вынуждены, если они не очень богаты, либо присоединиться к общине, либо, забрав свои деньги, покинуть страну. Тут и глупцу станет ясно, где его выгода, а от самых яростных своих противников люди избавятся вполне мирным путем.

Решение правительства конфисковать каждое невзрачное поле предотвратит нехватку продуктов, которая могла бы возникнуть, если некоторые землевладельцы, не находя больше работников за ничтожную до смешного

цену, предпочли бы оставить участок невозделанным. Такими мерами можно будет избежать всякого ущерба обществу, который мог бы повлечь за собой переворот.

Из-за того, что каждому в отдельности предоставляется непосредственно самому содержать своего попа, — денежным людям, как захотят, а членам коммуны за счет своих коммерческих часов, в том случае, если ихний поп не захочет примкнуть к коммуне, — тут, говорю я, каждому станет ясно, во что ему обходится оплата попа в течение года. Кому лично поп не нужен, тот не должен будет работать на него. Материальные интересы побуждают ханжество и суеверие, различные религии очистятся от грязных интересов священнослужителей и облагородятся; а вместе с этим отпадут религиозные распри и вражда. Различные священники постараются постепенно начать вести деятельную не корыстную жизнь; многие из них станут зарабатывать себе на жизнь трудом рук своих и находить удовольствие в том, чтобы читать проповеди народу, собравшемуся в воскресенье. А при коммунизме это будет очень легко, так как у каждого найдется для этого больше времени и возможности.

Мне это кажется лучшим способом вдохнуть всем религиозным партиям дух терпимости и миролюбия; тогда даже самый тупой ханжа постепенно прозрит.

Если наши попы должны были бы каждую неделю или каждый месяц ходить в дом кре-

стьянина, чтобы получить с него долю своего содержания, то благодаря этому вскоре было бы покончено с лицемерной святостью, и люди поняли бы, что любой просвещенный крестьянин может взять на себя выполнение поповского ремесла, если у него для этого хватит времени и охоты. Это, впрочем, было бы уже не в первый раз.

Чтобы объединить все религиозные партии, нельзя *ни опираться, ни нападать* на одну какую-нибудь из них, потому что каждая имеет свои недостатки. Если же они не объединятся, это тоже неважно. Я даже думаю, что они никогда не объединятся. Будет существовать множество религиозных и философских воззрений, но это тоже хорошо; это внесет разнообразие, создаст оттенки в обществе, будет занимательно. *Нужно только отделить от этого личные интересы и ни одно мнение ни одной религии не делать государственным мнением или государственной религией*, потому что в философских и религиозных воззрениях всегда возникают противоречия, которые, как только то или иное религиозное или философское воззрение захватит руководство рулем государства, будут несовместимы с единством и Гармонией целого. Только, если они безусловно прогрессивны, эти различные воззрения смогут оказывать влияние на руководство Целым. Однако для этого необходимо, чтобы такие воззрения были признаны людьми прогресса полезными и испытаны ими в отношении того, могут ли

эти воззрения и идеи быть *претворены в жизнь* и что это принесет благо обществу.

Только прогресс может стать руководящим неизменным законом для человечества; все остальные законы подчинены ему и изменяются вместе с ним, но не могут образовать самостоятельный закон именно потому, что они не являются устойчивыми, постоянными.

Поэтому религию в школах следует преподавать в общей форме так, чтобы эта религия могла удовлетворить различные религиозные партии; нельзя особенно выделять одну какую-нибудь религию. Во-первых, дети ничего не понимают в этой сектантской чепухе; они находят ее оскорбительной, потому что она несовместима с чистым принципом, и, кроме того, если религия будет внушаться юнцам односторонне, это может повредить Гармонии целого. Я знаю по себе, что требуются усилия в течение многих лет, чтобы избавиться от глупостей и вздора, которые тебе вдолбили в голову. Всякий прозелитизм и сектантство должны быть изгнаны из школы; государство не должно ни разрешать, ни поощрять их. Кто хочет заниматься прозелитством и сектантством, может делать это совершенно свободно среди взрослых, ум которых созрел благодаря хорошему воспитанию. У детей этого еще нет, поэтому и нельзя разгорячать их юное сознание фантазиями и лицемерной борьбой. Если во взглядах человека заключается что-то истин-

ное и хорошее, то судить об этом взрослые смогут во всяком случае лучше, чем дети.

Такие меры или подобные им сделали бы в течение трех лет без всякого принуждения новую организацию общества всеобщей и обезопасили бы ее от какого бы то ни было возврата к старому, так как приблизительно к этому времени исчезли бы все следы прежних имущественных границ и благодаря этому возврат стал бы невозможен.

Вследствие того, что денежная система теряет цену, теряют и денежные люди средства привлекать сторонников для того, чтобы противодействовать основному принципу. Кроме того, все больше и больше растет интерес к коммуне благодаря притоку в нее трудящихся классов народа. Далее, благодаря введению в разных местностях порядка решения тремя четвертями голосов населения, вводится коммуна везде, где такое большинство выскажется за это. Границы, изгороди, заборы, стены, рвы и все то, что отделяло собственность одного от собственности других, постепенно исчезнет. Равным образом проведенными мероприятиями разрозненный скот будет собран в значительно более крупные стада и пастись в местностях, наиболее богатых лугами. Вместо множества маленьких скверных хлевов будут построены большие и вместительные, а всякие запасы продуктов питания и напитки будут храниться в больших складах и погребях, так что никто не сможет отыскать свою прежнюю

отдельную собственность даже в том случае, если бы в том или другом городе благодаря вражеской помощи извне возникла возможность возврата к старым порядкам.

Если в этом случае бывший собственник и заявил бы: «Мне принадлежало столько-то скота», или: «Моя земля простиралась вот отсюда до того места», то другие опровергли бы это из страха перед тем, что при возврате прежнего порядка они останутся внакладе.

Следует еще принять во внимание, какими действительными средствами располагало бы правительство, чтобы добиться трех четвертей голосов населения, где оно считало бы это необходимым. Там, где этого большинства не было бы, правление могло бы переселить несколько сот или тысячу коммунаров, и большинство голосов было бы обеспечено. Богачи же сделать этого не смогли бы, так как от них потребовалось бы слишком много значительных жертв.

К тому же, кто принуждает правительство считать большинством три четверти голосов? Оно могло бы принимать решения и простым, абсолютным большинством. Надеюсь, никто мне не возразит, что не все обладают способностью голосовать по вопросу о своих физических потребностях. Конечно, каждый имеет такую способность, для этого не требуется высокого образования.

Если бы сегодня можно было поставить на голосование вопрос о коммунизме, то, не

смотря на предубеждение и невежество масс, без всякого сомнения подавляющее большинство было бы за коммунизм; дело зависит только от того, как это предложение было бы подано.

Так как война является в переходный период неизбежным злом и так как для того, чтобы противодействовать ей, теперь нет иного, более сильного средства, чем война, необходимо как можно активнее обратить это зло против наших врагов, если они это зло вызовут. Следовательно, никакая из реформ, которые будут проведены, не должна лишать его силы до тех пор, пока оно будет служить противоядием.

В течение всего переходного периода должна быть сохранена дисциплина; так же всюду, где бушует война, должна быть сохранена часть старых законов.

Все индивиды, которые не примкнули к новому порядку, свободному от законов, будут управляемы по законам старого порядка.

Те из добровольно примкнувших к новому порядку, которые окажутся вредными вследствие своих безудержных страстей, привитых им при старом режиме, переводятся на все время переходного периода Комиссией здравоохранения на театр военных действий, в область, где действуют военные законы.

Эти меры послужат действительному использованию зла войны в качестве противоядия *против* войны и старого, так называемого порядка.

Когда у руля какого-нибудь правительства у нас будут люди, стремящиеся к осуществлению нашего принципа, тогда те, кому не улыбается новый порядок вещей, могут взять своего Маммону и удалиться и при этом благодарить бога за то, что раздраженное поколение не использует закон причитающегося ему возмездия. Надувать себя оно больше не позволит. Хватит с них того, что им оставляют до самой смерти их наличные излишки.

Но как нам получить такое правительство?

Вероятно, в результате следующего и величайшего революционного движения Европы.

Будем же с упованием ждать последнего штурма! Если он окажется неудачным, тогда мы используем наше последнее средство!

Человек вообще любит перемены, движение, прогресс. Ничто ему так не ненавистно, как вечное одно и то же. Он изо всех сил старается противиться этому. Поэтому всегда будут революции, вызванные либо грубой физической силой, либо духовной мощью, либо обеими вместе. Меч еще не полностью уступил свое место перу, но придет время, когда это будет так. Тогда революции не будут больше кровавыми.

Теперь мы стоим на распутье. Революции, которых мы должны ожидать, будут смешанного характера: их совершат вместе физическая и духовная силы. Обе эти силы становятся действительными только при наличии интересов, которые их возбуждают. Поэтому у нас, самые большие надежды на успех; ведь

ничто, кроме нашего принципа, не дает обществу больше преимуществ и больше выгод.

Вот теперь все революционеры стараются точно докопаться до ответа на такой вопрос: каким образом привлечь народные массы на сторону того или иного проекта?

Если только энергично использовать каждый представившийся для пропаганды нашего принципа случай, то выяснится, что грядущий революционер не сможет развернуть ни одного знамени с таким успехом, как наше, и тогда каждая попытка совершить революцию будет выступлением в пользу нашего принципа до полной его победы.

Следовательно, мы теперь должны только всегда быть готовыми к борьбе за наш принцип. Все остальное придет само собой. Мы должны открыто и громогласно дискутировать на темы нашего принципа и не позволять никому мешать нам в этом — ни грубым дуракам, ни высокопоставленным тиранам. Тогда ничто не задержит его осуществления — ни время, ни обстоятельства.

Некоторые политики-филистеры считают, что прежде всего нужно добиться того состояния неравенства, которое они называют республикой, нужно произвести политическую революцию, т. е. переменить людей в правительстве и к выгоде ученой и денежной аристократии низвергнуть дворянство. На это я отвечаю: если уж мы должны принести жертвы, то благоразумнее принести их за то, что было бы всего необходимее для нас и для

общества. Нам, народу, все равно всегда приходится расхлебывать кашу. Зачем же нам делать это ради кого-то? Как только они получают то, чего хотят, они так же оскалят на встречу нам пасть над добычей, как это делают нынешние хищники. Мы не должны отделить интересов какой бы то ни было партии от интересов всех. А кто этого не хочет, кто то, что он хочет, хочет не для *всех*, того мы не должны поддерживать. Теперь и ученые, и денежные люди недовольны существующим порядком; остережемся же удовлетворить их желания до тех пор, пока у нас есть причины быть недовольными. Чем больше и влиятельнее число недовольных, тем вернее успех движения, порожденного таким положением.

Нам, немцам, гораздо труднее сделать политическую революцию, чем социальную, потому что мы только под влиянием великих, весь мир приводящих в изумление событий, а особенно *благодаря материальной выгоде, которая немедленно будет предоставлена многочисленным и беднейшим классам*, можем забыть предрассудки религиозных различий и все еще живучую антипатию между разными немецкими народностями.

Нынешнего немецкого крестьянина нелегко воодушевить фразами. За жареную колбасу он отдаст, если на то пойдет, столько же, как и за своего монарха, и за республику. Он едва ли понимает, что это за штука — республика. Но если я ему скажу: ты должен в бу-

душем жить так же хорошо, как твои начальники, и если он увидит, что это правда, одним словом, если он увидит, что речь идет об его интересах, тогда его можно склонить в пользу движения.

Одной только материальной выгодой мы можем привлечь народ; ждать же того времени, когда все будут как следует просвещены, как это обычно рекомендуют, равносильно тому, чтобы совершенно отказаться от своей цели, потому что никогда целый народ не будет одинаково просвещен до тех пор, пока в обществе продолжают существовать неравенство и борьба личных интересов. Нужно, чтобы эти интересы слились в один общий интерес, только тогда просвещение сможет стать всеобщим. До тех пор пока средства к просвещению (отсутствие забот, обеспеченность, время и возможность) распределены неравномерно, всеобщее просвещение невозможно.

Переворот существующего строя мог бы, конечно, совершить и монарх. Правда, это дело весьма сомнительное, но ни в коем случае не невозможное. Переворот может прийти откуда угодно: от трона или из хижины. Если вместе с троном и скипетром он выбросит также все свои предрассудки и личные эгоистические интересы, этот храбрый борец будет для нас желанным диктатором до полной организации общества.

Некоторые будут порицать меня за то, что я надеюсь на осуществление лучшего через насильственный переворот. Им я должен воз-

разить, что беру вещи такими, как они есть, и вообще не умею лицемерно проповедовать фальшь. Ведь все существующее несет в себе семя и пищу для революции; старая система тклет только революции и войны. Не в наших принципах поддерживать беспорядок и неустойчивость, это делает существующий строй. Мы только хотим использовать эту дезорганизацию, когда она созреет, для насильственного переворота так, чтобы прекратилось нынешнее положение вещей. Даже сейчас в мирное, как творится, время состояние современного общества являет картину одной только дезорганизации: враждебные отношения, революция и война. Нынешние постоянные армии, фабрики оружия и накопление военных припасов, полицейские мероприятия, переполненные тюрьмы,— разве они не указывают и не свидетельствуют о состоянии войны, революции и дезорганизации? О мире они во всяком случае никак не свидетельствуют. А разве все эти ужасы вызываем мы? Разве они не существовали еще до распространения нашего принципа? Разве не служили они почти всегда для подавления всякого мнения, если только оно не было мнением тех, в чьих руках власть? Что удивительного в том, что мы при таких условиях не очень беспокоились о взрыве страшной катастрофы? Но с нашей стороны было бы изменой долгу, если бы мы не беспокоились о том, чтобы дать ей, когда она разразится, направление, спасительное для блага всего общества.

Если мы теперь выступаем с тем, чего хотим, совершенно открыто, ничего не замаскировывая, можно ли превращать это в преступление?

Разве все то, чего мы хотим, мы хотим не для всех без различия, для бедных и богатых, для друзей и врагов?

Разве мы поступаем несправедливо по отношению к богатым и могущественным, когда хотим их принудить дать возможность жить также и нам, труду которых они и их предки обязаны своим богатством? Мы даже не допускаем, что они могут отказаться от своего привычного образа жизни в пользу общества. Пусть живут так до самой смерти, потому что резкая перемена в условиях их жизни была бы невозможна без того, чтобы они не чувствовали себя несчастными. Но никто не должен быть несчастным, поэтому мы хотим до конца их жизни оставить им то, что стало для них второй натурой. Однако немного самоотречения, законного, справедливого и христианского можно от них потребовать.

Они неблагодарны, эти богатые и сильные. Они считают нас жестокими тиранами, потому что они сами таковы. Обычно говорят: за кустом ищут только то, что наперед туда запрятали. Это к ним вполне применимо.

Они считают нас кровавыми псами, которые, если бы имели власть, лишили бы их жизни, а детей их ввергли в горчайшую нужду.

По правде говоря, господа, кажется, что мы больше действуем по христиански, чем по закону, когда даже не хотим мешать вам оставаться при излюбленном вами образе жизни, если в будущем Гармония целого будет возможна и без этого. Вы же, или, вернее, ваше правительство, что одно и то же, менее толерантны. Став победителями, мы предоставим вам те же наслаждения, что и себе, тогда как теперь вы все ваши усилия направляете на то, чтобы наши наслаждения отравить, как можно горше, а свои умножить. Пора, наконец, понять. Поставьте себя, если можете, в наше положение, а затем скажите нам искренне, не так же ли вы мыслили и действовали бы?

Мы прекрасно знаем, что с вашей стороны это не всегда только злая воля. Скорее так бывает даже редко. Вы совершаете зло, не зная этого, вот почему хорошо иногда напомнить вам об этом.

В значительном большинстве своем вы не можете отрицать глубины нашей нужды и желаете всяческого облегчения ее, но вы думаете, что помощь должна свалиться с неба. Когда вам говорят, что именно вы вашим самопожертвованием могли бы ее оказать, большинство из вас не верит. Ваша уютная жизнь позволяет вам только изредка заглянуть в глубину нашей нищеты. И в этом отношении мы были бы такими же, как вы, если бы были воспитаны в кругу вашего сословия и в ваших наслаждениях. Обстоятельства и положение в

жизни создают человека. Никто не может представить вашим глазам истинную картину народной нищеты, как тот, который ее ощущает, который сам с юности в ней бьется. Я сам при всей своей бедности еще далеко не испытал всего того глубочайшего горя, какое гнетет миллионы простых людей. И если теперь из-под моего пера появляются горькие слова, заставляющие страдальчески складываться ваши уста, вы поверите, что в моих высказываниях нет никакого преувеличения, ничего, вызванного ненавистью, потому что я поставил себе долгом писать насколько можно только в интересах самых бедных и угнетенных классов.

Если я иногда вскипаю яростью против всех мерзостей в обществе, то это потому, что в жизни я часто имел случай видеть нищету вблизи и отчасти чувствовать ее, потому что мальчиком сам рос в горчайшей нужде, в столь горькой, что содрогаюсь при одной мысли описать ее. Самое мое существование увеличило окружавшую меня бедность, и при этом я не должен был обнаруживать, что физически чувствую ее. Подумайте теперь, какой ужасной душевной пыткой должно было это быть...*, и были ли бы где-нибудь гнев и ярость справедливее, чем там, где дети поджигают, а невежественные люди говорят за этих неразумных.

* Часть фразы в оригинале отсутствует (Примечание переводчиков).

Так что, если я иногда употребляю резкие выражения по отношению к привилегированным, это происходит от того, что я не умею говорить иначе, чем думаю. Сколько об этом ни говори, все еще будешь недостаточно резким. Когда я думаю обо всех тех хитростях, жертвой которых стал народ после одержания победы, я боюсь, что высказался даже недостаточно ясно и крепко, боюсь, что недостаточно предостерегал народ от лживого ханжества угнетателей. Как только народ сразит тирана, ему сейчас же становится жаль поверженного, и он приносит извинения у ног его наследника. Он поступает, как слон, убивший своего погонщика и посадивший себе на спину его сына, которого держали перед ним.

О, они мягки, наши угнетатели, если видят, что бессильны перед мощью народа, в такие минуты они часто бывают тронуты до слез. Они добровольно раздают деньги и рукопожатия, приглашают вас к своему столу, посещают ваши собрания, и если вы не слишком тверды в своих убеждениях, то с вами случится то же, что с насекомым, сжигающим свои крылья о пламя свечи.

Представьте себе только, сколько средств в их распоряжении, какие уловки они еще могут пустить в ход, чтобы ввести вас в заблуждение, когда вы уже вступили на правильный путь к победе. Полистайте всемирную историю, вызовите в своей памяти все неудавшиеся битвы, все не давшие плодов победы и скажите, не всегда ли все переговоры с врагами

свободы, не каждое ли частичное сохранение их личных интересов были причиной последовавшего за ними отступления?

Когда малое дитя просит что-нибудь, чего ему не хотят дать, то, чтобы он забыл о своем желании, его внимание обращают на какой-нибудь другой предмет. Именно так поступают наши угнетатели в дни кризиса.

После тридцатых годов для этого пользовались слухами о войне и страхом перед холерой. Последняя, особенно при руководстве правительств, стала самым сильным средством запугать все революционные течения.

Помните ли вы еще все эти карантинные установки почти перед каждым большим городом, заграждения деревень, городков, провинций и земель, запрещение путешествий, окуривание денег и писем и т. д.? Что касается меня, то отрицать эту болезнь я не могу; должен, однако, сознаться, что тогда не верил в ее действительно *ужасающую* сущность. Я думал, что это эпидемия, как всякая другая, но которую преднамеренно так страшно распиывают, чтобы использовать ее против революционного движения в качестве пугала.

О, они мудры, как змии, а мы простодушны, как голуби. Нашими черепами в то время можно было стены разбивать, а мы бы даже ничего не заметили.

В 1830 году в Лейпциге⁶³ разыграли смешной революционный фарс. Это дело могло иметь замечательный исторический исход, если бы среди всего высокообразованного насе-

ления Лейпцига нашелся тогда хотя бы только один человек, который знал бы, чего он хочет. Тогда я впервые убедился, что, несмотря на всю академическую мудрость, несмотря на шумные уличные студенческие демонстрации, несмотря на все искусство в верховой езде, фехтовании и стрельбе, можно оказаться в решающий момент порядочным болваном.

Народ за одну ночь овладел городом и его окрестностями, и так как он не знал, за что взяться, он занялся до следующего утра разрушением дюжины домов. Каждый на свой лад старался отомстить за свою обиду. Одни разгромили виллу подрядчика, который заказал за счет города большие слесарные работы на стороне и этим лишил заработка лейпцигских горожан. Другие накинулись на обстановку ненавистного адвоката, а ремесленные подмастерья ушли в предместье и разорили квартиру и обстановку начальника паспортного бюро и его ненавистных строгих чиновников. Так каждый в отдельности считал себя по своему отмщенным. Народ беспорядочно носился по улицам, не зная, чего он хочет, но следуя за всяким, кто смело кричал: «Сюда, за мной!» Народ искал вождя, чтобы быть в состоянии выполнить большое дело. Но в эту ночь он не нашел никого с головой и сердцем, какие нужны были для этого.

Однако магистрат был хитрее всех революционеров. По его приказу всю ночь писались прокламации. На следующее утро их читали на всех углах. Сверху была надпись: *«Наш го-*

род в большой опасности!» Далее шло воззвание ко всем людям *без различия*, призывавшее находиться на общественных площадях, чтобы взяться за оружие, которое им раздадут для защиты собственности от внешнего врага. Всем остальным запрещается находиться на улице. Дома должны быть на запоре (дело было как раз в воскресенье).

Черт возьми! Оружие! Это было настоящее жульничество. Оружие — это было именно то, чего не хватало народу. И вот оружие предлагается правительством; все равно, думал народ — вожди уж найдутся. Остаться дома в такой день и в такое время никто не хотел. Вот так и случилось, что мятежники прошлой ночи все находились на сборных пунктах, которые были указаны каждому цеху. Там их ввиду нехватки белых лоскутов материи отметили кусками бумаги на рукавах, а из-за того, что нельзя было собрать достаточно оружия им в руки были даны — кому дубинка, кому хват и т. п.

Вожди, которых искал народ, явились. Кто они были? Люди, действовавшие в интересах правительства, а частью им же подосланные.

И вот мятежники прошлой ночи были отправлены патрулировать местность, вернее — гулять. Студенты, поднявшие все это движение, были первыми из тех, кто на следующее утро взял на себя защиту и восстановление правительства старого режима. Патрули были посланы на караульные посты и их здорово

угошали за счет города, сосредоточив при этом их внимание на сельских жителях, о которых выдумали, что они хотят обокрасть и разграбить город.

Если этот план пришел бы прошедшей ночью в голову кому-нибудь из революционеров, если бы в арсенале разобрали ружья, вооружили бы ими народ и дали бы ему денег и пищевые продукты, как это сделало на другой день правительство, какую перемену мог бы тогда принести грядущий день? Уж самое меньшее — объявление германской республики. Но как бы была принята тогда эта весть в остальных немецких странах?

Таких благоприятных возможностей после тридцатых годов было в Германии много, но нигде они не были использованы: везде не хватало настоящего человека. Почти везде послушная машина (народ) была готова, и нигде не было мастера, который сумел бы привести ее в движение.

Но таких благоприятных случаев при следующем кризисе встретится уже меньше, так как наши враги, побывав в школе опыта, помучили. Таким образом, становится необходимым уже наперед обдумать новую тактику, с помощью которой можно было бы ошеломить врага, свести на нет его предосторожность. Но это дело каждого отдельного случая, и здесь ничего предрешать нельзя.

Мы находимся накануне значительных событий, самых значительных, которые когда-либо видела земля.

Новый мессия придет для того, чтобы претворить в жизнь учение первого.

Он разрушит насквозь прогнившее здание старого общественного строя, слезы направит в море забвения и землю превратит в рай.

Приготовимся же к тому, чтобы достойно встретить его. Как узнаем мы этого мессию?

Мы узнаем его по его простой повадке, по тому, как он гордо презрит чары Маммоны и откроет свое сердце страданиям человечества. Он спустится с высот богатства в пропасть нищеты, в самую гущу нищих и презираемых и смешает свои слезы с их слезами.

Он не покинет эту пропасть, пока оттуда не удастся выкарабкаться *всем*.

Тогда он завалит эту пропасть, чтобы впредь невозможно было никого опять низвергнуть туда.

Он будет жить общей жизнью со всеми и отречется от всяких преимуществ.

Но власть, которую ему вручили, он не выпустит из рук до тех пор, пока не завершит это славное дело.

Тогда над обществом больше не будет господствовать воля одного человека, а только знание всех.

И великий мессия с тихой скромностью подчинится этой новой власти.

Это будет венцом его деятельности, и весь мир узнает в этом мессию, более великого, чем первый.

ПОДГОТОВКА К ПЕРЕХОДНОМУ ПЕРИОДУ

Ст. 1. Все средства, находящиеся в нашем распоряжении, должны быть нами посвящены распространению нашего учения.

Ст. 2. Все личные цели должны, насколько это возможно, отойти на задний план перед этой целью.

Ст. 3. Мы должны вести правильную жизнь, быть умеренными в работе и потреблении, насколько это возможно при нынешнем общественном строе, и вообще строго следить за тем, чтобы не ослаблять наши физические и духовные силы.

Ст. 4. Мы никогда не будем отрицать наших взглядов перед судом современного общества, если этот суд гласный, и будем их *отрицать везде, где он негласный*.

Ст. 5. Мы возьмем себе за правило никогда не вести процессов и не подавать жалоб ради своих личных интересов, если только этого не требуют интересы нашего принципа.

Ст. 6. Мы приучим себя к тому, чтобы отказываться выслушивать всякие сплетни и лесть. Даже в том случае, когда дурные слухи правдивы, мы будем брать их под сомнение и остерегаться того, чтобы распространять их, если только интересы нашего принципа не требуют противоположного.

Ст. 7. Мы постараемся избегать просить материальной поддержки для себя и будем от-

казывать в ней другим для их личных нужд, потому что от этого будет страдать наша общая цель.

Ст. 8. Мы окажем помощь в нужде каждому, ведущему правильную жизнь и *проявившему себя усердием и деятельностью в пользу нашего принципа*.

Ст. 9. Никто из нас не будет презирать приговоренного к наказанию *судьями современного общества*.

Ст. 10. Ни один нищий никогда больше не получит от нас милостыни, без того чтобы мы при этом не объяснили ему подробно, что нищенствовать — малодушие и позор, и что он должен с полным правом *требовать* от представителей современного строя, от богатых и сильных все, в чем нуждается.

Ст. 11. Мы не будем никого благодарить за оказанные нам благодеяния или любезность, так же как не будем ждать за это благодарности или отплаты от других.

Ст. 12. Мы не будем работать там, где другие оставили работу из-за снижения заработной платы.

Ст. 13. Мы никогда не будем вступать в спор, если предмет его не затрагивает вопросов нашего принципа, в противном же случае будем дискутировать, соблюдая полнейшее спокойствие и порядок.

Ст. 14. Мы будем до крайнего предела избегать становиться солдатами или лакеями и вообще не будем поступать на службу, которая требует оскорбительной покорности.

Ст. 15. Не будем стыдиться никакой полезной работы, если она не вызывает нашего презрения низкой оплатой.

Ст. 16. Примем твердое решение не доверять во время политического или социального движения революционеру, *который не ставит себя в равные жизненные условия со всеми своими последователями.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Читатель! Ты меня понял! А ты, богатый, если прочитал это, не должен забывать, что я борюсь за дело, а не против личностей, но что дело, изложенное в этой книге, можно представить наглядно, только указав личности и классы.

То, что я в этой книге говорю о привилегированных богатых людях, ни в коем случае не должно сделать их еще больше врагами нашими, чем они, сами того не зная, уже являются вследствие существующих условий.

Не все богатые позволяют чувственным Страстям господствовать над ними, а научно образованная часть их будет за нас. Ведь и сейчас мы насчитываем среди них борцов за наш принцип. *Томас Мор*⁶⁴, в 1535 году государственный канцлер Англии; живший и работавший там же *Оуэн*, первым выдвинувший принцип отмены наказаний⁶⁵; *Бабеф*⁶⁶ и *Кабе*⁶⁷, бывшие французские депутаты, из которых первый в 1795 году при тогдашнем

республиканском правительстве Франции был приговорен за наш принцип равенства к смерти и казнен, а второй создал свою систему и написал много коммунистических произведений. *Луи Гессберге*⁶⁸, бывший гессенский старший лейтенант, который также верил в будущую отмену наказаний, и *Барбес*⁶⁹, юный, безумно смелый, неустрашимый Барбес, — разве не все они были за наш чистый принцип равенства, а разве не все они высокопоставленные и богатые люди? Я мог бы назвать еще множество таких, менее богатых и так же горячо стоящих за наше хорошее дело, не считая всех тех, которых мы не имели случая узнать или которые не имели случая себя проявить.

В Спарте дважды сами цари ввели обобществление имущества⁷⁰. Неужели за долгие три тысячи лет не найдется ни одного, который пошел бы по их следам?

Мы надеемся, но не полагаемся на это.

Сильные мира! У вас есть средства затмить память какого-нибудь Александра⁷¹ или Наполеона вашей собственной славой.

У вас есть средства устранить всякое общественное зло приятным как для вас, так и для нас образом. Если мы сами с нашими грубыми средствами должны будем взять на себя эту работу, это будет тяжелая работа и болезненная и для нас, и для вас.

Взвесьте и выберите!

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО, КАК ОНО ЕСТЬ И КАКИМ ОНО ДОЛЖНО БЫЛО БЫ БЫТЬ

Глава первая

И когда Христос увидел народ, он очень пожалел его; и сказал Христос ученикам своим: жатва обильна, но мало работников; просите у господина жатвы, чтобы он послал на жатву работников.

Жатва обильна я созрела, и работы вдоволь. Собирайтесь же, работники, чтобы начать жатву! Поле жатвы — это поле чести, этот труд славен, и воздаяние за него бессмертно, ибо любовь к ближнему — наш серп, а истинно божеский закон — «люби бога больше всего и ближнего своего, как самого себя» — пусть станет нашим оселком, о который мы будем оттачивать его. Объединяйтесь в великий союз жнецов все, кого радует такой труд, кому такой серп по силам!

Нива, это — человечество, созревающее для земного совершенства, а ее первый плод — общность зем-

ных благ. Заповедь любви зовет нас к жатве, а плоды ее обещают наслаждения. Значит, если вы хотите пожинать плоды и наслаждаться, следуйте заповеди любви.

Для того чтобы, как вам внушают, помочь вам достичь благоденствия и сохранить порядок, до сих пор напечатали и написали так много законов и предписаний, что вы могли бы во всю долгую зиму отапливать ими свои жилища, но у вас никогда не спрашивали согласия на это, потому что для вас в них не было ничего, кроме гнета, а за него вы, конечно, ни в коем случае не подали бы своего голоса. Вам даже никогда не объясняют содержания этих законов, пока вы их не нарушите и вас не потянут к ответу, а это делается для того, чтобы вы постоянно находились в состоянии подлинно рабского страха.

Но страх — это корень трусости, и рабочий должен вырвать с корнем это вредное растение и вместо него глубоко укоренить отвагу и любовь к ближнему] Любовь к ближнему—первая заповедь Христа, это его желание, его воля и значит в ней содержатся счастье и благо всех добрых людей.

Если вы хотите жить по-хорошему и быть счастливыми, то старайтесь выполнять эту истинно божественную заповедь. Если вы отважны, то исполнение ее не будет для вас слишком трудным, за нее нужно только бороться, а ведь вы все желаете борьбы.

Выступайте же на поле битвы с раздорами и эгоизмом! Искорените их прежде всего в своей среде и разлите их всюду, где бы они ни свили себе гнездо.

До тех пор пока вы видите только чужие недостатки и не хотите замечать своих собственных, или не стараетесь их исправить, вы еще не изгнали раздоров

из своей среды, и покуда собственное ваше жизненное положение для вас дороже положения каких-нибудь несчастных ваших братьев, вы еще не свободны от себялюбия.

Если кому-нибудь уж очень трудно прощать и удерживать своим ближним от своего, пусть продолжает ненавидеть и жадничать. В свой смертный час он подведет итог своей жизни и, если ему еще тогда дано будет плакать, то слезы его, вероятно, будут очень горькими, потому что он будет одинок и лишен надежды.

Довольный — счастлив! Но довольным может быть только тот, чья жизнь проходит без забот и кто имеет друзей. Жить без забот можно только, когда знаешь, что из всех каждый в отдельности имеет столько, сколько ему нужно. Мы выбираем и находим друзей только среди таких людей, которые имеют одинаковую с нами долю. Значит, одинаковое материальное положение у всех ведет к отсутствию забот и дружбе и, следовательно, ко всеобщему счастью. 'Если вы хотите создать строй всеобщего счастья, стремитесь к тому, чтобы каждый «мел и потреблял столько, сколько ему нужно, но никто не имел больше того, что нужно для удовлетворения его потребностей.

Если бы за вашим семейным столом кто-либо вздумал отнять у другого его долю, вы, конечно, воспрепятствовали бы ему сделать это, потому что вы не потерпели бы, чтобы другой голодал! Ваши поля — это обильно уставленный яствами стол, накрытый щедрой природой, почему же вы и его также не обороняете от жадности нечестных людей?

Они говорят вам: «Дом, поле, фабрику, в которых вы работаете, мы купили, арендовали или унаследо-

вали. Уж мы дадим вам столько, чтобы вы не умерли с голоду, пока вы работаете», а вы миритесь с этим, чтобы не умереть голодной смертью. Но придет день, когда вы спросите у них: «А разделяли ли вы с нами наши труды?»

Если они смогут сказать «да», то вы поделитесь с ними прибылью от вашего труда, если же — «нет», вы откажете им в этом, потому что, кто не работает, тот не должен есть.

Вы трудитесь с утра и до НОЧИ, годы уходят один за другим; все склады переполнены жизненными благами, которые вы отвоевали у земли; и все-таки большинство из вас лишены самого необходимого из пищи, жилища и одежды, и все-таки от земных благ меньше всего приходится на долю тех, которые их добыли у земли в поте лица своего.

Это происходит от неравного распределения труда и благ; добытых этим трудом, потому что бедные есть только там, где есть богатые, а богатые — только там, где есть бедные.

Быть богатым и могущественным значит быть не-праведным и, следовательно, сколько вы насчитываете среди вас богатых, столько же между вами нечестных. Только праведникам уготовано царствие небесное.

Если вы христиане, то вспомните слова Христа о том, что выполнение всех заповедей богатому было легко, только заповедь о раздаче имущества оказалась ему не под силу.

Быть богатым или неправедным означает также иметь власть и средства потреблять больше, чем человеку требуется без того, чтобы быть вынужденным за это трудиться. Значит, за богатого должны работать другие. Богачи лишают их того, что сами расточают!

Из-за них и ради них миллионы из вас нагружаются работами, которые не приносят вам никакой пользы. Но и эти миллионы тоже хотят быть сытыми и одетыми, и на них вы также должны работать, не получая для себя от их труда существенной пользы.

Пока существуют люди, терпящие лишения, всякий труд, не являющийся необходимым для существования и благополучия всех,— это труд бесполезный. Какая польза от всех этих предметов роскоши, на которые затрачено так много усердия, большинству людей, не могущих приобрести их? Зато огромное количество людей, занятых их производством, могло бы быть полезным обществу, потому что они своим трудом облегчили бы необходимые работы, которые всем необходимы для того, чтобы жить, потому, что каждому нужно быть защищенным от непогоды и холода, быть одетым и сытым.

Прибавьте еще к этому то бесчисленное множество оплачиваемых бездельников и людей, состоящих у них в услужении, чтобы заботиться об их удобствах, а также вооруженные войска, созданные для того, чтобы защищать их несправедливое дело,— и вы будете поражены тем громадным числом здоровых людей, которых отрывают от полезного труда и долю труда которых другие должны прибавлять к своему!

Но нечестность этих врагов человечества не довольствуется тем, что использует все ваши умственные и физические силы единственно в свою пользу: их жадность препятствует вам наравне с ними наслаждаться жизненными благами, большую часть которых они, благодаря порядкам в искусственно созданном ими жупническом буржуазном строе, отобрали для себя или для тех, кто добровольно или по принужде-

нию работает на них. Вот поэтому лучшие продукты, необходимые для удовлетворения жизненных потребностей, они настолько удорожили, а вашу заработную плату так приспособили, что вы можете покупать себе на нее только очень мало и самое худшее. Они бы и совсем ничего вам не дали, если бы не опасались, что вы умрете от этого, но тогда они должны были бы сами работать, а этого они не выносят.

Если в город доставляется мясо или другие продукты питания, лучшую часть берет для себя и для тех, которые ему служат, самый старший господин — король или кто-нибудь, как его там еще иначе зовут. Потом приходят другие с кусками золота в руках и предъявляют свои требования на остальное, и если для вас ничего не осталось, то можете набить свои рты черствым хлебом, если только его еще хватит для вас, потому что они очень любят своих жирных псов, а голодный рабочий их очень мало заботит.

Чем рабочий беднее, тем на большее число лавочников и торговцев, стремящихся нажиться за его счет, он должен работать. Не всегда это происходит от их злой воли, а из-за того, что все общество построено на основе ростовщичества, и честному человеку в нем приходится нищенствовать.

Рабочий покупает для себя предметы потребления малыми количествами у мелких лавочников и вынужден постоянно переплачивать за них, так как не может закупать необходимые ему припасы оптом: те, у которых он делает свои закупки и которые занимаются мелкой торговлей, тоже хотят жить.

Если рабочий нуждается в кредите, он должен, если он его получит, платить ростовщику громадные проценты, тогда как богач, берущий займы крупные

капиталы для расширения своего предприятия, платит умеренные проценты, да и эти проценты и налоги он под другим названием взваливает на плечи рабочего.

Если в результате такого лихоимства удорожаются продукты питания или другие продукты, то ни помещик, получающий земельные подати, ни торговец не хотят взять на себя даже небольшой доли этого бремени, и его должен свалить на свои плечи опять-таки рабочий. И если он свалится под тяжестью этой ноши, то вряд ли кто из этих бессердечных людей поспешит к нему на помощь, и он так и остался бы в беде, если бы в груди его страждущих собратьев не билось доброе сердце.

Все вы чувствуете невыносимость бремени, под которым стонете, но многие из вас не знают, как избавиться от него. Одни — они зовут себя мастерами, — думают, что облегчат свое положение, снизив заработную плату своим подмастерьям или рабочим. Между тем, эта мера так же вредит им самим, как и всему цеху, потому что с уменьшением заработной платы падает цена на продукт труда рабочего. Происходит это вследствие отсутствия урегулированной таксы, удерживающей эту цену на установленном уровне, по этому каждый рабочий оказывается предоставленным своим собственным силам.

Если дичь наносит вред вашим полям, то вы, чтобы сохранить необходимое пропитание для себя и своего скота, отправляетесь в поля, чтобы истребить ее, и не найдете такого труса, который решил бы вместо этого уменьшить норму корма скоту или самому терпеть нужду. Почему же вы не сопротивляетесь дикарям, которые уничтожают плоды вашего труда?

Вы всегда ищите причину своей нужды в ближайшем окружении, тогда как она благоденствует во дворцах, на тронах и на мягких коврах.

Иные перекалывают вину всех своих бед на ни в чем не повинные машины, которые будут счастьем для человечества, когда оно будет жить в коммуне одной большой семьей, потому что машины дают человеку в труде такую силу и скорость, какой сам он по своей природе не может достичь, а при «х помощи столь значительно сокращается работа и затрата сил.

Но при теперешнем состоянии общества, чем больше изобретается машин и чем больше их совершенствуют, тем больше ухудшается положение большинства людей, потому что, если бы не было машин, миллионы праздных или были всякой пользы для человечества занятых рук нуждались бы для удовлетворения своих страстей в труде остальных людей, и никто не сидел бы без работы, кроме узаконенных лодырей. Но когда у них имеются машины, совершающие невероятное при незначительной помощи человека, хозяева больше не нуждаются в массе рабочих. Эксплуататор быстро подсчитывает все, что необходимо дать каждому в отдельности, и чему это будет равняться в общей сумме, и что вместо этого можно заграбастать еще новые капиталы, т. е. нахватать новые преимущества для бездельников и прожигателей жизни.

Так оно и выходит в нашем презренном современном обществе, что изобретение и постройка машин, которые имеют назначение облегчать труд рабочего, могут способствовать только ухудшению его бедственного положения, не облегчая его труда. Продолжительность рабочего времени осталась та же, если не стала

еще больше, и до тех пор, пока будет длиться этот порядок, все, что бы ни придумал или изобрел рабочий для улучшения своего положения, нечестные люди всегда используют для своих низких целей. Изобретателю машины они в лучшем случае сунут жирный кусок, чтобы не расхолаживать усердия других, и этим ограничатся.

Вы постоянно жалуетесь на то, что настали плохие времена, но редко задумываетесь над причиной этого, а если и задумываетесь, то истинную причину находите редко. Фабричный рабочий жалуется на машины, ремесленник жалуется на цеховые законы, свободу промышленности или слишком большую бережливость высших классов, крестьянин — на постоянную смену хороших и плохих лет, и все вместе они жалуются на вздорожание предметов первой необходимости, но очень немногие попадают в точку.

Причина же этих постоянно ухудшающихся времен лежит только в неравномерном распределении и пользовании жизненными благами, так же, как и в неравномерном распределении труда для производства этих благ. А единственным средством сохранить эту отвратительную дезорганизацию служат деньги.

Если бы с сегодняшнего дня не стало или могло бы не стать на земле денег, то богатые и бедные скоро вынуждены были бы построить свою жизнь на принципах коммунизма. Но пока существуют деньги в современном значении слова, мир никогда не станет свободным. Сколько страданий и несчастья вынесло человечество со времени их введения! Составьте себе список всех пороков и недостатков человечества, и вы должны будете согласиться, что большинство из них, и при том самых ужасных, больше всего разрушающих

общественное благоденствие, не существовало бы, не будь денег, и исчезнет оно с уничтожением денег и с введением коммунизма. Провозгласите свободу и равенство, уничтожьте троны, дворянство и попов, уничтожьте постоянное войско и обложите налогами богатых — всем этим вы, конечно, многого достигнете, но счастье человеческое еще не будет утверждено на земле. Для того чтобы наше дело было совершенным, нам нельзя останавливаться на этом. Наш долг — использовать великий момент, когда человечество борется за свое счастье. Если для победы мы приносим в жертву нашу кровь, жизнь и свободу, то уж мы, конечно, будем стремиться к самому совершенному, а не к тому, чтобы ценой тех же жертв получить что-то несовершенное. Испорченность нравов, явившаяся следствием неравенства сословий, также способствует умножению бедствий человечества. Дворянин задирает нос перед торговцем, а этот считает себя выше ремесленника, мастер, платящий прямые налоги, считает, что он важнее рабочего, которого все они презирают. Это повторяется в каждом сословии в тех случаях, если кто-нибудь один имеет немного больше другого. Даже рабочий, надевший новое платье, считает другого рабочего, не имеющего такого платья, неприличной для себя компанией.

Печально, что подобные вещи происходят даже среди вас, рабочих. Но в этом виноваты ваши невежество и трусость. Если бы вы знали, что вы самые полезные люди на всей земле, то у вас хватило бы мужества бросить гордый взгляд на расфуфыренных угнетателей и глупцов, вместо того чтобы стараться подражать им во всех их глупостях, следя за ними больше, чем за своим здоровьем.

Человеку, занятому заботами о своем наряде, не очень подходит проповедовать коммунизм, так же как и кутиле и пьянице, за исключением тех случаев, когда человек исправится. Тогда они, подобно апостолу Павлу, могут стать даже лучшими учителями⁷². Но если человек, свободный от этой страстишки, проходит равнодушно мимо страждущего собрата, тогда как мог бы ему помочь,—не рассчитывайте на его обращение и сотрудничество, потому что ему не хватает любви, а что есть человек без любви? — Кимвал бряцающий и медь звенящая .

Если вы живете умеренно и охотно делитесь с нуждающимися, ваши слова будут подобны благодатному дождю над высохшим полем.

Умеренность — охранительница всякого доброго порядка ~й "основное условие коммунизма.

Невоздержанность — разрушительница всякого земного счастья и непримиримый враг коммунизма.

Современное же состояние общества — это состояние самой извращенной неумеренности. Одни работают мало или вовсе не работают и утопают в изобилии, в то время как другие, а их подавляющее большинство,— неумеренно много работают и при этом им часто приходится голодать.

Коммунизм — это не привилегия для кутил и лодырей, а всеобщее право общества на возможность жить без забот в прочном благосостоянии, и большинство никогда не сделает попытки уничтожить это право, потому что его собственное право есть право большинства.

У вас есть желания, исполнения которых вам очень бы хотелось. Вы стремитесь то к одному, то к другому благу, которое или удовлетворит вашу нужду

или устроит ваше благосостояние. Вы работаете и изнуряете себя, чтобы добиться того, чего вы жаждете, и надежда и терпение вас никогда не покидают.

Вы говорите, что ваши желания не являются умеренными или не затрагивают прав других. Заявите о них напрямик! Коммунизм может все их выполнить, он распределяет свои дары не как мачеха. Кто однажды стал под его знамена, тот может рассматривать мир как свою собственность. Предположим, что вы при полном общественном равенстве выполнили свой дневной труд, вам нет необходимости ожидать, что вы за это получите; вам только остается брать то, что вам нужно.

Вы, например, хотите поесть сообразно вашему вкусу и аппетиту. Это вы можете получить каждый день, не имея необходимости в деньгах.

Вы хотите отправиться в обществе друзей выпить пива или вина. Это вы можете делать ежедневно, также не имея необходимости в деньгах.

Вы хотите поужинать со своей семьей за городом, в нескольких часах езды отсюда. Вы можете ехать туда и обратно. Вам не придется больше ждать в течение восьми дней нескольких жалких часов отдыха: каждый день — воскресенье. Вы можете каждый день посещать театры или балы, если вы этого захотите. Разве это не так же хорошо, как если бы вы теперь каждый день имели карманы, набитые деньгами, чего у вас, впрочем, нет?

Вы любите путешествовать. Очень хорошо! Пожалуйста, путешествуйте! Вы можете совершать ежедневно по окончании рабочего времени маленькое путешествие.

Даже путешествуя пешком, вы легко можете заполнить свои еженедельные тридцать рабочих часов и точно так же вы сможете использовать железные дороги в течение трехсот часов. А какой богатый человек может теперь во время своих путешествий получить столько удовольствий, как вы, которые везде встретите готовый семейный стол и братское приветствие?

Правда, иногда встречаются противоестественные обжоры и пьяницы, которые чувствуют себя несчастными, если не могут удовлетворить своей болезненной потребности, что, впрочем, случается редко. Такие случаи, являющиеся большей частью продуктом воспитания, прекратятся по мере облагораживания самого воспитания. Старая поговорка гласит: ни один обжора не родится, его таким воспитывают. Впрочем, исключительные случаи можно отнести к категории болезней, если не хотеть рассматривать их как порок распушенности; ну, а уж средство для борьбы с ними наши будущие врачи найдут.

Труд больше не был бы бременем. Его непродолжительность и смена рода труда превратят его в удовольствие. Одни работают до обеда, другие после обеда до вечера, а третьи — ночью. Выбирайте сами и присоединяйтесь к рабочим вашей профессии, часы работы которых вам больше всего подходят. Пекарю нет необходимости всю ночь печь, он может полночи спать и будет свободен следующий день, или, вернее, каждый день. Керосин, свечи и газ, которые мы каждый вечер сжигаем в мастерских, мы могли бы расходовать для театров, танцевальных залов и аудиторий, для читален и концертных собраний. Работа, которая необходима для нашего существования и благополучия,

не потребует, чтобы мы изматывали свое здоровье и теряли зрение, работая при маленьких лампочках, потому что мы уже работаем не на расточительных лодырей, а работаем для себя, не только для производства самого необходимого, но и для своего изобилия.

Но многим как-то непонятно, какое удовольствие может представить жизнь, при которой нельзя приобретать или владеть одному, но вы ведь можете приобретать, это зависит только от вашего желания. Обогащаться искусством и науками, истинным богатством прогрессивного человечества, многочисленные и разнообразные интересы которого составят его славу и почет среди его современников и потомков. Разве вы забыли изречение: не собирайте себе сокровищ, которые моль и ржа истребляют И воры подкапывают украдут, и дальше: ибо, где сокровища ваши, там будет и сердце ваше... Никто не может служить двум господам... Не можете служить богу и Маммоне⁷⁴ (Евангелие от Матфея, VI, 19—24).

Некоторые заходят даже так далеко, что соглашаются с тем, что наживе должен быть положен известный предел, которого нельзя преступить, а что сверх него — должно идти на покрытие государственных расходов. Но тогда нам осталось бы то же неравенство в труде и потреблении, а так называемая «работа денег», или попросту дармоедство, тоже осталось бы как злокачественная опухоль на теле общества.

Запомните хорошенько: ни одна реформа общества, которой хотят добиться путем распределения капитала и в которой главную роль играют деньги, не может быть совершенной. Если бы такое материальное равенство было утром установлено, то, как говорит

Ламенне⁷⁵, часто уже к вечеру его бы не существовало. Создание национального банка, предоставляющего кредит каждому знающему свое дело работнику, обеспечивает ему только возможность выполнить работу, самую же работу он должен искать сам. Но если не существует равного распределения труда, на основе которого единственно можно установить количество работы, которую должен дать каждый рабочий, или, вернее, определить рабочее время, приходящееся на каждого, как же тогда можно добиться, чтобы каждый мог быть уверен, что всегда найдет работу? Тогда общество было бы обязано доставить ему какую-нибудь работу и притом на тех же выгодных условиях, которые он искал и не нашел в обществе. Словом, общество должно было бы основать, кроме национального банка, еще национальные мастерские⁷⁶ и колонии, в которых все безработные могли бы найти занятие на приемлемых условиях.

Однако для создания таких предприятий потребовался бы постоянный кредит, т. е. последовали бы и государственные потери, потому что вырабатываемые предметы надо было бы продавать и для облегчения сбыта пришлось бы снизить цены. Но этим был бы нанесен значительный ущерб кредиту национального банка, а затем он и вовсе был бы уничтожен, а вместе с ним благосостояние всех неработающих на национальные учреждения. Ублюдочная система национального банка заглохла бы под напором все возрастающей потребности в увеличении числа национальных учреждений,— что является прологом к установлению коммунистического строя.

Таким образом, совершенно ясно, что правительство, действительно имеющее в виду интересы рабо-

чего, не добьется их удовлетворения одним лишь основанием национального банка; и если оно захочет только при помощи денег осуществить благоденствие всех, то оно неминуемо пойдет по вышеизложенному пути. Но кто нам поручится за то, что это правительство под давлением кризиса, вызванного растущим количеством национальных фабрик, мастерских и колоний, чтобы не допустить провала своей «оригинальной» осчастливливающей всех системы — национального банка, не предпочтет снизить заработную плату и увеличить количество работы работающим в государственных учреждениях и для них? Это было бы ему нетрудно, так как его поддержала бы в этом вся мещанская масса национального банка, потому что интересы обеих рабочих групп почти прямо противоположны. Получающие материальную помощь и будучи не в состоянии, несмотря на полученный кредит, свести концы с концами, образуют в государстве особый класс людей, продукция труда которых составляет конкуренцию другим, но и эти рабочие видели бы в недалеком будущем ту же перспективу, что и теперь: снижение цен почти на все продукты их производства. Тут уже легко себе представить, что весь цех ростовщиков и лавочников выразит правительство свое восторженное одобрение, если оно вместе со снижением цен на продукты снизит также заработную плату рабочим, занятым государством. Некоторые считали бы даже несправедливым предоставление рабочим, занятым в государственных мастерских, равных прав или, как они это называют, особых преимуществ.

Не будем же доверять реформам, которые кое-кто рассчитывает осуществить при помощи капиталов, так

же, как и самим капиталистам: от них обоих нам не придется ждать ничего совершенного, вот разве одинаковых ловушек, от которых добрые люди не умеют остеречься,— это да. Если мы большие денежные кучи сделаем поменьше, то в моральном отношении мы повредим больше, чем принесем пользы, потому что мы заргзим несколько тысяч людей ростовщицким духом, которому новому поколению нелегко противостоять.

Деньги — это смертный грех* человечества, и тот, кто в своих идеях об общественных реформах не подымеется над деньгами, едва ли сможет честно оправдаться в своей слабости к ним. С сохранением денег в современном значении слова неразрывно связано неравное потребление, как и неравное распределение труда; различность сословий, лишения и избыток вместе с ими же порожденными пороками — все это остается по-прежнему, а этого защитники денежной системы и хотят, потому что уж очень им приятно иметь больше, чем другой их собрат, и очень трудно предположить, что их удовлетворит тот же стол, что и крестьянина или ремесленника.

А я скажу вам: всякий, кто за свои большие знания и большее мастерство требует для себя права больше потреблять, или меньше работать, чем другие,— тот — аристократ.

Тому, кто считает себя способнее и образованнее многих других, надлежит, чтобы этого никто не заметил, быть сиве и скромным. Тогда его таланты встретят признание общества.

У Вейтлинга — козел отпущения (Примечание переводчиков).

Для честного человека уважение современников и потомков — превыше всех земных благ. Его нельзя ни купить, ни вынудить даже в обмен на целое царство.

Если человек обладает духовным превосходством, и его нравственный облик соответствует обычаям народа, среди которого он живет, то общественное мнение не преминет отвести этому человеку в обществе то место, на котором он будет полезнее всего и будет иметь возможность оправдать оказанное ему доверие. Но почему он должен из-за этого стать нашим господином? Почему должен вести более богатый образ жизни, чем мы? Это была бы все та же современная несправедливость, современное неравенство.

Кто живет ради наслаждений, тот в них и получает свою награду, тот же, кто живет интересами духа, тот через него найдет воздаяние.

Что касается поощрения усердия и прогресса в искусствах и науках, то в них с введением коммунизма и гибелью последней ростовщической системы будут гигантские достижения, так как человечество тогда достигнет большой высоты научного знания, потому что каждый в одинаковой мере будет иметь достаточно времени и условия, чтобы получать познания в соответствии со своими склонностями, чего теперь лишены 99 человек из 100.

Если коммунизм до сей поры не мог основать среди христиан свое длительное царство, то это всегда зависело от испорченности нравов сильных мира и священнослужителей... Еще в III веке по р. Хр. последователи Христа жили в коммуне, как достойные наследники его учения⁷⁷. Условием для приема в христианство была продажа имущества новообращенного члена

и раздача денег, вырученных от этой продажи бедным. Преступившие этот закон бывали сурово наказаны, в Библии мы встречаемся даже со случаем смертной казни за это (Деяния апостолов, VI, 5)⁷⁸.

После же того, как в новую веру, кроме многих знатных людей, был принят царь, причем никого из них не склонили к выполнению "этого условия, христианскому равенству пришел конец. Отказ от власти и богатства, самоотвержение и самоуничтожение были основой учения Христа. Принятие императора Константина в христианскую веру и последовавшее за этим возвышение им священников над обществом окончательно потрясли основы христианского учения.

С тех пор на чистые принципы христианства легла черная ночь. Началось царство лжи и насилия. В их ядовитых когтях умирают в судорогах миллионы людей, и под защитой тьмы эти чудовища удушают лучшее в сердцах народов.

Но ночная тьма начинает рассеиваться.

Еще один натиск и измученные народы начнут объединяться для того, чтобы стереть с лица земли эти чудовища.

Если бы книгопечатание было открыто раньше, и все первые христиане умели бы читать, то Константин вряд ли стал бы христианским императором, потому что в писании сказано: князья народов господствуют и вельможи властвуют; но между вами да не будет так, а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугой (Евангелие от Матфея, XX, 25).

Но священнослужители всех христианских сект также стараются оправдать свои ошибки ссылками на библейские тексты. Для этого им очень удобен метод Христа говорить притчами, и еще помогают заблужде-

ния некоторых апостолов в истинных принципах его учения.

Эти притчи, как и многие места в Библии, чтобы стать понятными массам, нуждаются, по их мнению, в толковании, т. е. в запутывании и фальсифицировании.

Однако, если бы среди них не было бы ни богачей, ни царей, им бы не понадобились толкования, тогда они прекрасно поняли бы то место, где говорится: так же, как верблюд не может пройти через игольное ушко, так и богатый не может достичь царства божьего.

Но теперь, для того чтобы удовлетвориться извращенными толкованиями и ложью, требуется нечто большее, чем слепая вера.

Направляйте ваши поступки строго в духе учения Христа, и вы сможете побороть все искушения.

Если для того чтобы удержать вас в положении рабов и слуг, вам захотят цитировать из печатных писем его апостолов к тогдашним народам места, ставящие под сомнение принцип равенства в обществе, отвечайте им, что каждый, даже праведник, может ошибаться семь раз по семьдесят раз, по образному выражению Христа. Павел неистовствовал против приверженцев Христа. Фома не верил Христу. Павел отрекся от него. Иуда предал его. Разве и те, как люди, которым свойственно ошибаться, не могли погрешить против принципов своего учителя в своих поучительных письмах либо *по* незнанию, либо из каких-нибудь особых соображений.

Вы имеете заповедь Христа о любви к ближнему; это пробный камень, которым вы можете проверить искренность каждого.

Не верьте тем, которые стараются говорить по-дру-

гому, чем действуют. Они либо трусы, либо обманщики; в обоих случаях они как учителя народа вредны.

Тот же, кто жертвует счастьем всей своей жизни для того, чтобы помочь освобождению человечества от рабства и угнетения, кто проповедует истину и справедливость, кто сотрудничает с нами ради нашего освобождения, подымает народ от его непробудного сна и призывает к оружию против его угнетателей, деля с народом счастье и горе, это достойный пастырь народа. Религия, которой он вас учит — не фальсифицирована: это религия равенства и христианской любви. Но таких людей вы редко встречаете в церквях или во дворцах. Когда слезы неволи увлажняют ваши ресницы и месть клокочет в вашей чуткой груди, вы изредка слышите их вдохновенный голос. Тюрьмы — это дворцы, которые для них воздвигают, эшафот — их парадное ложе, но мстителем за них будет бог!

Глава вторая

Если у вас есть надежда и вера в ваше правое дело — оно уже наполовину выиграно вами, потому что вашей верой вы можете горами двигать. Блаженны, кто, не видя, все же веруют. Но к цели ведет не слепая вера, а вера, выросшая из убежденности.

Существует убежденность, основанная на христианском учении и человеческой природе, следуя которой невозможно построить истинное счастье для человечества без осуществления следующих принципов:

- 1) Законы природы и христианской любви — основа всех законов, которые должны быть созданы для общества.
- 2) Объединение всего человечества в один Великий

семейный союз и устранение всех умственно-ограниченных понятий о национальности и сектанства.

3) Для всех равное распределение труда и равное пользование благами жизни.

4) Одинаковое воспитание как и равные права и обязанности для обоих полов в соответствии с законами природы.

5) Отмена всякого права наследования и права собственности для единицы.

6) Установление руководящих—властей через всеобщие выборы; их ответственность и сменяемость.

7) Никаких преимуществ для них при равном распределении жизненных благ и равенство их с другими в отношении рабочего времени при исполнении служебных обязанностей.

8) Каждый обладает полной свободой в своих действиях и речах при условии ненарушения прав другого.

9) Всем предоставляется полная свобода и средства для развития и совершенствования своих природных духовных и физических способностей.

10) Наказание преступника может касаться только его прав на свободу и равенство; оно никогда не может посягать на его жизнь, честь же его может быть поражена только изгнанием из общества и пожизненной ссылкой.

Эти принципы можно выразить немногими словами, которые гласят: любви ближнего, как самого себя..

Без этих принципов и их осуществления нельзя ждать истинного блага для человечества. Беды, которые за многие тысячелетия исторгли столько слез у людей, не исчезнут до тех пор, пока усилиями народа не удастся осуществить эти принципы.

Приверженность масс, скудно живущих трудами своих рук, обеспечена нашему знамени как уже из-за одних материальных преимуществ, которые мы можем им предоставить, так и из-за всеобщей ненависти к богатым и сильным мира, высокомерию и расточительности которых унижали и обрекали их на голод.

Но нужны апостолы нового учения, которые просветили бы массы об истинном положении при коммунистическом строе, чтобы он стал для них жизненным убеждением, которое твердо устоит против всяких приманок и соблазнов и не заколеблется в своей вере из-за какой-нибудь неожиданной неудачи правого дела.

Народ необходимо просветить наперед для того, чтобы он после падения старого строя мог быстро ориентироваться в новой конституции и не погряз бы в анархии или не попал в руки каких-нибудь других тиранов.

Это святой долг каждого — указать своему ближнему правильный, ведущий к цели, путь и предостеречь его от ложных шагов. Тяжелую вину берет на себя тот, кто замыкает в своем сердце большую, но имеющую многих противников и нигде не вошедшую в жизнь, истину.

Все великие истины, все благие и совершенные дары приходят сверху, от отца света.

А ведь вам, учителя народа, еще 1800 лет назад было сказано; дайте вашему светильнику сиять перед всем миром и не прикрывайте его четвериком. И все-таки, несмотря на рост прогресса, еще многие светильники горят под четвериком; наверное, затем, чтобы не подвергать их действию сквозняка, который дует там, снаружи, во тьме, и чтобы дать ему возможность

дотлевать в полном покое под надежной защитой хлебной мерки. Вот поэтому-то часто и случается, что ищущий истину путник наткнется на этот сосуд.

Для врагов человечества невыносимо изречение истины, потому что она несет в себе угрозу их власти и существованию; и, чтобы воспрепятствовать этому, уже с незапамятных времен ими придуманы страшнейшие наказания, перешедшие отчасти в современную цивилизацию.

Наши тюрьмы, каторги, галеры и эшафоты являют приводящие в содрогание доказательства этого.

И все новые толпы мучеников рвутся вперед, а мучкам не будет конца до тех пор, пока не переполнится чаша вины и не прольется на головы преступников.

Вот тогда прочитайте им это место из Писания: какой мерой мерите, той же мерой и вам отмерится, но не судите, да не судимы будете.

Не думайте, что вы добьетесь от ваших врагов чего-нибудь доброго путем соглашения: ваша надежда — только ваш меч. Всякое соглашение между вами и имя рассчитано только на то, чтобы принести вам убыток. Вы уже много раз узнавали это на собственном опыте. Давно уже пора вам извлечь пользу из этих уроков. Это печальная жизненная правда, что путь истины обогрен кровью. Поэтому Христос говорит: не думайте, что я пришел принести...мир на землю, не мир пришел я принести, но меч (Евангелие от Матфея, X, 34).

Мужи труда и лишений, равно как и те, которые не знают их обоих, но, жертвуя всем своим имуществом, стараются облегчить жизнь другим, это те мужи, которые идут под нашим знаменем, которые будут бороться в наших рядах. Всем другим не доверяйте

особенно же остерегайтесь доверить им какой-нибудь пост.

Общественные посты, в ведении которых находится равное распределение труда и жизненных благ, небезопасно доверить какому-нибудь корыстолюбцу и вообще нельзя доверить никому, кто живет и действует не по законам общественного равенства. Вы не должны выбирать козлов для ухода за вашими огородами.

Однако не принимайте каждого за врага только из-за того, что у него разные с вами взгляды, потому что все мы проходим через ряд общих ошибок, прежде чем просветимся.

Поэтому остерегайтесь вторгаться в то, что для другого свято, пощадите его ради нашего дела, если это только не станет в руках ваших врагов оружием против вас. Пусть жизнь попавших к вам в плен наших врагов будет для вас священна и неприкосновенна. То же оно и к собственности всех, кто не выступает против вас, потому что укоренившийся предрассудок насчет права собственности обернет против вас каждое изъятие излишков как несправедливое, и вы этим только увеличите множество ваших врагов.

Пусть до жатвы добрая и худая травы растут вместе.

Следующий план конституции общества может наглядно показать возможность и преимущества общности имущества без денежной системы.

Этот план пригодится только тем, которые как я, не имели случая прочитать проект коммунизма, разработанный Фурье и многими другими. Это не означает, что здесь предложен совершеннейший идеал реформы

КОНСТИТУЦИЯ ВЕЛИКОГО СЕМЕЙНОГО СОЮЗА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

общества, иначе нам пришлось бы считать, что источник знания может быть исчерпан. Каждое поколение, так же, как и каждый индивид, имеет свое собственное представление о совершенстве. Человек может постоянно приближаться к нему, но никогда в жизни не достигнет его окончательно.

Совершенство — это всемогущий бог, и стремиться достичь совершенства — значит становиться более подобным ему.

Все планы реформы общества, написанные до сих пор, имеют целью доказать возможность и необходимость ее, и чем больше работ будет написано об этом, тем больше доказательств в пользу реформы будет приведено народу. Но лучшее произведение об этом мы, конечно, должны будем написать своей кровью.

Право выбора конституции принадлежит самому обществу, большинству его членов, и события, современные ему, оказывают большое влияние на этот выбор. Всякие расхождения в различных системах общности имущества при будущем практическом их применении будут вести к одной и той же цели, а именно: ко всеобщему Семейному союзу всего человечества; и если даже осуществление усовершенствования общественного строя натолкнется на значительные препятствия, пусть оно все-таки будет постоянной целью наших стремлений и пусть ни оковы, ни смерть не заставят нас поколебаться в нашем решении; пока живы, мы живем для бога; когда умираем, то умираем за него; живые или мертвые, мы принадлежим ему.

Двумя существенными условиями человеческой жизни как личной, так и общественной являются труд и потребление, и самое совершенное общежитие организованного общества заключается в равном распределении этих двух условий между всеми членами, принадлежащими к этому обществу, живущими по законам природы и христианской любви.

Общественное равенство как высший идеал и крепчайшая основа земного счастья и богоподобное совершенство осуществляются в соответствии с двумя важнейшими условиями жизни — трудом и потреблением в двух организациях, в которых каждый отдельный член Великого союза обязан действовать по закону всеобщего равенства. Одна из этих организаций — семейная, или организация потребления, вторая организация — деловая.

Семейная организация

Она состоит из семейств, живущих под наблюдением старейшин.

Приблизительно тысяча семейств образует Семейный союз, который выбирает должностных лиц своего союза.

Десять Семейных союзов образуют Семейный круг и, как и первые, сообщая, или, может быть, в собрании должностных лиц своих союзов выбирают администрацию своего округа.

Администрация каждого Круга выбирает своего депутата в Конгрессе Великого семейного союза, а Конгресс избирает Сенат, который является высшей законодательной властью Великого семейного союза.

Деловая организация

Эта организация состоит из крестьянского, производственного и педагогического сословий и Индустриальной армии.

Крестьянское сословие

Десять крестьян образуют группу; они выбирают для надзора и руководства их работой руководителя группы. Десять руководителей групп выбирают одного *земледельца*. Это заведующий работами 100 человек; он обязан равномерно распределять порученную ему работу между всеми групповыми руководителями и наблюдать за добросовестным и аккуратным выполнением работы. Десять земледельцев выбирают из своей среды делегата в Сельскохозяйственный совет. Совет выбирает от каждой отрасли сельского хозяйства — по культуре злаков, винограда, хмеля, плодов, по пчеловодству, овцеводству и т. п. президента в министерство Великого союза.

Министерство состоит из президентов, избранных таким же образом из сословия крестьян, производственного сословия и сословия педагогов.

Производственное сословие

К этому классу принадлежат все занимающиеся ремеслами, искусством, машинами и работой на фабриках.

Так же, как и сословие крестьян, они выбирают на каждые десять человек одного группового руководителя, каждые 100 человек — своего мастера, а десять мастеров выбирают директора производства.

Округ, насчитывающий у себя 100 директоров производств, располагает Коллегией мастеров, образованной из рабочих, сделавших какое-нибудь изобретение, способствующее благу Целого. Коллегии мастеров совместно со 100 директорами производств их округа выбирают одного человека в Промышленный совет, который является для производственного сословия тем же, что и Сельскохозяйственный совет для крестьянского сословия. Промышленный совет выбирает отдельно от каждой отрасли промышленности по одному президенту в Министерство Великого союза.

Каждый человек, благодаря своим подготовительным познаниям, приобретенным в воспитательных учреждениях, относится одновременно к обоим сословиям, в разных отраслях учреждений которых он одновременно работает в соответствии со своими склонностями, и поэтому может случиться, что какой-нибудь директор производства, если это окажется необходимым, будет работать как рядовой рабочий во время жатвы или на какой-нибудь другой полевой работе.

Каждый может по своему желанию заняться одним видом труда или сразу несколькими. Для этого разные виды работы чередуются через каждые два часа.

Сословие педагогов

Принадлежащим к этому сословию доверяется назначение на все требующие многолетнего обучения должности во всех трех отраслях деловой организации.

ИНДУСТРИАЛЬНАЯ АРМИЯ
ДЛЯ ВСЕХ РАБОТ СОЮЗА

Для этого у каждого Семейного союза имеется учебное заведение. Каждый округ имеет, кроме многих художественных и профессиональных школ, одно высшее учебное заведение, а десять округов, или каждый миллион людей — университет.

Профессора Великого семейного союза выбирают на каждом факультете президентов в Министерство.

Кроме того, каждый университет — собственно студенты его, достигшие высоких степеней учености, — выбирают из своей среды десять человек в Комитет ученых.

Комитет ученых, как и Сельскохозяйственный совет, как и Промышленный совет, действует непрерывно до следующих выборов.

Из состава Комитета ученых Сенат выбирает профессоров на важнейшие должности, которые должно замещать сословие педагогов. Таким же образом Сенат выбирает из состава Сельскохозяйственного совета нужных ему директоров или инспекторов по одному на миллион человек, и из Комитета ученых — директоров и бухгалтеров больших складов промышленности.

Каждый, принадлежащий к сословию педагогов, обязан практически изучить какую-нибудь специальность физического труда, которым он дополнит свое обязательное рабочее время, если исполнение его служебных обязанностей как специалиста не займет целиком его служебного времени.

Каждый без исключения может принимать участие в учебных занятиях, отвечающих его склонностям.

Занятия в университетах или высших школах аасчитываются как рабочее время только тем, кто учится отлично.

Все здоровые и крепкие люди обязаны отработать в ней три года. Продолжительность рабочего времени такая же, как и во всех других отраслях промышленности. Срок службы с 15 до 18 лет.

Входящие в состав Индустриальной армии избирают одного надзирателя над сотней людей; остальные должности, как, например, руководителя работ, требующие научных познаний, замещаются людьми из среды педагогов-специалистов.

Надзирателями можно выбирать только тех, кто остался в армии по окончании срока службы.

Вне часов работы к услугам членов Индустриальной армии всевозможные учебные заведения, что является для них стимулом к овладению любыми новыми профессиями или к совершенствованию в той специальности, которой они занимались еще до начала периода службы или в школьных учреждениях.

Не приобретший за три года пребывания на службе никаких подготовительных знаний в каком-либо деле, обязан еще некоторое время задержаться в армии, но зато он потом может быть избран надзирателем.

Армия распадается на подразделения, каждое из которых берет на себя особую работу.

Если в каком-нибудь подразделении обнаруживается недостаток работников-добровольцев, то вопрос о том, кого из своих членов полное подразделение должно передать в неполное, решается жеребьевкой.

Каждый член любого подразделения имеет право через каждые шесть месяцев требовать перевода в

СЕНАТ И МИНИСТЕРСТВО

другое. Имеется одно почетное подразделение, которое берет на себя все обременительные работы. Проработавший в нем год освобождается от работы на последние два года.

Рабочий получает право голоса или вступает з совершеннолетия по истечении обязательного срока службы.

До совершеннолетия все они обязаны при выполнении порученной работы строго подчиняться своим начальникам так, как прежде подчинялись своим родителям, а затем школьным учителям.

Организация Армии индустриального труда военизирована и состоит под непосредственным руководством Сената. Ее члены размещаются в местах своей работы в семьях, для чего в каждом доме имеются специальные комнаты.

Если работы рассчитаны на продолжительное время в перенаселенном месте, то Армия возводит для себя постройки легкого квартирного типа.

Армия обязана выполнять все работы, которые для нее *назначает Сенат*.

Работы, которыми преимущественно занимается Армия индустриального труда, это: разработки рудников, постройка железных дорог, плотин, проведение каналов, прокладывание улиц, возведение мостов, рубка лесов, осушение болот, обработка больших площадей бесплодных земель, транспортирование повозок и продуктов, уборка гаваней, улиц и зданий, равно как и колонизация отдаленных земель.

Когда молодежь окрепнет на такой работе, исчезнет бледнолицее и лихорадящее, болезненное поколение, от этой молодежи произойдет новая человеческая порода сильных духом и телом.

Сенат формируется при выборах Семейной организации и представляет собой высшую исполнительную власть в Великом семейном союзе.

Семейная организация определяет потребности всех, а деловая организация определяет средства для их удовлетворения.

Для облегчения управления Семейной организацией и равномерным удовлетворением потребностей всех, Сенат назначает на каждые десять Семейных кругов, т. е. приблизительно на один миллион человек — директора.

Директора должны извещать Сенат обо всем собранном в имениях, полученных их округом, и обо всех излишках после вычета потребностей округа, а затем представить точный отчет. То же самое они обязаны сделать и в отношении равного распределения готовых или сырых продуктов, которые им доставляются в соответствии с потребностями округа.

Списки, представленные всеми директорами, дают возможность Сенату получить точные сведения и рассчитать количество и характер потребностей всех членов Великого союза. После этого Сенат передает Министерству списки всех работ, предназначенных к исполнению. В Министерстве эти списки распределяются таким образом, что каждый принимает на себя руководство тем родом работ, в котором он является президентом: архитектор — строительство, столяр — мебель; один эконоом берет виноделие, другой — культуру злаков, химик — горное дело и т. д.

ОБЩИЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ

Затем президенты распределяют предназначенные к исполнению работы в соответствии с характером и количеством их между начальниками Семейных кругов, директорами производств и старшими офицерами Индустриальной армии. Каждое из этих лиц передает назначение своим избирателям и так далее до отдельных единиц.

Сенат руководит всеми работами через делегатов, выбранных для этого от каждой отрасли. Сенат заботится обо всем необходимом для благоденствия всех — о питании, жилище, одежде, об искусствах, науках, удобствах и наслаждениях, всех в одинаковой мере.

Новые выборы происходят через год или, в крайнем случае, один раз в три года в зависимости от протяженности области, где происходят выборы.

При каждых новых выборах переизбирается только треть Сената.

Вместе с окончанием срока службы трети Сената истекает также срок полномочий и трети Конгресса.

В Сенате вопросы решаются двумя третями голосов.

Если в Сенате не удастся собрать такое большинство, то вопрос решается в Конгрессе абсолютным большинством.

Если член Министерства избирается в Министерство во второй раз или более, то новый срок его службы всякий раз удваивается.

Женщины, какую бы работу они ни выполняли, пользуются в деловой организации правом избирать и быть избранными.

Каждая семья имеет просторную квартиру с полнейшей обстановкой и садом.

Забота о чистоте и порядке в ней—обязанность каждого члена семьи. Отец, или старший о семье, должен следить за выполнением этих обязанностей.

Дети могут оставаться в семье до шестилетнего; возраста, после чего переходят в школьные учреждения.

Семьи ведут общую кухню.

Повара ежедневно получают из складов Союза необходимые продукты; склады получают их ежемесячно из склада Семейного круга, а эти последние получают по указанию Сената ежегодный привоз продуктов, непроизводящихся, но необходимых в данном округе.

Уровень всеобщего благосостояния, результаты урожая, продукты, свойственные данному климату, равно как и вкусы населения, определяют выбор яств и изобилие стола.

Каждый Семейный круг, кроме небольших садов, принадлежащих одной семье и устроенных по ее собственному вкусу, имеет для всего Круга один большой общий сад, плоды из которого предназначаются на десерт для общего стола.

Все проезжающие пользуются равным правом гостеприимства в доме семьи, у которой его поселили. Если он задерживается, не имея никакого делового поручения к администрации Союза, он обязан принять участие в работе или представить свою коммерческую книжку для отметки в ней соответствующего числа рабочих часов.

Путешественнику предоставляются во время путешествий все возможные удобства. Едущие по делам, особенно по назначению администрации, имеют преимущественное право на получение места для поездки.

Планы всех новых сооружений, которые рассчитаны на удобство, красоту и экономию, исходят от Министерства и после одобрения Сенатом ведутся президентом всеобщего строительства и его избирателями.

Материал для одежды, как и материал для построек и мебели, также изготавливается и доставляется соответственно плану Министерства.

Покрой и формы определяет администрация Союза с привлечением директоров от каждого производства.

Рабочее время, которое устанавливает Союз для изготовления мебели и платья по этим формам, не должно превышать установленного Министерством и, в случае необходимости, должно выравниваться коммерческими часами.

Глава   седьмая

КОММЕРЧЕСКИЕ ЧАСЫ

Одно равное распределение труда и жизненных благ не в состоянии обеспечить человечеству длительное счастье. Строго отмеренное, однообразное равенство покажется ему пресным, как уставшему от путешествия, голодному страннику непосоленное блюдо, которого ему так долго хотелось прежде; теперь оно со дня на день кажется ему все безвкуснее, а под конец вызывает даже отвращение.

Живому уму человека нужен простор для развертывания его способностей, чтобы его не одолела скука.

Разумеется, даже самая строгая коммуна в состоянии предоставить человеческому разуму вне шестичасового рабочего времени удовлетворяющие его занятия или общественные празднества и удовольствия. Но существуют пылкие люди, которые чувствуют себя несчастными, если не могут действовать свободно по своей воле и охоте, часто просто для того, чтобы выделиться из среды других.

Одному вздумается не работать в какой-нибудь день. Другому может не понравиться костюм Союза или форма союзной мебели. Еще кому-нибудь придет в голову не пить или не есть того, что имеется в общем меню кухни. Еще кто-нибудь захочет иметь золотые часы с репетицией, но не без минутной стрелки, а вот этот желает иметь стенные часы, но обязательно такие, которые играют разные пьесы. В общем каждый может иметь свои особенные требования, свои особенные желания, и алчное око человека должно обозреть очень большое пространство прежде чем насытится его видом. И эти желания будут все множиться благодаря неустанной деятельности ума человека.

Но деятельности человеческого ума тем более необходим простор, что, как мы уверены, после 20 лет, мирно прожитых в коммуны, необходимое для полного благоденствия всех и их наслаждений жизнью ежедневное рабочее время легко можно будет снизить с пяти до трех часов.

Поэтому принцип общественного равенства должен быть тесно спаян с принципом личной свободы. Разумеется, наши уже известные теперь многочисленные потребности еще увеличатся в количестве, но этот рост не будет бременем для общества, а может стать

бременем только для тех, кто из ненужных потребностей делают привычку.

Правильное установление того, как далеко может простираться личная свобода в рамках общественного равенства еще долго будет давать материал для новых более совершенных законов, поколений, которые будут жить уже при коммунизме, пока человечество не приблизится к высшему идеалу земного совершенства, который мы теперь себе представить не можем, когда ни свобода, ни равенство не будут нуждаться в законах, созданных человеком, и когда любовь, чистосердечие и гармония станут второй натурой человека.

Следовательно, чтобы при введении коммунизма оставить возможно больший простор для развития различных склонностей людей, не ущемляя при этом прав остальных, каждому должно быть разрешено отрабатывать, кроме обязательного рабочего времени, добровольные рабочие, или коммерческие часы.

Эти коммерческие часы проводятся под наблюдением уже больше не работающих стариков. Каждый член общества имеет книжку, в которую вносятся все отработанные коммерческие часы.

Если в каком-нибудь предприятии количество рабочих превышает норму, то оно считается частично приостановленным, это значит, что в нем прекращается отрабатывание добровольных рабочих или коммерческих часов.

На предприятиях всегда должны оставаться свободные коммерческие часы для работ, срочно требующих рабочих.

Для рабочих Индустриальной армии ни в одном предприятии не могут быть закрыты коммерческие часы,

Для рабочих Индустриальной армии всегда должны предусматриваться коммерческие часы. Так как в этой работе может принять участие каждый без предварительной подготовки, а также потому, что Индустриальная армия распространена во всех предприятиях, приостановка производства никого не лишает права отрабатывать коммерческие часы.

Семейные союзы или Семейные круги могут устраивать фабрики или мастерские для производства различных предметов, не относящихся к числу необходимых, но соответствующих склонностям их членов. Изготовленные там предметы передаются в склады или выставочные залы Союза и здесь выдаются в обмен на коммерческие часы.

Выставочные залы для работ, произведенных в таких предприятиях, состоят под надзором стариков или таких членов Союза, которые не способны к другой работе.

Все предметы, изготовленные на этих предприятиях, оцениваются соответственно рабочему времени, затраченному на них.

Если расходование материала и сырья, идущих на производство этих предметов, является убыточным для всеобщих потребностей, то Сенат имеет право назначать за эти предметы больше коммерческих часов, чем было затрачено рабочего времени.

Рабочие, занятые в производстве коммерческих предметов, организованы так же, как и работающие в остальных предприятиях. Они в деловой организации выбирают вместе с рабочими другого подобного предприятия, работающими с тем же материалом, до тех пор, пока они недостаточно многочисленны, чтобы иметь право выбрать своего председателя.

Если какому-нибудь рабочему захочется, кроме своего национального костюма, иметь еще что-нибудь из одежды или что-либо другое, что не является необходимым, он дает свою книжку для того, чтобы из нее было перенесено в большую книгу выставочного зала столько из отработанных им коммерческих часов, сколько их засчитано за рабочее время, требующееся на изготовление выбранного им предмета. Таким образом, каждая доля рабочего времени, израсходованная на менее необходимый предмет, возвращается как полезное время его потребителя. Общество ничего не теряет при этом, а индивид-потребитель — выигрывает, потому что, выменивая свои коммерческие часы, он только оплачивает рабочих, но не должен, как теперь, откармливать ростовщика и лодыря.

Цены всех продуктов рассчитываются соответственно затрате рабочего времени.

Все работы производятся в оборудованных специально для этого помещениях под наблюдением выбранного на предприятии представителя, и подготовлены назначенным для этого администрацией счетоводом. Для небольших ручных работ, продолжительность которых уже известна, возможны исключения.

Все предметы, приобретенные за коммерческие часы, после смерти обладателя возвращаются в выставочные залы и могут быть вновь обменены на коммерческие часы.

Образовавшийся таким образом излишек коммерческих часов каждый год уравнивается общей приостановкой производства, которая длится до тех пор, пока не наберется равное этому излишку количество коммерческих часов в работах Индустриальной армии или Крестьянского сословия.

Когда работы Крестьянского сословия являются срочными, то приостановка производства всегда переносится на время уборки урожая. Эта мера должна содействовать поддержанию всеобщего равновесия и тому, чтобы обеспечить достаточным количеством рабочих необходимые и неотложные отрасли.

Из всех монет, и особенно золотых и серебряных, сделают сплавы, из которых будут изготавливаться предметы общего пользования. Книжки для вписывания коммерческих часов станут заменителями денег.

У спартанцев, чтобы воспрепятствовать накоплению крупных богатств, деньги представляли собой большие куски железа, которые предварительно охлаждались в уксе для того, чтобы сделать их непригодными к употреблению в других целях⁷⁹.

Объем этих кусков железа должен мешать накоплению их в большом количестве и таким образом препятствовать возникновению неравенства.

Со времени изобретения бумаги и книгопечатания человечество обрело более сильные средства помешать ростовщичеству и сохранить общественное равенство; только бы человечество поскорее воспользовалось этим.

Этой мерой — введением коммерческих часов открыт широкий путь всем излюбленным наклонностям человечества: даже потребление предметов роскоши скорее возрастет, чем уменьшится. Однако, чтобы воспрепятствовать вреду, который могут нанести нравам какие-нибудь отклонения от нормы, администрация имеет право увеличить или уменьшить количество коммерческих часов в зависимости от характера влияния на благоденствие общества.

Еще более действительное средство — это приостановка производства.

ПРИВИЛЕГИЯ ИЗОБРЕТАТЕЛЯ ИЛИ КОЛЛЕГИИ МАСТЕРОВ

Коллегии мастеров состоят из таких членов общества, которые сделали какие-нибудь полезные открытия или изобретения.

В деловой организации они имеют право голоса, равное с правом тех, кто избран более чем тысячью голосов.

В течение всего времени действия привилегии они не связаны определенной продолжительностью рабочего времени.

Они, как и все остальные, могут выработать коммерческие часы, но при этом по крайней мере треть таких часов должна быть отдана преподавательской деятельности в школах искусств и профессиональных школах.

Каждая отрасль должна иметь по возможности одну или несколько Коллегий мастеров, которые проверяют полезность открытий и изобретений, сделанных в соответствующей отрасли, и определяют продолжительность пользования привилегией изобретателем.

Результатом этой распространяемой обществом в обществе привилегии явится рост его знаний в области наук и промышленности и вместе с тем подъем благосостояния и счастья всех, потому что умножение и совершенствование знаний — это все оживляющая душа общества, без которой благоденствие для общества невозможно.

Условие этой привилегии — общая польза.

Те, которые уже дали обществу доказательства своих высоких качеств и полезности применения их духовных сил, могут оказать ему все больше ценных услуг; поэтому в интересах общества — предоставить им возможность свободно распоряжаться своим временем.

В силу своей естественной тяги к свободе человек стремится к возможно большей неограниченности ее, и это стремление становится стимулом самых смелых его действий и является выражением его духовных и физических сил.

Однако всякая примитивная сила может быть и полезной, и вредной для общества в зависимости от того, дано ли ей хорошее или дурное направление.

В неправильно построенной машине приводящая ее в действие грубая сила в паровом котле может стать опасной для всех работающих при ней.

Так же в плохо организованном обществе действует и необузданное стремление человека к свободе.

В наших плохо организованных обществах богатые и сильные наслаждаются поистине необузданной свободой в ущерб рабочим.

Для них почти не существует закона. Преступлениям, которые они совершают, они дали совершенно новые имена и по законам, которые они написали, эти преступления с новыми именами или вовсе не наказуемы, или ликвидируются после уплаты в виде штрафа незначительной суммы. Но для них это, собственно говоря, никакой не штраф, так как они ловко умеют переложить его тем или иным способом на рабочего.

Неужели вы, богатые и могущественные, так презирающие простого воришку, думаете, что народ смот-

рит на высокопоставленных воров с меньшим презрением?

Все ваше добро, которым вы так гордитесь, разве вы или ваши предки не украли тем или иным образом? Контрибуции и налоги, которые вы на нас налагаете, проценты, от которых разбухают ваши капиталы, банкротства, которые вы устраиваете, ложные и дорогостоящие процессы, которые вы нам навязываете,— разве это не жульничество? А рабочие, которых вы в ваших затхлых фабриках и мастерских доводите до преждевременной старости, разве это не жертвы убийства, совершаемого вами по отношению к обществу? Ваши тюрьмы, эшафоты, войска — разве не убийство они проповедают?

Презренные вору — те, кто убивают слабого.

Теперь, чем больше власти или денег кто-нибудь имеет, тем больше он свободен и независим. Чтобы овладеть ими и получить через них наибольшую независимость, люди охотятся на различных кривых дорожках, как торговля и биржевые спекуляции, ростовщичество, продажность, мошенничество и т. п.

В хорошо организованном обществе эти кривые пути для нарушающих права других и равенство всех в обществе закрыты и только на тропе талантов всем предоставляется полная свобода отпустить поводья своей страсти и независимости.

Сегодня тот, кто богат и могуществен, не имеет необходимости посвящать свои силы открытиям: его деньги принесут ему порочными путями гораздо больше. Да и бедняк, сделавший изобретение или открытие, вынужден из-за отсутствия средств, необходимых для его выполнения, войти в соглашение с денежным человеком, а тот, не принимая никакого

участия в изобретении или открытии, за исключением того, что дает займы нужные деньги, выговаривает себе большую часть вырученного за открытие.

С другой стороны, у бедняка нет средств, чтобы усовершенствовать свои познания в той области, которая его больше всего влечет; даже если он работает в приятной для него отрасли, его духовные силы не всегда целиком сосредоточены на самой работе из-за заботы о хлебе насущном, из-за лишений и бедности; на его долю с трудом выпадает несколько дней отдыха в году.

Совсем по-иному все это происходит при коммунизме. Здесь все получают одинаковое образование и равные свободу и средства, чтобы избрать себе занятие по желанию и потом совершенствоваться в нем, потому что общество предоставляет все, чтобы удерживать всегда в действии горячее стремление к прогрессу.

Вот для этого и нужна привилегия изобретателю или выражение особого доверия общества к индивиду: предоставление ему за добровольно оказанные обществу полезные услуги права свободного распоряжения своим рабочим временем.

Цель свободного выбора между трудом и праздностью, которую выражает привилегия изобретателю,— не баловство, а предоставление привилегированному простору для создания продуктов его пытливого ума. Если во время пользования своей привилегией он произвел что-нибудь новое в том же роде, ему предоставляется вторая привилегия, если же нет, то по истечении срока первой он снова приступает к работе в избранной области.

СУД И ИСПРАВИТЕЛЬНЫЕ
УЧРЕЖДЕНИЯ

Должность судьи предоставляется старикам, известным безупречной жизнью.

При выборах 30 человек в каждом Семейном круге предназначаются в судебную комиссию. Из их числа жалобщик и ответчик выбирают по шесть человек. Кроме того, каждый из них имеет право устранить трех человек, выбранных противником. Остальные шесть решают вопрос о виновности и невиновности ответчика.

Старшие офицеры Индустриальной армии, родители, а также учителя воспитательных учреждений исполняют обязанности судей в делах вверенной им и не достигшей совершеннолетия молодежи.

Наказания состоят в полном или частичном исключении из рабочих или семейных кружков, затронутых совершенным преступлением. Затем они могут выражаться в полном или частичном исключении из общественных празднеств или увеселений, в вычеркивании из коммерческой книжки, в назначении постных дней, в лишении мясного блюда и горячительных напитков и, наконец, в отдале в исправительные учреждения, либо в отправке в рудники или колонии.

В Индустриальной армии имеется искупительное отделение. При желании каждый может искупить работой в нем свою вину.

МАТЕРИАЛЬНЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА
КОММУНИЗМА

Достижимая при нем экономия настолько велика, что граничит с чудом. Возьмем для примера необходимость непосредственно после введения коммунизма строительства новых зданий. Оно должно вестись таким образом, чтобы в будущем не было ни больших городов, ни жалких деревень.

Члены каждого Семейного союза живут в пяти коммунальных зданиях, которые расположены в форме пятиугольников. Внутри пятиугольника расположено союзное здание. В нем находятся квартиры и рабочие комнаты работников управления, воспитательное учреждение, склады для запасов, здание почты и транспорта и помещения для расквартирования путешественников и Индустриальной армии, народный зал с трибуной для ораторов, театр, обсерватория и телеграф. Вблизи находится коммунальный сад Союза.

Коммунальные здания — это жилые квартиры всех остальных членов Семейного союза. Поэтому каждое из зданий имеет народный зал, зал для балов и столовый зал, библиотеку, телеграф, школы искусств и профессиональные школы, склады и выставочные залы. Внутренность этих зданий должна являть удобство, красоту и экономию. Для этого внутренние переходы должны иметь стеклянные крыши, защищающие от дождя и ветра, и фрамуги для вентиляции и охлаждения в летнюю пору. Они должны быть построены по такой системе, чтобы внутренние комнаты обогревались отоплением до одинаковой температуры, а также, чтобы никакая транспортировка товаров не ме-

шала внутреннему сообщению. Коммунальные дома связаны с союзными зданиями железными дорогами, так что если бы коммунальные дома находились на расстоянии пяти часов езды от дома Союза, то в течение получаса весь Союз мог бы быть собран в одном месте.

Мы часто встречаем теперь крестьян, несущих в руках свою обувь, чтобы не изорвать ее во время длинного пути, а подмастерье тащит на себе по всему свету свой узел, как улитка раковину. А ведь нет недостатка ни в лошадях, ни в повозках, ни в обуви.

Такие самоистязания станут больше не нужны. Земледельцев будут доставлять в повозках к месту работы и отвозить домой. Во время работы они смогут укрываться от дождя и солнцепека под переносными навесами. Вместо 300 очагов, необходимых теперь для изготовления пищи примерно на 1600 человек, будет достаточно и трех. Такая же экономия окажется в отоплении и при работах, требующих огня. Стало быть, мы теперь расходует топлива в девять раз больше, чем потребуется в коммуне после возведения новых строений.

Вместо 100 -молочниц, теряющих ежедневно 100 раз по полчаса, будет достаточно одной с возом. Тот же ненужный тяжелый труд и та же ненужная потеря времени выпадает на долю многих деревенских жителей, отправляющихся в базарные дни в город с тяжелой кладью на спине, как и множество торговцев мелочью, которые в течение всего дня не выпускают из рук «весов провосудия». Десятая часть их могла бы с меньшей затратой труда оказать те же услуги обществу, не подвергая его опасности обмана и фальсификации.

Нехватка какого-нибудь продукта в одной области, когда этот продукт имеется в другом месте с излишком, отошла бы в область воспоминаний.

Почему бы живущему в той области, где произрастает только картофель, не выпить стакана вина, а крестьянину-виноградарю не съесть кусок мяса? Пространство, которое, может быть, отделяет их друг от друга, будет сокращено в десять раз железными дорогами и паровозами. Каждый плод будут выращивать только в том климате, где этот плод лучше всего родится. Там, где злаки продуктивнее, не будут сажать картофеля, репы, или сеять табак, а в местности, где хорошо родится виноград — никаких злаков.

Не будет также необходимости в том, чтобы превращать пашни в луга, а луга в пашни. В областях с прекрасными пастбищами не следует сокращать скотоводства ради удовольствия тех жителей, которые желают иметь поле для необходимых им сельскохозяйственных продуктов. Примите еще во внимание экономии в лошадях, которая явится следствием уничтожения частной собственности и постоянного войска, но еще больше вследствие широкого тогда распространения железных дорог; затем — уничтожение всех границ, оград, каменных заборов и рвов, участие всех в земледельческих работах, радостное настроение, бодрость и силу, с которыми все идут на работу, и еще любовь, которую каждый питает к другому, потому что больше не нужно заботиться о самом себе! Пугающая забота и ядовитая зависть к имущему не найдут больше пищи в сердцах людей. И в самом деле, чье же благосостояние может вызвать большую зависть, чем их собственное? И о чем заботиться, как не о том, чем озабочены все остальные? Это больше

уже не сегодняшние рабы: ежедневный труд не изнуряет их, а здоровая и обильная пища восстанавливает силы, истраченные на работе. Эти и другие преимущества настолько очевидны, что можно предполагать, что уже на пятом году существования коммунизма произойдет увеличение продукции в три раза.

Но так как наши лишения происходят не от недостаточного производства продуктов первой необходимости, а от неравного распределения их, то тройное количество теперешней продукции после введения коммунизма гарантирует нам огромное изобилие. Там же, где имеется изобилие, нет необходимости урезывать себя, и общество должно будет ради общего благоденствия и чтобы не лишать людей радостей трапезы, о б ъ я в и т ь неумеренность преступлением.

В первые две недели после введения коммунизма неумеренность, конечно, произведет немалые опустошения в наших запасах. Но когда изголодавшееся поколение наестся досыта, это прекратится само собой. Человек жадничает только тогда, когда ему мешают получить то, чего ему хочется.

Давайте ему каждый день надлежащее питание, и его неумеренность станет уменьшаться в такой же степени, в какой она в нашем теперешнем испорченном обществе возрастает под влиянием голода.

Только исключительные обстоятельства, которые могут возникнуть в первые годы коммунизма и причиной которых явятся наши враги, могут оправдать такую меру, как точный расчет потребностей; например, война с нашими врагами может потребовать общего распоряжения на этот счет, или когда все наши склады сожжены, либо разграблены. В таких случаях мы должны принести самые большие жертвы; тогда

члены Союза должны будут делиться между собой тем, что останется после удовлетворения потребностей армии, потому что наши бойцы не должны терпеть лишений. Если остальным тогда придется терпеть нужду, то они будут терпеть ее со всеми вместе, а ведь все, что мы переносим вместе, никогда не кажется таким тяжким. При этом мы по крайней мере не ощущаем горечи от того, что видим, как у других жир течет по бороде и шкафы набиты дюжинами костюмов, в то время как мы голодаем и мерзнем.

И если в каком-нибудь округе с одним миллионом жителей двести тысяч выступят с оружием в руках в защиту равенства, то остальные с радостью прибавят на время войны к своим установленным для всех шести часам работы еще три часа, чтобы не пропало ни одного часа для выпуска 'необходимой' продукции.

Но тогда эти люди, несмотря на необычайные моральные и физические жертвы, будут гораздо счастливее, чем большинство людей при нашей нынешней цивилизации.

Из этих доводов в пользу возможности и необходимости коммунизма вытекают также величайшие преимущества во время войны. Никакая другая конституция не в состоянии так напрячь свои силы и принести столько жертв, как эта. Маленький клочок земли с тремя-четырьмя миллионами жителей мог бы в случае крайней нужды принять бой со всеми врагами народов Европы и уйти с поля брани только победителем, потому что вместе с каждым шагом, с которым враг продвигается вперед, удваивается отвага и сила натиска борца, а с каждым шагом, который делает враг по пути отступления, освобождаются братья обороняющегося и возрастает его боевая мощь.

Когда эти идеи осуществляются, каждый будет встречать только братьев и сестер и не встретит ни одного врага. Третье поколение людей, живущих при коммунистическом строе, будет говорить на одном языке, и все они будут равны по уровню своей морали и высокой образованности.

Ремесленник и крестьянин будут вместе с тем и учеными, а ученый будет ремесленником и крестьянином.

Люди будут знать не только одно то место, где они родились, но объездят все страны света и везде будут чувствовать себя на родине.

Первое поколение введет в своих учебных заведениях наряду с изучением языка своего народа также изучение в качестве всемирного языка одного из уже известных мертвых языков, или одного из тех языков, который оно само создаст. Второе поколение введет этот всемирный язык во всех учреждениях и Семейных союзах, а третье поколение окончательно выведет до полного исчезновения все национальные языки благодаря тому, что будет принимать в воспитательные учреждения детей с самого их рождения. И будет тогда один пастух и одно стадо.

То, что теперь кажется из-за предрассудков трудным, будет для второго поколения в коммунистическом строе легким, а третье потребует этого как необходимое.

Прививке оспы, когда ее только стали вводить, большинство родителей сопротивлялись из страха, что она принесет вред их детям и относились к ней с недоверием. Теперь же они также отнеслись бы к

запрещению прививок, как тогда к введению их. Представьте себе человека, который изобрел порох в царствование императора Августа⁸⁰, открыл магнитную стрелку и путем многолетних испытаний изучил их действие. Он, вероятно, обратился бы к министру Августа со следующими словами: «Этой безделицей я могу изменить военное искусство Александра⁸¹ и Цезаря⁸². Я могу взорвать на воздух крепости, могу, находясь в отдалении, на расстоянии часа ходьбы, разнести целые города на мелкие куски, могу превратить город Рим в груды развалин, могу уничтожить ваши легионы на расстоянии трех тысяч шагов, могу сделать слабейшего солдата равным сильнейшему, а молнию носить в своем брючном кармане. Наконец, я могу в темноте с помощью маленького инструмента, находящегося в этой коробочке, сопротивляться шторам и скалам, могу вести судно ночью так же уверенно, как и при дневном свете и, не видя ни земли, ни неба, направлять корабль по странам света».

После такой речи высокие лица тогдашнего Рима как Меценат⁸³ и Агрппа⁸⁴ сочли бы изобретателя фантазером, а ведь он не обещал ничего, кроме вполне возможных явлений, которые в наше время известны даже детям.

Каждое новое открытие, каждая глубоко продуманная истина встречаются теперь с теми же трудностями и с тем же противодействием, потому что им противостоит множество личных интересов и предрассудков; но в конце концов они все-таки пробьются сквозь тьму, потому что они порождение света. Докапывайтесь же мужественно до источника, скрывающего драгоценный ручей, из которого грядущие поколения будут утолять свою жажду.

Когда вы одержите первую победу и разобьете истлевшие пути властолюбия, тирании и корыстолюбия, будьте внимательны при выборе вашей новой конституции. Это не подновленная старая столбовая дорога, выбоины которой засыпаны песком и щебнем и по которой передвигаются верхом на лошади, пешком или в коляске.

Там колесо соскальзывает с каменистых мест на гладкую дорогу пешеходов. Тогда пешеходы вынуждены отойти на неровную каменистую дорогу, если не хотят завязнуть в развороченной повозками грязи.

Коммунизм — это спасительный путь человечества. Он делает землю подобной раю, превращая обязанности в права и с корнем вырывая из жизни множество преступлений. Ненавистные слова: грабеж, убийство, скупость, воровство, нищенство и много подобных им станут устаревшими в языках наций и только в книге всемирной истории будет разьясняться их печальное значение, перед которым в ужасе отшатнется род человеческий.

Но какую надежду мы имеем на введение коммунизма и сможем ли мы этого достигнуть?

— Мудростью, отвагой и любовью к ближнему.

Будьте мудры, как змии, и нежны, как голуби, и не страшитесь тех, которые убивают тело.

Любовь к ближнему доставит нам целые армии людей с крепкими руками.

Мудрость выбивает оружие из рук наших врагов, а отвага использует каждую возможность победить врага его же оружием. Кто имеет мужество отказаться платить подати своим угнетателям и вышвырнуть из дома полицейских холопов и жандармов, творит столь же славное дело, как и тот, который уничтожит тира-

на, но тот, кто ради сохранения своей жизни, за деньги тиранов, пропитанные кровью и слезами, строит тюрьмы для собратьев, спокойно сложив руки взирает, как душитель рыщет за добычей и равнодушно смотрит, как он уволакивает свою жертву, — тот презреннее, чем полицейский наемник и более жалок, чем несчастный раб. Имена этих трусов должны исчезнуть из человеческой памяти, потому что они недостойны, чтобы их дети чтили их память.

Наши враги всегда превосходили нас в ловкости и хитрости. И при всем нашем мужестве нам не хватало в достаточной мере этого оружия для того, чтобы их одолеть, но уж любви к ближнему у них и следа нет. Их армия пополняется принудительно, и их люди охотно были бы в наших рядах.

Докажите ваше мужество и вашу решимость устоять в борьбе за свои убеждения. Начертайте на своих знаменах: «Мы больше не хотим ни бедности, ни угнетения!» Сами выбирайте ваших руководителей, не обращая внимания на богатых и могущественных. Пусть ваш генерал не имеет большего права на пользование жизненными благами, чем самый молодой доброволец. Пусть перед лицом врага он будет вашим отцом, а за столом — вашим братом. Подумайте о том, что своей свободой Швейцария обязана крестьянину⁸⁵. Смерть требует жертвы от всех, и лучше бросить свою молодую жизнь на железную чашу ее весов за освобождение человечества, чем самому отдать ее своими руками за корку хлеба в лапы ростовщика и надменного задир, которые питаются мозгом его костей, а высосав его, равнодушно швыряют бедняка на улицу, нисколько не интересуясь дальнейшим его жалким, нищенским существованием.

Святы, трижды да будут святы для современников и потомков имена первых мучеников, которые под знаменем братской любви к ближнему напоили своей кровью землю родины и запечатлели своей смертью свою непоколебимую веру!

На площади, где шла борьба, освобожденное человечество должно воздвигнуть из сплава памятников и пушек тиранов пьедестал, и на этом пьедестале пирамида из расплавленного Маммоны должна передать изумленному миру потомков имена этих покорителей Маммоны и грубейшего насилия.

И еще трижды святы имена тех, кто до конца выстоял в борьбе! Такой же памятник в прекраснейшем месте земли должен возвещать грядущим поколениям их славу.

Это будут святыни человечества.

Отовсюду, со всей земли люди будут стекаться, чтобы увидеть эти святыни и подтвердить у их подножья союз единства.

Пусть же мудрость будет вашим вождем, мужество — вашим щитом и оружием, а любовь к ближнему — вашим лозунгом, потому что этим вы победите.

Спартанцы жили в общности имущества 500 лет.

У них не было недостатка ни в мудрости, ни в мужестве, но не было любви к ближнему. Они не работали, а принуждали работать за себя пленных, взятых в войне, распределив их между собой. Они не знали изречения «Кто не работает, тот не должен есть» и поэтому их строй пал».

В XVI веке политический горизонт Германии был чреват многими важными событиями⁸⁷. Томас Мюнцер⁸⁸, евангелический проповедник в Саксонии, проповедовал общность имущества, изгнал из городов бо-

гачей и приобрел много приверженцев. Но ему не хватало мужества. Когда на него двинулись войска его врагов, он обратил внимание 30 тысяч человек, которые были в его лагере, на радугу на небе, возвестил им о покровительстве ангелов и запретил сражаться. Они были перебиты почти без сопротивления.

Портной Ян Лейденский⁸⁹ в то же самое время в Мюнстере, в Вестфалии, также ввел общность имущества, изгнал богачей из города и велел объявить себя королем всего земного шара. Попав после осады Мюнстера вследствие предательства в руки своих врагов, он погиб ужаснейшей смертью, но не была смерть мученика, потому что он своим тщеславием осквернил чистое учение.

Эти примеры, однако, показывают, какими электрическими чарами уже в то время обладало для масс учение о коммунизме, несмотря на несовершенство, с каким оно проповедовалось.

В том же столетии в Швабии, Франконии и Австрии⁹⁰ огромные толпы крестьян, подстрекаемые тщеславными священниками и зная, в ярости бушевали против тиранов, сжигая монастыри, замки и крепости. И в это же самое время в Саксонии один священник⁹¹ с большим жаром выступал против злоупотреблений и узурпации пап и священников; сам же не только смотрел сквозь пальцы на тиранию знатных, но и подбодрял и поддерживал их. Он дал князьям совет перебить восставших крестьян, как скот. И все же, те десять статей⁹², за которые они боролись, содержали справедливость и права, против которых по сей день никто не будет спорить. Крестьянская война была подавлена правителями, но реформация прошла под их защитой, и единство Германии к их выгоде ускольз-

нуло. Если бы реформация и крестьянская война шли рука об руку и оставались исключительно народным делом, мы тогда сразу избавились бы от тирании священников и знати, и народ не должен был бы скорбеть о всех слезах и крови, которые проливались с того времени. Как долго еще будут они скорбеть? В какой местности страны раньше всего начнут развеваться знамена немецких мстителей?.. Все сердца нетерпеливо бьются навстречу грядущим событиям. .

Реформация, как теплый луч света пронизала темный мир. Народ, с трудом начинавший приходить в себя после тьмы, робко озирался в поисках входа в рай, но наткнулся только на окровавленные мечи и короны, отблеск которых больно резал его глаза.

Ресницы его смежались в новом сне, подобном прежнему, и в его душе, где все же сохранилась надежда, оставался слабый луч Евангелия. С тех пор в ряды сонных людей от времени до времени пробираются, подсылаемые то своими, то чужими тиранами раздоры и расталкивают свои жертвы, которые они поведут на бойню. Бедный, обманутый, но добродушный народ... Продолжай спать, тюка звуки труб и гул набатов не призвут тебя на страшный суд. Тогда отшвырни их прочь, мужей Виттенберга и Рима⁹³, которые выставляют на посмешище трону и денежным мешкам твою наготу.

Тогда единство развернет в твоём родном краю знамя любви к ближнему и твои юноши полетят с ним во все концы земли, и весь мир превратится в сад, а человечество — в единую семью

КОММЕНТАРИИ

В. В. Альтман

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВИЛЬГЕЛЬМА ВЕЙТЛИНГА

Вильгельм (точнее Христиан-Вильгельм) Вейтлинг родился 5 октября 1808 г. в Магдебурге в ту пору, когда этот старинный немецкий город оказался в составе созданного Наполеоном Вестфальского королевства. Отец ребенка Гийом Терижон, молодой артиллерийский офицер войск маршала Нея, погибший впоследствии во время похода в Россию, не состояя в официальном браке с матерью Вейтлинга, Христиной. Поэтому «незаконнорожденному» была дана фамилия одного из восприемников при крещении, каменщика-подмастерья.

Трудное детство сына служанки прошло в нужде и лишениях. Мальчик был вынужден нередко пропускать занятия в городском училище, так как одновременно находился в ученьи у дамского портного, у которого жил и столовался. Он был очень прилежным и вместе с тем живым и общительным, много читал, беря книги в местной библиотеке. Увлекаясь близкими его детским интересам рассказами о разбойниках, «Робинзоном Крузо» и т. п., он вместе с тем отличался хорошим знанием Библии, причем питал

особенное пристрастие к книге Маккавеев, описывавшей восстание в Иерусалиме. С детства Вейтлинг одинаково хорошо знал немецкий и французский языки, уже взрослым изучил английский и занимался латинским и итальянским языками.

Училище он окончил в 1822 г. и, разумеется, не мог попасть ни в гимназию, ни еще меньше в университет.

В девятнадцатилетнем возрасте Вейтлинг, чтобы избежать солдатчины, покинул Магдебург, расположенный на территории его «прусской родины», и отправился в Гамбург, являвшийся вольным городом. В Гамбурге Вейтлинг полгода работал дамским портным и выправил себе в цехе дорожную книжку подмастерья.

Период жизни Вейтлинга до 1835 г., т. е. до его первого приезда в Париж, очень мало изучен. Известно, что в 1830 г. он появился в Лейпциге. Здесь он принял участие в стихийном возмущении против городских верхов, неорганизованность которого впоследствии сам высмеял; написал в это время несколько небольших сатирических стихотворений, одно из них было использовано для плаката во время революционной демонстрации (оно было потом напечатано в нескольких лейпцигских газетах). Вейтлинг делал попытки сотрудничать в «Лейпцигер тагеблатт», но редакция неизменно отклоняла его статьи, носившие для этой газеты чересчур радикальный характер.

В конце 1832 г. Вейтлинг перебрался в Дрезден, а в 1834 г.— в Вену.

¹ См. «Гарантии гармонии и свободы», в настоящем издании стр. 427—430.

Этим, собственно говоря, и исчерпываются сколько-нибудь достоверные факты из биографии Вейтлинга до того времени, когда он, примкнув в Париже к рабочей организации, становится автором произведений, послуживших заметной вехой в истории социализма.

Первоначальное пребывание Вейтлинга в Париже было непродолжительным — с октября 1835 г. до апреля 1836 г., когда он возвратился в Германию и в Вену. Однако, опять направившись во Францию в сентябре 1837 г., он пробыл там уже до апреля 1839 г., а с перерывами — до мая 1841 г., живя преимущественно в Париже. Для Вейтлинга это были годы ученья в школе французского утопического социализма.

Из Германии он привез дававшие большую пищу для размышлений яркие впечатления о движении, явившемся откликом на июльскую революцию 1830 г. Вейтлинг, надо думать, знал о рабочих — разрушителях машин в Ахене, Лейпциге и Эйпене, знал о выступлениях его коллег портняжных подмастерьев, устроивших демонстрацию под окнами прусского короля. Знал он и о демонстрациях геттингенских студентов и о крестьянских выступлениях в разных районах Германии. В «Гарантиях гармонии и свободы» он упоминает и гамбахское празднество, буржуазно-демократическую массовую демонстрацию в 1832 г. Известна была ему и неудачная попытка провозглашения в 1833 г. всегерманской республики путем заговорщического восстания во Франкфурте. Деятельность пастора Вейдига и студента Георга Бюхнера, руководивших гессенскими республиканцами в начале 30-х годов, несомненно, вызывала сочувствие Вейтлинга.

Конечно, Вейтлинг еще во время своего первого пребывания в Париже успел познакомиться с основными течениями французской социально-политической мысли. В частности, он с удовлетворением вспоминал «начавший выходить ежемесячно и выходивший до 1835 г. в Париже замечательный журнал «Der Geachtete» («Изгнанник»), издававшийся на деньги примерно двухсот немецких рабочих»². Оказавшись вновь на французской почве непосредственно у источника многих волновавших его идей, Вейтлинг мог основательно разобраться в своих мыслях и переживаниях.

Немецкий ремесленник-эмигрант, каких в Париже было немало, Вейтлинг принадлежал к числу тех из них, кто чутко и серьезно воспринимал происходившее вокруг него в стране, наиболее революционной в тогдашней Европе. «Тоска по единомышленникам погнала меня в Париж», — писал он впоследствии. Он попал в Париж в само; благоприятное для идейного развития время. Последние годы июльской монархии был отмечены большим подъемом коммунистической пропаганды. Когда Вейтлинг приехал в Париж в 1837 г., взгляды только что скончавшегося Шарля Фурье занимали всеобщее внимание и являлись предметом горячих дискуссий³. Этьен Кабе выступил в эти годы со своими первыми работами, пропагандировавшими идеи коммунизма. Широко распространившееся уче-

² См. предисловие В. Вейтлинга к 3-му изданию «Гарантий гармонии и свободы» (1849), перепечатанное в немецком издании 1955 г., стр. 290.

³ Впрочем, в вышедшей в 1838 г. брошюре «Человечество, как оно есть и каким оно должно было бы быть» Вейтлинг скромно относит себя к тем, кто не имел возможности изучить систему Фурье. См. в настоящем издании стр. 463.

ние Бабефа привлекало все больше и больше сторонников. За несколько лет перед тем учениками Сен-Симона было издано «Изложение учения Сен-Симона». Среди немецких рабочих Парижа в это время был очень распространен перевод вышедшей в 1834 г. книги христианского социалиста Ламенне «Слова верующего». Добавим, что в 1837 г. Францию посетил Роберт Оуэн.

Наряду с коммунистической и фурьеристской литературой не могли, конечно, остаться без влияния на формирование мировоззрения Вейтлинга и факты революционной борьбы во Франции 1830-х годов. Не говоря уже о июльской революции 1830 г. во Франции и революционном движении в Германии, в котором определенное участие принял сам Вейтлинг, здесь прежде всего должны быть упомянуты оба восстания лионских рабочих в 1831 и 1834 гг. и республиканские восстания в Париже в июне 1832 г. и в апреле 1834 г. К числу руководителей парижского восстания 1832 г. принадлежали и члены «Общества друзей народа» — буржуазно-демократической республиканской организации, сформировавшейся в дни июльской революции. На смену «Обществу друзей народа», распавшемуся в результате подавления революции 1832 г., образовалось «Общество прав человека», провозгласившее своей программой яacobинскую «Декларацию прав человека и гражданина» и стремившееся вовлечь рабочих в сферу своего влияния. Оно, однако, также было разгромлено вслед за подавлением восстаний 1834 г.

Не без влияния и не без учета опыта этих организаций постепенно объединялись наиболее активные из эмигрировавших во Францию немецких ремесленни-

ков, которые сотнями тысяч покидали родину в поисках работы. Еще в 1832 г. во французской столице образовался первый союз немецких рабочих — «Немецкий народный союз», организация республиканско-демократического направления. Но его пропагандистская деятельность не выходила за пределы ограниченного круга эмигрантов. В 1834 г. на его основе был создан «Союз гонимых». В числе нескольких сот его членов были уже не только политические эмигранты, но и много рядовых ремесленников, начавших пробуждаться к политической жизни. «Союз гонимых» строился по типу французского «Общества прав человека», руководившего восстанием в Париже в апреле 1834 г.

«Союз гонимых» был строго законспирированной организацией, с иерархической структурой и диктаторской властью руководящего центра. Последнее обстоятельство вызывало недовольство со стороны глубоко чтивших во всем демократизм пролетарских элементов и было одной из причин происшедшего вскоре раскола «Союза гонимых». Основная же причина раскола состояла в разногласиях между пролетарскими и мелкобуржуазными элементами организации.

В 1836 г. наиболее революционно настроенные члены «Союза гонимых», преимущественно рабочие, образовали новое тайное общество «Союз справедливых». По оценке Ф. Энгельса, «Союз справедливых» вначале был «немецким отпрыском того примыкавшего к бабуинским традициям французского рабочего коммунизма, который складывался тогда в Париже...»⁴.

⁴ Ф. Энгельс. К истории Союза коммунистов. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 215.

Определенное влияние на эту немецкую социалистическую организацию и, разумеется, на Вейтлинга, оказало и сформировавшееся несколько позже, в 1837 г., тайное революционное общество «Времена года», одним из наиболее значительных руководителей которого был О. Бланки. К «Союзу справедливых» принадлежали Карл Шаппер и Генрих Бауэр, ставшие впоследствии активными деятелями «Союза коммунистов». Вильгельм Вейтлинг также состоял членом «Союза гонимых», где активно участвовал в борьбе против мелкобуржуазного крыла организации⁵. Естественно, что именно Вейтлингу, который был уже известен своими коммунистическими взглядами и который энергично выступал с горячей пропагандой идеи коммунизма, и поручил в 1838 г. «Союз справедливых» составление программного документа организации.

Этим документом явилась воспроизводимая в настоящем издании брошюра Вейтлинга «Человечество, как оно есть и каким оно должно было бы быть».

Готовя эту брошюру, Вейтлинг не оставлял работы по своей специальности. Чтобы получить необходимые для существования средства, ему приходилось работать по 12—14 часов и даже половину воскресного дня. В то же время он усиленно изучал социалистическую литературу и занимался пропагандой среди рабочих. Интересно, что он ввел в практику чтение вслух в мастерских во время работы, и рабочие вскладчину нанимали чтеца. Здесь читались: издававшийся Лапоннере и Лаотьером журнал с коммунистической

⁵ См. А. М. Бобков. К истории раскола Союза отверженных в 1836—1837 годах. «Новая и новейшая история», 1959, № 5.

окраской «Энтелижанс», открыто примыкавший к коммунистическим традициям XVIII в. «Эгалитер» Теодора Дезами, «Трибюн дю пёплъ» Жан-Жака Пийо, «Журналь дю пёплъ» и другие периодические издания >и книги коммунистического и социалистического характера или просто передового направления. У него хватало энергии и сил еще и на организацию кооперативной столовой, где портные получали дважды в день сытную пищу за дешевую плату. Одновременно он переводил на немецкий язык «Le livre du peuple» («Книгу народа») Ламенне и успел написать более десятка песен для рабочего песенника «Volksklange».

Таким образом, та «тоска по единомышленникам», которая привела Вейтлинга в Париж, где он, по его же словам, «только и стал настоящим коммунистом», была выражением огромной потребности к активной деятельности. В единомышленниках же недостатка здесь не было. Действительно, без широкой поддержки товарищей первое произведение Вейтлинга «Человечество, как оно есть и каким оно должно было бы быть» не увидело бы света, да еще в довольно значительном тираже — 2 тыс. экземпляров. Немецкие эмигранты отдавали последние гроши, некоторые складывали свои вещи, чтобы добыть необходимые средства, другие сами выполняли типографские работы по этому нелегальному изданию, предоставляли свою комнату для набора и печатания, многие участвовали затем в распространении его. Странствующие ремесленники доставили брошюру в разные города Франции, в Германию, Швейцарию, в скандинавские страны; через год она была издана в венгерском переводе, а в 1845 г. радикальный издатель Иенни выпустил в Берне ее второе издание.

До сих пор считалось, что некоторое количество экземпляров брошюры «Человечество» первым доставил в Германию (во Франкфурт-на-Майне) фрейбургский сапожный подмастерье, член «Союза справедливых», Генрих Якоби на троицу, т. е. в июне 1839 г.

Теперь, однако, выясняется, что, может быть, раньше, чем Якоби, сам Вейтлинг 21 апреля направился в Германию с грузом своей брошюры за плечами. Из документа Германского Центрального архива, публикуемого среди прочих в статье проф. К. Обермана⁶, видно, что 18 мая 1839 г. французский посол в Берлине граф де Брессон сообщил прусскому министру иностранных дел барону фон Вертеру, что Вейтлинг 21 апреля отправился пешком в Страсбург и оттуда, очевидно, собирается пройти в Рейнскую провинцию, чтобы распространять там революционные сочинения, которые несет с собой в большом количестве. Точное установление дня и главным образом месяца, когда Вейтлинг покинул Париж, дает возможность устранить распространенное мнение, будто Вейтлинг сделал это после неудачи восстания 12 мая 1839 г.

Новые данные о времени ухода Вейтлинга из Парижа снимают законно возникавший вопрос, почему участие Вейтлинга в майском восстании прошло совершенно незамеченным: его в это время просто уже не было в Париже.

Очевидно, пропагандисту по натуре, Вейтлингу не терпелось поскорее распространить свою брошюру

⁶ Печатается в сборнике «История социалистических учений», издаваемом Академией наук СССР.

среди немецких читателей. О подготовке же предстоявшего восстания при крайней конспирации в деятельности подготовлявшего его бланкистского общества «Времена года» он мог вовсе не знать.

В определении времени ухода Вейтлинга из Парижа дезориентировало, между прочим, то обстоятельство, что Вейтлинг вскоре вновь оказался в Париже и принимал живое участие в деятельности рабочих организаций. Энгельс писал, что «Вейтлинг, в 1840 г. еще находившийся там... вновь собрал рассеянные элементы, прежде чем отправиться в Швейцарию»⁷. Действительно, он активно руководил стачкой парижских портных летом 1840 г. и обратился к подмастерьям Германии с призывом поддержать стачечников. Во всяком случае в вышеупомянутой статье К. Обермана имеется документ о том, что портняжные подмастерья Магдебурга получили соответствующее письмо на немецком и французском языках, ответ на которое надлежало адресовать в Париж подмастерью Вейтлингу.

Летом же 1840 г. Вейтлинг впервые посетил Швейцарию, где проработал несколько месяцев в качестве парижского дамского портного. Найдя там благоприятную почву для коммунистической агитации, чему немало способствовало переселение туда многих, уже затронутых пропагандой немецких рабочих из Франции, Вейтлинг в мае 1841 г. окончательно перебрался в Швейцарию и на первых порах обосновался в Женеве. К этому времени он, по-видимому, уже познакомил-

ся с произведениями Роберта Оуэна и с книжкой Жан-Жака Пийо «Ни дворцов, ни хижин»⁸.

В Швейцарии, как и во Франции, Вейтлинг вел жизнь деятельную и вместе с тем полную лишений. Он жил в одной комнате с двумя товарищами по работе, и письменным столом ему служила доска, положенная на колени. Как сообщал один из его друзей, Себастьян Зейлер, Вейтлинг жил так бедно, что был вынужден обходиться без белья и носков и часто оказывался не в состоянии покупать сахар и масло. Деньги, присылаемые ему парижскими друзьями для приобретения одежды и других необходимых вещей, он тратил на нужды издаваемого им журнала.

Переезд из Франции значительного числа немецких эмигрантов, связанных с «Союзом справедливых», способствовал ослаблению влияния в Швейцарии действовавшей здесь буржуазно-республиканской «Молодой Германии» и оказал большое влияние на многочисленных в Швейцарии *иммигрантов: немцев, итальянцев, поляков, венгров* и др.

В Швейцарию Вейтлинг явился, уже имея авторитет рабочего вожака и пропагандиста, обладающего большой силой воздействия. Однако в своей пропаганде он встретил здесь серьезные препятствия. Члены «Молодой Германии» весьма недружелюбно отнеслись к Вейтлингу и его пока немногочисленным сторонникам. Дошло до того, что когда Вейтлинг убедил членов просветительного ферейна организовать кооперативную столовую и согласился безвозмездно работать

⁷ Ф. Энгельс. К истории Союза коммунистов. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 218.

⁸ Вошла в «Избранные произведения» Жан-Жака Пийо, изданные в серии «Предшественники научного социализма» в 1961 г.

в ней, младогерманцы приняли меры к тому, чтобы не допустить его избрания в заведующие столовой.

Деятельность Вейтлинга в известной мере была облегчена подготовительной работой, которую вел Буонарроти, живший в Женеве в качестве преподавателя пения и писавший историю «Заговора равных». Опираясь на поддержку своих сторонников — швейцарцев и эмигрантов,— Вейтлинг создал коммунистические рабочие ячейки первоначально в Женеве, Лозанне и Шо де Фон.

Одним из первых последователей вейтлинговского коммунизма в Швейцарии явился руководитель рабочего кружка самообразования эмигрант из Гессена Август Беккер, участник революционного движения с начала 1830-х годов, друживший с Георгом Бюхнером. С помощью Беккера и при активном участии даровитого оратора и организатора сапожного подмастерья Симона Шмидта, а также скорняжного подмастерья датчанина Нильса Петерсена, бывшего чиновника из Силезии уже упомянутого Себастьяна Зейлера и др. Вейтлинг вскоре организовал распространившийся сначала во французской, а затем и в немецкой Швейцарии «Союз справедливых» по типу парижского союза. Эта организация отличалась от распространенных тогда в Швейцарии рабочих кружков самообразовательного характера. Это была политическая организация. Члены союза считали друг друга братьями, обращались друг к другу на ты, поклявшись сохранять в тайне самое существование общества, а главное — они обязывались изучать и обсуждать все социальные учения, пропагандировать идеи коммунизма и всюду, где бы они ни оказывались, вербовать как можно больше сторонников. Характерны и морально-этиче-

ские установки союза. Вступавшие в него наряду с такими деловыми обязательствами, как уплата ежемесячных членских взносов, распространение изданий союза и т. п. обязывались быть умеренными в наслаждениях, отклонять всякую сплетню, даже если бы она содержала истину, пристыдив при этом сплетника, и т. д.

Задачи союза были прекрасно сформулированы в выработанном Вейтлингом торжественном обещании, которое давал каждый вступающий в «Союз справедливых». «Мы, рабочие,— говорилось в этом документе,— устали наконец работать на туеядцев, жить в постоянных лишениях, в то время как другие утопают в роскоши; мы больше не хотим нести бремя, накладываемое на нас себялюбцами, не желаем больше уважать законы, которые держат самые многочисленные и самые полезные классы населения в унижении, лишениях, презрении и невежестве только для того, чтобы дать немногим людям средство сделаться господами этих трудовых масс. Мы хотим стать свободными и хотим, чтобы все люди на земном шаре тоже стали свободными, как мы, чтобы никому не было не хуже и не лучше, чем другому, чтобы все поровну делили тягости, лишения, радости и наслаждения, т. е., чтобы все жили коммуной»⁹.

Швейцарский тайный «Союз справедливых», включивший в свои ряды людей с уже сложившимися политическими убеждениями, создавал и открытые орга-

⁹ Kommissionsbericht an die Regierung des Staates Zurich über die Kommunisten in der Schweiz. Nach den bei Weitling vorgefundenen Papieren. Zurich, 1843, S. 37-38.

низации: кружки самообразования, певческие общества, кооперативные столовые и т. д. Эти более массовые объединения также служили местом пропагандистских бесед и являлись своеобразным резервуаром, из которого пополнялись ряды коммунистической организации. По данным Вейтлинга, до середины 1843 г. в Швейцарии было 13 таких организаций (в том числе в форме певческих и других ферейнов), объединявших 750 членов¹⁰.

Особое значение Вейтлинг придавал кооперативным столовым. «Кооперативная жизнь,— писал он,— является настоящей подготовительной школой для граждан и государственных деятелей. Мы находим здесь в миниатюре то, что в большом масштабе нам дают история и практическая жизнь...»

Вейтлинг видел в этих кооперативных объединениях «настоящие образцовые школы, в которых иные государственные мужи могли бы еще кое-чему поучиться. То, чего не могли сделать правительства своими законами и репрессиями, духовенство своими религиозными учениями, родители и воспитатели своими поучительными примерами и филантропические общества своими затратами денег и времени; то..., над чем все насмехались и глумились, осуществили мизерными средствами рабочие в своих кооперативах. Если, таким образом, рабочий класс, несмотря на все препятствия умеет так хорошо организоваться, проводить в жизнь принцип равного распределения благ..., то это доказывает, что он мог бы так же хорошо организовать свой труд и тем самым подготовить обществу

заманчивое будущее, если бы ему в этом не препятствовали». И Вейтлинг заключает: «Я ручаюсь головой, что, если бы рабочим доверили организацию хозяйственной и политической жизни целой страны, они сделали бы это без полиции, судей и тюрем, одной только доброй волей граждан и ради этого нового строя»¹¹.

Эту мысль Вейтлинг систематически развивал в своем ежемесячном журнале «Hilfelei der deutschen Jugend» («Призыв о помощи немецкой молодежи»), который с сентября 1841 г. выходил в Женеве; декабрьская книжка напечатана в Берне. С января 1842 г. журнал получил название «Junge Generation» («Молодое поколение»), под которым просуществовал до мая 1843 г. Он печатался в Берне (три первых книжки), затем в Веве, а после в Лангентале.

Девизом журнала было: «Против интересов отдельных личностей, которые вредят интересам всех, и за интересы всех, не исключая ни единого человека!».

Почти весь материал принадлежал перу Вейтлинга, хотя он и стремился создать широкий круг корреспондентов-рабочих. Он обращался к читателям, предлагая им писать о своей жизни и нуждах, о вопросах, связанных с оплатой труда, об условиях работы и влиянии ее на здоровье рабочих, о стремлении рабочих и ремесленников к образованию. Журнал давал много материала о труде и быте. Адресуясь с первой же строки «к каждому немецкому поденщику, крестьянину, рабочему, мастеру и к людям науки и искусства», Вейтлинг просил высказываться о том, как улучшить положение трудящихся.

¹⁰ См. в немецком «здании «Гарантий гармонии и свободы», 1955, стр. XVII.

¹¹ Цит. по Kommissionsbericht..., S. 31.

Орган, издававшийся Вейтлингом, первый печатный орган немецких рабочих, уже имел черты коллективного агитатора и коллективного организатора. Журнал Вейтлинга помогал организации сил рабочих и немало содействовал повышению их сознательности. Понимая важность этой задачи, Вейтлинг неустанно подчеркивал в своем журнале роль рабочего класса как творца всех благ, которыми пользуется общество, и требовал для рабочих первого места в обществе. Ничтожности сильных мира, правящих классов, всевозможных коронованных и титулованных особ он противопоставлял мощь великой армии труда, напоминая, что люди труда должны сознавать свое значение для общества и быть готовы к общественному перевороту.

«Мы тоже хотим,— писал Вейтлинг,— иметь свой голос в публичном обсуждении вопроса о счастье и страданиях человечества, потому что мы — народ в блузах, куртках и кепках,— мы самые многочисленные, самые полезные, самые сильные и, несмотря на это, менее всего уважаемые на всем белом свете. И мы тоже хотим возвысить свой голос в защиту нашего и общечеловеческого счастья, и пусть все убедятся в том, что мы очень хорошо знаем свои интересы и, не распухая от латыни, греческого и выражений, построенных по всем правилам искусства, очень хорошо знаем и умеем сказать на хорошем немецком языке, где у нас что болит и откуда Бартель таскает свой оидр... С незапамятных времен другие всегда защищали наши, или вернее *свои* интересы, и теперь поистине наступило время стать нам совершеннолетними и избавиться от этой ненавистной, надоевшей нам опеки. Может ли тот, кто не разделяет с нами наши радости

и горе, иметь о них представление? И может ли кто-нибудь, не имея этого представления, не познав нашей жизни на практике, предлагать и вводить улучшения нашего морального и физического положения? Он не сможет, даже если бы искренне захотел этого, потому что только опыт делает умным и мудрым. Тот, кто хочет правильно судить о положении рабочего, должен сам быть рабочим...»¹².

Характерно, что вместо фамилии редактора журнала значилось: «Издается и редактируется несколькими немецкими рабочими».

Не удивительно, что Ф. Энгельс в своей статье в «New Moral World», написанной в конце 1843 г., отметил значение вейтлинговского журнала. Характеризуя деятельность Вейтлинга, которого, как указывал тогда Энгельс, «можно считать основателем немецкого коммунизма», он рассказывает о том, как Вейтлинг «проповедовал товарищам по работе свое новое евангелие». Организация журнала «Молодое поколение» служила тем же целям пропаганды, но в более широком масштабе. «Хотя этот журнал,— отмечает Энгельс,— писался, только для рабочих и писал его рабочий, он с самого же начала превзошел большинство изданий французских коммунистов, в том числе даже «Populaire» отца Кабе». Энгельс добавляет: «Видно по журналу, что его редактор должен был очень усердно работать, чтобы приобрести те исторические и политические познания, без которых не может обойтись публицист и которых не дало ему скудное образование. Журнал показывает также, что Вейтлинг постоянно работал над тем, чтобы свести

¹² «Hilferuf der deutschen Jugend», 1848, N 1, S. 1, 2.

свои различные идеи и мысли об обществе в законченную систему коммунизма»¹³.

В номерах журнала печатался материал, не только непосредственно излагавший мысли Вейтлинга, которые затем получили более полное развитие в его «Гарантиях гармонии и свободы». Мы находим здесь также статьи и о Великой крестьянской войне в Германии, и о системе Оуэна, и о колонии раппистов возле Питтсбурга, и обзоры философских учений, и переводы из Прудона, из античных авторов, Руссо, Фурье, Шатобриана и Сен-Симона, статьи о состоянии и развитии разных отраслей науки, в том числе даже астрономии, наконец, фантастическое описание Парижа в 2000 г. и т. д. Статьи научного характера, содержавшие, например, критику мальтузианства, перемежались с литературно-художественным материалом. Здесь печатались стихи Георга Гервега и других революционных поэтов и, что особенно ценно, стихи поэтов-рабочих. Остроумный сатирический материал придавал журналу обличительный характер.

Издание имело большой резонанс. Об этом свидетельствует как то, что публиковавшиеся в нем статьи перепечатывались прессой Швейцарии и Германии, так и то, что представитель Пруссии при Союзном сейме во Франкфурте нашел необходимым информировать Сейм об опасной деятельности Вейтлинга. В донесении прусского посланника в Берне своему министру иностранных дел, послужившем основанием для такого представления Сейму, были использованы

подробнейшие сведения наемного шпиона, ведшего наблюдение за «коммунистическим апостолом»¹⁴.

В своей деятельности Вейтлинг пользовался советами Германа Эвербека, который стоял во главе парижской организации «Союза справедливых», где взгляды Вейтлинга имели преобладающее влияние, и одного из руководителей «Союза справедливых», Карла Шаппера, высланного в Лондон, организовавшего там коммунистический рабочий союз для самообразования и активно работавшего в области укрепления международных связей рабочих.

Мы не случайно указали факт перемены мест издания журналов Вейтлинга. Реакционные власти швейцарских кантонов были серьезно обеспокоены ростом коммунистического движения в стране, и поэтому типографы, печатавшие «Молодое поколение», подверглись репрессиям. Что касается Германии, Австрии и Франции, то произведения Вейтлинга преследовались здесь и раньше. Вейтлинга, и не его одного, возмущала, в частности, бесцеремонность французского правительства Гизо, которое даже без того, чтобы предварительно наложить формальный запрет на распространение «Молодого Поколения», приказало задержать на границе и сжечь 1200 экземпляров этого журнала и запретило провоз его в Англию через Францию. Из тысячи подписчиков журнала 400 находились в Париже, а 100 в Лондоне (первоначально предполагалось половину тиража каждого номера печатать по-французски, а половину — по-немецки). Препятствия, чинимые властями распространению журнала, привели

¹³ Ф. Энгельс. Успехи движения за социальное преобразование на континенте. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 1, стр. 535—536.

Об этом см. в вышеназванной статье проф. К. Обермана.

к тому, что он потерял добрую половину подписчиков. Это сильно подорвало материальную основу издания. В то же время журнал отказались выписывать многие члены организации «Молодая Германия», для которых направление журнала оказалось слишком революционным. Ко времени прекращения издания в мае 1843 г. его общий объем достиг 352 страниц.

Вейтлинг тем временем усиленно работал над подготовкой своего главного произведения — книги «Гарантии гармонии и свободы». Издание готовилось втайне и было отпечатано в декабре 1842 г. тем же типографом Александром Мишо, который печатал и «Молодое поколение» (в Веве, где и поселился Вейтлинг). Так же, как и при выпуске «Человечества», на помощь пришли рабочие. Очевидно, не только близость друзей-подмастерьев к его настроениям и думам имел в виду Вейтлинг, когда писал в предисловии к «Гарантиям»: «Мои многочисленные товарищи ободряли меня. Ты, говорили они, разделяешь наш образ мыслей, знаешь наши стремления и наши желания; мы предоставим тебе возможность работать...». «Они работали для меня, я работал для них», — пишет далее Вейтлинг и подчеркивает: «Настоящее произведение, следовательно, не мое произведение, а наше произведение, потому что без поддержки со стороны товарищей я не мог бы осуществить *его*. Я объединил в этом произведении материальные и духовные силы моих собратьев»¹⁵.

В самом деле. Триста рабочих собрали средства, необходимые для издания книги, причем некоторые из них отдали все свои сбережения. Материальная по-

мощь пришла также из Парижа и Лондона через «Союз справедливых».

Тираж первого издания составил 2 тыс. экземпляров, которые разошлись в первую очередь между рабочими. Книга распространялась по подписке, и каждый подписчик должен был заказать не менее двух экземпляров. Иные брали и по десятку. Симон Шмидт убедил лозаннскую организацию «Союза справедливых» приобрести 200 экземпляров. Рабочие на свои средства покупали отпечатанные листы и доставляли их в Париж, где книга брошюровалась.

Впрочем, в финансовом отношении предприятие оказалось небезуспешным. Вскоре понадобилось второе издание, вышедшее в марте 1843 г. в Лангентале, а после революции 1848 г. и третье немецкое издание, отпечатанное в 1849 г. в Гамбурге, где разошлось около 600 экземпляров. Третье издание содержало незначительные изменения, дополнения и пропуски (они отмечены в аппарате подготовленного Бернгардтом Кауфхольдом берлинского издания 1955 г.), а также специальное предисловие Вейтлинга.

Чтобы завершить описание этого периода в жизни Вейтлинга, укажем еще, что в 1842 г. он перевел на немецкий язык сочинение В. Коней дерена; консидерановская критика торговли нашла свое отражение в «Гарантиях» (см. раздел (первый, глава 12). Вейтлинг также сотрудничал в ряде передовых швейцарских газет, где проводил в соответствующей завуалированной форме коммунистические идеи. Особенно часто печатал его статьи «Deutscher Bote aus der Schweiz» («Немецкий вестник из Швейцарии»), распространявшийся и в Германии; в самой Германии его статьи помещали «Reinische Zeitung» («Рейнская газета») и

¹⁵ «Гарантии гармонии и свободы», стр. 68.

«Leipziger Allgemeine Zeitung» («Лейпцигская всеобщая газета»).

«Гарантии гармонии и свободы» были встречены с большим интересом далеко не только в рабочих кругах. Достаточно напомнить отклик, который встретила книга у немецкого философа-материалиста Людвиг Фейербаха. Прочитав сочинение Вейтлинга, Фейербах писал своему другу: «Как я был поражен воззрениями и умом этого портняжного подмастерья. Он поистине является пророком своего класса. Как удивили меня его серьезность, достоинство и жажда образования. Чего стоит все собрание академических буршей в сравнении с этим подмастерьем!»¹⁶. Эти строки напоминают ту высокую оценку, которая тогда же была дана вейтлинговской книге Карлом Марксом в «Форвертсе»¹⁷.

Но и умеренные буржуазные элементы воздали должное новому общественному явлению в лице Вейтлинга и даже лондонский «Тайме» напечатал *жстатое* изложение «Гарантий гармонии и свободы» в двенадцати тезисах (29.XП 1843).

«Гарантии гармонии и свободы» представляют собой вершину в идейном развитии Вейтлинга. Следующим его произведением, подготовленным к печати в 1843 г., явилось «Евангелие бедного грешника». Аргументация от Ветхого завета и Нового завета была не случайной в ту пору. К ней обращались в своей пропаганде многие представители утопического коммунизма 40-х годов. Возможно, что Вейтлингу были зна-

комы произведения французского утописта коммуниста Альфонса Эскироса «Евангелие народа» ж «В защиту Евангелия народа», книги, автор которых, как и Вейтлинг, пытался использовать христианскую традицию в целях обоснования коммунистического идеала, за что и был подвергнут тюремному заключению. Надо думать, знал также Вейтлинг известную книгу Давида Штрауса «Жизнь Иисуса», содержащую рационалистическое объяснение Евангелия, знал и другие произведения левогегельянской школы по вопросам возникновения христианства, например «Критику Евангелия от Иоанна» Бруно Бауэра и его же «Критику синоптических Евангелий».

Свое «Евангелие бедного грешника» Вейтлинг написал в Лозанне, но рассчитывал напечатать в Цюрихе, куда и перехал в мае 1843 г., несмотря на уговоры друзей, предостерегавших его от переселения в этот город, где выступления реакционеров были особенно сильны и откуда незадолго перед *тем*, /в марте, был выслан немецкий революционный поэт Георг Гервег. Был еще в памяти и «цюрихский путч» 1839 г., когда попам удалось, подняв темную крестьянскую массу, добиться отмены приглашения Давида Штрауса на кафедру цюрихского университета.

Вейтлинг уже давно привлекал к себе внимание немецких, французских и швейцарских властей. Теперь был найден повод для открытого наступления. Готовя издание «Евангелия бедного грешника», Вейтлинг опубликовал prospect этого сочинения, в котором говорилось, что Иисус требовал распространения коммунистического учения, проповедовал не смирение, а борьбу и восстание, что он отвергал собственность, семью и т. д. Цюрихская духовная консистория по-

¹⁶ Ludwig Feuerbach in seinem Briefwechsel und Nachlass sowie in seiner philosophischen Charakterentwicklung, Bd I. Leipzig u Heidelberg, 1874, S. 365.

¹⁷ См. статью акад. В. П. Волгина, стр. 6.

дала прокурору заявление о том, что Вейтлинг в проспекте своей книжки занимается богохульством. В ночь с 8 на 9 июня Вейтлинг был арестован, а во время обыска у него на квартире и в типографии полиция захватила часть рукописи «Евангелия» и его личную переписку.

Благодаря поддержке друзей и единомышленников Вейтлинга его книга смогла все же выйти в свет, впрочем, только через год. Ее первое издание было напечатано в 1844 г. в Берне, второе в 1845 г. в Базеле¹⁸, третье в 1848 г. в Нью-Йорке (одновременно там же вышел и английский перевод). Заметим тут же, что на французском языке книга вышла в Лозанне в 1849 г. и на норвежском — в 1846 г.

Вейтлинг был заключен в тюрьму. Для расследования деятельности коммунистов в Швейцарии государственным советом была образована специальная комиссия из пяти членов, ведущую роль в которой играл профессор Блюнчли, либерал, известный своей ненавистью к коммунистам. В написанном по поручению комиссии докладе Блюнчли пытался всячески очернить коммунистов и представить их страшной угрозой цивилизованному обществу. Заодно он приписал к коммунистам некоторых передовых швейцарских деятелей, которые коммунистами не являлись.

Доклад этот, отпечатанный на казенный счет, до-

¹⁸ Для Вейтлинга как агитатора-организатора весьма характерно объявление, которым он сопроводил предисловие ко второму изданию «Евангелия бедного грешника»: «Каждый, кто будет арестован за распространение этой книги, получает после своего освобождения определенное вознаграждение за каждый день пребывания под арестом и за каждую милю следования по этапу».

ставил Блюнчли печальную известность как документ, опираясь на который цюрихские власти провели репрессии; в частности, из кантона были высланы все ненаaturalизовавшие в Швейцарии немцы — члены рабочего кружка, собрание которого Вейтлинг посетил перед арестом.

Но гораздо большим значение доклада Блюнчли было, как издания, которое вопреки замыслу его автора сильно помогло коммунистическому движению. Дело в том, что брошюра содержала пространные выписки из сочинений Вейтлинга, более или менее обстоятельно знакомила с содержанием «Гарантий» и вдобавок целиком воспроизводила новую рукопись. Таким образом, брошюра стала служить целям агитации, но не против, а за Вейтлинга и за излагаемые им идеи. К тому же она, будучи официальным изданием, могла свободно приобретаться, распространяться и пересылаться. Интересно, что дошла она и до России, где ее читал А. И. Герцен, именно по докладу Блюнчли ознакомившийся с учением Вейтлинга¹⁹.

Вскоре прусский посол в Париже констатировал печальный для его правительства факт: доклад Блюнчли побудил к вступлению в члены «Союза коммунистов» еще 300 немецких ремесленников.

¹⁹ В связи с этим А. И. Герцен записал о Вейтлинге 4 ноября 1843 г. в своем дневнике: «Места из его писаний, приведенные комиссией, красноречивы и сильны». Отмечая коммунистические принципы Вейтлинга и быстрое распространение коммунизма среди рабочих Швейцарии и Германии, Герцен еще раз подчеркивает: «Много одушевления, слова Вейтлинга иногда поднимаются до апостольской проповеди» (А. И. Герцен. Собрание сочинений в тридцати томах, т. 2. М., 1954, стр. 3:13—314).

На суде как в первой инстанции в сентябре, так и в апелляционном, состоявшемся в декабре, Вейтлинг держался с большим достоинством. Защищая свое коммунистическое толкование христианства, он иронически заявил прокурору, что требовать чьего-либо наказания не значит проявлять завещанную Христом любовь к ближнему. Но Вейтлинг выступал на суде не как человек, находящийся ВО власти религии: сказав суду, что коммунистом его сделала Библия, он в то же время заявил, что «весь слой грязи, осевший на человеческом обществе, был впервые соскоблен французскими философами».

Суд, признав Вейтлинга виновным в подстрекательстве к преступлениям против собственности, в возбуждении к «восстанию и в оскорблении религии, приговорил его к шести месяцам тюрьмы и пожизненному изгнанию из цюрихского кантона. Прокурор, требовавший полуторагодичного заключения, сразу же обжаловал приговор перед высшим апелляционным судом Швейцарии. Здесь Вейтлинг также блестяще защищался. Под конец он полунасмешливо обратился к судьям: «Я надеюсь, что святой дух просветит вас, и вы вынесете мне мягкий приговор». Как и следовало ожидать, высшая судебная инстанция, стоявшая на страже церковных догматов, в своем заседании, происходившем за день до христианского праздника рождества, не постеснялась ухудшить статьи прежнего приговора. Срок тюремного заключения был увеличен Вейтлингу до 10 месяцев; что касается высылки, по ему было запрещено возвращаться не только в Цюрих, но и в Швейцарию вообще в течение пяти лет. Однако Вейтлинг больше и не возвращался в эту страну.

Наказание Вейтлинг отбыл в цюрихской тюрьме, где подвергался очень грубому обращению. Утешением ему служили стихи, которые были полны искреннего чувства, хотя и не обладали высокими художественными достоинствами. Эти тюремные произведения — «Kerkerpoesien», поэзия узника—были изданы в 1844 г. в Гамбурге.

Находясь в тюрьме, Вейтлинг надеялся на то, что после освобождения он сможет дать толчок новому развитию коммунистического движения. Вместе с тем он остро ощущал и опасность возможной выдачи его прусским властям, которые не упустили бы случая расправиться с популярным агитатором, используя хотя бы факт его уклонения от отбывания воинской повинности. Друзья Вейтлинга, разделявшие это опасение, готовились встретить его после полудня 21 мая 1844 г., когда истекал срок заключения. Однако швейцарская полиция, узнав о плане встречи, решила отправить Вейтлинга пораньше. Еще на рассвете указанного дня полицейские силой вытащили из тюрьмы Вейтлинга, который знал, что товарищи еще не пришли и поэтому сопротивлялся изо всех сил. Горожане слышали крики избиваемого: «Помогите, я Вейтлинг! Меня хотят выдать немецкой полиции!» Из окон обыватели увидели лежавшего на земле человека, которого жандармы пинками ног и палочными ударами заставляли подняться.

«Форвертс», издававшийся в Париже немецкими эмигрантами, так описывал дальнейшее: «Вейтлинг был отведен обратно в тюрьму. Его крики о помощи скоро затихли. Были слышны лишь жалобные стоны и шелканье орудия телесного наказания. Жертве правосудия заткнули рот носовым платком! Тем временем

к тюрьме подъехала карета. С заткнутым ртом, связанного по рукам и ногам, Вейтлинга поволокли в закрытую карету. Он вышиб стекло в карете. Все, все было напрасно. Карета с узником укатила»²⁰. На немецкой границе Вейтлинга встретила баденская полиция, которая только 20 июня передала его вюртембергской, а та в свою очередь передала Вейтлинга далее. Так, странствуя от тюрьмы к тюрьме, он прибыл по этапу 1 июля в Магдебург. Здесь, после пятнадцатилетней разлуки, он смог повидаться с матерью, которая даже не сразу узнала его.

Вейтлинг оказался в Магдебурге спустя лишь несколько дней после подавления знаменитого силезского восстания. И понятно, почему министр внутренних дел Пруссии Арним, еще не получив никаких сообщений о том, что делает Вейтлинг в Магдебурге, направил туда указание «озаботиться, чтобы Вейтлинг *немедленно* покинул страну, с применением в случае необходимости принудительных мер». Главе местной администрации разрешалось даже оказать Вейтлингу необходимую материальную поддержку. «Если бы, впрочем,— продолжал прусский министр,— возник вопрос о привлечении Вейтлинга к ответственности и по сторону границы вследствие инкриминируемой ему изменнической деятельности, то я должен заметить, что более важные соображения говорят против этого и делают желательным возможно скорое избавление от

²⁰ По-видимому, это описание основано на рассказе Вейтлинга. Оно совпадает в главных чертах с сделанным им самим описанием в книге «Справедливость. Наука в течение 500 дней». См.: Wilhelm Weillling. Gerechtigkeit. Ein Studium in 500 Tagen. Erstausgabe von E. Barnikol. Kiel, 1929, S. 329—335.

этого субъекта». Однако, как показало дальнейшее, сделать это оказалось не так просто²¹.

Как только Вейтлинг прибыл в Магдебург, он был отдан под надзор полиции и ему запретили посещение постоянных дворов для ремесленников. Когда он выразил желание поехать через Гамбург в Париж, обербургомистру было поручено выдать ему паспорт, но при этом предупредить, что возвращение в Пруссию повлечет за собой два года исправительной тюрьмы. Разумеется, Вейтлинг настаивал на выдаче ему паспорта без всяких ограничений, как любому другому прусскому подданному. Сами магдебургские власти считали это требование основательным, так как понимали, что такой паспорт не гарантирует их от возвращения Вейтлинга, если французские власти вышлют его из Франции. Магдебургские власти запросили Арнима, каким способом произвести это принудительное изгнание. Министр в письме 27 июля ответил: «Как каждого бродягу» и «безотлагательно». Но Вейтлинга уже пробовали высылать в Брауншвейг, и тамошняя полиция, боявшаяся присутствия Вейтлинга не меньше прусской, просто вернула его обратно в Пруссию.

Тем временем радикальная и социалистическая печать привлекла к Вейтлингу внимание широких

²¹ Этот документ, как и описание данного, менее всего изученного периода жизни Вейтлинга, мы заимствуем из ценной статьи Ф. П. Шиллера «Новые материалы о Вейтлинге» (Архив Маркса и Энгельса. Под редакцией Д. Б. Рязанова, кн. 5, 1930, стр. 464—477), где дана критическая оценка издания вейтлинговских документов в 1929 г. Барниколем и показана несостоятельность попытки этого профессора богословия извратить образ Вейтлинга, представив его религиозным человеком.

кругов и даже король Фридрих-Вильгельм затребовал подробного отчета о его деле. Кроме того, еще до прибытия Вейтлинга в Пруссию король получил угрожающее анонимное письмо в защиту Вейтлинга.

Задача прусского правительства теперь уже состояла в том, чтобы по возможности без скандала избавиться от Вейтлинга. Меринг, когда он писал биографию Вейтлинга, а задолго до него и Г. Адлер в своей книге по истории первого социально-политического рабочего движения в Германии (1885) были неправы, объясняя «мягкость» мер в отношении Вейтлинга «гуманностью прусского правительства». В действительности, как это показали документы, опубликованные Ф. П. Шиллером, оно было напугано и оилезскими событиями, и многочисленными сопутствовавшими им выступлениями в Саксонии, а также среди рабочих самого Магдебурга. И хотя эти выступления не были связаны с вейтлинговскими идеями, правительство понимало, что с Вейтлингом в такой обстановке нужно обращаться с осторожностью.

Нельзя было игнорировать и большой популярности Вейтлинга среди либеральной и радикальной буржуазии. С кругами, группировавшимися вокруг гамбургского «Телеграфа», которым руководили ранее Карл Гуцков, а затем Георг Ширгес, и с так называемыми «истинными социалистами», главным органом которых была «Трирская газета» и главой которых был Моисей Гесс, Вейтлинг вступил в связь, еще живя в Швейцарии. Когда Вейтлинг был засажен в Швейцарии в тюрьму, эти передовые люди возвестили о нем, как о мученике свободы. Бруно Бауэр в своей истории партийной борьбы в Германии в 1842—1846 гг. писал: «Жертва государственной мудрости

господина Блюнчли Вейтлинг еще сидел в тюрьме, когда поставленная им задача — организация общества, стала в Германии общим делом «ищущих» умов. Правда, его «Гарантии» читали лишь очень немногие..., но тайна только усиливала представление об огромной смелости и страшной истине открытия...»²². Новые гонения на Вейтлинга в Пруссии могли бы обострить антиправительственные настроения интеллигентских слоев прусского общества.

Изнуренному переживаниями прошедшего года Вейтлингу в конце концов надоела эта возня, и он сообщил властям Магдебурга, что хочет уехать в Лондон. Ему было назначено денежное вспомоществование, и он сначала отправился на пароходе по Эльбе в Гамбург, где была небольшая община его последователей, организованная старым товарищем Вейтлинга по Парижу, столяром Мартенсом (такую же общину Вейтлинг в это время успел организовать в Магдебурге). Как сообщал «Телеграф», на пристани Вейтлинга провожала «масса народу и видных магдебургских граждан».

В Гамбурге благодаря Ширгесу Вейтлинг познакомился с Юлиусом Кампе, владельцем издательской фирмы «Гофман и Кампе», которая и выпустила маленький томик «Тюремных стихотворений» Вейтлинга, упоминавшихся выше.

В книжной лавке Кампе, издававшего тогда «Зимнюю сказку» Гейне, произошла встреча Вейтлинга с знаменитым немецким поэтом. Рассказывая позднее в своих «Признаниях» об этой встрече, Гейне в чисто

²² Br. Bauer. Vollständige Geschichte der Parteikämpfe in Deutschland während der Jahre 1842—1846. Bd I. Charlottenburg, 1847, S. 61.

гейневской манере каялся перед читателем в том, что ему было очень неприятно слушать объяснения Вейтлинга, что он почесывает ногу из-за зуда, вызванного ношением кандалов. «И речь здесь шла,— записал Гейне,— не о тех метафорических цепях, которые носят теперь весь мир, которые можно носить с величайшей пристойностью и которые у людей хорошего тона даже вошли в моду,— нет, у членов этого замкнутого общества подразумеваются цепи в самом что ни на есть железном значении, цепи, которые прикрепляют к ноге железным кольцом,— и я отступил несколько шагов назад, когда портной Вейтлинг заговорил об этих цепях»²³. Тут же Гейне, воздавая должное Вейтлингу, указывал, что его книга («Гарантии») «была долгое время катехизисом немецких коммунистов»²⁴.

Через месяц после этой встречи Гейне писал из Гамбурга в Париж Марксу: «Готовлюсь к отъезду, опасаясь знака свыше,— мне не хочется, чтобы меня сцапали, у ног моих нет таланта носить железные кольца, как носил их Вейтлинг (он показывал мне следы)»²⁶.

Из Гамбурга, где Вейтлинг пробыл с 18 по 23 августа, он отправился на пароходе «Нептун» в Лондон. Здесь он был восторженно встречен рабочими орга-

²³ Генрих Гейне. Признания. Полное собрание сочинений в двенадцати томах. Под общ. редакцией Н. Я. Берковского и И. К. Луппола, т. X. Л., 1937, стр. 135.

²⁴ Там же, стр. 135—136.

²⁵ Генрих Гейне. Письма. Полное собрание сочинений в двенадцати томах. Под общ. редакцией Н. Я. Берковского, П. С. Виноградской и И. К. Луппола. т. XII, ч. 2. М.—Л., 1936, стр. 47.

низаЦИЯми, Приветствовавшими его как подвергавшегося преследованиям борца за коммунизм. В чествовании Вейтлинга, устроенном коммунистическим клубом К. Шаппера и Г. Бауэра, приняли участие англичане-чартисты, члены французской секции и др. С речью выступил и Годвин Бармби, который в своей «Communist Chronicle» («Коммунистическая хроника») печатал письма Вейтлинга из Лозанны, освещал успехи коммунистического движения в Швейцарии и привлекал общественное внимание к «Гарантиям гармонии и свободы». Это было большой интернациональный праздник. Популярность Вейтлинга достигла в этот период высшего предела.

Обстановка индустриальной Англии после промышленного переворота, первые организации рабочего класса, политическая борьба должны были представлять для Вейтлинга большой интерес и дать богатый материал для размышлений о путях борьбы за осуществление коммунистического общества. Англией Вейтлинг интересовался и ранее. Еще в мае 1843 г. в передовой статье «Молодого поколения» он писал о прогрессе социального строя Англии, и коммунистических организациях этой страны и о Роберте Оуэне как «отце английского коммунизма». Но в отличие от своих старых товарищей — Шаппера, Бауэра и Молля — Вейтлинг оставался верен выработанным им ранее представлениям, лишь укрепившимся в нем во время тяжелого заточения, наложившего, к тому же, определенный след на его психику²⁶, и чрезвычайно

²⁶ Вместе с тем, нужно заметить, что появившиеся у Вейтлинга в тюрьме опасения за свою жизнь, вовсе не были плодом больного воображения. Это видно из того, что осенью 1844 г., всего лишь через полтора

дорожил каждой деталью высказанных им ранее положений

К. Маркс и Ф. Энгельс, естественно, имели в виду привлечь Вейтлинга на путь борьбы в духе вырабатывавшегося ими научного понимания законов общественного развития. В известном письме «Из Германии», опубликованном в «New Moral World» 8 марта 1845 г. Энгельс писал о том, что Фейербах объявивший себя коммунистом испытал такое наслаждение от чтения «Гарантий гармонии и свободы», что пожелал посвятить Вейтлингу свою ближайшую работу «Таким образом союз между немецкими философами наиболее выдающимся представите тем которых является Фейербах, и германскими рабочими, представляемыми Вейтлингом, союз, год тому назад предсказанный д-ром Марксом, близок к осуществлению», — говорил Энгельс и заключал «Если с нами философы, чтобы мыслить, и рабочие, чтобы бороться за наше дело, — то какая сила на земле сможет противостоять нашим успехам?»²⁷ Конечно, и о Вейтлинге думал Энгельс, когда еще за три месяца перед тем писал в той же «New Moral World» что «у нас есть теперь

года после освобождения Вейтлинга из цюрихской тюрьмы, директор этой тюрьмы и его жена, как сообщали швейцарские газеты, бы\и осуждены за умерщвление заключенного путем лишения пищи. Об одном из таких преступлений газета «Schweizansche Republikaner» писала еще 1 марта 1844 г. Нет ничего неправдоподобного и в том, что в этой тюрьме, как пишет Вейтлинг в своей книге «Справедливость», к «ему подсаживали шпиона

²⁷ Ф. Энгельс Быстрые успехи коммунизма в Германии. К. Маркс и Ф. Энгельс Сочинения, т. 2, стр. 525.

десятки одаренных писателей, которые проповедуют новое учение тысячам...» .

Со своей стороны Вейтлинг, прочитав в парижском «Форвертсе» статью 26-летнего Маркса, где он так высоко оценивался, направил ему из Лондона 18 октября 1844 г. письмо, в котором говорилось: «Дорогой Маркс! Я думаю, что узнал Вас в нескольких статьях в «Форвертсе», сопоставляя дух их с тем, что мне о Вас говорили, и радуясь на Вас. Мне нет необходимости распространяться об этом, короче: мы друзья и как таковые желаем от времени до времени видеть кое-что друг от друга, именно несколько написанных строк...»²⁹.

Ни Маркса, ни Энгельса в Англии в ту пору не было и в личный контакт с ними, оказавшийся, к сожалению, непродолжительным, Вейтлинг вошел более чем годом позже, в 1846 г. если не считать первого знакомства, которое могло состояться во время приезда Маркса и Энгельса в Лондон в августе 1845 г.

Закончив свои воспоминания о цюрихской тюрьме, изложенные в книге «Справедливость», Вейтлинг считал самым важным завершить изложение своей «Си-

²⁸ Там же, стр. 518. Вейтлинговское «Евангелие бедного грешника» было напечатано незадолго перед тем и характерно, что в английском оригинале Энгельса написано не «новое учение», а «новое евангелие» (gospel) (Ср. первое издание Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, т. II, стр. 419)

²⁹ Фотокопия этого первого письма Вейтлинга Марксу публикуется в настоящем издании по экземпляру хранящемуся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

схемы мышления» — учения, которое должно было, по его мнению, помочь в усвоении всех наук. Он мечтал также о завершении своих работ по космогонии и по созданию нового всемирного языка и т. д. Ни одна из этих работ Вейтлина не имела никакого научного значения.

Новых сторонников в Англии Вейтлинг не привлёк. С другой стороны, его влияние падало и там, где оно было значительно — в Швейцарии. Старые противники Вейтлинга в Швейцарии, младогерманцы, воспользовались выходом в свет «Евангелия бедного грешника» для критики вейтлингианства с позиций свободомыслия. Многих сторонников Вейтлинга оттолкнула и его идея активной роли в грядущей революции люмпен-пролетариата (эта идея, к слову сказать, была усвоена Бакуниным, познакомившимся с Вейтлингом и странствовавшим с ним по Швейцарии). Не менее расхолаживала в отношении Вейтлинга проскальзывавшая у него мысль об общности жен.

Выступления Вейтлинга на коммунистических собраниях в Лондоне и других городах (об этих собраниях аккуратно сообщал прусскому послу в Лондоне Х фон Бунзену приставленный им к Вейтлингу специальный шпион Луи Брандис) не дали особых результатов. Его влияние все более угасало. Начались столкновения со старыми товарищами и другими руководителями возглавляемого Шаппером и Бауэром немецкого Просветительного союза. Вейтлинг все более погружался в работу над своим учением о языке и мышлении. Биографы Вейтлинга до сих пор считали, что Вейтлинг летом 1845 г. даже уехал из Лондона в Трир, где инкогнито работал помощником редактора «Трирской газеты». Это мнение основывалось на

письме из Трира от 2 сентября 1845 г., ошибочно приписывавшегося Вейтлингу³⁰.

Все же, в течение некоторого времени между Вейтлингом и руководителями коммунистов и чартистов продолжали сохраняться товарищеские отношения. Вейтлинг с большим подъемом выступал на большом интернациональном собрании в Лондоне 22 сентября 1845 г. в честь годовщины провозглашения Французской республики в 1792 г. Энгельс, написавший на основе отчета чартистской «Northern Star» большую статью об этом собрании «более чем тысячи демократов почти всех европейских наций»³¹, отмечал, что Вейтлинг был встречен с большим энтузиазмом. Энгельс полностью воспроизвел текст прочитанной Вейтлингом речи, а также его тост, гласивший: «За Молодую Европу! Пусть демократы всех наций, отбросив бывшее соперничество и национальную рознь, объединятся в братскую фалангу для уничтожения тирании и для полного торжества равенства»³².

Борьба за влияние на рабочих требовала от коммунистов четкого формулирования идейных и тактических позиций. Нужна была программа и ее вначале поручили составить Вейтлингу. Но Вейтлинг не спра-

³⁰ Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС установлено, что автором этого письма Гессу был не Вейтлинг, а Вейдемейер. За ценные указания некоторых документов Вейтлинга и о Вейтлинге, хранящихся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, выражаем признательность научному сотруднику ИМЛ И. А. Бах.

³¹ Ф. Энгельс. Празднество наций в Лондоне. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 2, стр. 599.

³² Там же, стр. 596.

вился с этой задачей. Поручение составить программу, манифест коммунистической партии, через три года было передано Марксу³³. Становилось ясно, что пути Вейтлинга определенно расходятся с путями Шаппера, Бауэра, Молля и других руководителей и членов лондонского немецкого Просветительного общества, постепенно приближавшихся к научному коммунизму. В дискуссиях, регулярно устраивавшихся коммунистическим клубом³⁴, Вейтлинг, доказывая, что больше медлить нельзя, отстаивал планы захвата власти революционным меньшинством, а также идеи уравнительного коммунизма. Шаппер остро критиковал Вейтлинга за его заговорщическую тактику, за увлечение ранним христианством в качестве идеологического и пропагандистского оружия и т. д. Аргументация от христианских догматов становилась в устах Вейтлинга тем опаснее, что он, страдая преувеличенной оценкой своего назначения в обществе, стал воспринимать ореол мученичества, которым было окружено его имя как ореол провозвестника грядущего справедливо устроенного мира, нового мессии.

Критики Вейтлинга в Лондоне далеко не во всем исходили из позиций Маркса. С другой стороны, нельзя отрицать и то, что влияние Вейтлинга содействовало переходу Просветительного общества немецких рабочих на позиции пролетарского коммунизма.

³³ Об этом см.: Ф. П. Шиллер. Маркс и Вейтлинг. «На боевом посту», сборник к шестидесятилетию Д. Б. Рязанова. М., 1930, стр. 489.

³⁴ См. M. Neill a. u. Londoner deutsche kommunistische Diskussionen 1845. «Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung». Hrsg. v. Karl Grünberg («Grünberg-Archiv»), Jg. 10. Leipzig, 1922, S. 362—391.

Тем не менее, по основным вопросам в этих спорах Вейтлинг занимал ошибочную позицию. Протоколы — отчеты заседаний констатируют постепенное уменьшение числа голосов в поддержку Вейтлинга при голосованиях, проводившихся по обычаю в конце каждой такой дискуссии.

Для самолюбивого и болезненно мнительного Вейтлинга это было непереносимо. В последний раз он выступил в январе 1846 г. и через две недели, когда общество проголосовало за прекращение дискуссии по его докладу и за переход к обсуждению «Принципов религии будущего» Фридриха Фейербаха, Вейтлинг понял, что потерпел здесь полное поражение и отправился в Брюссель, где в то время жили Маркс и Энгельс.

Вейтлинг получал в Лондоне письма от Маркса. Маркс организовал через бывшего руководителя «Союз справедливых» в Париже Эвербека сбор денег в Лондоне для Вейтлинга, предлагал ему издавать журнал. Однако Вейтлинг не захотел участвовать в редакции, так как боялся, что редакционный совет журнала будет решать голосованием, что из написанного им подлежит печатанию и какие поправки следует внести в его произведения. «Короче говоря,— заключал Вейтлинг,— это был бы не тот свободный труд, каким он был, когда я редактировал «Молодое поколение» и «Призыв»³⁵.

Эти строки Вейтлинг писал еще весной 1845 г.,

³⁵ Письмо от мая 1845 г. В кн.: E. Wagnerkol. Weiting der Gefangene und seine «Gerechtigkeit». Kiel, 1929, S. 272. Это письмо, по справедливому мнению И. А. Баха, было адресовано если не лично Марксу, то во всяком случае небольшой группе лиц, тесно с ним связанных. См. И. А. Бах. О связях

теперь же отношения обострились настолько, что оставаться в Лондоне он уже не мог. К тому же Вейтлинг убедился в невозможности издания своих работ в Англии и решил поискать издателя на континенте. Это имело для него и определенное материальное значение, хотя, живя в Англии, он не испытывал нужды, получая из Франции и Швейцарии деньги за проданные экземпляры его прежних произведений. Материальную поддержку оказывали и сочувствовавшие ему в Германии, как, например, Г. Ширгес, издававший и редактировавший основанный К. Гуцковым «Телеграф». Все же, Вейтлингу приходилось в Лондоне заниматься для заработка изготовлением дамских соломенных шляп, причем он пользовался машиной собственного изобретения.

Когда Вейтлинг прибыл в Брюссель, «это был,— как писал Энгельс,— уже не наивный молодой подмастерье-портной, пораженный своим собственным талантом и старающийся уяснить себе, как же должно будет выглядеть коммунистическое общество. Это был великий человек, которого преследовали завистники за его превосходство, которому всюду мерещились соперники, тайные враги и козни; гонимый из страны в страну пророк, он носил в кармане готовый рецепт осуществления царства небесного на земле и воображал, что каждый только о том и думает, чтобы украсть у него этот рецепт»³⁶.

Маркса и Энгельса в Англии в 1843—1845 годах. Сб. «Из истории формирования и развития марксизма». М., 1959, стр. 102.

³⁶ Ф. Энгельс. К истории Союза коммунистов. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21 стр. 222.

Перессорившись с товарищами в Англии, Вейтлинг, по словам Энгельса, ни с кем не мог поладить и в Брюсселе. Маркс, и особенно его жена /Кенин, проявили по отношению к нему «сверхчеловеческое терпение», хотя Марксу и Энгельсу приходилось в это время вести борьбу и против так называемых «истинных социалистов», и против теории Вейтлинга. При всем том нельзя не согласиться с Ф. Мерингом, что Вейтлинг для Маркса был «живым воплощением тех идей, к которым он пришел умозрительным путем, преодолев гегелевскую философию»³⁷. Вейтлинг уже к тому времени сделал очень много для соединения социализма с рабочим движением. И понятно, почему Маркс так стремился воздействовать на Вейтлинга, еще когда последний жил в Лондоне. Образовавшийся тогда в Брюсселе коммунистический корреспондентский комитет пригласил его быть лондонским корреспондентом комитета. Можно предполагать, что Маркс и Энгельс рассчитывали в своих планах на Вейтлинга как на деятеля с большим опытом, организатора и пропагандиста, имеющего широкие связи и большую популярность среди рабочих Германии и других стран. Не случайно, именно исходя из удобства и для Маркса, и для Вейтлинга, бельгийский город Вервье был намечен местом съезда коммунистов, который по предложению Маркса должен был быть созван летом 1846 г. Заметим, что даже после резкого столкновения с Вейтлингом Маркс продолжал оказывать ему материальную поддержку. До самого разрыва их отношения были настолько близкими, что,

³⁷ Ф. Меринг. Карл Маркс. История его жизни. М., 1957, стр. 146.

как писал в своем письме в феврале 1846 г. Вейдемейер, он, Маркс, шури́н Маркса Эдгар Вестфален и Вейтлинг проводили ночи за дружеской игрой в карты.

Свидетельств о беседах и спорах, предшествовавших окончательному разрыву Маркса с Вейтлингом, не сохранилось. До нас дошло лишь два описания той встречи, во время которой Маркс дал Вейтлингу решительный бой. Это было заседание Брюссельского коммунистического корреспондентского комитета 30 марта 1846 г., представлявшее собой, как вспоминал Энгельс, заседание «небольшого кружка близких товарищей»³⁸. Одно из описаний его сделано П. В. Анненковым, другое самим Вейтлингом в его письме Гессу, написанном на следующий день.

Судя по описанию Анненкова, присутствовавшего по приглашению Маркса, основной темой возникшего спора было значение теории для дела революции. Маркс резко поставил перед Вейтлингом вопрос, в чем состоит теоретическая основа его борьбы, и Вейтлинг оказался совершенно бессильным дать сколько-нибудь связный ответ. Он только ссылаясь на успех своей пропагандистской и организаторской деятельности.³⁹

Анненков, далекий от коммунизма человек, да еще, видимо, задетый замечанием Маркса, который, критикуя Вейтлинга за отсутствие «строго научной идеи и положительного учения», сказал, что только в России «могут удачно составляться и работать союзы между

³⁸ Ф. Энгельс. Письмо А. Бебелю 25 октября 1888 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVIII, стр. 61.

³⁹ См. П. В. Анненков. Литературные воспоминания. М., 1960, стр. 304.

нелепыми пророками и нелепыми последователями», набросал картину, проникнутую духом определенного недоброжелательства и к «демократическому диктатору» Марксу, и к «портному-агитатору» Вейтлингу⁴⁰. Об отрицательном отношении Маркса к описанию Анненкова⁴¹ мы знаем из его пометки на полях, сохранившегося в его библиотеке экземпляра «Замечательного десятилетия» Анненкова, напечатанного в «Вестнике Европы» в 1880 г.

Иначе, чем «турист-эстетик», как назвал Анненкова П. Л. Лавров⁴², подошел к описанию этого заседания Вейтлинг, для которого обсуждавшийся вопрос о пропаганде был кровным делом. И хотя здесь сказалось все его недовольство Марксом и раздражение против него, все же он, как писал более чем четыре десятилетия спустя после этого события Августу Бебелю Энгельс⁴³, сумел достаточно ясно отразить принципиальные разногласия. В этом письме Гессу Вейтлинг сетовал на Маркса за то, что он придает чрезмерное значение теории и недооценивает агитацию и пропаганду, что он отрицает возможность осуществления коммунизма в ближайшее время и т. д. Жаловался

⁴⁰ См там же, стр. 302.

⁴¹ М. М. Ковалевский был неправ, утверждая, что на эти воспоминания «сам автор „Капитала“ любил ссылаться» (см. М. М. Ковалевский. Социал-демократическая партия в Государственной думе. «Страна», 20.VI 1906).

⁴² См. статью П. Л. Лаврова (подп. П. Э.) под этим названием в журнале «Дело» за 1879 г. № 10 и его же статью (подп. П. У.) «Русский турист сороковых годов» в том же журнале за 1877 г. № 8.

⁴³ См. Ф. Энгельс. Письмо Августу Бебелю 25 октября 1888 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVIII, стр. 62.

Вейтлинг и на то, что его отстраняют от денежных источников, необходимых для издания его произведений Из письма явствует, замечал Энгельс, «в каком извращенном виде отражались в голове Вейтлинга наши аргументы»⁴⁴

Окончательный разрыв между Вейтлингом и Марксом произошел полутора месяцами позже, когда Вейтлинг отказался присоединиться к выступлению Маркса и Энгельса против Криге, развернувшего в Америке агитацию в духе «истинного социализма» Перебравшись в Соединенные Штаты, Криге основал газету «Volkstnbun» («Народный трибун»), которая распространяла идеи, мешавшие росту классового самосознания рабочих По поручению Брюссельского коммунистического корреспондентского комитета Маркс и Энгельс написали документ, известный под названием «Манифеста против Криге» Однако Вейтлинг, в отличие от большинства коммунистов в самом Брюсселе, а также в Париже и других центрах, решительно возражал против этого выступления, чем вызвал сильнейшее возмущение Маркса Маркс вел принципиальную планомерную борьбу против теоретически беспомощного, сектантски-заговорщического вейтлингианства и одновременно против наивного мелкобуржуазного «истинного социализма», считавшего возможным для Германии переход к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития и буржуазную революцию

⁴⁴ Там же, стр. 62 Фотокопия письма Вейтлинга Гессу от 31 марта 1846 г хранится в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Текст напечатан у Барниколя Weitlmg der Gefangene und seine «Gerechtigkeit», S 269—271

Не сумев подняться до уровня Маркса и оказавшись изолированным (даже община парижских портных не стала посылать ему денег), Вейтлинг решил искать возможности отправиться в Америку. 24 мая 1846 г., уезжая из Брюсселя, он написал Марксу записку, в которой просил вернуть все его рукописи⁴⁵. Покинув Брюссель, Вейтлинг пытался сначала устроиться в Бремене рабочим на железной дороге, а для того чтобы добыть средства для поездки за океан, занялся изобретениями в портняжном деле. Но выехать в Америку он смог только после того, как в декабре 1846 г были получены деньги от Криге, точнее от нью-йоркского общества социальных реформ, которое издавало вышеупомянутый «Народный трибун».

Из этой первой поездки в Америку Вейтлинг возвратился в Европу через полтора года — после первых известий о революции в Германии. В Америке он занимался пропагандой своих принципов и деятельно участвовал в организации по образцу «Союза справедливых» — «Союза освобождения», объединившего многих немецких ремесленников-эмигрантов. В 1847 г. он опубликовал «Письмо к соотечественникам», а в 1848 г. брошюру «Воззвание о помощи к людям труда и горя»; ее он распространял по пути в Германию.

Через Париж, куда он прибыл в июньские революционные дни и где он был избит национальными гвардейцами, которых пытался убедить не стрелять в рабочих, Вейтлинг в июле 1848 г. приехал в Берлин. Здесь он стал издавать еженедельник «Urwahler»

⁴⁵ Фотокопия этого последнего письма Вейтлинга Марксу воспроизводится в настоящем издании по экземпляру, хранящемуся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

(«Избиратель»), но не встретил поддержки—число подписчиков не смогло подняться выше 145—и издание прекратилось на пятом номере Он посетил Кельн где 21 июля выступил в Демократическом обществе Его речь была встречена весьма сдержанно и дала повод Марксу выступить с критикой Вейтлинга на заседании того же общества 4 августа Вместе с Криге и Эвербеком представлявшим парижские группы, Вейтлинг в качестве официального делегата нью-йоркской группы принял участие в состоявшемся в конце октября 1848 г в Берлине демократическом съезде, но успеха также не имел Что касается Союза коммунистов, то связь Вейтлинга с ним была порвана еще в предыдущем 1847 г на конгрессе Союза коммунистов после открытой борьбы сторонников Маркса против сторонников Вейтлинга, последние были исключены из Союза Вообще в Германии вейтлинговские группы, за исключением гамбургской общины, остававшейся центром вейтлингианства до 1850-х годов, вскоре потеряли свое значение

После поражения революции Вейтлинг создал в Гамбурге (он был выслан туда в ноябре 1848 г) организацию «Союз освобождения», насчитывавшую вместе с секцией в Альтоне до тысячи членов Следуя своей путчистской тактике, к которой он имел некоторую склонность еще во времена работы над «Гарантиями», Вейтлинг решил поднять восстание в Северной Германии Он предложил принять участие в организации этого восстания ткачу Аудорфу и направил его в Англию, чтобы завербовать немцев эмигрантов Однако здесь Аудорф встретился с Марксом и его сторонниками, которые отговорили его от участия в этом несерьезном предприятии

В конце 1849 г Вейтлинг, которому угрожал в Германии арест, уехал в Англию и вскоре вновь переселился в Америку, теперь уже навсегда Идейная эволюция Вейтлинга была, собственно говоря, к этому времени завершена и подробности дальнейшей, более чем 20-летней жизни и деятельности Вейтлинга в Америке с этой стороны не представляют интереса В Нью-Йорке Вейтлинг организовал «Рабочий союз», имевший целью устройство в штате Айова коммунистической колонии, принявшей название «Коммуния» В 1850 г Вейтлинг выступил в Филадельфии на конгрессе немецких рабочих с предложением создать коммиссионно-обменный банк, в чьи магазины и склады фермеры, рабочие и предприниматели сдавали бы продукты своего труда, получая взамен «рабочие бумажные деньги» За эти «социалистические средства обмена», напоминающие «трудовые деньги» Оуэна, их обладатели могли бы приобретать здесь нужные им товары Он начал также издавать журнал «Republik der Arbeiter» («Республика рабочих»), который выходил на протяжении пяти лет В нем отразились прежние характерные черты вейтлингианства начала 40-х годов вплоть до тенденции обоснования коммунизма в агитационных целях христианством и даже рождественская песенка для детей, помещенная в этом журнале, начинавшаяся словами «Я — маленький коммунист», подчеркивала верность христовым заветам После того как в 1852 г в Америку переехали отколовшиеся от Союза коммунистов Виллих, Шаппер и их друзья, журнал превратился в законченный антимарксистский орган В 1854 г журнал прекратил свое существование почти одновременно с «Рабочим союзом» и с распадом коммунистической колонии в Айове

Эта очередная неудача привела к отходу Вейтлинга от рабочего движения. Он прекратил свои агитационные поездки по стране, во время которых убеждал эмигрировавших в Америку представителей различных национальностей вступить на путь строительства коммунистических колоний.

Вейтлинг испытывал в этот период большие материальные затруднения и устроился сначала конторщиком в иммиграционном бюро в нью-йоркском порту, а потом вернулся к профессии портного. Он опять обратился к изобретениям и усовершенствованиям и сконструировал машину для обметывания пуговичных петель и изготовления вышивок. Безжалостно обчитанный компанией швейных машин «Зингер», нажившей на изобретении Вейтлинга огромные барыши, он, не найдя в американском суде управы на капиталистов, писал: «Да спасут небеса человечество от таких республик денежных мешков!» Свое мнение о показной американской демократии Вейтлинг высказывал и ранее, когда с негодованием писал о великой республике, хвастающей своей свободой и держащей негров в цепях.

Рукописи большинства неопубликованных произведений Вейтлинга вместе со многими другими бумагами были захвачены полицией в Гамбурге в 1849 г. Но теперь, в Америке, он начал с новой энергией занятия в области всемирного языка и в области астрономии. Он рассылал свои проекты во многие академии и обсерватории, крупнейшим ученым мира и, между прочим, как он сообщал в одном письме в феврале 1856 г., в Петербургскую Академию наук. Однако в Архиве Академии наук СССР не удалось обнаружить никаких следов какого бы то ни было материала,

полученного от Вейтлинга. Он болезненно преувеличивал значение своей астрономии «этого самого замечательного произведения, которое когда-либо появлялось и когда-либо появится на свете», — как писал он еще и в 1869 г. своему старому другу Нильсу Петерсену.

Вейтлинга уже не мог увлечь новый подъем рабочего движения, нарождавшегося в Америке и связанного с европейским рабочим движением, хотя он остался верен своим революционным идеалам и Даже дал родившемуся в 1858 г. второму сыну имя Гракх Бабеф Роберт. Он очень сочувственно отнесся к образованию Международного Товарищества Рабочих, возглавляемого Марксом, и за три дня до своей кончины (он умер 25 января 1871 г.) участвовал в качестве ветерана коммунистического движения в торжественном, праздничном объединенном конгрессе, устроенном немецкой, французской, чешской и английской нью-йоркскими секциями I Интернационала.

Улица в Магдебурге Нейе Вег — Новый путь, где родился Вильгельм Вейтлинг, носит теперь его имя.

В. И. Ленин высоко ценил Вильгельма Вейтлинга. Еще в начале своей революционной деятельности, в 1899 г. Владимир Ильич выражал уверенность в том, что *русское рабочее* движение выдвинет своих Вейтлингов⁴⁶. Имя Вильгельма Вейтлинга, первого немецкого теоретика коммунизма, агитатора, пропагандиста и организатора рабочих глубоко чтут трудящиеся Советского Союза, страны, где впервые было начато осуществление идей социализма и коммунизма.

⁴⁶ См. В. И. Ленин. Попятное направление в русской социал-демократии Поли, собр. соч., т. 4, стр. 268; см также: В. И. Ленин. Что делать? Поли. собр. соч., т. 6, стр. 39.

«Гарантии гармонии и свободы» издаются на русском языке впервые. Перевод сделан по юбилейному изданию книги, подготовленному Францем Мерингом к столетию со дня рождения Вейтлинга, в 1908 г. (Wilhelm Weitling. Garantien der Harmonie und Freiheit Jubiläums-Ausgabe. Mit einer biographischen Einleitung und Anmerkungen von Fr. Mehring) и воспроизводившему первое издание 1842 г.

«Человечество, как оно есть и каким оно должно было бы быть» было издано по-русски в 1906 г. и переиздавалось в 1918 г. издательством Петроградского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов и в 1919 г. издательством Союза коммун Северной области. Новый перевод выполнен В. В. и М. М. Альтман по изданию: Wilhelm Weitling. Die Menschheit, wie sie ist und wie sie sein sollte. Sammlung gesellschaftswissenschaftlicher Aufsätze. Hrsg. v. Eduard Fuchs. München, 1895.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Маммона* — у древних сирийцев божество наживы; в христианских церковных текстах, которые вообще обильно используются Вейтлингом, — идол, олицетворяющий алчность и стяжательство.

² *Мужьи тридцати серебряников* — предатели; по известной евангельской легенде (см. Евангелие от Матфея, XXVI, 15), Иуда, ученик Христа, выдавший его врагам, получил за предательство тридцать серебряников.

³ Указывая, что книгопечатание было изобретено 300 лет назад, Вейтлинг неточен. Изобретение Иоганном Гутенбергом способа книгопечатания с помощью металлических наборных литер относится к середине XV в. Таким образом, следовало бы говорить не о трех, а о четырех столетиях. Ранее в Западной Европе было известно печатание с гравированных деревянных досок.

⁴ Говоря о понимании спартанцами передовых социально-политических идей, Вейтлинг имеет в виду идеализируемый античными и более поздними авторами строй в Спарте — рабовладельческом городе-государстве Древней Греции. Частная собственность в древней Спарте была очень ограничена. Общность имущества и демократические права распространялись здесь, однако, только на свободных жителей, в то время как основной производительной силой в Спарте являлся труд рабов, лишенных соответствующих прав. Замечание Вейтлинга относительно того, что спартанцы не умели читать, основано на сведениях античных

авторов, например Плутарха («Ликург и Нума»). В кн. Плутарх. «Сравнительные жизнеописания», т. I. М., 1961, стр. 66), указывавшего, что спартанцы учились грамоте лишь в той мере, в какой без этого нельзя было обойтись.

⁵ Великая крестьянская война — грандиозное восстание крестьян Германии (1524—1526) — действительно вызвала огромный подъем в самых широких крестьянских массах; антикрепостнические, антипапские, освободительные идеи распространялись в этот период с исключительной быстротой, привлекая все больше новых сторонников движения. Движение не отличалось четкостью программных требований, но носило в целом резкий антифеодалный характер.

⁶ Распятие на кресте являлось в Древнем Риме способом позорной казни. Отменено в IV в. н. э., когда христианство стало официальной религией Рима (сМ. прим. 77). Пытка—изодренные истязания при допросе — формально была запрещена в ряде государств в течение XVIII и начала XIX вв. Однако пытки применялись иногда и в значительно более позднее время, например, в странах фашизма или с режимом фашистского типа (Германия, Италия, Румыния и др.).

⁷ Обычай стискиванием и бинтованием уродовать ноги у женщин с малолетства, чтобы они были как можно меньше, существовал в Китае с VI в. н. э. и был широко распространен, за исключением части Южного Китая. Решительная борьба против этого мучительного и практически — в особенности для трудящихся женщин—стеснительного обычая была начата после установления народной власти, т. е. в 50-х годах XX в.

⁸ Огораживание, или ограничение земель в старом немецком общинном строе (марке) и установление пограничных знаков — камней и столбов, — совершалось в торжественной праздничной обстановке. Дети обычно привлекались в качестве свидетелей, поскольку молодое поколение может на более долгое время сохранить память о происшедшем. Для того чтобы прочнее запечатлеть это в памяти, их драли за уши или давали пощечины. Этот-обряд сохранялся очень долго и еще

во времена Вейтлинга наблюдался в Рейнском Пфальце и Баварии.

⁹ *Василиск* — мифическое животное, изображаемое в виде небольшой змеи с короной на голове. Одним своим взглядом василиск убивает людей и животных, от его дыхания сохнут растения и раскалываются скалы, от его свиста бегут даже ядовитые змеи.

¹⁰ Имеется в виду утверждение, встречающееся в Ветхом завете; наиболее известно употребление соответствующего выражения в Первой книге Моисеевой: «И сотворил бог человека по образу своему» (Книга Бытия, I, 27).

¹¹ *Молох* (правильнее — Мелех, т. е. царь) — божество на Древнем Востоке. В финикийской религии в честь Молоха, по легенде, приносились жертвы путем массового сожжения детей, особенно в случаях, когда прибегали к помощи свыше (вражеская осада и т. п.). О таком жертвоприношении повествуется и в известной библейской легенде о «геене огненной».

¹² Вейтлинг писал свою книгу во время так называемой первой опиумной войны англичан против Китая (1839—1842). Войне предшествовало упорное сопротивление Китая ввозу опиума английскими купцами во все возрастающих размерах (в первом десятилетии XIX в. ввозилось ежегодно 4 тыс. ящиков, а в 30-х годах—по 30 тыс. ящиков). Из Китая выкачивалось 11 млн. долл. в год. Не получая, несмотря на дипломатический нажим, добровольного согласия китайского правительства на торговлю опиумом, Англия вела широкую контрабандную торговлю этим продуктом, используя поддержку своего военного флота, сосредоточенного с 30-х годов в кантонских водах. Постоянные столкновения между китайскими властями и английскими контрабандистами переросли в настоящие военные действия со стороны Англии. Ее военное превосходство привело к подписанию 29 августа 1842 г. Нанкинского договора, первого неравноправного договора, навязанного иностранной державой Китаю. Для английской торговли открывался ряд портов и давались другие преимущества.

¹³ Подразумевается прошение, обращенное к богу в молитве «Отче наш», а именно: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь», т. е. просьба о ниспослании хлеба для пропитания.

¹⁴ Сирокко — жаркий, сухой ветер в Средиземноморье, губительный для растений и животных.

¹⁵ Это выражение из Евангелия от Матфея (VI, 13) содержится в молитве «Отче наш», употребляемой как заклинание.

¹⁶ *Грошн*, зильберггрошей — старая германская монета. Во времена Вейтлинга по монетному закону 1821 г. 30 зильберггрошенов составляли талер, который равнялся полутора русским рублям.

¹⁷ *Кнастер* — трубочный табак.

¹⁸ *Пфенниг* — мелкая германская монета, одна двенадцатая зильберггрошена (см. прим. 16).

¹⁹ Имеется в виду период после июльской революции 1830 г. во Франции, оказавшей огромное влияние на революционное и общественное движение всей Европы. Через месяц вспыхнула революция в Бельгии; осенью началось национально-освободительное польское революционное восстание; начало 1831 г. ознаменовалось восстаниями в ряде областей Италии; в Швейцарии прогрессивные силы одержали победу над силами аристократической и феодальной реакции; в Германии после 1830 г. наблюдалось, по выражению Ф. Энгельса, «всеобщее брожение»: здесь происходили революционные выступления в Саксонии, Брауншвейге, Гессен-Касселе, Ганновере, Баварии и других государствах; оживилось массовое движение за парламентскую реформу в Англии.

²⁰ Имеется в виду эпизод во время революционно-го выступления солдат в августе 1836 г. в загородной резиденции Ла Гранха, когда королева Мария-Христина была вынуждена восстановить конституцию 1812 года.

²¹ В то время, когда Вейтлинг готовил свою книгу, в Пруссии в 1840 г. на королевский престол взошел Фридрих-Вильгельм IV (1795—1861), который начал правление с нерешительного проведения некоторых либеральных реформ. Их и имеет в виду

Вейтлинг, когда ниже (стр. 387) скептически высказывается относительно политики этого короля. Вейтлинг, разумеется, еще не мог знать, что позднее, в период революции 1848 г., Фридрих-Вильгельм IV будет беспощадно подавлять всякое стремление к свободе и издаст реакционную конституцию, которая просуществовала до революции 1918 года.

²² Николай I (1796—1855), с 1825 г. русский император. Во главу угла своей политики ставил сохранение феодально-крепостнического строя и политического гнета и борьбу против нараставшей буржуазной революции; принес России той поры прозвище «жандарма Европы».

²³ После разгрома наполеоновской Франции, на Венском конгрессе в 1815 г. было решено вместо более чем трехсот отдельных немецких государств создать Германский союз, состоявший из 34 (у Вейтлинга, часто встречаемая в литературе неточная цифра 33) независимых государств и 4-х вольных городов.

²⁴ Гениальный немецкий ученый-энциклопедист Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646—1716) развил теорию «рационального арифметического языка»; в 1666 г. он выступил с диссертацией «Пазиграфия или искусство сноситься посредством письменных знаков со всеми народами на земле, говорящими на разных языках, если только они знают эти общие знаки». Лейбниц требовал от этого искусственного языка, построенного на математических знаках, наибольшей философичности. Слова должны были не только передавать идеи, но и делать наглядными их соотношения, т. е. давать возможность вывести их путем алгебраических превращений, а рассуждения заменять вычислениями.

^а Фридрих II, прозванный Великим (1712—1786), прусский король с 1740 г., стремясь к развитию промышленности и ремесел, привлекал в Пруссию иностранных мастеров. В частности, он использовал массовую эмиграцию из Франции протестантов-гугенотов. Эта эмиграция возобновилась после нанесшей удар веротерпимости отмены Людовиком XIV в 1685 г. Нантского эдикта, завершившего в 1598 г. религиозные войны.

²⁶ Французский король Людовик XIV (1638—1715), при котором укрепились централизация и провозгласил королевской власти и процветал культ «короля-солнца», вел на протяжении многих лет систематическую политику захвата немецких и других земель.

10 августа 1792 г. в результате восстания, возглавленного революционной Коммуной Парижа, был низложен Людовик XVI и установлена республика. Осень 1792 г. ознаменовалась крупными победами французской революционной армии над пруссаками и австрийцами (при Вальми, Жемаппе и др.).

²⁸ Луи Филипп (1773—1850) занял французский королевский трон в результате буржуазной революции 1830 года. В качестве ставленника финансистов и крупной буржуазии он в течение восемнадцати лет своего правления всячески избегал внешних потрясений, чтобы не вызвать обострения во внутривнутриполитической жизни страны.

²⁹ В 1815 г. в битве при Ватерлоо (18 июня) наполеоновская армия была окончательно разбита, и Наполеон взят англичанами в плен.

³⁰ Виктор Консидеран (1808—1893), ученик Фурье (см. прим. 53), а после его кончины глава школы фурьеристов. В 1830—1840 гг. руководил фурьеристскими журналами «Фаланстер», «Фаланга» и «Мирная демократия». Приводимое Вейтлингом в списке пространное изложение критического взгляда Консидерана на торговлю сделано по его сочинению «Destinee sociale» («Социальные судьбы»), написанному в 1834—1838 гг.

³¹ Базель, швейцарский город на стыке границ Швейцарии, Франции и Германии, расположенный на р. Рейн, является одним из старейших промышленных и торговых центров страны; экономически связан с прилегающими французскими и германскими областями. Упомянутый *Мюльхаузен* (Мюлуз), город во Франции в 35 километрах от Базеля.

³² Под *полицией нравов* подразумеваются не только имевшиеся в некоторых капиталистических странах органы государственного аппарата, призванные охранять нравственность населения и семейные устои ме-

тодами административного воздействия, но и участие буржуазной общественности в лицемерной и ханжеской борьбе за чистоту нравов при капиталистическом строе без того, чтобы изменить основы этого социального строя, по самой своей природе обуславливающего появление уголовных преступлений, пьянства, проституции и т. п.

³³ *Назарянин*, выходец из Назарета, согласно евангельской легенде — Иисус Христос, который будто бы родился и жил в Назарете. Некоторые ученые полагают, что Назарет (современный Эн-Назири) в I в. еще не существовал.

Говоря о возможном предубеждении против его труда, Вейтлинг прибегает к евангельскому выражению. В так называемом Святом благовестовании от Иоанна в ответ на утверждение: «Мы нашли того, о котором писали Моисей в законе и пророки, Иисуса, сына Иосифова из Назарета», высказывается вошедшее в поговорку сомнение: «Из Назарета может ли быть что доброе?» (Иоанн, I, 45, 46).

Заметим, что, несмотря на частое обращение к библейским и евангельским текстам, Вейтлинг иногда пренебрегал точностью в обозначении цитируемых высказываний «святых отцов»; в частности, это относится к делаемым им здесь ссылкам.

³⁴ С мечом и весами в руках и с повязкой на глазах, символизировавшей беспристрастность, обычно изображается древнегреческая богиня правосудия Фемида.

³⁵ *Легитимизм* (лат.), законность, подразумевается законность наследственной монархии, в данном случае — монархический строй.

³⁶ Роберт Оуэн (1771—1858), английский социалист-утопист, представлявший себе будущее рациональное общество в виде самоуправляющихся общин, построенных на принципе общности имущества, равноправия и коллективного труда. Управляя фабрикой в Нью-Ленарке, создал образцовое предприятие с сокращенным рабочим днем, удовлетворительной заработной платой и высокой производительностью труда. Благодаря его энергии и настойчивости в Англии в 1819 г. был принят первый закон, ограждавший рабо-

ту женщин и детей в промышленности. Основал в 1825 г. в США колонию «Нью-Гармони», впоследствии распавшуюся. Пропагандировал идею кооперативных товариществ, «трудовых денег», а также отстаивал дело создания профессионального объединения всех союзов рабочих Англии. Его основные произведения и их анализ см. в кн.: Роберт Оуэн. Избранные сочинения. Перевод с английского и комментарии С. А. Фейгиной. Вступительная статья В. П. Волгина, т. I—II. М.—Л., 1950.

Это утверждение Вейтлинга основано на недоумении. Система Фурье (см. прим. 53) не имела в виду никаких выборов и голосований, что соответствует вообще отрицательному отношению Фурье к политической борьбе. В предлагаемом им строе происходит естественное выдвигание авторитетных лиц, обладающих ценным опытом и знаниями—

³⁸ Вейтлинг передает рассказ, содержащийся в Евангелии от Матфея (XXI, 2, 3)

³⁹ Криспин, по преданию, знатный римлянин, который вместе с братом во время гонения на христиан бежал в Суассон. Здесь братья занялись башмачным ремеслом и из похищаемой кожи бесплатно шили обувь для бедняков. По приказу властей в 287 г. братья были брошены в котел с расплавленным оловом. Криспин был канонизирован и в качестве католического святого считается покровителем башмачного ремесла.

⁴ *Фронта* — движение французской знати против королевского абсолютизма в XVII в. В переносном смысле слова — интриги, несерьезная оппозиция.

⁴ *Залог*, вносимый издателями газет и журналов в капиталистических странах, является имущественным барьером против демократической печати. Характерно, например, что после буржуазной революции 1830 г. во Франции залог, введенный Наполеоном I, был сохранен, поскольку, как было заявлено одним из вождей буржуазии, этот залог «служит обеспечением, показывающим, что люди, основывающие газету, принадлежат к определенному классу общества», т. е. к богачам.

⁴² *Штемпельный сбор* (обложение денежной пошлиной каждого экземпляра газеты или журнала, в удостоверение чего на нем ставился штемпель), одна из форм борьбы буржуазии против сколько-нибудь массового распространения произведений передовой печати. Эта мера восполняла те уступки, которые правительствам приходилось делать свободе печатного слова. Так, в Англии после отмены цензуры в 1695 г., уже в 1714 г. был введен штемпельный сбор с периодических изданий. С развитием печати радикального направления сбор был повышен и таким образом стоимость газеты была увеличена до 35 коп. (по русским ценам того времени). Подобное обложение не только приносило доход государству, но и серьезно препятствовало развитию дешевой периодической печати. Когда появилось большое число брошюр для читателя из бедноты, правительство, чтобы стеснить издание этой литературы, провело в 1820 г. парламентским актом установление штемпельного сбора м с брошюр. Тем не менее, «контрабандное» распространение массовой литературы в связи с общественным подъемом 1830-х годов, и в особенности с чартистским движением, достигло огромного размаха (за 1831—1835 г. отмечено 728 случаев привлечения к ответственности за нарушение постановлений о штемпельном сборе и около 500 приговоров к тюремному заключению). В 1836 г. штемпельный сбор в Англии был понижен, а в 1855 г. совсем отменен. В Австрии же, где штемпельный сбор был введен во время войны против революционной Франции в 1792 г., он просуществовал дольше, до 1900 г.

⁴³ *Ипотечные книги* служат для отметок об ипотеках, т. е. сделках, основанных на залоге недвижимого имущества, принадлежавшего должнику. Заложное имущество остается у должника, хотя на него и налагается запрещение, отмечаемое в ипотечных книгах.

⁴⁴ *Дорожные книжки* (Wanderbücher) — форма расчетных и рабочих книжек, удостоверение, выдававшееся соответствующими властями; сюда последовательно вносились отметки о местах работы. В книжке обозначались имя и фамилия, год и место рождения, при-

меты рабочего и т. п. В Германии первоначально (с 1731 г.) *выдавались так называемые «Сведения»* (Kundschaften); в них указывался срок, проработанный у мастера, и содержался отзыв о поведении рабочего. Без такой справки предыдущего хозяина никто не имел права принять подмастерья на работу. Дорожные книжки, в которые постепенно преобразовались эти свидетельства, были введены в Баварии в 1818 г., а в Пруссии в 1834 г. Фабричные рабочие вскоре были освобождены от обязанности иметь дорожные книжки, а в 1845 г. они были отменены и для ремесленных подмастерьев.

⁴⁵ «Молодое поколение» — «Die Junge Generation», журнал, издававшийся Вейтлингом в Швейцарии. Подробнее о нем — в следующей главе (стр. 364—366). См. также статью «Жизнь и деятельность Вильгельма Вейтлинга», стр. 513—518.

⁴⁶ Франсуа Пьер Гийом Гизо (1787—1874), реакционный французский политический деятель и историк. В описываемое Вейтлингом время в качестве министра Луи Филиппа чинил препятствия распространению вейтлинговского журнала. В дальнейшем, с 1840 г. до революции 1848 г. возглавлял совет министров и руководил всей внешней и внутренней политикой Франции. По требованию прусского правительства в начале 1845 г. высылал из Парижа Карла Маркса. Не случайно К. Маркс и Ф. Энгельс назвали в 1847 г. в «Коммунистическом манифесте» имя Гизо в числе особенных врагов коммунизма наряду с главой европейской реакции Меттернихом, римским папой и русским царем.

⁴⁷ *Налог в пользу бедных* был введен в Англии в конце XVI в. Этим актом, как отметил К. Маркс, правительство королевы Елизаветы официально признало наличие массовой нищеты (см. К. Маркс. Капитал, т. I. М., 1955, стр. 726).

⁴⁸ *Работные дома*—учреждения общественной и государственной помощи бедным, уродливое порождение капиталистического строя, возникшие первоначально в Англии в начале XVIII в. Преследуя цели предоставления работы и одновременно борьбы с бродяж-

ничеством, работные дома по сути дела превратились в (род *тюрем с тяжёлым принудительным трудом*). В 1830-е годы перед ними официально была поставлена задача — отпугивать и заставлять искать средств для пропитания на фабриках, где существовала жесточайшая эксплуатация. Во времена Вейтлинга в соответствии с принятым незадолго до того в Англии законом о бедных (1834 г.) в работные дома принудительно помещали каждого, прибегавшего к общественной помощи. В Пруссии, несмотря на существование особых исправительных домов, в работные дома направлялись по судебному приговору.

В *домах призрения*, по существу мало отличавшихся от работных домов, трудоспособные помещались вперемежку с калеками и дряхлыми людьми.

⁴⁹ Церковные приходы, иа которые *возлагалось попечение* о бедных, развешивали в определенных местах, большей частью у церкви и часовен, кружки для денежных пожертвований в пользу бедных, а также назначали надзирателей, которые должны были пресекать профессиональное Нищенство.

⁵⁰ *Национальные мастерские* — форма общественных работ, организуемых государством в целях массового трудоустройства. В широких размерах они применялись во Франции во время революции 1789—1794 гг. и до нее. Опасения Вейтлинга относительно возможности вырождения этого начинания в «новомодные каторжные тюрьмы» в известной степени оправдались: после французской революции 1848 г. буржуазное временное правительство, чтобы скомпрометировать выдвигавшуюся Луи Бланом идею «организации труда», занимало людей, как писал Маркс, «на скучных, однообразных, непродуманных *земляных работах...*» (К. Маркс. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 24) при ничтожной оплате. «*Английские работные дома под открытым небом* — вот чем были эти национальные мастерские», — заключал К. Маркс (там же).

⁵¹ Под *двумя революциями* Вейтлинг подразумевает Великую французскую буржуазную революцию

1789—1794 гг. и июльскую революцию во Франции 1830 года.

⁵² *Исправительный дом* — разновидность тюрьмы с трудовым режимом.

⁵³ Шарль Фурье (1772—11837) — один из трех «великих утопистов», выступил сторонником преобразования человеческого общества путем создания ассоциаций — производственно-потребительских товариществ, которым он дал название фаланг. Основой нового строя Фурье, исходя из теории страстей как выражения воли бога в человеке, считал создание условий, при которых свободное удовлетворение страстей обеспечивало бы гармоническое сочетание индивидов и в результате дальнейший небывалый всесторонний прогресс.

Делаемые здесь Вейтлингом критические замечания вполне справедливы. Хотя крупные взносы капиталистов приносят в фаланге меньший доход, чем два других элемента — труд и талант, тем не менее распределение продукта общественного труда в фаланге закрепляет сохраняющееся в ней классовое деление.

Вейтлинг допускает неточность, говоря, что ассоциация Фурье называет себя ассоциацией Гармонии. У Фурье такого термина нет: он говорит о строе Гармонии или строе ассоциаций.

⁶⁴ В 7808 г. вышло в свет главное произведение Шарля Фурье «Теория четырех движений». Отрывки см. в кн.: Шарль Фурье. Избранные сочинения. Перевод и примечания И. И. Зильберфарба. Вступительная статья В. П. Волгина. М.—Л., 1951.

⁵⁵ Обращаясь к мужам *социальной школы*, Вейтлинг имеет в виду учеников и последователей Фурье. Они, однако, именovali себя не социальной школой, как ошибочно иногда писали, а социэтарной.

⁵⁶ *Фаланстер* — огромный выстроенный среди полей и лесов дворец, в котором живут все члены фаланги (1600—2000 человек). В нем расположены жилые помещения, мастерские, все общественные учреждения (столовая, библиотека, театр, храм, телеграф и т. д.), большие залы для собраний; сельскохозяйственные предприятия фаланги расположены рядом с фалансте-

ром. Упрек Вейтлинга относительно желания Фурье привлечь в фаланстер денежных людей, несоблюден: богач в самом деле оказывается здесь в несколько привилегированных условиях; например, каждый занимает в фаланстере помещение сообразно своим средствам и, питаясь в общей столовой, получает пищу тоже смотря по средствам (впрочем, системы наличного денежного расчета здесь нет). Фурье предполагал, что богачи заразятся трудовым энтузиазмом всех членов фаланги и таким образом вовлекутся в процесс труда, ставшего наслаждением.

" И о с и ф II (1741—1790) — австрийский король, выдающийся представитель «просвещенного абсолютизма». При нем было отменено крепостное право, осуществлены централизация управления, ограничение могущества монастырей; церковь и школа были подчинены государству; изданный Иосифом II закон о веротерпимости, на деле, впрочем, не означал свободы вероисповеданий. В целях развития промышленности и торговли Иосиф II поощрял устройство мануфактур, создавал государственные промышленные предприятия, устанавливал поощрительные тарифы. В его правление были улучшены пути сообщения и почтовая связь и принимались меры к оздоровлению монетной системы.

⁵⁸ О Фридрихе-Вильгельме IV см. прим. 21.

⁵⁹ Французский профессор Луи Молль (1809—1880), автор ряда книг по земледелию, животноводству и экономике сельского хозяйства, опубликовал в 1834—1838 гг. результаты произведенных им обследований некоторых северных департаментов Франции.

⁶⁰ В Гамбахском замке (Баварский Пфальц) 27 мая 1832 г. состоялась политическая демонстрация, собравшая около 30 тыс. участников. Были водружены знамя буршенштафта — символ объединения Германии, и польское — в знак солидарности с польским народом, угнетаемым русским царизмом. Гамбахский праздник явился одним из проявлений подъема национально-либерального движения в Германии в начале 30-х годов XIX в. При всем радикализме произносившихся

здесь речей они отражали слабость этого движения, его отдаленность от народных масс, их нужд и задач; политические лозунги не были дополнены лозунгами социального характера.

⁶¹ Установлением государственной монополии на почту (в крупнейших государствах Европы в XVIII в.) почтовая связь была передана из частных рук в руки правительств. Монополия на торговлю табаком, как правило, сохраняет производство табака и изделий из него за частными предпринимателями и является не чем иным, как косвенным налогом, уплачиваемым покупателем табачных изделий. В целом государственные монополии в качестве меры, ограждающей население от произвола фабрикантов и купцов, рассматривались как прогрессивное мероприятие, а иными мелкобуржуазными авторами — чуть ли не как элемент социализма, поскольку речь шла об обращении средств производства в государственную собственность.

⁶² *Толерантность* (лат.) — терпимость к чужим мнениям или верованиям.

⁶³ О событиях в Лейпциге в 1830 г. и об участии в них Вейтлинга см. в статье «Жизнь и деятельность Вильгельма Вейтлинга», стр. 500.

⁶⁴ Томас Мор (1478—1535) — английский утопист, название произведения которого — «Утопия» — дало название утопическому социализму (см. Томас Мор. Утопия. Перевод с латинского и комментарии А. И. Малеина. Вступительная статья В. П. Волгина, послесловие «Томас Мор» Ф. А. Петровского. 2 изд. М. — Л., 1953).

⁶⁵ В период осуществления Робертом Оуэном (см. прим. 36) его нью-ленаркского опыта он уделял большое внимание перевоспитанию рабочих. Одной из важнейших мер в этой области явился отказ от всего, что носило характер устрашения и наказания, отказ от привлечения к судебной ответственности даже за воровство. Оуэн считал необходимым по возможности избегать выговоров и замечаний. Им широко были использованы методы предупреждения, а также соревнования.

⁶⁶ Грахх (Франсуа Ноэль) Бабеф (1760—1797) — французский революционер, мыслитель, выдающийся предшественник научного коммунизма. Возглавил в 1796 г. коммунистическое движение, но организованный им и его друзьями «заговор равных» оказался раскрыт, и Бабеф был казнен.

⁶⁷ Этьен Кабе (1788—1856) — французский социалист-утопист, участник июльской революции 1830 г. В период работы Вейтлинга над «Гарантиями гармонии и свободы» в 1840 г. появилось основное сочинение Кабе «Путешествие в Икарию». В этом романе Кабе описал проповедуемый им коммунистический строй. По словам Ф. Энгельса, «Путешествие в Икарию» было «священной книгой» для многих ремесленников и рабочих последователей Кабе. Созданная им почти одновременно с Вейтлингом в США (в Техасе) община распалась, как и другие подобные предприятия, являвшиеся чужеродным телом в капиталистической стране (см. Этьен Кабе. Путешествие в Икарию. Перевод с французского Э. Л. Гуревич. Комментарий Э. Л. Гуревича и Ф. Б. Шуваевой. Вступительная статья В. П. Волгина. М. — Л., 1948).

⁶⁸ Луи Гессберг — автор книжки-воззвания об основании христианской общины, которая должна руководствоваться примером жизни Иисуса Христа и действовать, как формулировал Гессберг, в целях выполнения закона, гласящего «примирение людей с богом». В рукописи произведение появилось в Касселе (во времена Вейтлинга — главный город Гессен-Кассельского курфюршества) в августе 1838 г., отпечатана там же к рождеству 1840 г.

⁶⁹ Арман Барбес (1809—1870) — французский мелкобуржуазный революционер-демократ. Вместе с О. Бланки возглавил в 1830-х годах тайные республиканские общества «Семей» и «Времена года». Вейтлинг упоминает героизм Барбеса во время восстания в Париже 12 мая 1839 г.; после поражения этого восстания Барбес был приговорен к пожизненному заключению, но освобожден во время революции 1848 года.

⁷⁰ В III в. до н. э. цари Спарты Агис IV, а после него Клеомен III выступили с проектами социальных реформ. Эти цари-реформаторы возглавили движение беднейших слоев свободного населения против сосредоточения больших земельных владений в руках кучки олигархов. Движение носило своеобразный эгалитарный характер, преследуя уравнилельские цели в рамках сословия привилегированных, а затем отдельно внутри непривилегированных. В этих условиях даже такая радикальная мера, как обобществление имуществ, проведенное Клеоменом (в 227 г.), разумеется, отнюдь не означала ликвидации рабовладельческого строя.

⁷¹ Александр Македонский (356—323)—с 336 г. царь Македонии, крупнейший полководец древнего мира и завоеватель.

⁷² Согласно евангельской легенде, апостол Павел, которого тогда еще звали Савлом (Саулом), был яростным противником признания Иисуса мессией, но впоследствии сделался одним из наиболее ревностных проповедников его учения.

⁷³ Литературный образ заимствован Вейтлингом из Первого Послания Павла к коринфянам (XIII, 1): «Если я говорю языком человеческим и ангельским, а любви не имею, то я—медь звенящая, или кимвал звучащий». Кимвал—один из древнейших музыкальных инструментов—медные тарелки.

⁷⁴ Маммона, см. прим. 1.

⁷⁵ Шелисите Робер Ламенне (1782—1854) — вначале реакционер, дворянин, принявший сан священника, но изменивший свои взгляды после июльской революции 1830 г., когда и стал одним из основоположников так называемого христианского социализма. Упомянув в своем «Человечестве» ироническое отношение Ламенне к возможности равного распределения благ в условиях капиталистического общества, Вейтлинг имеет в виду его книгу «Слова верующего» («Paroles du croyant»), в которой остро критикуются социально-экономические отношения, обрекающие народные массы на голод и страдания. Эта книга, вышедшая в 1834 г., была сразу переведена поэтом

Людвигом Берне на немецкий язык и в период, когда Вейтлинг поселился в Париже, была весьма популярна среди всех живших здесь немецких рабочих.

⁷⁶ Национальные мастерские, см. прим. 50.

⁷⁷ Вейтлинг несколько преувеличивает коммунистический характер ранних христианских общин. Их коммунизм был по преимуществу потребительским. Строгая верность коммунистическим чертам христианского учения была нарушена очень рано, и уже в III в. в общины входили довольно состоятельные люди. Христианство было разделено на большое число сект, враждовавших между собой. Константин, римский император (с 323 г.), покровительствовал христианству, которое из религии равноправной с другими превратилось при Константине в государственное вероучение. «Честолюбивый Константин», отмечал Энгельс,—увидел в принятии этой бессмысленной религии—лучшее средство для того, чтобы возвыситься. До положения самодержца римского мира» (Ф. Энгельс. Бруно Бауэр и первоначальное христианство. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 19, стр. 307). Из религии угнетенных, каким оно являлось в I в. и начале II в., христианство окончательно превратилось в религию угнетателей, освящающую всякий гнет и эксплуатацию.

⁷⁸ Выше (прим. 33) уже отмечалось, что Вейтлинг не слишком внимателен в своих ссылках на церковные книги; в данном случае рассказ о том, что виновных, нарушивших этот закон, «поставили перед апостолами, и они, помолившись, возложили на них руки», т. е. убили их,—содержится не в 5, а в 6 стихе главы шестой «Деяний апостолов».

⁷⁹ Древние авторы сообщают, что в целях сохранения экономического равенства в Спарте (см. прим. 4 и 70) меновой единицей продолжали служить железные деньги (в форме стержней) даже, когда в соседних государствах уже находилась в обращении серебряная монета. Железные деньги в Спарте изготовлялись хрупкими и ломкими, чтобы не было желания копить этот металл. Приводимые Вейтлингом сведения о том, что спартанцы предварительно охлаждали, т. е.

закаляли железо в уксусе, сообщались в частности Плутархом («Ликург и Нума»). Видимо, у Плутарха же и Ксенофонта («Лакедемонская глотития») Вейтлинг почерпнул сведения и о больших размерах этих денег, для перевозки которых даже не на слишком крупную сумму требовалась целая телега.

⁸⁰ Август (63 до н. э.— 14 н. э.) — с 27 г. до н. э. первый римский император.

⁸¹ Александр, см. прим. 71.

⁸² Гай Юлий Цезарь (102—44) — знаменитый древнеримский полководец и государственный деятель.

⁸³ Гай Цильний Меценат (ок. 64—8) — древнеримский политический деятель и писатель времен императора Августа и один из его советников. Имя Мецената стало нарицательным благодаря его покровительству поэтам (Вергилию, Горацию, Проперцию и др.).

⁸⁴ Агриппа (ок. 63—12) — римский государственный деятель и выдающийся полководец; с его именем связана постройка водопровода в Риме и других крупнейших сооружений; был близким другом императора Августа.

⁸⁵ Под крестьянином, которому Швейцария обязана своей свободой, Вейтлинг подразумевает легендарного меткого стрелка, простого крестьянина Вильгельма Телля, с именем которого предание связывает начало решительной освободительной борьбы швейцарского народа в XIV в. против владычества империи Габсбургов.

⁸⁶ На представления Вейтлинга о Спарте, к истории которой он обращается неоднократно (см. прим. 4, 70 и 79), несомненно оказалась влияние легенда о законодателе Ликурге, который в IX—VIII вв. до н. э., по преданию, основал идеальный строй Спарты, опиравшийся на всеобщее (за исключением рабов) равенство, при котором все свободные граждане этого рабовладельческого города-государства были наделены равными и неотчуждаемыми участками земли. По достоинству оценивая подобную однобокую демократию, Вейтлинг в определении периода ее существования (500 лет) исходит из данных той же легенды.

⁸⁷ *Шестнадцатый век* ознаменовался в истории Германии, а также многих других стран Европы (Англии, Франции, Нидерландов, Швейцарии, Австрии, Чехии, Венгрии, Польши и Скандинавских стран), широким движением против власти папы и католической церкви, вошедшим в историю под именем реформации. Сторонники церковной реформации отвергали главенство римского папы, отрицали монашество и ряд основных догматов католической церкви. Идея демократизации религиозного учения и церкви как организации (ликвидация пышного богослужения, почитания святых, икон и т. д.) отражала процесс разложения феодализма и зарождения капиталистических отношений. Под лозунгами реформации проходили такие серьезные классовые столкновения, как разразившаяся в начале XVI в. в Германии Великая крестьянская война, нидерландская буржуазная революция XVI в., английская буржуазная революция XVII в. и др.

⁸⁸ Томас Мюнцер (1490—1525) — немецкий священник, один из вождей Великой крестьянской войны; отвергал значение Библии и признавал единственным источником веры внутреннее откровение. Он требовал полного уничтожения власти духовенства и князей, конфискации их земель и организации общественного *строга на основе общности имущества*. Его проповедь имела огромный успех и помогла собрать большое крестьянское войско. Однако деревенская раздробленность, недостаток в вооружении и предводителях, измена рыцарства привели к поражению крестьянского восстания.

Сообщаемые Вейтлингом сведения о последнем сражении войска Мюнцера и поведении Мюнцера неверны. В крестьянском лагере Мюнцера, занявшем высоты у Франкенгаузена, насчитывалось не 30, а 8 тыс. человек. Лагерь был окружен сильной княжеской конницей. Мюнцер выступил с речью, чтобы воодушевить массу. Появившаяся в это время на небе радуга, изображение которой имелось и на знамени Мюнцера, была использована им в обращении к крестьянам как доброе предзнаменование божьей помощи. Вероломное

нападение, несмотря на перемирие, заключенное за несколько дней перед тем, принесло более многочисленным и отлично вооруженным княжеским войскам победу. 5 тыс. крестьян были убиты на месте. Раненый Мюнцер попал в плен, был подвергнут жестоким пыткам и издевательствам. Он остался тверд в своих убеждениях и стойко встретил смерть.

⁸⁹ Ян Лейденский (1510—1536) — портняжный подмастерье из нидерландского города Лейдена, вождь анабаптистов (перекрещенцев), религиозной секты городских низов, создавших в 1534 г. коммуна в Мюнстере (Вестфалия), явившуюся отголоском Великой крестьянской войны 1524—1526 гг. В духе Ветхого завета Мюнстер был переименован в Новый Иерусалим, а Ян Лейденский провозглашен «царем Нового Израиля». Мюнстерский совет при участии Яна Лейденского руководил преобразованиями уравнилельского характера: было произведено частичное перераспределение продуктов потребления, деньги были конфискованы и применялись только для расчетов с внешним миром и т. д. Когда в итоге 16-месячной героической обороны мюнстерцев, возглавляемых их талантливым руководителем, город все же пал под напором объединенных сил феодальной Германии, Ян Лейденский после мужественно перенесенных изощренных пыток был казнен.

Упрек Вейтлинга по его адресу является незаслуженным.

³⁰ Швабия и Франкония вместе с Тюрингией — Саксонией составляли три основных района, где развернулись события Великой крестьянской войны. Движением были охвачены на востоке области, объединяемые Вейтлингом под понятием Австрия: Верхняя Австрия, Штирия, Каринтия и Крайна, а также Тироль и на западе Эльзас. В восточных районах борьба продолжалась еще в течение года после подавления основных сил повстанцев в более западных землях.

⁹¹ Не называемый Вейтлингом по имени саксонский священник — Мартин Лютер (1483—1546), крупнейший церковный реформатор в Германии, профессор богословия Виттенбергского университета, где

выступил в 1517 г. с протестом против торговли представителя папы индульгенциями (отпущением грехов). Лютер дал толчок движению, которое началось до него, а теперь охватило все классы Германии. Как представитель буржуазно-реформистского течения Лютер призывал на борьбу со светскими и духовными князьями, но позднее (в 1522 г.) изменил своим союзникам — крестьянству и низшему дворянству. Если вначале Лютер, беря под защиту восставших крестьян, писал: «Против вас, господа, восстали не крестьяне, а сам бог», то, когда крестьянско-ая война приобрела широкий размах, он уже призывал душить крестьян, «как бешеных собак».

Вейтлинг ошибается, когда говорит о десяти *статьях*. Крестьянской программой являлись так называемые «Двенадцать статей», принятые в марте 1525 г. на съезде руководителей шести швабских отрядов восставших крестьян. Крестьяне требовали отмены личного крепостного права, возвращения отнятых у них общинных земель, ограничения барщины, штрафов и оброков и т. д. Будучи важным антифеодальным документом, «Двенадцать статей» носили умеренный характер, чем отличались от выработанного несколько ранее «Письма-тезисов» Томаса Мюнцера, где содержалась четкая тактическая программа движения крестьян и городских низов. В частности, здесь отвергались всякие сделки с феодалами. Все земли князей, рыцарей и духовенства должны были перейти к общинам.

⁹³ Саксонский город Виттенберг, где в университете в 1517 г. выступил со своими антипапскими тезисами Мартин Лютер, был оплотом лютеранской реформации. Рим известен как цитадель папства и католической церкви. Вейтлинг с одинаковым негодованием говорит о «мужах Виттенберга и Рима» — главе римско-католической церкви, папе и о Лютере, выступившем против нее, но впоследствии изменившим делу восставших народных масс.

ИЗДАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ВЕЙТЛИНГА

Die Menschheit, wie sie ist und wie sie sein sollte. Paris, 1838.

2 Aufl. Bern, 1845.

3 Aufl. Bern, 1847.

— New York, 1854.

— Munchen, 1895 (Nebst Anh.: Nachtrag zu: das Evangelium eines armen Sunders).

— Munchen, 1919. Сокращенное издание.

Рус. пер.: Вильгельм Вейтлинг. Человечество, каково оно есть и каким оно должно быть. Пер. с предисл. Г. С. Чернявского. «Просвещение». СПб. [1906]. Переиздания: Пг., 1918, 1919.

Garantien der Harmonie und Freiheit. Vivis, 1842.

2 Aufl. Vivis, 1845.

3 Aufl. Hamburg, 1849.

— U. d. T.: Des seligen Schneiders Weitling Lehre von Sozialismus und Communismus. New York, 1879.

Jubilaumsausg. Hrsg. v. F. Mehring. Berlin, 1908.

— Hrsg. v. B. Kaufhold. Berlin, 1955.

Das Evangelium der armen Sunder. Bern, 1844.

2 Aufl. Birsfeld, 1846.

3 Aufl. New York, 1847.

4 Aufl. New York, 1854.

Neue Ausg. Munchen, 1894.

— Munchen, 1897.

Рус. пер.: Вильгельм Вейтлинг. Евангелие бедного грешника. Пер. А. Ц-на. «Мысль». Лейпциг — СПб., 1907, 88 с.

Der Kommunismus und die liberalen Bestrebungen unserer Zeit «Das Vaterland», Darmstadt, 1843, Oktober 3, 4, N 234, 235.

Kerkerpoesien. Hamburg, 1844, 78 S.

Briefe an die Landsleute, o. O., 1847.

Ein Notruf an die Manner der Arbeit und der Sorge. New York, 1847, 1848, 1854.

Der Katechismus der Arbeiter. New York, 1854. 126 S.

Gerechtigkeit. Ein Studium in 500 Tagen. Bilder der Wirklichkeit u. Betrachtungen des Gefangenen. Erstausg. von E. Barnikol. Kiel, Miühlau, 1929. 379 S. (Christentum und Sozialismus. II).

Klassifikation des Universums. Eine friihsozialistische Weltanschauung. Nebst Anhangen Weitlings «Adressbuch» und Hamburger Versammlungsreden 1848—49. Erstausg. von E. Barnikol. Kiel, 1931. 61 S. (Christentum und Sozialismus. III).

Theorie des Weltsystems. Erstausg. von E. Barnikol. Kiel, 1931. 24 S. (Christentum und Sozialismus. IV).

Der bewegende Urstoff in seinen Kosmo-elektro-magnetischen Wirkungen. Ein Bild des Weltalls... Erstausg. von E. Barnikol. Kiel, 1931. 26 S. (Christentum und Sozialismus. V).

Журналы, издававшиеся Вейтлингом

«Der Hilferuf der deutschen Jugend». Monatsschrift. Hrsg. von W. Weitling. Genf, Bern, 1841, Nrn. 1—4.

«Die junge Generation». Monatsschrift. Hrsg. von W. Weitling. Erschien nach einander in Bern, Vevey, Langenthal. 1842—1843.

«Der Urwiihler», Wochenschrift. Berlin, 1848, Nrn. 1—4.

«Die Republik der Arbeiter», Jg. I—IV. New York, 1850—1854.

ЛИТЕРАТУРА О ВЕЙТЛИНГЕ

- Маркс К. Письмо к Руге. Крейцнах, сентябрь 1843 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 378—381.
- Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. Предисловие. К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 520.
- Энгельс Ф. «Тайме» о немецком коммунизме. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. II, стр. 412—413.
- Маркс К. Критические заметки к статье «Пруссак» «Король Прусский и социальная реформа». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. II, стр. 443—444.
- Энгельс Ф. Успехи движения за социальное преобразование на континенте. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 535—537.
- Энгельс Ф. Быстрые успехи коммунизма в Германии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 524—525.
- Энгельс Ф. Введение и заключение к «Отрывку из Фурье о торговле». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 581—582.
- Энгельс Ф. Празднество наций в Лондоне. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 596—598.
- Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 194, 214, 463.
- Маркс К. и Энгельс Ф. Циркуляр против Крите. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 1.
- Энгельс Ф. Письмо Брюссельскому коммунистическому комитету сношений. Париж, 19 августа 1846 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, стр. 27, 29.
- Энгельс Ф. Письмо Брюссельскому коммунистическому комитету сношений. Париж, 23 октября 1846 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, стр. 51.
- Энгельс Ф. Письмо К. Марксу. [Париж, середина октября 1846 г.]. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, стр. 46.
- Энгельс Ф. Письмо К. Марксу. [Париж, конец декабря 1846 г.]. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, стр. 57.
- Маркс К. Заработная плата. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, стр. 589.
- Маркс К. и Энгельс Ф. Редакционное примечание, ст. И. Г. Эккариуса «Портняжное дело в Лондоне, /или борьба крупного и мелкого капитала». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 440.
- Маркс К. Письмо Ф. Энгельсу. 15 апреля 1851 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, стр. 190.
- Маркс К. Письмо Иосифу Вейдемейеру в Нью-Йорк. [Лондон], 19 декабря 1851 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXV, стр. 116.
- Маркс К. Письмо Иосифу Вейдемейеру в Нью-Йорк. Лондон, 25 марта 1852 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXV, стр. 149.
- Энгельс Ф. Письмо Иосифу Вейдемейеру в Нью-Йорк. Манчестер, 11 июня 1852 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXV, стр. 158—159.
- Маркс К. Письмо Ф. Энгельсу. Лондон, 29 января 1853 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, стр. 456.
- Маркс К. Письмо Ф. Энгельсу. 22 марта 1853 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, стр. 473.
- Энгельс Ф. Письмо К. Марксу. Манчестер, 6 июня 1853 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, стр. 495.
- Маркс К. Письмо Ф. Энгельсу. 29 июня 1853 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, стр. 503.
- Маркс К. Письмо Фердинанду Лассалу в Берлин. Манчестер, 3 марта 1860 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXV, стр. 330.
- Маркс К. Господин Фогт.— IV. Письмо Техова. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 14, стр. 450.
- Энгельс Ф. Анти-Дюринг. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 19, 207, 314.

- Маркс К. Письмо Ф. А. Зорге в Хобокен. Лондон, 19 сентября 1879 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 62.
- Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 201.
- Энгельс Ф. Письмо Э. Бернштейну в Цюрих. Лондон, 25 октября 1881 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 157.
- Энгельс Ф. Письмо К. Марксу. Лондон, 22 декабря 1882 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 605.
- Энгельс Ф. Маркс и Родбертус. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 181.
- Энгельс Ф. К истории Союза коммунистов. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 217—220, 222, 231.
- Энгельс Ф. Предисловие к английскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1888 года. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 367.
- Энгельс Ф. Письмо Августу Бебелю в Берлин. Лондон, 25 октября 1888 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVIII, стр. 60—62.
- Энгельс Ф. Письмо Филиппо Турати в Рим. Лондон, 6 февраля 1892 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIX, стр. 16—17.
- Ленин В. И. Поятное направление в русской социал-демократии. Поли. собр. соч., т. 4, стр. 268.
- Ленин В. И. Что делать? Поли. собр. соч., т. 6, стр. 39.
- Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1960, стр. 272, 302—304.
- Бах И. А. Новые данные о пребывании Маркса и Энгельса в Англии в 1845 г. «Из истории социально-политических идей». Сборник, посвященный 75-летию академика В. П. Волгина. М., 1955, стр. 479, 482.
- Бах И. А. О связях Маркса и Энгельса в Англии в 1843—1845 годах. «Из истории формирования и развития марксизма». М., 1959, стр. 86—113.
- Бер М. Всеобщая история социализма. Л., 1923.
- Бобков А. М. К истории раскола Союза отверженных в 1836—1837 годах. «Новая и новейшая история», 1959, № 5, стр. 92—109.
- Величкина (Бонч-Бруевич) В. М. Борьба за свободу Вильгельм Вейтлинг, 4-е изд. М., 1922, 16 стр.
- Волгин В. П. Социализм и эгалитаризм. В кн.: В. П. Волгин. Очерки по истории социализма, 4-е изд. М.—Л., 1935.
- Волгин В. П. Французский утопический коммунизм. М., 1960.
- Гейне Г. Письма, ч. II (1843—1856). В кн.: Генрих Гейне. Полное собрание сочинений в двенадцати томах. Под общ. ред. Н. Я. Берковского, П. С. Виноградской и И. К. Луппола. Изд. «Academia». Т. XII ч. 2. М.—Л., 1936.
- Гейне Г. Признания. В кн.: Генрих Гейне. Полное собрание сочинений в двенадцати томах. Под общ. ред. Н. Я. Берковского и И. К. Луппола. Изд. «Academia», т. X. Л., 1937; т. XII. Л., 1938.
- Калер Эм. Вильгельм Вейтлинг. Его жизнь и учение. К истории коммунистических теорий. Пер. с нем. Пг., 1918.
- Кандель Е. Маркс и Энгельс — организаторы Союза коммунистов. М., 1953.
- Меринг Ф. История германской социал-демократии, т. I. М., 1923.
- Меринг Ф. Карл Маркс. История его жизни. М., 1957.
- Михайлов М. И. Союз коммунистов — первая международная организация пролетариата. М., 1960.
- Рязанов Д. Б. Очерки по истории марксизма, т. I—П. М., 1928.
- Рязанов Д. Б. Маркс и Энгельс, 3-е изд. М.—Л., 1931.
- Шиллер Ф. П. Маркс и Вейтлинг. «На боевом посту». Сборник к шестидесятилетию Д. Б. Рязанова. М., 1930, стр. 473—497.
- Шиллер Ф. П. Новые материалы о Вейтлинге. Архив Маркса и Энгельса. Под ред. Д. Б. Рязанова, кн. V. М.—Л., 1930, стр. 464—477.

- Adler G. Die Geschichte der ersten sozial-politischen Arbeiterbewegung in Deutschland mit besonderer Rücksicht auf die einwirkenden Theorien. Ein Beitrag zur Entwicklungsgeschichte der sozialen Frage. Breslau, 1929.
- Barnikol E. Weitling, der Gefangene und seine «Gerechtigkeit». Eine kritische Untersuchung über Werk und Wesen des friihsozialistischen Messias unter Widerdruck der «Kerkerpoesien» von 1844. Kiel, 1929. 280 S. (Christentum und Sozialismus. 1).
- Bauer Br. Vollständige Geschichte der Parteikämpfe in Deutschland während der Jahre 1842—1846. Bd 3. Charlottenburg, 1847, S. 30—64.
- Bluntschli J. C. Cm. Kommissalbericht...
- Brettscheider W. Weitling und Born, der Prophet und der Organisator des deutschen Friihsozialismus. «Geschichte in Wissenschaft und Unterricht», Stuttgart, 1955, 6 Jg., S. 568-579.
- Brügel F. Der wiederentdeckte Weitling (in Barnikols Sammlung «Christentum u. Sozialismus». Kiel, 1929). «Kampf», Wien, 1932, № 6—7, S. 289—296.
- Brugger O. Geschichte der deutschen Handwerkervereine in der Schweiz 1836—1843. Die Wirksamkeit Weitlings (1841—1843). Bern, 1932. 209 S. (*Berner Untersuchn. z. allg. Gesch.* 3).
- Buddensieg H. Die Kultur des deutschen Proletariates im Zeitalter des Fruhkapitalismus und ihre Bedeutung für die Kulturidee des Sozialismus... Lauenburg, Saal. 1923.
- Buddensieg H. Weitlings Sprache als Spiegel seiner Welteinstellung. Phil. Diss. Heidelberg, 1923.
- Buddensieg H. Wilhelm Weitling und der friihe deutsche Sozialismus. Heidelberg [1934].
- Caille F. W. Weitling. Theoricien du communisme (1808—1870). Diss. Paris, 1905.
- Clark F. C. A neglected socialist, W. Weitling. «Annals of the American Acad. of Polit. and Soc. Sciences», New York, 1895, v. 5, N 5, p. 718—739.
- Conrady A. Weitlings politische Wandlungen. «Neue Zeit», Berlin, 1919, 37 Jg., Bd. 2, N 1, S. 10—18.
- Closs A. Gesammelte Aufsätze. «Amerika», Heft 1 u 2, 1850—1851. Richmond, 1853.
- Grimm M. Die Entwicklung der sozialistischen Ideen in der Schweiz. Zurich, 1931.
- Hess M. Briefwechsel. Hrsg. von E. Silberner. Unter dem Mitwirk. von W. Blumenberg. Mouton, Gravenhage, 1959, 678 S.
- Hildebrand. Nationalökonomie der Gegenwart und Zukunft. Bd I. Frankfurt a. M., 1848, S. 118—119, 121—122, 128—129, 133—138 u. a.
- Hofmann Fr. Pädagogische Gedanken in Wilhelm Weitlings «Garantien der Harmonie und Freiheit». «Pädagogik Beiträge zur Erziehungswissenschaft», Berlin, 1956, 11 Jg., S. 94-103.
- Joho W. Wilhelm Weitling. Der Ideengehalt seiner Schriften entwickelt aus der geschichtlichen Zusammenhangen. Wertheim a. M., 1932. (Heidelberg Diss.).
- Joho W. Traum von der Gerechtigkeit; die Lebensgeschichte des Handwerksesellen, Rebellen und Propheten Wilhelm Weitling. Berlin, 1956.
- KestenberG. Weitling. «Deutsche Worte». Wien, 1901, S. 324—335.
- Kommissalbericht an die Regierung des Staates Zurich über die Kommunisten in der Schweiz. Nach den bei Weitling vorgefundenen Papieren. (Von Bluntschli u. Hottinger). Zurich, 1843. 130 S.—Перевод на французский язык издан в Лозанне в 1843 г.
- Kowalski W. Die Schweizer Weitling-Zeitschriften und die Weitling-Forschung. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», Berlin, 1958, 6 Jg., S. 824—841.
- Mielcke K. Deutscher Friihsozialismus. Gesellschaft und Geschichte in den Schriften von Weitling und Hess. Stuttgart und Berlin, 1931.
- Miickle Fr. Geschichte der sozialistischen Ideen im 19. Jahrhundert. Erster Teil. Leipzig, 1909.
- Nellau M. Londoner deutsche kommunistische Diskussionen 1845. «Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung». Hrsg. v. Karl Griinberg. («Griinberg — Archiv»). 10 Jg. Leipzig, 1922, S. 362—391.

- Obermann K. Die deutschen Arbeiter in der ersten bürgerlichen Revolution. Dietz Verlag. Berlin, 1950.
- Preuss W. Wilhelm Weitling. Der erste deutsche Sozialist. Wedel in Holstein, 1946.
- Ramm Th. Die Grossen Sozialisten als Rechts- und Sozialphilosophen, Bd I. Stuttgart, 1955.
- Reichenau Ch. v. Wilhelm Weitling. «Schmollers Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reiche», München, 1925, 49 Jg., N 2, S. 21—56.
- Ruge A. Briefwechsel und Tagebuchblätter aus den Jahren 1825—1880. Hrsg. von P. Nerrlich, Bd I. (1825—1847). Berlin, 1886.
- Schliiter H. Die Anfänge der deutschen Arbeiterbewegung in Amerika. Stuttgart, 1907, S. 49—127.
- Seidel — Hoppner W. Wilhelm Weitling — der erste deutsche Theoretiker und Agitator des Kommunismus- Berlin, 1961.
- Seiler S. Der Schrifsteller Wilhelm Weitling und der Kommunistenlarm in Zurich. Eine Verteidigungsschrift, die bereits gesetzt, aber vom Walliser Staatsrath unterdrückt, jetzt hier dem Publikum geboten wird. Bern, 1843.
- Wermuth und Stieber. Die Kommunistenverschwörungen des 19. Jahrhunderts, t. 1—2. Berlin, 1853 (имеется раздел «Der Schneider Weitling»).
- Weitling in den Geheimakten. Von W. A. H.—«Internationale», 1931, v. 14, N 1, S. 44—48; N 2, S. 85—89; N 3, S. 133—136.
- Wilhelm Weitling und sein System in «Die Zukunft».—«Sozialistische Revue», Berlin, 1877/78, I Jg. (einz.)
- Wittke C The Utopian Communist; a biography of Wilhelm Weitling, nineteenth-century reformer. Louisiana State University Press. Baton Rouge, 1950.
- Young Germany. An account of the rise, progress and present position of German communism; with a memoir of W. Weitling, its founder and a Report of the proceedings at the banquet given by the English socialists in the John Street Institution. London, 22 Sept. 1844. London, 1844.